

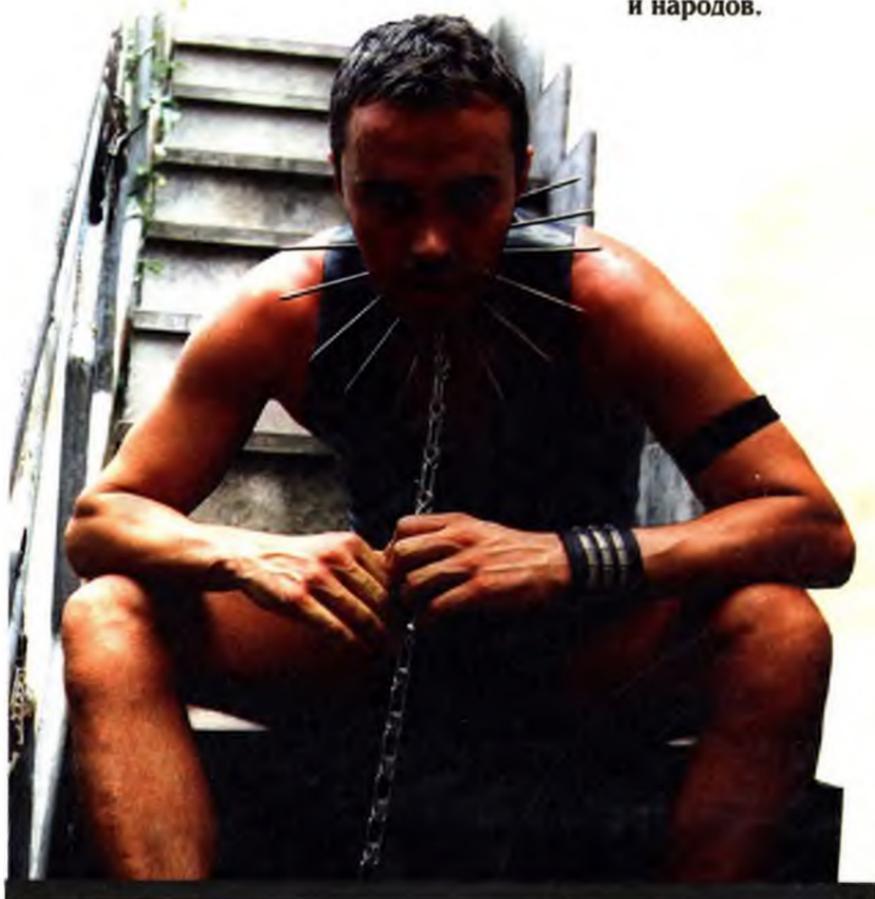
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК



СИМВОЛИКА ТЮРЕМ

Нравы
уголовного мира
всех стран
и народов.



ЛИТЕРАТУРА, 1996



ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

СИМВОЛИКА ТЮРЕМ



**Нравы
уголовного
мира
всех стран
и народов**

Составление

**Трус
Николай Валентинович**

Редактор

**Цветков
Владимир Николаевич**

Художник

**Барташевич
Александр Ростиславович**

**МИНСК
© ЛИТЕРАТУРА, 1996**



ББК 67.99(2)95
С37
УДК 343.812

Серия основана в 1996 году

Составитель *Н. В. Трус*
Художник *А. Р. Барташевич*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

С37 **Символика тюрем: Нравы уголовного мира всех стран и народов / Сост. Н. В. Трус.** — Мн.: Литература 1996. — 512 с. — (Энциклопедия преступлений и катастроф).

ISBN 985-437-098-4.

Более 30 миллионов человек в той или иной форме прошли через места лишения свободы за последние пять десятилетий. В очередном томе серии «Энциклопедия преступлений и катастроф» читатель познакомится с этой малоизвестной стороной жизни части нашего общества.

С 3430812000

ББК 67.99(2)95

ISBN 985-437-098-4

© Литература, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ ЗА РЕШЕТКОЙ	6
НРАВЫ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ	14
ОТ ТЮРЬМЫ, ОТ СУМЫ И ОТ СТРАХА	24
ДУБАРЬ	44
ЗАПИСКИ ИЗ РУКАВА	78
ПРАВОСУДИЕ: ЧТО НЕ ПРОДАНО, ТО ПРОПИТО?	145
СКОЛЬКО СТОИТ ПЕРЕСПАТЬ С ДЖЕКОМ-ПОТРОШИТЕЛЕМ	154
ВМЕСТО СЕНСАЦИИ: ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ЗЭКОВ	162
СТРИПТИЗ В НЕВОЛЕ	163
ТУЗ НА СУДЕЙСКОМ СТОЛЕ	163
ВЕСЕЛЫЙ ПОБЕГ	164
«ПЕРЕИГРАЛ» СЛЕДОВАТЕЛЯ	165
ВОШЛИ В РОЛЬ	165
КАРТЕЖНЫЕ ИГРЫ УГОЛОВНИКОВ	166
ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ ТЮРЬМА	172
ТЮРЬМА В ВЕНЕСУЭЛЕ	189
ТЮРЬМЫ И ТЮРЕМНАЯ ПОЛИТИКА ЗА РУБЕЖОМ	199
О ТЮРЬМАХ БОЛГАРИИ В ПРОШЛОМ	225
ЭТАПНЫЕ ТЮРЬМЫ	225
ТЮРЬМА ВРЕМЕН ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЧИЛИ	239

ТЮРЬМА В ЦАРСКОЙ РОССИИ:

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ	267
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ КАТОРГИ	286
ТЮРЕМНАЯ ИЕРАРХИЯ	289
ВОРОВСКАЯ ПРИСЯГА	291
БЛАТНЫЕ «ЗАКОНЫ»	294
БЛАТНЫЕ САНКЦИИ: 1	297
ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ	
ГРУППИРОВКОЙ	298
«АВТОРИТЕТЫ»	300
«МУЖИКИ» И «ПАЦАНЫ»	302
«ОБИЖЕННЫЕ», ИЛИ «ОПУЩЕННЫЕ»	304
«ДОСТОЙНАЯ» СМЕНА	304
НЕ ПОПАВШИЕ В КАСТУ	306
СИСТЕМА КРИМИНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ . . .	307
БЛАТНЫЕ САНКЦИИ: 2.	308
ЖАРГОН ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ	
ПРЕСТУПНИКОВ	310
ТАТУИРОВКА — ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА	
ПРЕСТУПНИКА	311
КЛИЧКА — ВТОРОЕ ИМЯ	313
С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ	314
КАМЕРА № 19.	314
ТЕМНИЦЫ РУХНУТ?	331
КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ СНГ	339
АРЕСТ	340
КАСТЫ	341
ТЮРЕМНЫЙ ЗАКОН	348

ЗАПРЕТЫ	350
ПРАВИЛЬНАЯ ХАТА	351
СЕМЬЯ	355
ПОНЯТИЕ ТАТУИРОВКИ. ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ, ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ	359
МОТИВЫ НАНЕСЕНИЯ ТАТУИРОВОК	360
ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ И СМЫСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТАТУИРОВОК	363
ТАТУИРОВКИ И ПЕРСТНИ	369
СЛОВАРЬ ГУЛАГА	417
СПИСОК НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР	427
СЛОВАРЬ	428
ЛИТЕРАТУРА	511

ЖИЗНЬ ЗА РЕШЕТКОЙ

Накануне революции в тюрьмах и на каторгах Российской империи содержалось 35 тысяч человек. В сталинские времена население «архипелага ГУЛАГ» составляло от 2 до 3,5 миллиона человек. Сегодня в «местах не столь отдаленных» пребывает почти 800 тысяч наших сограждан. Плюс более 100 тысяч «клиентов» лечебно-трудовых профилакториев для алкоголиков и наркоманов, 220 тысяч подследственных и лица, отбывающие наказание в виде принудительных работ на стройках и предприятиях (так называемые «химики»), — всего более 1,5 миллиона человек.

Свыше 30 миллионов человек в той или иной форме прошли через места лишения свободы с 1953 года до наших дней. В некоторых городах и рабочих поселках каждый второй-третий мужчина когда-нибудь «сидел». Огромное, часто нами не осознаваемое влияние лагерной субкультуры на психологию, взаимоотношения, речь людей стало нашей национальной особенностью. Евгений Евтушенко точно подметил в одном из стихотворений, что у нас «интеллигенция поет блатные песни». Знать эту сторону собственной жизни нам необходимо, чтобы изменить общество к лучшему.

Вообще же, по числу разновидностей мест лишения свободы Россия не имеет себе равных. Есть исправительно-трудовые колонии четырех видов режима: общего — для осужденных впервые на срок до 5 лет, усиленного — для осужденных впервые за

тяжкие преступления, строгого — для неоднократно судимых и особого — для тех, кого суды признали особо опасными рецидивистами (ООР). Разница между ними невелика — главным образом в количестве позволенных осужденному свиданий, посылок и отправленных писем. Кроме того, обитатели колонии особого режима носят не обычную, синюю или черную, а полосатую спецодежду и зовутся оттого нежно-фамильярно «полосатиками». Современное законодательство несовершенно, поэтому далеко не всегда «полосатики» — действительно самые опасные преступники. Человек может после восьми-десяти судимостей за мелкие кражи или бродяжничество получить клеймо «ООР», в то же время убийца, рэкетир, попавшиеся впервые, будут отбывать наказание на усиленном режиме.

Несовершеннолетние сидят в воспитательно-трудовых колониях тоже двух видов режима. Подследственные, ожидающие суда и приговора, — в следственных изоляторах (именно такие каменные громады с зарешеченными окнами, часто расположенные в самом центре больших городов, как московская «Бутырка», ленинградские «Кресты», киевская «Лукьяновка», обычно и называют в просторечии тюрьмами). Существуют, наконец, собственно тюрьмы. Преступники называют их «крытыми тюрьмами» или попросту «крытками», а содержащихся там — «крытниками». Тюремного режима страшатся даже самые отпетые. Тот, кто прошел «крытку», обретают право смотреть на остальных своих собратьев сверху вниз. «Крытники» бывают двух сортов: те, кому отбывание всего или части срока наказания в тюрьме было определено судом в качестве дополнительной кары (например, в тюрьме содержатся члены банды Якшиянца, угнавшие в

Израиль самолет со школьниками), и те, кто переведен из колоний за систематическое и злостное нарушение режима.

Есть еще колонии-поселения для совершивших преступления по неосторожности и для осужденных, переведенных туда из обычных колоний за примерное поведение. Поселенцу можно носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги, жить на частной квартире с семьей (конечно, если семья захочет к нему приехать). На Севере поселенцы занимаются главным образом заготовкой леса, а в более теплых краях — сельским хозяйством.

Всего в стране около 6,5 тысячи колоний всех видов, тюрем, следственных изоляторов, ЛТП, спецкомендатур для «химиков». Многие считают, будто зоны находятся в основном где-то на «Колыме», но это не так: они распространены по России более или менее равномерно.

* * *

Кто населяет мир за решеткой? В 1989 году 86,6 процента осужденных отбывали наказание в колониях, 1,2 процента — в тюрьмах, 8,9 — на поселении, 3,7 процента составляли несовершеннолетние. Мужчин было 95,4 процента. Средний возраст осужденного составлял тридцать два с половиной года. Около 70 процентов имели среднее образование. Четвертая часть до ареста нигде не работала, 8 процентов не имели постоянного места жительства. 25,1 процента — хронические алкоголики и нар-

команы. Ровно треть отбывала наказание за преступление против личности, в том числе 11,1 процента — за умышленное убийство, 8,9 процента — за изнасилование. 42,1 процента были осуждены за корыстные преступления (в том числе 16,6 — за кражи личного имущества), 11,5 процента — за хулиганство. В целом тяжкие преступления совершили около 60 процентов осужденных. 9,2 процента обитателей ИТК и 14,1 процента обитателей тюрем признаны рецидивистами. Ровно половина осужденных, по данным МВД, на протяжении года и более не имела взысканий за нарушение режима, чуть больше — 58,6 процента добросовестно относятся к труду. Злостные нарушители режима — «отрицаловка» или «шерсть» — составляют около 15 процентов. Доля лиц, осужденных на сроки менее трех лет, по сравнению с 1970 годом сократилась с 36,2 до 22,5 процента, что свидетельствует об известной гуманизации судебной практики, расширении применения наказаний, не связанных с лишением свободы, за незначительные преступления. Зато не радует другая цифра: почти у каждого третьего осужденного, имевшего до ареста семью, она за годы заключения распадается.

* * *

При слове «тюрьма» в воображении предстает нечто вроде Петропавловской крепости или замка Иф. Но в отечественной ИТК нет ничего романтически-мрачного. Ее территория разделена внутренним забором на две зоны: производственную и жилую. Первая по виду похожа на любое предприятие — пролеты цехов, станки, краны, искры электросварки, бегущие автокары. Жилая зона — ряды

стандартных двухэтажных корпусов, отличающихся от рабочих общежитий на воле только непомерно большими — на 25—30 человек — спальнями. Многократно воспетые в блатных песнях нары ушли в прошлое. Осужденные спят на обычных кроватях с панцирными сетками. Тут же, в жилой зоне, клуб, столовая, медсанчасть, вечерняя школа, которую обязаны посещать все, кому меньше сорока и кто не имеет среднего образования.

Осужденные в колонии разбиты на отряды по 120—150 человек. Эта форма организации их жизни возникла в конце 50-х годов, когда руководители исправительной системы, подвергнув ревизии сталинское наследие, в поисках новых идей обратились к Макаренко. Дальше названия сходство с макаренковской коммуной, разумеется, не пошло, но для управления осужденными отрядная система оказалась удобной. Отряд обычно является рабочей сменой в одном из цехов и занимает этаж в общежитии.

Распространено мнение, что осужденные работают чуть ли не задаром. Это и так и не так. Труд их оплачивается по обычным расценкам, но половина заработка сразу перечисляется в доход государства — на содержание системы ИТУ; затем идут обычные налоги, алименты на детей, ежемесячные взносы в счет возмещения ущерба, причиненного преступлениями. Остальное (а остается, увы, немного) поступает на лицевой счет осужденного. Из этих денег он может лишь небольшую сумму в месяц отоварить по безналичному расчету в ларьке колонии, что-то перевести семье или скопить на освобождение. Не всегда заработок зависит от его

старания: в одних колониях налажено прибыльное производство, в других — здоровые мужики маются от безделья.

Обычному человеку слова «тюрьма», «колония» внушают страх, но многие преступники относятся к периодическим отсидкам спокойно, как к неизбежным спутникам своей профессии, приспособливаются к зоне, находят в тамошней жизни маленькие радости. В одном из ИТУ на Харьковщине мы однажды встретили 67-летнего осужденного, который почти сорок лет провел за решеткой и утверждал, что ни о чем не жалеет. «Я вор, — философствовал он. — Вот вы живете по-человечески один месяц в году, а остальное время работаете. Разве не так? Я свои «отпуска» проводил, как вам и во сне не приснится, ну а потом садился расплачиваться за удовольствие». Порой такие старики до того свыкаются с зоной, что после освобождения никуда не хотят уезжать и слезно упрашивают администрацию принять их на должность сторожа или дворника. А куда, собственно, уезжать, если нет ни кола ни двора? Вообще психологи утверждают, что, пробыв в заключении больше семи лет, человек во многом безвозвратно утрачивает навыки нормальной жизни.

* * *

И все-таки главная мечта осужденного — свобода. Очень многое в жизни колонии вертится вокруг желанных аббревиатур «УДО» и «УО». Условно-досрочное освобождение — уход домой «по чистой». Условное освобождение — перевод «на стройки и предприятия народного хозяйства» — это еще не

полная свобода. Надо жить и работать, где укажет милиция, не покидать населенного пункта без особого разрешения, каждый вечер являться в общежитие к 9 часам, но там уже нет забора и охраны, можно распоряжаться собственным заработком и ходить в «вольной» одежде. Соответствующее решение принимает суд по предоставлению администрации колонии. Уйти «на стройки» можно, отбыв одну треть срока, по УДО — половину. Впрочем, тут существуют ограничения, связанные с тяжестью преступления и количеством судимостей. Скажем, рецидивисты из колоний особого режима под УО и УДО вообще не подпадают: им нужно сначала заслужить перевод в ИТК строгого режима, а уж затем на них начинают распространяться общие правила.

Это что касается положительных стимулов. Отрицательные же эмоции связаны главным образом с отдельно стоящими приземистыми зданиями с небольшими окнами. Там находятся штрафные изоляторы (ШИЗО) и помещения камерного типа (ПКТ), куда «закрывают» осужденных за разные проступки. Срок пребывания в ШИЗО — до 15 суток, с выводом или без вывода на работу. Наказанные лишены прогулок и любых развлечений, откидная койка на день поднимается к стене и закрепляется замком, чтоб не отлеживали бока. До недавнего времени им каждый второй день приносили только хлеб и воду, но теперь кормить в ШИЗО стали по общеколонийскому рациону. Международно-правовые нормы однозначно запрещают наказание голодом как разновидность пыток. К сожалению, этого никак не хочет понять немалая часть сотрудников, которая продолжает засыпать всевозможные инстанции жалобами на то, что осужден-

ные теперь «стали неуправляемыми» и их «ничем не проймешь». На местах изоцряются в выдумках, чтобы свести на нет послабление режима и хоть чем-нибудь ущемить штрафников. Скажем, по правилам внутреннего распорядка они имеют право сидеть в течение дня, но формы и размеры сидений, конечно, нигде специально не оговорены. Воспользовавшись этим, в одной из уральских колоний забетонировали в пол камер металлические трубы высотой около метра, заваренные сверху металлическими же пластинками. Уместиться на таком табурете мог разве что воробей, и, пока не вмещалась комиссия из МВД, осужденных в этой колонии в ШИЗО не столько «сажали», сколько «ставили». В Северной Осетии додумались заделать окна камер железными листами... Причем угодить в ШИЗО можно и за незастегнутую пуговицу, и за курение в неположенном месте... Конечно, далеко не везде администрация так обходится с осужденными, но случаев жестокости, увы, хватает.

В ПКТ ограничений меньше, но и срок изоляции дольше — до полугода. ПКТ считается более суровым наказанием, чем ШИЗО. Это — максимальное взыскание, которому администрация колонии может подвергнуть осужденного. Дальше — только суд и перевод на тюремный режим.

ПРАВЫ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Лишь на первый и неискушенный взгляд одинаково одетые осужденные кажутся одноликой массой. На самом деле это целый мир со сложными взаимоотношениями, иерархией, традициями, борьбой интересов и честолюбий. Та часть колонийской жизни, которая контролируется администрацией и регламентирована правилами внутреннего распорядка, — только верхушка айсберга.

«Сливки» преступного мира — «воры в законе». Их ничтожно мало (по данным МВД, около 550 человек на всю Россию), но их влияние несоизмеримо с количеством. Звание «вор в законе» — это и корона, и судейская мантия; его власть и авторитет непрекаемы, за неподчинение его воле рядовой осужденный, скорее всего, поплатится головой. В сложных ситуациях осужденные проявляют чудеса изобретательности, чтобы узнать мнение «вора в законе», содержащегося в другой колонии, где-нибудь за сотни километров. Часто представителей воровской элиты называют «генералами преступного мира», но по способу комплектования эта каста напоминает скорее академию наук: присвоить воровское звание имеют право только другие «авторитеты», собравшись на «сходняк». Понятно, роль «вора в законе» требует железной воли и больших организаторских способностей, сопряжена с постоянными хлопотами и ответственностью. Известны случаи, когда преступники, вполне заслужившие своими «подвигами» воровскую корону, отказывались от нее, предпочитая жить сами по себе.

Еще недавно «вор в законе» под угрозой лишения титула и вечного позора обязан был неукоснительно соблюдать традиции, берущие начало в прошлом веке: не работать ни на воле, ни в зоне (находились такие «герои», которые отрубали себе пальцы, чтобы не брать в руки инструмент), не жениться, не служить в армии, не участвовать в какой бы то ни было общественной работе и художественной самодеятельности, не вставать при исполнении гимна. Зазорно для «вора» было обрастать движимым и недвижимым имуществом — все добытое он должен был с шиком пропить либо сдать в «общак», откуда, оказавшись на мели, и сам мог черпать почти как с открытого банковского счета. Теперь воровские законы силу во многом потеряли. «Воры» новой формации, особенно уроженцы юга, ведут себя, как хотят: покупают особняки и «Мерседесы», вместо «честного воровского промысла» идут на службу к миллионерам-теневикам, женятся на юных красотках. Недавно, по некоторым сведениям, произошел случай, возмутительный с точки зрения ревнителей традиций. Некий крупный делец купил у «сходняка» звание «вора в законе» за большую сумму денег!

Ниже стоят обычные блатные, которых в колониях называют «отрицаловкой» или «шерстью». Как уже говорилось выше, их около 15 процентов от общего количества осужденных. Жизненное кредо «отрицаловки» — противодействовать всем требованиям администрации и, наоборот, делать все, что запрещает начальство: пользоваться чужим трудом, раздобывать и употреблять водку и наркотики, играть в карты, наносить татуировки, изготавливать нездоровенные предметы — от безобидных брелоков до ножей и самогонных аппаратов.

Вот сценка с натуры. Вор-рецидивист, пепельный от злости, возмущается на приеме у начальника ИТК:

— Что вы мне посылаете своих палачей? Вот ваш этот майор Лысачек пришел ко мне угрозы строить!

— Что он тебе сказал?

— Я же русским языком говорю: угрожал. Я, говорит, Пантюшин, из тебя человека сделаю!..

«Человека сделаю!» То есть заставлю работать и подчиняться установленному распорядку. И впрямь нет более страшной угрозы для блатного, привыкшего жить за чужой счет и чувствовать себя «человеком среди быдла». «Стать человеком» — значит распрощаться с вольготной жизнью и с авторитетом среди таких же, как он сам.

В каждой колонии «отрицаловку» возглавляет «пахан» зоны. Сам он, разумеется, никого не избивает и не режет, для этого при нем состоят подручные — «торпеды». Случился конфликт между осужденными, заподозрили кого-то в стукачестве или краже у своих, кто-то кому-то не заплатил карточный долг — за «разбором» идут к «пахану» и его приближенным.

Один такой деятель как-то убежденно доказывал мне: «Мы устанавливаем справедливость. Где нас нет — там бардак. Человека побили ни за что — кто поможет? Если я «вор», кого накажу несправедливо, — мне Бог не простит».

Параллельно с «отрицаловкой» существует другая элита, другая власть — «актив», поддерживаемый администрацией. Называют их «буграми» или «рогами» (с ударением на первом слогѣ). Это председатели советов коллективов колоний и отрядов, бригадиры, завхозы, члены секций профилактики правонарушений, производственной, культурно-массовой и других. Без крепких кулаков и луженой глотки в «активе», как и в «отрицаловке», делать нечего.

Сложные отношения царят в треугольнике «администрация» — «отрицаловка» — «актив». Начальство десятилетиями стремилось искоренить «воров», их влияние и традиции, но никогда не преуспевало в этом до конца. Нередко между ними устанавливается негласная договоренность: администрация оставляет «воров» в покое взамен на поддержание внешнего порядка в зоне и выполнение плана. Отношения «отрицаловки» и «актива» весьма напоминают «холодную войну», порой перерастающую в «горячую». Почти все беспорядки в колониях происходят на почве дележа власти между этими влиятельными группировками. Полное взаимопонимание должно, казалось бы, быть между администрацией и «активом», но и тут все не просто: многие «активисты» — себе на уме и работают на две стороны.

В зависимости от того, чье влияние в колонии преобладает, зоны делятся на «красные» или «сучьи» и «воровские». «Красными» чаще всего бывают колонии усиленного режима. Там преобладает «спокойная публика» — растратчики, взяточники, люди, совершившие преступление случайно (по пьянке, в

состоянии аффекта). Самое сильное их желание — скорее попасть домой и забыть прошлое как страшный сон. Сложнее всего обстановка в колониях строгого режима, и не случайно сотрудники там получают 15-процентную надбавку к зарплате. Много всякой «бузы» и на общем режиме, главный контингент которого — хулиганы и уличные грабители, почти все — молодежь.

А в основании колонийской пирамиды — основная масса осужденных: «мужики», «работяги». Это те, кто искренне встал на путь исправления, кому совесть не позволяет участвовать в бесконечной жестокой борьбе за власть и лишний кусок, кто-то из-за слабости физической либо слабости характера не нашел себе места ни в «отрицаловке», ни в «активе». Жизнь зоны сурова: или других грызи, или лежи в грязи. И «бугор», и блатной могут походя ударить, оскорбить «мужика», что-нибудь отобрать: заставить выполнить бессмысленный, издевательский приказ. Администрация и «актив» требуют выполнять норму выработки — иначе ШИЗО либо лишение ларька, свидания с близкими. Фактически же ее надо ежедневно перевыполнять, чтобы отдавать часть изготовленной продукции «вору», который не работает. Начальство закрывает на это глаза: начини прижимать блатных — они вовсе запретят «мужикам» трудиться под страхом расправы. Есть, конечно, колонии, где все делается по закону, но описываемая картина достаточно типична.

Характерно, что власть «воров» над «работягами» неизменно укрепляется при ужесточении режима содержания и дефицита материальных благ. Масса осужденных тогда начинает видеть в «паханах»

благодетелей, способных за счет связей с волей и подкупа сотрудников наладить снабжение продуктами и куревом. И наоборот, бунты против засилья блатных происходили в те редкие моменты, когда «мужикам» давали возможность хорошо зарабатывать, улучшать свой рацион, чаще получать посылки и передачи.

Есть, однако, люди, которым приходится гораздо хуже, чем «работягам». Это «петухи», «обиженные», «опущенные» — те, из кого товарищи по заключению сделали пассивных гомосексуалистов. С точки зрения нормального человека, ненависть и гонения, которым подвергаются эти парни, совершенно не объяснимы: ведь мучители сами сделали их «петухами» и благодаря им получают какое-никакое удовольствие... Но для зоны, где уважают только силу, все естественно: не сумел отстоять себя — значит, ничего, кроме презрения, не заслуживаешь! Впрочем, умение постоять за себя чаще всего тут вовсе ни при чем. Людей «опускают» по приговору «воров» за разные грехи: стукачество, неплату карточного долга, неподчинение «авторитету», за то, что на следствии «сдал» подельников, что имеет родственников в правоохранительных органах... Чаще других подвергаются насилию те, кто сам совершил изнасилование, — в этом выражается своеобразное представление о справедливости. Намеченную жертву обычно жестоко избивают, затем накидывают на шею полотенце, скрученное жгутом, и в полузадушенном состоянии «опускают». Есть и другие способы «опетушения» — облить мочой, заставить поцеловать парашу. В большинстве случаев это происходит в следственном изоляторе. Народный суд еще не определил степень вины, а суд преступного мира уже привел свой

приговор в исполнение... Клеймо «петуха» — на всю жизнь. Если он освободился, а через много лет вновь попал в места лишения свободы и скрыл свое прошлое, то разоблачение грозит ему смертью. Одного «обиженного» за такое «преступление» зверски пытали и били ночь напролет, а под утро заставили удавиться... Даже последнему из «мужиков» «западло» разговаривать с «петухом», разве что в случае особой нужды и непременно в грубом, приказном тоне, с оскорблениями и руганью. В столовой эти несчастные сидят отдельно и едят из специальных мисок, в краях которых пробиты дырки, — если, не дай Бог, «опущенный» воспользуется вещами другого осужденного, тот считается «законтаченным» и должен либо смыть «позор» кровью «петуха», либо признать таковым и себя.

Численность этих отверженцев в ИТУ составляет около 35 тысяч человек. От такой жизни они, если не кончают в конце концов с собой, превращаются в совершенно забытых существ, полностью лишенных чувства собственного достоинства. В одной колонии мне довелось видеть «петуха», который за несколько сигарет на потеху толпе осужденных кукарекал и хлопал себя руками по бокам, словно крыльями!.. И в то же время — такова человеческая природа — в любом сообществе, даже состоящем из униженных и слабых, непременно выделяется самый сильный. У «опущенных» тоже есть свой «пахан», слово которого — закон для остальных.

Кроме основных «мастей», есть еще «шестерки» — холуи при «ворах» либо «буграх»; «придурки» — осужденные, устроившиеся на «непыльные» работы

дневальными, хлеборезами, библиотекарями; «черти» — те, кто пользуется устойчивой репутацией шута горохового. «Масти» устойчивы, как индусские касты: перейти из одной в другую практически невозможно.

* * *

Среди варварских традиций мира за решеткой важное место занимает «прописка». Это своего рода экзамен для новичка на самообладание и находчивость, во многом предопределяющий его будущую «масть». В сущности, ему предлагается пройти по лезвию бритвы: продемонстрировать покорность авторитетам и обычаям зоны, не уронив одновременно своего достоинства. Красочно изображена эта процедура в повести Леонида Габышева «Одлян, или Воздух свободы». А вот как описал свой первый день в следственном изоляторе осужденный Г., ныне отбывающий наказание в ИТК:

«Приняли в камере нормально. Только немного освоился, приободрился, как наступило время отбоя и меня начали «прописывать». «Экзамен» состоял из каверзных и глупых вопросов, ответить на которые правильно было невозможно. Например: «Можешь замочить пахана?». Я отвечаю: «Конечно, нет!», испуганно косясь на камерного авторитета. Оказывается, надо было ответить: «Могу!» и брызнуть на него водой из-под крана. И тому подобное... За неправильный ответ или отказ отвечать следовало наказание. Меня положили на стол и, оголив живот, стали с оттяжкой бить по нему ложкой. Количество ударов определял «пахан». Поначалу вроде бы

не больно, но после 10—15 ударов терпеть становится невозможно.

Тут кто-то сказал мне на ухо, что если я соглашусь в течение недели отдавать в обед второе блюдо «пахану», то от меня отстанут. Я взмолился о пощаде, и меня действительно оставили в покое, но больше никто из обитателей камеры меня всерьез не воспринимал...»

* * *

Еще один колоритный обычай, без которого невозможно представить себе жизнь зоны, — наколки. Одним из первых обратил внимание на любовь уголовников к татуировкам Чезаре Ломброзо. В одном из своих трактатов он привел такую фразу итальянского заключенного: «Татуировка для нас — это фрак с орденами. Чем больше мы исколоты, тем большим уважением пользуемся у своих». Из Западной Европы обычай делать наколки в прошлом веке пришел в Россию.

Мастера натальной живописи почитаются среди уголовников и пользуются особым покровительством боссов преступного мира. К одному была запись аж на пять лет вперед.

Татуировка — визитная карточка преступника, рассказывающая о его специальности, прошлом и жизненных установках. Собор означает верность воровской профессии, а количество куполов — чис-

ло «ходок» в зону, перстень на пальце с заштрихованным квадратом говорит о том, что его обладатель отсидел «от звонка до звонка», крест в перстне — карманный вор, череп — отличительный знак разбойника. Если у человека имеется на теле татуировка, изображающая джинна, вылетающего из бутылки, паука в паутине или цветки мака, — перед вами наркоман. Сердце, пронзенное кинжалом, означает: «судим за хулиганство». Кот в сапогах — воровство. Звезды на коленях — «клянусь не встану на колени перед ментами». Череп с костями — «смертная казнь заменена лишением свободы». Орел — символ власти и воровского авторитета. Черный парусник — знак грабителя-гастролера. А сложная композиция — обнаженная женщина перед плахой и рядом палач с топором — означает, что ее обладатель убил жену за неверность и дал клятву в вечном женоненавистничестве. Кинжал, воткнутый в горло, — клятва отомстить на воле знакомой женщине за измену. Если выясняется, что та или иная наколка сделана не по праву, «ради понта», то нарушителя ждет жестокое наказание — от «опетушения» до отрубания пальца с самовольно присвоенным перстнем.

До сих пор речь шла о нравах мужских колоний. В женских, разумеется, с определенными поправками на пол, творится то же самое: наколки, «прописки», вражда «мастей» и группировок. Место гомосексуализма занимает лесбиянство. Разница лишь в том, что у мужчин половые извращения — результат грубого насилия, стремления унижить или за что-то наказать жертву, а у женщин-осужденных все происходит, как правило, по обоюдному согласию. В женских зонах складываются прочные, существующие по нескольку лет «семьи» — с нежностью, дра-

матическими страстями, «разводами», ревностью, на почве которой доходит, случается, до убийства. Известно множество случаев, когда женщина, пробыв год-два в колонии, отказывалась выходить на свидание к мужу, чтобы не оскорбить чувства нового «супруга». Партнерши, играющие в лесбийских парах мужскую роль, — «коблухи» — начинают называть себя мужскими именами, говорить нарочито грубым и низким голлсом, подражать мужской походке. Человеку со стороны все это напоминает сумасшедший дом. Женщины-осужденные, однако, с «любовью» не шутят.

(Кречетников А. Жизнь за решеткой. — М.: Пано-
рама, 1992)

ОТ ТЮРЬМЫ, ОТ СУМЫ И ОТ СТРАХА

Нет правосудия совершенного. Один попал под карающую десницу, другой успел прикрыться амнистией, одному суд зачел честное прошлое, другой не сумел доказать алиби — сколько лет судебной системе, столько же и несправедливости, потому что идеален суд лишь там, где Грозный Судия, а Земля несовершенна от сотворения.

Но не есть ли несовершенство закона, заложенное, повторяю, в него изначально, некая подсказка, намек на то, что есть иная истина и высшая правда? Что, попав под действие юридической машины, мо-

жет быть, важнее добиться иного результата, чем просто выигрыша судебного процесса? Понимаю, что это суждение вызовет невольное раздражение у людей, долго и безрезультатно ищущих правды по судам, прокуратурам и адвокатским конторам. Упрекать их не за что. Но и о высшей истине нельзя умолчать, прежде чем представить суду вашему Игоря Михайловича Терешина, в прошлом — директора крупного научно-исследовательского института, члена-корреспондента Академии медицинских наук, автора некоторых лекарств, в том числе знаменитых среди сердечников рибоксина и стрептодеказы, в 1982 году потерявшего все, попавшего в тюрьму, на зону и прошедшего их с достоинством, которого дай Бог другому, хотя до сих пор и не реабилитированного.

Когда бы мне пришлось составлять список людей, жизнь которых никак не пересекается с Уголовным кодексом, Терешин вошел бы, безусловно, в первую десятку как человек, по духу своему не способный преступать закон. Типичный отличник, неизменный везунчик, самый молодой в институте профессор, самый молодой в академии член-корреспондент, щепетильный, честный — характерный интеллигент. Как сказала мне за обедом одна акула петербургского бизнеса, выброшенная когда-то на мель, из одной с Терешиним камеры: «Игорю под дулом парабеллума сказать: «Своруй!.. Своруй, иначе застрелю!» — не сворует. Он просто не сумеет своровать. В отличие, — тут акула вонзила нож в пылающий стейк, — от меня». Кровь брызнула фонтаном.

Если сжать все страницы уголовного дела Терешин-

на до нескольких строк, выйдет, что Игоря Михайловича посадили за то, за что сажают всех директоров, если есть потребность посадить: за хищение госимущества «путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением» плюс «злоупотребление властью». На нормальном языке, с учетом обстоятельств дела, это означает, что Терешина обвинили в воровстве стремянок, кафеля, утеплителя и сидений унитаза для тещиной дачи.

Не буду ничего опровергать, но отмечу, что судебное разбирательство изобиловало несоответствиями и противоречиями, режущими даже дилетантский взгляд. Адвокат Вениамин Владимирович Бриль, знаток в такого рода делах, сказал: «Это был мучительнейший, тяжелейший процесс, какая-то дрейфусиада. Очевидно было, что суду дали команду сажать, и никакие показания свидетелей, разрушающие обвинения, во внимание не принимались. Я тогда своему подзащитному сказал: «Приготовьтесь к операции по утоплению». Убежден, сегодня этот процесс был бы непременно выигран».

Посвященные, хорошо запомнившие тот нашумевший суд, рассказывали, что за несколько месяцев до возбуждения уголовного дела Терешин крупно поругался вначале с обкомом, а потом и с райкомом КПСС, секретари которых в ультимативной форме потребовали снизить число «лиц еврейской национальности» в терешинском институте до средне-российского процента, а тот в ответ вспылил, и что Терешина, таким образом, подвели под монастырь за непонимание национальной политики партии. Впрочем, не берусь утверждать. Прошло много

лет. Меня в судьбе Терещина интересовало другое.

— Игорь Михайлович, — спросил я, первый раз придя к нему домой, — а вы встречали за решеткой людей, равных вам, — членов-корреспондентов, профессоров?

Над Терещиным ввысь рядами уходили книжные стеллажи. Надо мной висел портрет хозяина работы безымянного для меня зэка.

— В «Крестах», — сказал хозяин, — я угодил с ходу в тюремную больницу. И не поверил глазам. Знакомый профессор, довольно-таки молодой мужчина, мы с ним раньше в одной профсоюзной комиссии подводили итоги соцсоревнования... Я не сразу понял, что он тоже зэк. А потом, услышав его историю, хоть это и нехорошо, подумал: черт, не все уж так ужасно со мной! В отличие от меня, его, профессора, почтенного человека и отца семейства, подвели под изнасилование. В своем институте он был первым кандидатом на освобождающуюся директорскую должность. Но оппозиция нашла способ его устранить. К нему зашла на прием медсестра, разорвала блузку, а потом выбежала в коридор и стала кричать, что он ее пытался изнасиловать...

— Он-то как оказался в тюремной больнице — сердце?

— Сломанные ребра и сотрясение мозга. Он скрыл в камере, что осужден по 117-й статье, потому что

знал: прибывших по этой статье бьют, и бьют жестоко. И пошел на прогулку, по наивности оставив копию приговора под матрасом.

— Вы боялись, что вас может ждать что-то подобное?

— Я до последних дней верил в успех своего дела, хотя приговор не был для меня неожиданностью. Я начал к нему готовиться с преодоления страха. Паники не было, но профилактику я счел необходимой. Поговорил с одним знакомым, он сидел. Тот сказал: «Ничего! Будешь там лепилой». «Лепила» — это фельдшер по фене. «Но будь осторожен — подойдет ворик, из-под ватничка топор покажет, скажет: давай бюллетень! Ну что поделаешь, давай...». Основное, на что себя настраивал: если будут пытаться унижить — давать сдачи, не уступать.

Страх — вот о чем я думал, расспрашивая Игоря Михайловича. Почти в каждом из нас сидит этот страх мира, осужденного законом, и страх стать осужденным самому. Во мне — с тех пор, когда некий милицейский старшина сгреб меня, студента, у станции метро «Колхозная» и, заведя в закуток сбоку от турникета, начал заполнять бланк допроса: «Давай рассказывай!» — «Что рассказывать?» — «Ночку у нас проведешь, вспомнишь что». Потом отпустили — накладочка, так сказать, вышла, но память осталась.

Страх вообще хорошо запоминается, не только мозгом, но и мышечной памятью, навсегда фиксирую-

щей внезапную ледяную мертвость тела и дрожание ног. («Страх — та же химическая реакция, синтез метаболитов с соответствующими внешними проявлениями, поверьте мне как биологу», — сказал Терешин.)

— У меня удачное стечение обстоятельств. Я захожу — все на прогулке, кроме одного человека: сидит кряжистый такой мужичок на нижней полочке. Привет, говорю, он тоже: «Привет».

— Так и сказали: «Привет»?

— Да, так и сказал. Оказалось, он, как и я, «хозяйственник», то есть «хищник», как нас называли. И он мне разъяснил с вопросительно-нежной улыбочкой: вот здесь грабитель лежит, здесь убийца, здесь бандит... А твое место, раз ты последним пришел, вот здесь, у унитаза. Вот в эту щелочку у стенки и клади матрас.

— Это считается худшим местом — «возле параша»?

— В «Крестах» не параша, а именно унитаза, простите уж за подробность. Среди зэков очень популярна легенда о сидевшем в «Крестах» авиаконструкторе Туполеве, который, освободившись, истратил свои гонорары на замену «параш» белоснежными унитазами:

Чтоб зэк простой, советский, наш
Жил без зловония параш
И чтоб, съев каши миску с гаком,
Спокойно в унитаз свой какал...

Камера переполнена, человек двенадцать спят на полу, на нарах в два этажа, и места под ними нет. Новенький, приходя в камеру, ложится возле унитаза и «дежурит», то есть моет за всех посуду. Это такой закон, в камерах «Крестов» довольно распространенный. Ну что ж, будем законопослушными... И я, наверное, недельку драил за всех посуду, пока не пришел очередной новенький. Надо сказать, к моему дежурству снисходительно относились. А бывали случаи, что если кто-то плохо отмывал миску, оставался жир, то швыряли в лицо...

— Рассказывают о страшной тюремной «прописке», когда новенького унижают, избивают... Вам удалось этого избежать?

— Через несколько дней тюрьмы меня вызывают к моему адвокату. Он испуганно бросается ко мне: «Игорь Михайлович, что с вами? Как вы?». Я улыбаюсь. И тогда он разъясняет: «Позвонили вашей супруге и сказали, что вы зверски избиты в камере». Но у нас не избивали. В «Крестах» на «осужденке» сидят почти все по первому разу, то есть, как правило, нет ни «авторитетов», ни «воров в законе», держащих всех в страхе. Я сразу решил, что к каждому сокамернику буду относиться как к равне. Ведь там страдающие, несчастные люди, пусть и преступники. И наша беда нас уравнивала, и никакие звания на мое поведение не влияли. И если человечка два были ко мне поначалу плохо расположены, а может, и подготовлены к тому, чтобы «прописочку» все-таки устроить, то серьезные, крепкие «мужики» отнеслись с сочувствием. Мы посылки поровну делили, в шахматы из хлеба играли — был там один специалист, хорошо лепил, на-

стоящие запрещены... Дошло до того, что с соседними камерами удалось провести соревнование по составлению кроссвордов. Даже какой-то коллектив сложился. Я никогда не забуду, как двенадцать рассерженных на советскую власть мужчин слушали от начала до конца радиопостановку «Гамлет» и как по очереди читали новенькие, ни разу не раскрытые тома «Войны и мира» из тюремной библиотеки. Как ни странно, была такая не тюремная, не эковская обстановка.

— Скажите, про туполевские унитазы — это вы сочиняли?

— Был грех. У нас больше половины семейных было, они спросили: «Сочини стишок, я домашним пошлю».

Страшного ничего не рассказывали те, больше помалкивали. В основном выпытывали технику попадания на зону: карантин, выдача одежды... Ведь в следственном изоляторе все в том, в чем из дома ушли, и до отказа в кассации даже волосы сохраняли. У меня была шевелюра богатейшая, и очень неприятен был момент, когда остригли наголо... Хотя коллеги меня подбодрили: «Ну вообще не безобразно» — как высказался один. Это очень унижительная процедура, стриженным ты превращаешься в предельно не уверенное в себе существо... Ну так вот, о зоне спрашивали тех, кого «дергали» оттуда в качестве свидетеля и временно помещали в «Кресты». Я помню одного, бригадира столовой. «Сначала попадаешь на карантин, на карантине избивают», — говорил он мне. Потом я с ним встре-

тился уже на зоне, когда пришел к нему в столовую. Он проводил к себе в кабинет. Небольшая люстра. Диван. Приемник. В общем, однокомнатная квартирка человека среднего достатка. Были у него два денщика. Они тут же принесли вилочки, антрекот, картошечку с соленым огурчиком. Хозяйственный такой мужичок был. Но жил в вечном страхе, потому что периодически с зоны устраивались вторжения в столовую, и если зэки прорывались, били смертным боем и поваров, и обслуживающий персонал. Считалось: воруют, а все голодают. А с этим бригадиром разобрались по-другому. Ему подложили в комнату не то два, не то пять килограммов чая, затем при обыске «обнаружили». Ну и раскрутили еще на 7 лет.

— Вы боялись карантина?

— Я попал на зону усиленного режима в поселке Металлострой, это под тогдашним Ленинградом. Сразу же сложилось впечатление: те, кто сажал меня, уже дали знать о моем прибытии. Вначале на зоне проходишь медосмотр — несколько специалистов. И вот психиатр, осмотрев меня, решил пооткровенничать. Он сказал: «Вас ждут здесь, и я вам завидую. На зоне знают, что вы профессор, обеспеченный. А обеспеченных здесь доят. Ожидать вы должны самого страшного. От вас будут требовать, чтобы на свидание родственники приносили деньги. Если принесут мало денег, будут унижать, будут бить». Вот такую он провел со мною психотерапию. Вообще начало хорошего не предвещало. Мне выдали весьма подходящую для издевательств форму: черную шапку с козырьком, так называемую «пидарку», годную по размерам только ребенку, и брюки тоже на десять размеров меньше моего. Новый ватник тут же уголовники поменяли на невооб-

разимое рванье, а ботинки с отвалившимися подошвами мне оставили домашние. Сказали: моего размера нет. Я ожидал худшего.

— Вы как-то настраивали себя психологически или, может быть, философски?

— Нет, никаких философских раздумий не было: там терпимость, подставь правую щеку... Я расценивал все происходящее как тяжелейшее испытание, которое выпало на мою долю, и соответствующе к нему относился. Нужно было мобилизовать все свои силы и весь свой опыт, чтобы выдержать его...

— Вы не закончили свой рассказ о карантине.

— Вообще-то карантин — это довольно чистое такое помещение, кровати в два ряда, словом, типичная казарма, даже без решеток на окнах. В нем селят прибывшую на зону партию, обычно человек тридцать. В первый же день, в 4.30 утра, побудка, всех строят и распределяют, по преимуществу, на тяжелые работы, которые полагаются карантинщикам, И тогда же их грабят, отбирают понравившиеся вещи...

— Кто был — бригадиры?

— Нет, «жулье», «жулики»...

— Жулики?

— Это синоним «вора в законе», «авторитета». У нас на зоне их называли «жулики». И вот «жулики» приходили развлекаться.

— Но ведь карантин отгорожен?

— Зона — это 12 отрядов, по сто человек в каждом, а на всех ночью приходится четыре или пять прапорщиков. Отряды отгорожены, но охраняют их сами зэки. Есть такой, прошу прощения, отряд «козлов», как их на зоне называют, то есть формально он называется, кажется, «отряд охраны общественного порядка». И вот подходит «жулик» к «козлу»: «Пусти!». И пожалуйста, открываются ворота. Я был свидетелем такого не один, не два, а больше десятка раз. И это произвело на меня самое гнетущее впечатление. Особенно, когда били тех, кто сидел со мной в одной камере «Крестов».

— А вы...

— Я ничего не мог сделать.

— Русская литература традиционно описывает мучения человека, который видит зло, но не может ему противостоять. У вас были такие угрызения?

— Конечно, были. Еще и какие! Я ведь знал и тех, кто бил. Через несколько месяцев зоны с некоторыми из них у меня были настолько хорошие отношения, что они бы не дали с моей головы волосу упасть. И вот они же, напившись пьяными... Зверем заключенного на зоне делает алкоголь. А бывает, водка льется на зоне рекой. Очень редко, чтобы так называемый беспредел имел место без нее. Он карается по закону зоны, и очень жестоко. Но вот, напившись пьяными, бьют виноватых, а чаще невиновных. Я иногда просил пожалеть их, но в ответ: «Михалыч, молчи!». И вот эта беспомощность и по-

стыдный страх — пожалуй, самое ужасное из пережитого на зоне.

— Простите, вопрос может быть неприятен. Вас как-нибудь система зонной «прописки» задела?

— Нет, меня ни разу не тронули. Поначалу, когда я был в своем клоунском облачении, приставал один шмакодявка, очень настырный и злой, но я сумел дать ему отпор, а затем познакомился с бригадиром из эсков, представился и, следуя своим принципам, все про себя рассказал. Не исключаю, что первые дни ждали реакции начальства, это на зоне важно. Начальник лагеря, полковник Дедков, вызвал к себе на беседу: «Я читал ваш приговор. Осуждены вы не по закону, а по совести, но я постараюсь помочь уберечься от всего злого, что есть на зоне». Он мне дал инструкцию, как себя вести.

— Какие из дурных мыслей о зоне сбылись, а в чем ваши ожидания были приятно обмануты?

— Еще в «Крестах» «бывалые» мне говорили: постарайся попасть на зоне в библиотеку, там тебе будет хорошо. И вот пока я перебирался в «Крестах» от унитаза по нарам поближе к паровому отоплению, я об этом мечтал. И на зоне через какое-то время я действительно стал работать библиотекарем. Это были самые радостные моменты моей жизни в лагере: я совершенствовал немецкий и английский, начал с азов изучать французский...

Вообще, знаете, амнистия — мечта зэка, за год до возможной даты все разговоры только о ней. Почти каждый зэк — юрист в какой-то степени, он все время пишет: ходатайства о помиловании, о досрочном освобождении, надзорные жалобы... Так сложилось, что меня частенько просили: напиши что-нибудь поубедительней. Ожидание ответа дает надежду, без которой можно очень быстро на зоне опуститься. Хотя, конечно, после лет восьми опускаешься все равно. Как правило, люди ломаются. И тут я, уверен, исключением не был, потому что день за днем все это действует: убийства, избиения, драки...

— Вы были свидетелем убийств?

— Ну как такое увидишь? Страшно то, что все к этому привыкли и равнодушны. Так принято: на каждой зоне есть определенный процент убийств, тяжелых избиений, драк... И главное ЧП на зоне не убийство, а побег. Вот тогда действительно начинается переполох. Построение, переклички, люди ночью стоят часами в строю, пока не найдут... А при мне находили всегда.

— Существует мнение, что на зоне интеллигенту труднее, чем, скажем, рабочему. То есть что образованность и воспитание по ту сторону забора сами по себе вызывают ненависть.

— Все зависит от поведения интеллигента. Вот такой случай: прибыл этапом на зону бывший директор крупного НИИ. С ним сводили счета и тоже состряпали, сфабриковали дело: дали 5 лет якобы за спекуляцию. Он своего «жигуленка» продал... И на

третий или четвертый день пребывания на зоне директора избили в умывалке, где обычно все разборки и происходят. Я спросил: «За что его били?» «Да, — говорят, — бывший директор, на нас смотрит как на подонков». И это считается: избили за дело, а не допустили беспредел.

— Могли бы вы выделить черты интеллигенции, которые ей мешают там? Специфические комплексы какие-то?

— Некоторых губит брезгливость, которую, конечно, нельзя утрачивать. Но ее демонстрация порой приводит к печальным последствиям. Затем общее такое невинное, а скорее наивное, восприятие действительности. Происходит огромный внутренний конфликт: некоторые интеллигенты не могут понять, что здесь можно жить и чувствовать себя человеком, даже любимым делом заниматься, — у них такая психическая структура. И этим невольно, не желая того, они демонстрируют свое неравенство. Например, отказываются от чашки чая, которая идет по кругу, и ее из уважения тебе предлагают. Хочешь не хочешь — отхлебни, не обижай. Я не замечал никакого особенного преследования интеллигенции, хотя, конечно, попадались изверги, которые рады были поиздеваться над измученным человеком. Был у нас один такой на карантине: «Ах ты, интеллигент!» — раз, по морде, очки в сторону, вслепую ищет. Но подобному может подвергнуться каждый. Любой, попадающий на зону, проходит через свой страх. Какой бы ты ни был на воле боксер, но вот тебя выкинули из переполненной душегубки-«автозака», надели шутовской наряд и посадили в карантин. И дохленький бригадиришка, которому

щелчка-то много, чтобы раздавить, может дать по морде. Обычно эти плюгашаи забитые ходят на зоне на цыпочках, но здесь, в карантине, распускаются.

— А как, с вашей точки зрения, нужно вести себя в этой ситуации?

— Я себя настроил четко и, думаю, не ошибся: плюгашу надо было врезать по первое число. Если сидишь на табуретке — схватить табуретку, ну, может, не сразу ударить, если этот мерзавец струсил и отошел. А если лезет — бить беспощадно. Если хватит на такое запала, то 90 процентов за то, что тебя больше не тронут.

— А еще 10 процентов?

— 10 процентов за то, что такие действия приведут к печальному результату. Но на зоне, я в этом убедился, ни в чем не может быть 100 процентов гарантии. 90 — это предел.

— Ваш настрой на сдачу вас хоть раз спас?

— Однажды. На второй или третий день зоны я с девятнадцатилетним молокососом мыл полы в лагерьном клубе, и он попытался заставить меня вымыть и его часть пола. Причем грозил чем угодно, вплоть до... Ну и вот я тогда мобилизовал все свои знания в области матерщины, до предела напруг голосовые связки и с угрозами бросился отрывать стул, прибитый к полу. Парень как мышка замер, а потом при встречах на зоне: «Здорово!», «Привет!» — первым здоровался. Хотя, может быть, я и не очень типичный представитель интеллигентского рода-племе-

ни: отец у меня был с тремя классами образования, мама — секретарь-машинистка, я мальчишкой и по подвалам побывал-побегал...

— Значит, умение дать сдачи — это то, что, безусловно, поднимает авторитет человека в уголовной среде?

— По-разному идет подъем. Один поднимется за счет крепкого кулака, физической силы, знания приемов каратэ. Другой — за счет уголовной дерзости: кого-то пырнет, избьет, его сажают в так называемое помещение камерного типа, ПКТ — это настоящая тюрьма на зоне, оттуда он выходит уже на две-три ступени поднявшись. Особенно часто этим путем идет молодежь.

— Вы не поняли. Я не про уголовный подъем, а про те черты, которые вызывают уважение.

— Если ты сумел найти подход... Если почувствовали в тебе советника, доброжелателя. К тебе могут прийти, попросить написать письмо любимой женщине. Иногда их знают только по переписке. Помог, не отказал — тебя уважают. Помог составить прошение какое-нибудь... Почему именно к тебе за этим обратились? Все зависит от мозаики фактов, там все очень наблюдательны, друг за другом смотрят. И вот человек, который, по их понятиям, обладает грамотностью и знанием жизни, не только уголовной, — вот он вызывает вначале интерес, а потом и уважение.

— А как вы считаете, из-за чего люди опускаются?

— Я уже говорил: срок. После восьми-девяти лет нередко уголовник превращается в зверя, а интеллигент — в чушку. Это когда человек перестает стирать одежду, стричься, мыться и для него остается только поесть, поспать и справить естественные надобности.

— Только срок?

— Чушкой можно стать и раньше, если тебя сломали или ты сам сломался. Может сломать начальство, могут сломать зэки. Сидел со мной в «Крестах» в одной камере такой парень, Гриша, — интересный, между прочим, парень! Его избили на зоне через две недели после того, как попал в повара. И не могу сказать, что сильно, но избили. А потом еще. И буквально за полгода он опустился. У него есть ребенок, к нему приезжала жена, но он так и не вышел из этого состояния. Здесь очень много зависит от опыта, здравого смысла и внутренних сил. Вот пример — ларек. Раз в месяц у нас работал ларек, в нем можно было истратить тогда 8 рублей. Идешь из ларька — тебя поджидает всякая шпана, отбирает, что на месяц себе купил там, консервы, чай... У меня, правда, ни разу не отбирали.

— А как бы вы поступили, если б пытались?

— Все так же. Ничего бы не отдал, и тут была б драка. Потому что, если б я отдал, это стало бы началом падения. Любое проявление слабости мгновенно становится известно на зоне, а библиотекарь — фигура заметная.

— Игорь Михайлович, ваша линия поведения хоть раз дала сбой?

— В библиотеке мне нужно было раз в десять дней носить книги в ПКТ, где сидят самые отпетые бандиты, а также те, кого начальству необходимо спастись от расправы. Я нес большой ящик на лямках, в него входило 30—40 книг, меня обыскивала охрана и пропускала внутрь. Кстати, вот откуда у меня знакомства со всей «бандитской» элитой зоны... И вот в самый первый раз я решил разыграть из себя такого лихого дядьку-шутника, что мне совершенно не свойственно. Когда открылось окошечко «кормушка», я достал для заключенных книги и бесшабашно крикнул: «Здорово, орлы!». И вдруг в ответ дичайшая матерщина, угрозы: мы тебя на зоне замочим, мы тебе на зонеотрежем... Я обалдел. И только потом в этом оре различил: «Петухи, орлы и другие птицы в 12-й камере!». Вот это попал в переплет!.. Пришлось объясняться, меня даже боялись какое-то время в ПКТ пускать, но обошлось...

— «Петухи» — это «опущенные»?

— Да. Их в ПКТ содержали в одной из камер. Вообще, это очень страшная сторона зонавской жизни. Есть такие мерзавцы, насилуют молодых ребят, иногда это случается еще в «Крестах», а став «опущенным», молодой парень превращается в изгоя: любой контакт с «петухом» грозит уже тебе самому неотвратимыми карами. Бывает, «опускают» за доносы, а порою и «жуликов» за нарушение законов зоны — например, за воровство из тумбочек, это «крыски» так называемые... Причин здесь великое множество. К концу срока я мог позволить себе

дать конфетку или книжку «опущенным» — мне это разрешалось, а вернее, прощалось. Может быть, как чудачество, но прощалось.

— Что для вас на зоне явилось самым большим испытанием, самым большим напряжением и самым большим унижением?

— Напряжение было всегда, психическое такое напряжение, потому что постоянно видишь избиения, унижения других личностей. Тут, конечно, и сострадание, и жалость, но и страх, что тебя самого может ждать такая же судьба. Потому что все может измениться, на зоне всегда фифти-фифти: выживешь — не выживешь. И приходится поддерживать со всеми ровные отношения. Даже с откровенными негодями и мерзавцами. Это очень большое напряжение — поддерживать ровные отношения. Испытания были самые тяжелые в первые дни, когда поднимали ни свет ни заря и гнали на работу, когда обворовывали мешок с вещами... Я пришел из «Крестов» в рваных бареточках, а уж октябрь был, грязь сантиметров пятнадцать, и вот один паренек, из жалости ко мне, дал отличные лыжные сапоги: «Поноси, Михалыч...». Их у меня украли в ту же ночь... Или вот прапорщики из охраны, когда на тебя глядит такое красное с перепоя мурло: «Ну чо, морда очкастая, вали, дед, проходи давай...» — и пятерней тебе в лицо. Это было очень тяжело.

— Вы ничего не сказали об унижении. Это очень неприятно вспоминать?

— Прежде всего унижало то, что люди сочли тебя достойным такого существования... С дрожью вспоминаю о вшах. Впервые я познакомился с ними в детском саду в блокаду, но это было в 1942 году. И вдруг в камере — по мне ползут... И все это приводило к возмущению: как, за что сюда попал? В эту унижающую обстановку, где приходится терпеть то, что видишь...

— А вас вообще тюрьма и зона, как вы считаете, сильно изменили?

— Я всегда людям верил, надо мной все посмеивались: «Нельзя же быть таким доверчивым». У тещи про меня даже слово было — «доверчивый». И случилось, на зоне меня обманывали самым беспощадным образом. И вот теперь, как это ни прискорбно, я стал людям доверять меньше. Хотя и бояться их стал тоже меньше, ведь раньше я был довольно из трусоватого десятка ученых. И еще, знаете, я понял, что нет людей отпетых. Самый последний негодяй какой-нибудь, только что истязал кого-то, и вдруг вынимает альбом с фотографиями (а это на зоне святая святых), и вот у него уже и слезы на глазах. У меня исчез черно-белый подход к людям.

— И последнее. Если б сегодня какой-то человек, попавший в тюрьму, обратился к вам, что бы вы ему сказали?

— Я сказал бы: надо бороться, надо найти те формы существования, которые позволят выжить. Во-

прос выживания и вопрос преодоления страха — это главное. Решить это никогда до конца не удастся, потому что нет за колючей проволокой такого состояния, когда ты в абсолютной безопасности и ничего не боишься. Но если и в какой-то степени эти задачи решены, то можно осуществлять свои планы. Как доказать то, что ты не виновен? Я делал все возможное в условиях зоны, чтобы надзорные инстанции задумались над моей судьбой. Были надзорные жалобы, работа с документами, работа с адвокатами и письма, письма, письма... Все это страшно сложно, но в итоге мне возвратили профессорское звание, докторскую степень, сняли судимость. Вернут ли член-корра? По здравому смыслу, должны. Я борюсь. Это интервью — тоже часть борьбы. Хотя это, наверное, не надо записывать?..

ДУБАРЬ

Унылый звон «цынги», куска рельса, подвешенного на углу лагерной вахты, слабо донесся сквозь бревенчатые стены барака и толстый слой льда на его оконцах. Старик дневальный с трудом поднялся со своего чурбака перед железной печкой и поплелся между нарами, постукивая по ним коcherгой: «Подъем, подъем, мужики!»

Каждый, кому с крайним нежеланием приходилось подниматься спозаранку, знает, что после такого вставания можно довольно долго двигаться, что-то делать, даже произносить более или менее осмыс-

ленные фразы и все-таки еще не проснуться окончательно. В лагере такое состояние повторяется изо дня в день, каждое утро и на протяжении многих лет. В результате вырабатывается еще одна особенность каторжанской психики, во многом и так отличной от психики свободного человека: способность едва ли не в течение целых часов после подъема сохранять состояние полусна-полубодрствования. Вольно или невольно заключенные лагерей принудительного труда культивируют в себе эту способность, оттягивая полное пробуждение до крайнего возможного предела. Зимой таким пределом является выход на жестокий мороз. Но в более теплое время года некоторые лагерники умудряются оставаться в состоянии сомнамбул и на плацу во время развода, и даже на протяжении всего пути до места работы, хотя этот путь нередко измеряется целыми километрами. Это, конечно, своего рода рекорд. Но в той или иной степени таким образом ведут себя все без исключения люди, осужденные на долгий, подневольный и безрадостный труд. При этом даже в том случае, если норма официально дозволенного им ежедневного сна сама по себе является достаточной.

Вот и сегодня мы привычно сопротивлялись наступлению настоящего бодрствования, не только когда слезали с нар и напяливали на себя свои изодранные и прожженные у лесных костров ватные доспехи, но даже когда протирали глаза пальцами, слегка смоченными водой из-под раковины. Каждый понимал, что с полным пробуждением приходит и отчетливое сознание действительности. А она заключалась в том, что очередной из бесконечной вереницы безликих, каторжных дней уже наступил, хотя сейчас только пять утра. И что он

будет продолжаться бесконечно долго, пока около семи вечера мы, до изнеможения усталые, заиндевевшие и окоченевшие на жестоком морозе, снова свалимся в этот барак. И что на протяжении этого дня будет и осточертевшая работа в лесу, окрики и понукания... Что не раз, наверное, посетят горькое чувство бессилия и та злая тоска неволи, от которой захочется завывать и боднуть головой ближайший лиственничный ствол.

Вообще-то в подобных мыслях и настроениях, если судить о них беспристрастно, проявлялась наша черная неблагодарность своей лагерной судьбе. Ведь мы находились не в каком-нибудь из страшных лагерей дальстроевского «основного производства», а в лагере, обслуживающем сельское и рыболовецкое хозяйство. Для сотен тысяч колымских каторжников, загибавшихся на приисках и рудниках, по условиям труда и быта мало чем отличавшихся от финикийских, это было мечтой.

Наша ежедневная утренняя война за сохранение свинцовой притупленности чувств и мыслей и сегодня шла с переменным успехом. Пробежка по морозу в столовую за получением утренней хлебной пайки и миски баланды неизбежно отгоняла благодатное оцепенение. Но до выхода на развод обычно оставалось еще некоторое время. Уже в полном своем «обмундировании» все мы, как всегда, сгрудились у печки, чтобы запастись теплом на время стояния на плацу. И все, как всегда, стоя уснули.

«Цынга» завякала снова. Идеально дисциплинированные арестанты должны были, согласно лагерно-

му уставу, «вылетать» на развод уже с первым ее ударом. Но такие арестанты существуют лишь в воображении составителей этих уставов. Реальные же заключенные даже в свирепых горных лагерях, где за «резину» с выходом из барака можно схлопотать добрый удар дубинкой, эту «резину» тянут. Особенно когда на дворе такой мороз, как сегодня. Судя по фонарям вокруг зоны, едва видимым сквозь густой туман, и по колющему ощущению в легких, он перевалил сейчас далеко за пятьдесят. Здесь был крайний юг «района особого назначения». «Колымский Крым», как его называли заключенные. Но стоял уже март, время, когда даже в этом «Крыму» солнце поворачивает на лето, а зима на мороз. Для Дальнего Севера эта поговорка часто оказывается даже более верной, чем для мест, в которых она родилась.

В нашем благодатном лагере дубинка применялась редко, а в руках у теперешнего нарядчика Митьки Савина мы никогда ее не видели. Нарядчик, однако, всюду остается нарядчиком. Вот-вот он ворвется сюда, крепкий, краснорожий парень, и сквозь клубы морозного пара — дверь в барак Митька за собой не закроет — донесется его знакомое: «А вы тут что, мать вашу так и этак, особого приглашения дожидаетесь?» Но это и будет как раз то ежедневное «особое приглашение», после которого тянуть «резину» с выходом более нельзя. Оно было здесь почти привычным и обязательным, как звон «цынги», вставание, хождение в столовую за хлебом и это вот унылое стояние у печки.

Митька вбежал стремительно, но дверь за собой почему-то закрыл. И вместо обычной беззлобной бра-

ни — наш нарядчик был мужик неплохой, не чета придуркам-хриstopродавцам в горных лагерях — мы слышали неожиданное:

— Продолжай ночевать, мужики! День сегодня активированный...

Что ни говори, а лагерь Галаганных, действительно, курорт! В летнее время, конечно, и здесь ни о каких выходных не может быть и речи. Но зимой один-два таких дня выпадают почти в каждом месяце. Это, собственно, даже противозаконно, так как в те предвоенные годы свирепость ежовщины в местах заключения еще не была изжита и официально никаких дней отдыха для заключенных не полагалось круглый год. Отступления от этого правила делались только в лагерях подсобного производства, вроде наших Галаганных, в периоды, когда не было никаких важных работ, да и то с учетом главным образом санаторной функции этих лагерей. Дело в том, что на здешние легкие, по лагерным понятиям, работы ежегодно отправлялись для поправки уцелевшие дистрофики, доходяги с присков и рудников Дальстроя. Они-то и составляли основную часть мужского населения подсоблагов, подлежащую возвращению главному производству после одного-двух лет «курорта». Если, конечно, дистрофические изменения у этих людей окажутся обратимыми, что бывало далеко не всегда. Постоянными жителями до конца срока в здешнем сельхозлаге были только женщины, старики и инвалиды.

Ежовско-бериевский запрет на выходные дни для лагеря обходили при помощи объявления их днями

общей санитарной обработки, активированными по погодным условиям, как сегодня, или по необходимости произвести крупные внутризонные работы. Это была начальническая «ложь во спасение», но только наполовину. Редкий из таких дней обходился без вывода отдыхающих на заготовку дров для лагеря, уборку снега и тому подобные работы. Но это случалось обычно уже после обеда.

С утра же можно было поспать «от пуза», что и было главной реальной удачей наших выходных дней.

После Митькиного неожиданного, как всегда, объявления угрюмое молчание в бараке сменилось радостным криком. Лагерное начальство опасалось обвинения в запланированных поблажках для заключенных, большая часть которых была здесь «врагами народа». Но продолжался этот галдеж очень недолго, приглашать к продолжению сна дважды здесь никого не приходилось. Торопливо раздевшись, все снова улеглись на свои набитые сенной трухой или древесными опилками матрацы и через каких-нибудь пять минут спали. После «легких» работ на повале и раскряжевке даурской лиственницы, твердой на морозе как дуб и тяжелой как камень, здешние «курортники» могли проспять вот так суток трое, делая перерывы разве что на обед. Впрочем, как уже говорилось, тут действовало еще и наше постоянное стремление уйти в сон при всякой малейшей возможности.

Однако на этот раз я уснул менее крепко, чем обычно, и проснулся от дребезжания ведра, неловко опрокинутого дневальным. Лед на оконцах пун-

цово рдел от разгоравшейся над близким отсюда морем зари. Вот-вот должно было взойти солнце. Значит, со времени сигнала на развод прошло уже часа полтора. Спать можно было еще долго, даже если в обед нас куда-то погонят. Повернувшись на другой бок, я начал приминать слежавшиеся опилки в своем матраце по форме уже этого бока. До нового изменения положения он будет казаться мягким. Я еще продолжал свою возню с неподатливым ложем, когда в барак вошел нарядчик. Вид у Савина был несколько смущенный, как у человека, явившегося с каким-то неприятным или щепетильным поручением, которые добрый малый очень не любил. Для кого-то из жителей барака это не предвещало ничего хорошего. Не закончив скульптурной обработки своего матраца, я затих на нем, натянув на голову одеяло.

Посоветовавшись о чем-то с дневальным, Митька пошел по проходу между нарами, пристально и озабоченно всматриваясь в лица спящих людей. Так и есть, он искал подходящий «лоб», а может быть, и несколько «лбов» для какой-то паскудной работенки внутри лагеря, вроде колки дров для кухни, таскания воды с речки или еще чего-нибудь в этом роде. Возможно, что я был не единственным человеком, кого разбудило загремевшее ведро. Но несомненно, что все такие, как и я, еще плотнее закрыли глаза и засопели еще громче. Если уж и необходимо вкалывать в свой, в кои веки выпавший выходной день, так хоть не с утра, по крайней мере!

Нарядчик остановился напротив места Спирина, бывшего колхозника из Вятской области. Чуть живого от изнурения, этого мужика привезли сюда

прошлой осенью с небольшим этапом таких же доходяг. Как все почти перенесшие тяжелую форму дистрофии, Спирин долго не мог оправиться от животного страха перед голодом. Рискуя заночевать в карцере, он до совсем недавнего времени прятал под свой матрац куски выпрошенного, а то и украденного хлеба, съесть который сразу не мог. Теперь, правда, у бывшего доходяги голодный психоз начал уже проходить.

Митька долго дергал спящего за ногу, пока тот проснулся наконец и испуганно вскинулся:

— А? Чего?

— Каши «пульман» хочешь заработать? Во такой! — Нарядчик показал руками размер «пульмана», огромной миски, применяемой обычно для кухонных нужд. Какую-нибудь пару месяцев назад за такую миску овсяной каши Спирин согласился бы вкалывать до полуночи, даже после полного рабочего дня. На это, очевидно, и рассчитывал Савин. Он хотел найти добровольца на какую-то тяжелую работу. Но у нарядчика было право и просто приказать любому выйти на любую хозяйственную работу, притом без всякого обещания награды. А если назначенный им зэк начнет упрямяться, позвать дежурного коменданта по лагерю. С тем разговор короткий: или подчиняйся, или садись до утра в «кондей» (карцер).

Практически, однако, применять такой способ «придурки» (заключенные, устроившиеся на более легкую работу в лагере) стеснялись даже в горных лагерях. И какой же ты, к черту, нарядчик или ста-

роста, если без помощи надзирателя не можешь совладать с рядовым лагерником? Тем более неприличным было бы приглашение дежурного в барак смиренных «рогатиков» (безотказных работяг), да еще со стороны в общем-то благожелательного и покладистого Митьки. Однако его расчет на приманку обильной жратвой для недавнего дистрофика тоже, видимо, не оправдывался. Спирин выслушал предложение нарядчика безо всякого энтузиазма, глядя на него хмуро и подозрительно.

— А чего делать-то надо?

Он, впрочем, не совсем еще проснулся. Вместо прямого ответа Савин ответил вопросом:

— Ты на прииске в похоронной бригаде кантовался?

Вопрос, очевидно, был задан в целях более тонкого подхода к главной теме начатого разговора. Но сделан он был явно неудачно, так как вятский нахмурился еще больше:

— Тебе бы такой кант! Говори, что надо?

Никогда не бывавший в лагерях-доходиловках, Митька допустил весьма неловкий ход. Бригады могильщиков, подчас весьма многочисленные, комплектовались из тех, кто уже не годился более на другие работы на полигоне и сам был кандидатом в «дубари» (покойник, труп). Однако и тон ответов нарядчику со стороны недавно смиренного доходяги был неожиданно грубым и непочтительным. Савин вспыхнул было, но сдержался:

— Могилу, понимаешь, надо вырыть! Сегодня ночью в больнице какой-то штымп врезал... («Штымп» — то же, что и фрайер, но с оттенком презрительности. Обычно малоразвитый, не бывалый человек.)

Худшего предисловия к такому предложению нельзя было и придумать. Спирын ответил еще более грубо и зло:

— Пустой твой номер! Не буду я никакой могилы копать... Он снова улегся на своих нарах и демонстративно натянул на голову одеяло. И без того красное лицо Савина побагровело. Слабину почувствовал чертов штымп! После горного, где за такую непочтительность к нарядчику тут же дрына схватил бы, смирный был, а теперь, гляди, как обнаглел... Митька украдкой огляделся, не видит ли кто его конфуза. Однако храп и сопение вокруг были всеобщими и дружными. Сладив кое-как с раздражением и досадой, он опять подергал за ногу несговорчивого вятского:

— Слышь, Спирын! Выроешь яму — завтра целый день отгула получишь... На работу не погоню, свободы не видать!..

Наш благодушный нарядчик корчил из себя этакое шибко блатное, хотя сам сидел за мелкую растрату в захудалом сельпо.

Однако даже обещание круглосуточного сна в до-

полнение к каше не соблазнило Спирина. Он только еще выше натянул на голову свое куцее одеяло, так, что оголились ноги. Чтобы закрыть их, вятский должен был поджать острые коленки к животу.
— С дежурняком выведу! — вскипел нарядчик.

Однако упрямый мужик повторил, приподнявшись: — Говорю, пустой твой номер! Не знаешь, что ли, что грыжа у меня на повале объявилась... А не знаешь, так и лекпома спроси!

Савин закусил губу. Он просто забыл, что уже с месяц, как Спирин, хотя и продолжает числиться в бригаде лесорубов, занимается в лесу только работами не бей лежачего, вроде сжигания сучьев и отгребания снега от деревьев, спиливать которые будут другие. Грыжа в лагере — это редкостная удача, от нее и не помрешь, и ни на какие сколько-нибудь тяжелые работы не пошлют, даже в горных. Отсюда, конечно, и проистекает наглое поведение недавно смиренного мужичонки... Махнув рукой, нарядчик отошел от его места и снова принялся шарить глазами по нарам, но теперь уже более решительно и зло. За непочтительность с ним Спирина кому-то, видимо, придется отдуваться. Хмуро поведив глазами вокруг, Савин остановил свой взгляд на мне. Я плотно зажмурил прищуренные до этого глаза, но тут же почувствовал прикосновение Митькиной руки. Было очевидно, что мой сегодняшний выходной пропал. У меня не было ни спасительной грыжи, ни даже обыкновенной «слабосилочки». На таких, как я, в лагере полагалось пахать, и сослаться для оправдания отказа рыть кому-то могилу мне было решительно не на что. При других обстоятельствах можно было бы рассчиты-

вать на свойственное многим деревенским некоторое уважение к образованности. Но сейчас Митька был зол и вряд ли потерпел бы новые препирательства. Поэтому я не стал даже прикидываться, что не знаю, в чем дело, а сразу же встал и начал зло натягивать на себя свои драные шмутки, отводя душу руганью. И угораздил же черт этого дубаря загнуться именно сегодня! Кстати, кто он такой?

Нарядчик, оказывается, этого не знал. Час тому назад начальник лагеря приказал по телефону нарядить одного из отдыхающих заключенных на рытье могилы. Кто такой этот дубарь и откуда попал в нашу больницу, Митька мог только предполагать. Скорее всего, его привезли из какой-нибудь дальней рыболовецкой или лесной «командировки» (небольшое лагерное подразделение). Из находившихся в местной больничке заключенных нашего лагеря ни одного кандидата в покойники как будто не было.

Злобствуя по адресу так некстати подвернувшегося дубаря, я не заметил сначала, что Савин дожидается, пока я оденусь, даже и не думая подыскивать мне напарника. Может, он уже нашел кого-нибудь в другом бараке? Оказалось, нет, ему приказано послать на кладбище только одного землекопа. Я изумился: как одного? Могила — это здоровенная яма сечением ноль шесть на два метра и два метра глубиной! В долине Товуя, где находится наше кладбище, грунт — глина вперемешку с речной галькой. Когда такая смесь замерзает, то становится прочней бетона. А мерзлая она сейчас на всю глубину ямы, так как промерзание сверху сомкнулось с вечной мерзлотой снизу. Работы там, по крайней мере,

на две полные нормы для двух землекопов! В одиночку до наступления темноты мне вряд ли удастся выбить могилу в приречной мерзлятине больше, чем на третью часть ее должной глубины...

Савин и сам понимал все эти соображения, но на мои вопросы только пожимал плечами: приказано выделить одного могильщика... Начальник сказал это ясно и добавил, чтоб завтра этому человеку предоставить отгул...

Все было похоже на какое-то недоразумение. О каком отгуле завтра могла идти речь, если один человек провозится с ямой на кладбище, по крайней мере, два дня! А если так, то к чему такая срочность? Да и вообще сейчас зима, и покойник мертвецкой больницы может ждать погребения хоть до самой весны. Его, конечно, туда уже вынесли. Сегодня воскресенье, и у вольных тоже выходной. Выходной он и у нашей спецчасти, которая оформляет умерших лагерников в «архив-три» (реестр лиц, умерших в заключении). Займется она этим только завтра, когда дубарь совсем окоченеет. Но без отпечатков пальцев, снятых с уже умершего человека, его в этот архив зачислить нельзя, будь он мертв хоть трижды. Для одной только «игры на рояле» (снятие отпечатков пальцев) мертвое тело придется отогревать при комнатной температуре больше суток... Получалась какая-то чепуха. Может быть, все-таки Савин чего-нибудь напутал? А насчет завтрашнего отгула, обещанного якобы начальником, он просто соврал для большей убедительности? Но Митька божился, что не врет: свободы не видать! Хорошо, если так! А то ведь обещание заключенного нарядчика вовсе не закон для какого-нибудь

Осипенко. Это был самый противный из здешних дежурных надзирателей, «комендантов», как их тут называли. Сколько раз уже бывало при утреннем обходе: «А этот почему в бараке околачивается?» — «Отгуливает за вчерашнюю работу, гражданин комендант!» — «Ничего не знаю...».

Чтобы умерить мое сожаление об оставленных на-рах, Митька сказал, когда вдвоем с ним мы выходили из барака:

— Ты особенно не расстраивайся! Этим, — он показал через плечо на дверь, — спать только до двенадцати. С обеда приказано всех на «длясэбные» работы выгонять, будете от зонного ограждения снег отбрасывать. Вон сколько его навалило...

«Длясэбными» в нашем лагере назывались работы, которые мы выполняли летом после четырнадцатичасового рабочего дня, а зимой в такие вот редкие и куцые выходные дни. Надзиратель Осипенко, возмущаясь вялостью, с которой заключенные копошились на этих работах, ругался и говорил: «Ну цо вы за народ? Для сэбя и то робить не хотите!...». Так как в сверхурочном порядке нам чаще всего приходилось заниматься такими делами, как рытье ям под новые столбы для колючей проволоки, выпрямление покосившейся вышки или ремонт карцера, самое непосредственное отношение к нам которых действительно не вызывало сомнения, то их и прозвали «длясэбными». Заодно прозвище «Длясэбя» получил и сам Осипенко.

Савин выдал мне лом, кирку и лопату и посоветовал не слишком уж строго придерживать при рытье могилы ее официально установленных размеров, особенно по длине и ширине. С тех пор как вышел приказ хоронить умерших в заключении без «бушлатов», прежней необходимости в соблюдении полных габаритов лагерных могил более нет. Митька имел в виду «деревянные бушлаты» — подобие гробов, в которых умерших лагерников хоронили до прошлого года. И хотя эти гробы сколачивались обычно всего из нескольких старых горбылей, гулаговское начальство в Москве и их сочло для арестантов излишней роскошью. Согласно новой инструкции по лагерным погребениям, достаточно для них и двух старых мешков. Один нахлобучивается на покойника со стороны головы, другой — с ног, и оба этих мешка сшиваются по кромке. Даже если труп принадлежит какому-нибудь верзиле, то и такой не предъявит претензии, если его положат на бок или слегка подогнут ему колени. С точки зрения могильщика, новую погребальную инструкцию можно было только приветствовать.

Проводив меня через вахту, нарядчик передал мне еще один приказ начальника лагеря: по дороге на кладбище зайти к дежурному санитару. Зачем именно, Савин не знал, но высказал предположение, что в больнице я получу указание, в каком месте кладбища рыть могилу и как ее ориентировать. Дело это серьезное. Могилы заключенных всегда располагаются в строго определенном направлении и наносятся на план, хранящийся в спецчасти лагеря. Завернуть в лагерную больничку труда не составляло, она находилась сразу же за зоной по дороге к кладбищу. Проходя мимо этой зоны и глядя на ее ограждение, заметенное снегом чуть ли не до

высоко поднятых на ногах-раскоряках будок часовых, я подумал, что, может быть, и в самом деле выгадываю, отправляясь рыть могилу. Если обещание отгула за эту работу и в самом деле исходит от самого начлага, то целодневной сон послезавтра возместит мне потерю полудневного отдыха сегодня. Тем более что работа на очистке зоны от снега тоже не мед и ее хватит до позднего вечера.

Наша больница, небольшой неохраняемый барак, расположилась на самом краю здешнего поселка вольных. Она была построена до вступления в силу нынешних лагерных уставов, основанных на принципе, что заключенный — это непременно или опасный враг народа, или неисправимый жулик. Впрочем, в нашем Галаганном от сочетания прежнего лагерного либерализма и нынешней суровости случались и куда более удивительные примеры непоследовательности в охране заключенных.

На мой стук в дверь больнички вышел дежурный санитар. Я хорошо знал этого хитроватого темнилу Митина. («Темнила» — заключенный, под разными предложениями уклоняющийся от работы или выполняющий работу, не соответствующую его возможности.) До заключения он был следователем по уголовным делам и отличался удивительной способностью чуть ли не во всех действиях и поступках усматривать какой-то мелкий, низменный практицизм.

— С отгулом? — спросил он меня, поздоровавшись.
— Савин говорит, что обещал начальник, — пожал я плечами.

— Тогда тебе повезло! Работенка-то не бей лежа-
чего.

— Это три куба мерзлотины выбить — не бей ле-
жачего?!

— Каких там три куба? Да сейчас сам увидишь. По-
шли в морг!

Санитар открыл маленький дощатый сарайчик, сто-
явший чуть поодаль от больничного барака и снару-
жи ничем не отличавшийся от обычного дровяного.
Но внутри этого сарайчика на вбитых в землю ко-
льях возвышались два сколоченных из горбыля на-
стила.

Они напоминали узкие и высокие столы. Один из
этих столов был пуст, поперек другого лежал не-
большой сверток, сделанный, по-видимому, из об-
рывка старой простыни.

— Вот, принимай своего дубаря! — провозгласил
Митин, протягивая мне сверток с таким видом, с
каким вручают имениннику приятный сюрприз-по-
дарок. — Сегодня ты не только могильщик, но и по-
хоронщик...

Я принял легонький пакет с недоумением: что это?
В белую тряпку было завернуто что-то твердое и
продолговатое, напоминающее на ощупь небольшую
статуэтку. Поняв, что это, я вздрогнул от нежи-
данности: мертвый ребенок!

— Одна из нашей жензоны родила ночью, — пояснил довольный моим изумлением Митин. — Прощлым летом на сенокосе нагуляла. Да недоносила месяц, всего часа четыре и пожил.

Я держал сверток одной рукой на отлете, испытывая к его содержимому чувство невольной брезгливости. Мысль о выкидыше вызывала у меня представление о чем-то уродливом и отталкивающим, а что-то в этом роде было и здесь. Впрочем, трупик несчастного недоноска был сейчас заморожен. Места же на кладбище понадобится для него немногим больше, чем для котенка. Соответственно пустяковой должна быть и глубина могилы. Митин, кажется, прав, и мне сегодня действительно повезло. Особенно если я получу обещанный отгул завтра.

— Допер теперь, почему работенка блатная? — спросил меня довольный Митин. — А то — «три куба»! Тут и половины куба много будет... — Он взялся за ручку щелястой двери сарайчика. — Вот и все, дуй теперь с ним на кладбище! Да только не на вольное, гляди! Потомственному крепостному на нем не место. («Крепостной» — заключенный.)

В шуточной форме санитар меня предупреждал, видимо, чтобы я, соблазнившись близостью поселкового кладбища, не поленился тащить трупик на более отдаленное лагерное. Я и не думал этого делать, но шутка Митина навела меня на мысль, что покойный младенец и в самом деле имеет право быть погребенным не на тюремном кладбище.

— А что, разве его в «архив-три» занесут? — сердито спросил я бывшего следователя.

Но он счел за благо сделать вид, что принял мой вопрос за ответную шутку, осклабился и отрицательно покрутил головой:

— В архив наш дубарь еще не годится, на рояле играть не умеет.

Потом Митин посерьезнел и понизил голос, хотя ни в сарае, ни вокруг сарая никого не было:

— Между нами... Начлаг с доктором договорились через загс этого рождения не оформлять... В историю болезни роженицы будет записано, что ей произведена эмбриотомия. Это когда плод кусками извлекают, понял?

Я утвердительно кивнул: дело понятное. Больнице не нужен лишний случай летального исхода в ее стенах, лагерью — лишнее свидетельство недостаточности строгого соблюдения режима заключения. Любовная связь между лагерниками и лагерницами строго запрещена. Не должно быть, следовательно, и ни одного случая деторождения. Но это в теории. На практике же в смешанных лагерях добиться такого положения невозможно. Поэтому существовало нечто вроде негласного и неофициального предела числа деторождений на каждую сотню заключенных женщин. Превышение этого предела являлось одним из самых отрицательных показателей

работы лагерного надзора, особенно не нравившихся вышестоящему начальству. И не только из ханжеских или чисто тюремщицких соображений. К ним примешивался еще и бухгалтерский меркантильный интерес. Дело в том, что прижитые в лагере дети воспитывались в специальных приютах, содержавшихся за счет бюджета соответствующего лагерного управления. И как ни жалки были эти инкубаторы для сирот при живых еще родителей, они, требуя известных расходов, ухудшали показатели финансового плана лагуправлений со всеми последствиями для премий руководящему персоналу. Отсюда в немалой степени вытекал и интерес лагерного начальства к нравственности своих подопечных. Возможно, что сокрытие появления на свет очередного инкубаторного ребенка, в котором участвовал и я, решало вопрос: в пределах ли нормы или за этими пределами находятся показатели добродетели безбрачия в нашем лагере, скажем, за текущий квартал.

Когда я, зажав под мышкой пакет с маленьким покойником, взваливал на плечо свои громоздкие инструменты землекопа, Митин, снова оглядевшись и понизив голос, хотя никого кругом по-прежнему не было, сказал еще более доверительным тоном, чем прежде:

— Доктор приказал мне проверить потом, не зафутил ли похоронщик? Люди, знаете, у нас всякие. Иной зарвет дубарика в снег, а весной может неприятность получиться. Ну, я на тебя надеюсь...

Вряд ли ему кто-нибудь давал такое поручение.

Просто хитрец делал мне новое замаскированное предупреждение. Этому человеку, возможно, в результате его профессиональной практики всегда казалось, что если кто-нибудь может злоупотребить своей бесконтрольностью, то он непременно это сделает. В общем-то, неплохой и по-своему неглупый мужик, Митин, хотя и довольно благодушно, подозревал всех в плутовстве. Меня это злило и вызвало желание треснуть по ухмыляющейся физиономии санитара своим свертком. Но я только буркнул:

— Надежда — мать дураков! — и пошел по дороге, ведущей вдоль реки к морскому берегу.

Солнце уже взошло, и время утреннего температурного минимума заканчивалось. Это было видно и по морозному туману, который на берегу уже почти рассеялся. Однако над морем, точнее над прибрежными льдинами, он продолжал еще клубиться, как дым, образуя подобие рваной розовой завесы. Солнечный диск сквозь эту завесу казался совсем маленьким и густо-красным. Но когда он становился видимым сквозь одну из ее прорех, то оказывалось, что этот диск огромный, гораздо больше обычного размера, а цвет у него желто-оранжевый, тоже не очень яркий. В зависимости от того, находилось ли солнце за туманом или выглядывало сквозь его прорехи, менялись и длинные тени на снегу. Они становились то черно-синими, с резко очерченными краями, то жухловато-серыми и размытыми.

Справа от дороги белел покрытый снегом широченный здесь Товуй. Его ровную, как стол, поверхность

пересекали местами ломаные линии метельных за-
струг. За рекой на фоне удивительно чистого в этой
стороне, нежно-синего и холодного неба тонко про-
черчивались розоватые контуры заснеженных
сопок.

До моря отсюда было не более полутора-двух кило-
метров. На самом его берегу стояли не видные от-
сюда, за поворотом дороги, склады соленой рыбы.
На лагерное кладбище надо было свернуть, немно-
го не доходя до этого поворота, в противоположную
сторону. Оно расположилось под прибрежной соп-
кой, довольно пологой со стороны реки, но круто
спускавшейся к морю. Другая, почти такая же соп-
ка возвышалась на противоположном краю широ-
кой речной долины. С моря эти два угрюмых кону-
са служили хорошим ориентиром морякам-кабо-
тажникам для ввода по приливу в устье Товуя мор-
ских барж, направлявшихся в наш Галаганных.

Из-за поворота дороги неожиданно показался над-
зиратель Осипенко, шедший мне навстречу. Бегал,
наверное, на рыбные склады проверять, на месте ли
сторожа из заключенных. А главное: не гостит ли у
них кто-нибудь из приятелей, явившихся сюда с
целью стащить или выпросить рыбину? Вряд ли
всякий другой из наших лагерных надзирателей
поперся бы сюда в такой мороз ради сомнительной
возможности кого-то на чем-то изловить, хотя это и
входило в их обязанности. Другое дело — Осипен-
ко. Постоянное усердие, иногда не по разуму, отли-
чало этого туповатого вохровского служаку.

То, что он дежурит сегодня, — хорошо. Не будет

дежурить завтра, а это увеличивает мои шансы на спокойный отдых. Однако встречаться с этим болваном Длясэбя мне не хотелось даже сейчас, хотя придираться ему, казалось бы, и не к чему. Но со своими обычными вопросами: «Куда идешь?!» и «Чего несешь?» он непременно пристанет. И я ускорил шаг, чтобы поскорее свернуть на чуть заметную боковую дорожку на кладбище и избежать неприятной встречи с Длясэбя нос к носу. Но я успел сделать по этой дорожке только несколько шагов, когда услышал его окрик:

— Стой! — комендант жестом издали приказал мне остановиться и вернуться на дорогу. — Куда идешь? — спросил он, подходя.

Направление пути и мои инструменты могильщика отвечали на этот вопрос достаточно красноречиво. Но мало ли что? Ведь кирку, лопату и пудовый лом арестант может тащить и просто «с понтом», только для отвода надзирательских глаз! В действительности же направляться на вожделенные склады с каким-то подношением для тамошних сторожей. «Недоверие к заключенному — высшая добродетель тюремщика!» — патетически восклицал мой сосед по нарам, бывший учитель истории, перефразируя известное выражение Робеспьера о революционных добродетелях.

Когда я ответил надзирателю, что вот на кладбище иду копать могилу, последовал неизбежно второй вопрос:

— А несешь чего? — А за ним и приказание: — А ну покажь!

Преодолевая досаду и заранее возникшее отвращение к тому, что я увижу сейчас, я развернул простыню и обнажил верхнюю половину тельца своего покойника.

По моим тогдашним представлениям, все без исключения новорожденные были морщинистыми, дряблыми комочками живого мяса, дурно пахнущими и непрерывно орущими. Смерть и мороз должны были ликвидировать большую часть этих неприятных качеств. Но оставался еще внешний вид, который у недоноски, вероятно, еще хуже, чем у нормального ребенка.

Контраст между этим ожидаемым и тем, что я увидел, был так велик, что в первое мгновение у меня возникло чувство, о котором принято говорить как о неверии собственным глазам. А когда оно прошло, то сменилось более сложным чувством, состоящим из ощущения вины перед мертвым ребенком и чем-то еще, давно уже не испытанным, но бесконечно теплым, трогательным и нежным.

Желтовато-розовое в оранжевых лучах полярного солнца, крохотное тельце казалось сверкающе-чистым. И настолько живым и теплым, что нужно было преодолевать в себе желание укрыть его от холода.

Голова ребенка на полной шейке с глубокой младенческой складкой была откинута немного назад и повернута чуть вбок, глаза плотно закрыты. Младенец, с чуть приоткрытым беззубым ртом, казался уснувшим и улыбающимся. Во внешности этой статуэтки из тончайших органических тканей, которые мороз сохранил в точности такими, какими они были в момент бессознательной и, очевидно, безболезненной кончины маленького человеческого существа, не было решительно ничего от страдания смерти. Я, наверно, нисколько не удивился бы тогда, если бы закрытые веки мертвого ребенка вдруг дрогнули, а его ротик растянулся еще больше в улыбке неосознанного блаженства.

Для себя на некоторое время устался на маленького покойника с каким-то испугом. Потом он сделал рукой жест от себя, с которым произносили, наверно, что-нибудь вроде: «Чур-чур меня!» — и, круто повернувшись, зашагал прочь.

А я, несмотря на жестокий мороз, долго еще стоял и смотрел на мертвое тельце, положенное мною на снег. Под заскорузлым панцирем душевной грубости, наслоенной уже долгими годами беспросветного и жестокого арестантского житья, шевельнулась глубоко погребенная нежность. Видение из другого, почти уже забытого мира разбудило во мне многое, казавшееся давно отмершим, как бы упраздненным за ненадобностью. Было тут, наверно, и неудовлетворенное чувство отцовства, и смутная память о собственном, рано оборвавшемся детстве. Хлынув из каких-то тайных, душевных родников, они разом растопили и смыли ледяную плотину наносной черствости. Теперь не только грубое слово, но даже

грубая мысль в присутствии моего покойника показала бы мне оскорбительной, почти кощунственной.

Осторожно, как будто опасаясь его разбудить, я снова завернул мертвого ребенка в его тряпку и понес свой сверток дальше, на кладбище. Но уже не так, как нес его до сих пор, небрежно и безразлично, а как носят детей мужчины, бережно, но неловко прижимая их к груди. Было очень нелегко тащить в гору по непротоптанному снегу тяжелый, раскатывающийся на плече инструмент. Но я предпочитал доставать из-под глубокого снега то и дело сваливающийся лом, чем подхватывать этот лом рукой, занятой покойным младенцем.

Ближе к кладбищу снег становился еще глубже, так как здесь, на краю долины, выступы сопок задерживали его от сдувания в море. Все чаще приходилось останавливаться и отдыхать. И всякий раз при этом я отворачивал простыню и подолгу глядел на лицо ребенка. Маленький покойник парадоксально напоминал мне о жизни. О том, что где-то, пускай в бесконечной дали, эта жизнь продолжается. Что люди свободно зачинают и рожают детей, а те платят своим матерям и отцам такими вот улыбками еще не осознавших себя, но тем более счастливых существ. Есть, наверно, такая жизнь и ближе, даже, может быть, совсем рядом. Но и на ней здесь лежит все очерняющая, все опорочивающая и искажающая тень каторги.

Мне очень хотелось прикоснуться к коже ребенка, казавшейся теплой и атласно-мягкой. Но я знал,

что будет ощущение не тепла, а холодного, полированного камня, которое разрушит желанную иллюзию. И усилием воли заставлял себя не поддаваться этому соблазну.

Кладбище нашего сельхозлага, хотя оно принимало в себя немало жертв других здешних лагерей, ни по занимаемой им площади, ни по числу погребений не шло ни в какое сравнение с кладбищами при кааторжных рудниках. Там число мертвых почти всегда во много раз превышает число еще живых заключенных. Здесь же место, отведенное под могилы умерших в заключении, занимало на самом низу склона сопки лишь небольшую площадку. Со стороны моря она была ограничена крутым обрывом к широкой полосе прибрежной гальки. В прилив море заливало эту полосу, в отлив отступало на добрый километр к горизонту. В первые месяцы зимы здесь ежегодно идет жестокая война между морозом и морем. В периоды относительного затишья мороз сковывает воду. Приливы и штормы ломают лед, но непрерывно крепчающие холода снова спаивают их в огромные и неровные ледяные поля, которые снова ломают сильнейшие осенние штормы. В конце концов поле битвы неизменно остается за морозами, а море отступает куда-то за линию горизонта. Но представляет собой это поле спаянный в сплошном массиве битый лед, густо оцетинившийся скоплениями торосов.

Надо было точно знать, где находится наше кладбище, чтобы отличить его зимой от всякого другого места на склоне сопки. Ряды низеньких, продолговатых бугров едва угадывались теперь под толстым слоем снега, засыпавшего их выше лагерных «эпи-

тафий», больших фанерных биров, величиной с тетрадный лист, укрепленных на каждой могиле на небольшом деревянном колышке. Химическим карандашом на фанерках были выписаны «установочные данные» покойных, тот тюремный полушифр, в котором всегда сконцентрирована трагедия целой человеческой жизни. Однако сейчас на всем кладбище, да и то лишь частично, виднелась поверх снежных сугробов только одна из этих «эпитафий». Она была установлена на могиле, расположившейся почти на самом краю обрыва. Ветер с моря сдул вокруг нее снег и обнажил фиолетовые цифры. Они сильно расплылись от осенних дождей, и разобрать можно было только цифры — 58-9 и 15. Этого было, однако, достаточно, чтобы понять, что погребенный здесь человек осужден за контрреволюционную диверсию на пятнадцать лет заключения. Судя по этим данным и относительной свежести надписи, это был один из товарищей Спирина, голодное истощение которого дошло уже до необратимой стадии «Д-3», и он, полежав в нашей больнице месяца полтора, умер. Про него еще говорили, что он «остался должен» прокурору больше двенадцати лет.

Однако вопрос об этом человеке и его «долге» был сейчас праздным. Надо было высмотреть место для могилки. Да вот, хотя бы здесь, рядом с могилой диверсанта, на самом краю каторжной колымской земли.

Своего покойника я решил положить головой к морю, хотя это и не по правилам, все покойники здесь лежат в другом направлении. Но гулаговские правила для него ведь и не обязательны. Не нужна над ним и фанерная «эпитафия», повествующая о пре-

ступных деяниях покойного, действительных или выдуманных. Никакой, даже самый дотошный, прокурор не смог бы сочинить такой «эпитафии» для младенца, вообще не совершившего никаких еще деяний. Формально он не существовал ни одной секунды из тех часов, которые прожил, и не имел даже имени.

Жизнь этого противозаконно появившегося на свет новорожденного не была нужна никому, даже его матери. «Оторва!» — махнул рукой по ее адресу Митин. На этот раз он был, скорее всего, прав. Женщины — профессиональные уголовницы — существа, обычно совсем опустившиеся. Даже когда их освобождают из лагеря именно потому, что они матери малолетних детей, далеко не все из них забирают из «инкубаторов» своих ребятишек. И уж подавно никогда почти не интересуются ими, не только оставаясь, но и заканчивая свой срок. Мне случалось видеть этих несчастных полуголодных, одетых в убогую, пошитую из лагерного утиля одежду детей, явившихся на свет только благодаря надзирательскому недосмотру. Для начальства они являются всего лишь нахлебниками бюджета, нежелательным побочным продуктом существования лагеря и досадным живым укором этому начальству за его различные упущения.

Однако у тех из прижитых в заключении детей, которые зарегистрированы как новоявленные граждане Советского государства, всегда числятся формально известными не только их матери, но и отцы. Регистрация новорожденных проводится через спецчасть лагеря, а та настойчиво требует от «мамок», чтобы они непременно называли отца ребен-

ка, пусть только предполагаемого. Оставлять незаполненной графу об отцовстве лагерного ребенка значило бы расписаться уже не в одном, а в двух упущениях. Впрочем, особых осложнений тут никогда не возникало. Мужчины-лагерники, которых нередко, совершенно для них неожиданно, производили в отцовское звание, почти никогда против этого не протестовали. Дело в том, что оно решительно ни к чему их не обязывало, ни теперь, ни потом, кроме, правда, трехдневной отсидки в карцере за противоуставную связь с женщиной. Оставить такую связь безнаказанной лагерное начальство прав не имело. А поскольку факт рождения ребенка выдавал виновного в этом проступке с личным, то счастливый папаша расписывался одновременно на двух бумагах — акте о рождении нового человека и приказе о водворении отца этого человека в лагерный кондей. За всю историю нашего Галаганых всерьез принял свое отцовство только один заключенный. Это был жулик из Одессы, еврей по национальности, по блатному прозвищу, как водится, «жид». Отсидев после рождения в лагерной больнице своего сына положенные трое суток, отец выпросил его у матери через дневальную барака мамок-кормилок и демонстративно прошелся с ним по двору лагерной зоны. Встретив начальника лагеря, «жид» смиренно снял перед ним картуз и от имени своих родителей пригласил его в гости, в Одессу. Сам он принять дорогого гостя пока не может, но старики-де, уверял бывший фармазон с пересыпского базара, будут рады приветствовать человека, официальным приказом по лагерю отметившего рождение их внука. Однако начлаг не оценил ни остроумия, ни вежливости «жида», и тот снова отправился ночевать в «хитрый домик», в дальнем углу зоны.

Я расчистил снег на месте будущей ямы и собрал его в небольшую кучку, несколько поодаль от этой ямы. Снова отвернул простыню от лица своего покойника и положил его на склон снежного холмика таким образом, чтобы видеть ребенка во время работы.

Как я и предполагал, промерзший грунт речной долины по крепости мало уступал бетону. Даже незамерзшая смесь каменной гальки и глины — настоящее проклятие для землекопа. Сейчас же лом и кирка то высекали искры из обкатанных камешков кварца, гранита и базальта, то увязали в сцементированной их глине. Ямка была всего по колено, когда я, несмотря на жгучий мороз, снял свой бушлат и продолжал работу в одной телогрейке.

Для погребения маленького тельца этой ямки было бы уже достаточно, но я упорно продолжал долбить неподатливый грунт, пока не выдолбил могилку почти в метр глубиной. Затем в одной из ее стенок я сделал углубление, наподобие небольшого грота. Покончив с этим, взобрался высоко на склон заснеженной сопки, туда, где должны были находиться заросли, сейчас их правильнее было бы назвать залежами кедра-стланика. Открыл их, нарубил лопатой хвойных ярко-зеленых веток и спустился с ними вниз. Долго и тщательно выкладывал этими ветками дно и стенки гротика. Затем, в последний раз поглядев на лицо ребенка, закрыл его простыней и положил трупик на ветки. Ветками покрупнее заложил отверстие грота и засыпал яму. Кропотливо и старательно пытался потом придать рассыпающейся кучку мерзлой глины с катышем гладкой гальки вид аккуратной, усеченной пирамиды.

Несмотря на привычку к тяжелой, ломовой работе, я устал. Надел свой бушлат и присел рядом, на могилу диверсанта. Я так долго возился с погребением, что недлинный мартовский день уже приближался к концу.

На краю заснеженного обрыва темнел насыпанный мною бурый холмик. Внизу расстилалось замерзшее море, до самого горизонта покрытое торосами. Ледяные плиты, местами высотой в два человеческих роста, то раскидывались наподобие веера, то длинными грядами вздыбливались почти вертикально, напоминая остатки скрытых крепостных стен, то беспорядочно громоздились огромными грудями, как разрушенные землетрясением здания. Налипший на торосах снег розовел под лучами совсем уже низкого солнца. На местах сравнительно свежих изломов лед отливал глубокой зеленью, как вода в омуте, а тени его высоких осколков на розоватом снегу казались сейчас почти синими.

Стояла глубокая, торжественная тишина. Наверно, такой глубокой она бывает еще на застывших планетах. Должно быть, и там вот так же величаво плывет над хаосом мертвой материи неяркое, потухающее светило.

Неправдоподобно огромный оранжевый диск солнца почти уже касался горизонта своим нижним краем, готовясь закатиться за него по-арктически медленно. Чистое, бледно-розовое небо через неуловимые цветовые переходы постепенно становилось светлосиним. Только здесь, в этих неприятных северных краях, оно бывает таким нежным, таким чистым и

таким равнодушным к человеку. Конечно же, я не в первый раз видел этот первозданный пейзаж, в котором и прежде замечал что-то от холодного величия космоса. Однако только сейчас закат над полярным морем вызвал у меня не только мысль, но и как бы чувство суровой гармонии мира. Мне казалось, что я ощущаю беспредельность и холод пространства, в котором движется наша планета, и его равнодушие к тому эфемерному, преходящему, что возникает иногда в глухих уголках Вселенной и зовется жизнью. Жалкая и уродливая, она становится в конце концов всегда уничтоженной мертвыми, равнодушными силами природы.

Но тут же во мне возник протест против этого пессимистического вывода, навеянного созерцанием впечатляющей картины царства холода. Жизнь только кажется скромной и сирой по сравнению с враждебными ей силами. Однако выстояла же она против этих сил и даже сумела развиться до степени разумного сознания, как бы отразившего в себе всю необъятную Вселенную. И это только начало! Несмотря на присущие всякому развитию тяжелые детские болезни, именно разумным формам жизни, а не мертвой материи будет принадлежать главенствующее положение в мире!

Могильщиков с легкой руки Шекспира исстари принято считать чуть ли не профессиональными философами. Это сомнительное мнение было бы, вероятно, ближе к истине, если бы профессию погребателя, как и все другие профессии, люди себе выбирали. А что касается строя мыслей случайных ее обладателей, то он, как правило, такой же, как и у остальных людей. Во всяком случае, я не наблю-

дал какого-либо воздействия профессии могильщика на психологию тех, кто даже очень подолгу работал в похоронных бригадах. Постоянно обслуживая смерть, они, как и все, все время думали и говорили о жизни, причем в самых прозаических ее проявлениях, вроде лагерной пайки, баланды и сна на барачных нарах. Впрочем, даже те из них, кто обладал философским складом ума, памятуя о враждебно-насмешливой настроенности лагеря к сентиментальному философствованию, вряд ли могли быть так же велеречивы, как знаменитый могильщик из «Гамлета». Вот и я, например, никому здесь не признаюсь, что расчувствовался при виде маленького дубаря, а зарыв его, думал не о миске дополнительной баланды, которую получу сегодня за эту работу, а о путях мироздания. Тем более что и высокому строю своих мыслей, и торжественному настроению, с которым я наблюдал закат над арктическими льдами, я был обязан случайности. Не встретить меня по дороге сюда надзиратель Осипенко и не заставь развернуть перед собой моего свертка, я ни за что бы не сделал этого по собственному почину. И давно бы уже наспех и как попало зарыл бы в землю этот сверток, заботясь только о том, чтобы его не вымыли внешние воды или не разрыли ездовые собаки. А закончив работу, поспешил бы в лагерь, думая, что подфартило мне все-таки здорово. Заработать целый день отдыха за каких-нибудь два-три часа работы удается нечасто. Если, конечно, нарядчик не врет, что этот отдых обещан мне самим начальником.

ЗАПИСКИ ИЗ РУКАВА

Стихи можно заучить наизусть. Так я и делала: во внутренней тюрьме Ленинградского КГБ, в «Крестах», на этапе. Даже сейчас, в ссылке, я больше надеюсь на свою память, чем на удачу: 7 экземпляров «Книги разлук» было у меня изъято! Вспомнила, восстановила — живут.

А что делать с прозой, со всякого рода заметками, набросками, с этими маленькими историями о людях, которых я никогда больше не увижу, не встречу, о многих из которых я едва ли вспомню, если потеряю эти крошечные листочки, иногда размерами в половину спичечной этикетки? Бесконечные обыски, тайные и явные, законные и незаконные, лишили меня большей части моего маленького тюремного архива. Власть и Сила (пишу с прописной исключительно из уважения к Эсхилу!) не так страшны в облике бандитов с большой дороги, как утомительны в роли мелких воришек и крохоборов. Мелких, как и повсюду, больше, чем крупных. Они с равным служебным рвением шарят в карманах, за пазухой, в женском белье, в помойках, в канализации. Одно удовольствие наблюдать их во время обыска в тюремной камере: заметно, что параша — любимый объект их внимания. Они вспарывают матрасы, отдирают плинтусы, обшаривают подоконники, но все поглядывают в заветный уголок...

И вот я решила записывать свою одиссею в виде коротких заметок: так легче и запомнить, и при-

прятать, и переправить на волю или оставить верному человеку на сохранение.

Воруйте, воруйте — что-нибудь да останется! Перед тем как обработать вновь прибывших заключенных (дактилоскопия, фотография и пр.), их держат в «собачнике».

Камера площадью 5—6 квадратных метров с узкой скамьей по периметру. Стены «набросаны» известковым раствором — не прислониться. Холод поистине собачий.

Меня привели часа в 2 дня. К вечеру в камере сидело и стояло 16 женщин. Когда у стоявших уставали ноги, сидевшие уступали им место. Делились своими бедами, сигаретами, просвещали новичков.

Вечером объявили ужин, и в «кормушку» просунули первую миску с кашей. Запах подгорелой овсянки разнесся по камере. Некоторые ели, чтобы согреться, большинство отказалось.

Через полчаса в «кормушке» показалась голова «баландера» и объявила: «Давайте миски. Чай!».

Все ожидали, что взамен мисок появятся кружки с чаем. Но нет, чай стали наливать прямо в грязные миски. Вымыть их было негде, так как водопроводного крана в камере не было. Все мечтали согреться

ся горячим чаем, но только две или три женщины решились пить его из грязных мисок.

Если бы я еще раньше не объявила голодовку, то начала бы ее с этого «ужина»; за всю свою жизнь я не видывала собаки, которой для питья не потребовалась бы отдельная миска!

21 декабря все до одного надзиратели в «собачнике» были пьяны. Они то и дело заглядывали в «кормушку», отпускали в наш адрес сомнительные комплименты, орали друг на друга в коридоре. Бывалые зэчки объяснили, что в этот день (или накануне, сейчас уже не помню) в «Крестах» выдают зарплату.

Одна бойкая девица, увидев в «кормушке» улыбающуюся рожу надзирателя, попросила:

— Дай закурить!

— А х... будешь дурить? — отвечает он и выжидательно смотрит на нее.

А девочка возьми и ответь ему на том же языке и тоже в рифму — что-то в смысле того, что он может обойтись и без ее услуг, если ему приспичило. Вся камера расхохоталась.

Надзиратель отворил дверь и потребовал, чтобы она вышла из камеры.

— Не ходи! — крикнула женщина постарше. — Хотят разбираться — пускай вызывают корпусного. Мы скажем, что он первый тебя оскорбил.

— А чего мне бояться! — фыркнула девчонка и смело пошла к двери.

Ее увели. Через несколько минут мы услышали ее крики и мольбы о пощаде. Кричала она так страшно и так долго, что мы все пришли в ужас: «Что они там над ней творят?!».

Через час ее втолкнули обратно. Она забилась в угол и долго сидела, закрыв лицо руками и не отвечая на расспросы. Все ее утешали как могли. Наконец она сняла с головы платок, и мы увидели, что эти изверги обрили ей полголовы, оставив волосы только спереди и с боков — под платок.

Надо сказать, что в тюрьмах стригут женщин наголо, если находят у них вшей, — случается такое. Но, во-первых, никаких проверок на вшивость никто еще не проводил, а во-вторых, даже если бы у нее что-то и обнаружили, то какой же был смысл остригать только полголовы?

— Ничего, плюнь на это дело! — утешали ее. — Челка есть, с боков волосы видны — ну и ладно. В лагере отрастут.

— Если бы только это! — воскликнула она и зали-

лась слезами пуще прежнего. Больше она ничего не рассказала, и мы не стали ее расспрашивать.

Почему я ничего не сделала в ее защиту, сразу же, как только услышала ее крики? В тот момент, а вернее, в тот день я еще мало реагировала на окружающую обстановку. Последний раз я встречала уголовниц весной 1964 года, когда сидела в «Крестах» по 191-й статье — сопротивление представителям власти. Естественная отчужденность порядочного человека, попавшего в среду непорядочных. Я была занята собой: голодовку объявила как-то сгоряча, это был первый всплеск протеста, а теперь нужно было распределить его во времени, рассчитать силы, установить срок, наконец. Через несколько дней я уже поняла, что сил моих хватит надолго и что я попала в гораздо более порядочную среду, чем та, в которую окунулась с первого ареста.

Не сработал рефлекс защиты ближнего, в обычной жизни редко меня подводивший. Этой истории я стыжусь до сих пор, ибо считаю, что должна была вести себя безукоризненно с первой минуты, с первого шага по этому новому кругу.

Были ли после ситуации, в которых я вела себя недостойно? Пожалуй, не было. Хотя бывали минуты внутренней растерянности, когда я заметно для окружающих в считанные секунды должна была решить, как мне себя вести. Были ошибки, но не те, которых можно стыдиться. Некоторые эпизоды тюремной жизни я переживала в воспоминаниях снова и снова, пытаюсь понять, что и почему я сделала не так.

Иногда я нахожу ответ сама, иногда обращаюсь к более опытным друзьям. Что ж, учителя у меня были те же, что могли быть у любого, — Солженицын и другие. Опыт постоянных, но кратковременных арестов последних лет давал мало. Сейчас, через полгода после этой истории, я считаю, что мне повезло — весь этот опыт был мне необходим, более того, требуется еще некоторое продолжение...

На другой день всех вновь прибывших повели в женский корпус и стали разводить по камерам. В коридоре корпусная начальница почему-то сразу выбрала меня из толпы и велела отойти в сторону. Затем она очень быстро развела женщин по камерам: «Трое — сюда, четверо — сюда», — и так далее. Когда осталась одна я, она повела меня в конец коридора, вручила мне матрас, миску с кружкой и раскрыла передо мной дверь новой камеры.

Я остановилась у порога. Узкая, длинная камера шириной чуть больше двух метров, длиной метров 12—15. Двухэтажные нары стоят вдоль стен, оставляя посередине неширокий проход. 36 «шконок». Небольшое окно почти не пропускает дневного света, и в камере горит электричество, хотя уже середина дня. Я с удивлением замечаю, что в камере нет ни одного свободного места. Оборачиваюсь к надзирательнице:

— Простите, но здесь нет мест.

— Ложись на пол под шконку, — отвечает она и захлопывает дверь.

Я здороваюсь с обитательницами камеры, кладу свернутый матрас в свободный угол возле окна, сажусь на него и закуриваю.

— Это ты, что ли, политическая? — спрашивает меня здоровенная бабища мужским голосом. Остальные притихли и выжидающе смотрят на меня.

— По-видимому, я, раз уж вам дали такую информацию. Расспрашивают о деле. В этих расспросах есть что-то настораживающее. Я отвечаю очень коротко.

— А почему ты не стелешь матрас и не ложишься?
— Так ведь некуда.

— Забирайся под любую шконку, какая понравится, — говорит та, здоровая баба. Она здесь вроде атаманши. В ее словах и в том, как на меня глядят остальные, мне чудится желание поглумиться.

— Я не крыса, чтобы ютиться под нарами.
Общий взрыв возмущения.

— Мест не хватает, все могут спать на полу, а она не может!

— Меня мало волнует, что в ленинградской тюрьме не хватает мест. Я сюда не просилась, а дома у меня места достаточно. Местные жилищные проблемы меня мало трогают. С этим пусть разбирается начальство.

— Что же оно может сделать, если мест нет?

— Не знаю. Знаю только, что никто не имеет права, отняв у человека свободу, пытаться отнять и его гордость.

— Ты что же, лучше нас?

— Возможно, что и хуже. На взгляд властей, так определенно хуже. Но под шконку меня никакая власть не загонит.

— Ну так мы сами тебя загоним, — заявляет «атаманша».

— Нет.

Я уже чувствую, что разговор пошел не туда, а потому стараюсь говорить нарочито лениво и тихо, пытаюсь сбавить накал.

— Еще как загоним. Вот под мою шконку ляжешь, а ночью я тебя обоссу.

Общее веселье.

— Вы знаете, — любезно улыбаюсь я в ответ, — должна вас огорчить, но и этого тоже не будет.

Я встаю со своего матраса, чтобы бросить в унитаз окурок. Воспользовавшись этим, «атаманша» ногами заталкивает матрас под свою шконку. Я делаю вид, что ничего особенного не произошло, иду на место, где лежал матрас, и сажусь спиной к батарее. Закуриваю новую сигарету. А вокруг напря-

женные, обезображенные злобой женские лица. «Атаманша» всех подзуживает: «И чего мы на нее смотрим? Ведь таких душить надо! Это из-за них, политических, в лагерях и тюрьмах житья не стало». Бабы потихоньку сползаются на ближайшие шконки. Круг сжимается...

А в это время на другом конце камеры назревает другая напряженная ситуация, в какой-то степени тоже связанная со мной. Добродушная на вид толстушка вдруг ласково говорит, ни к кому не обращаясь: «И чего вы на нее налетели? Не хочет человек под шконкой лежать — не надо. Я ей свою постель уступлю, а сама к Зоеньке лягу. А она мне палочку бросит».

Тут же выступает другая: «Но почему именно ты? И я могу уступить место. Зоя, с кем ты хочешь лечь?». С одной из шконок поднимается красивая высокая девица; самодовольно улыбаясь, она берет сумочку, идет к зеркалу над раковиной и начинает красить ресницы, искоса поглядывая на спорящих. Между соперницами назревает своя ссора.

А вокруг меня идет разговор уже только об убийстве. — Мне ее придушить — раз плюнуть, — воинствует одна из баб, — у меня восьмая ходка, да третья — сто восемь (убийство, особо зверское...). Вышки не будет, а пятнадцать лет и так сидеть.

Полчаса назад она сокрушалась по поводу своего дела: «Ей, старой стерве, может, год жить оставалось, а мне теперь из-за нее, ведьмы, сидеть и си-

деть». Она убила старушку, неожиданно для нее оказавшуюся в квартире, которую она задумала ограбить.

Я курю.

— Да ну ее, — говорит уголовница попроще, — еще сидеть за нее.

— За нее?! За нее года три сразу скинут! Это же враг народа! — кричит «атаманша».

И тут со шконки срывается совсем молодая женщина и бросается ко мне. Я вскакиваю, прижимаюсь спиной к стене. Чувствую, что эта женщина и есть самая опасная. До сих пор она сидела, тупо и обреченно глядя в угол и ни во что не вмешиваясь. Последние слова атаманши подействовали на нее, как удар током. В ее глазах загорается какая-то безумная надежда на решимость. Она хватается за мое горло и начинает душить. Не меньше десятка рук в ту же секунду тянутся ко мне, рвут на мне одежду, царапают лицо, вцепляются в волосы. Если я упаду, они меня растерзают. И я изо всех сил прижимаюсь к стене. Если стану отбиваться — тем более: начнется общая свалка, и тут мне придет конец. Я скрестила руки на груди, сжала их, чтобы не отбиваться, и уставилась прямо в глаза той, что меня душила. Прямо и, насколько это возможно, спокойно.

— Она смотрит! — вдруг истерично кричит женщина, и руки ее разжимаются. Остальные отскакивают, как по команде, но недалеко: глаза их следят за мной с прежним возбуждением. Чувствую, что че-

рез минуту-другую произойдет новое нападение. Желая оттянуть его, я наклоняюсь, не опуская при этом глаз, поднимаю с пола сигарету, не успевшую потухнуть и чудом не затоптанную во время свалки. Я спокойно курю. На самом деле борюсь с желанием откашляться, потому что дым сразу же начинает раздражать горло.

— Волчок! — кричит кто-то. Все разбегаются по шконкам. Окошечко камеры открыто, за нами наблюдает надзирательница. Как давно она это делает, неизвестно. Но теперь она видит, что ее заметили. Отворяет дверь, начинает мягко расспрашивать, почему шум. Ей объясняют, что я довела всю камеру до белого каления, надо всеми издеваюсь и не желаю ложиться на пол.

— Ляжет, — обещает надзирательница.

— Ни в коем случае, — отвечаю я. — Предпочитаю карцер. Можете отвести прямо сейчас.

— Что вы не поделили с женщинами?

— А вы об этом их спросите. Во всяком случае, больше я с ними ничего делить не собираюсь.

Надзирательница стоит в нерешительности. И вдруг в коридоре послышался стук каблучков. К дверям подходит женщина в белом халате, спрашивает, в чем дело. Это главврач больницы.

— Да вот наша политическая всю камеру перебалаламутила, — отвечает надзирательница.

— А почему у нее кровь на лице? А это что на шее? Я молчу, остальные, естественно, тоже. Надзирательница разглядывает порог камеры.

— Почему у вас поцарапаны лицо и шея?

— А это последствия неквалифицированного удушения.

— Кто вас душил?

— Никто ее не душил! Она такая и пришла! — наперебой вопят перетрусившие бабенки.

— Кто? — еще раз спрашивает врач. Голос ее становится грозным. Из-под халата видна военная форма. Она невысока, очень худа, лицо с кулачок, с тонким орлиным носом и тонкими же, очень злыми губами. В камере тишина, настороженная, полная страха. Врач смотрит на меня. Я отвечаю с извинительной улыбкой.

— Я не заметила, кто именно. Они тут все на одно лицо. У всех рожи убийц.

— Ладно. Сейчас мы вызовем корпусного и переведем вас в другую камеру.

— Сделайте одолжение.

Надзирательница с врачом уходят. Я оглядываю всех и говорю на прощание несколько язвительных слов.

Через несколько минут меня переводят в новую камеру. Первая, кого я встречаю в этой камере, знакомая Алика Гинзбурга. Она не из наших, просто была когда-то соседкой Гинзбурга, кое-что знает о нем и о его друзьях.

В этой же камере мне объясняют, что место, из которого я пришла, — настоящее логово диких зверей. Там каждый день происходят жуткие скандалы — в основном из-за той самой Зои, относящейся к доселе мне неизвестной породе женщин, которых в тюрьме называют «коблами».

«История с удушением» имела свое продолжение. Примерно через месяц, когда легенды о моей голодовке рассказывались по всей тюрьме и у меня даже появились последователи (одна женщина проголодала целых 15 дней и, кстати, кое-чего добилась), мне довелось встретиться с женщиной, попавшей в ту самую камеру недели через три после меня. Камера была почти в прежнем составе, и мои «убийцы» с гордостью рассказывали ей, что «та самая знаменитая Окулова» один день сидела вместе с ними. «Она такая гордая, так здорово разговаривала с надзирателями и врачами, отказалась лечь под шконку, и они ничего не смогли с ней сделать. Некоторые у нас ее не сразу поняли, но потом разобрались что к чему».

Я очень веселилась, получив этот привет.

С 1964 года в «Крестах» многое изменилось. Тогда женщин держали в одном корпусе с мужчинами, и занимали они всего два этажа в одном из ответвлений «Крестов». Камеры были небольшие, только на

4 человека. Теперь есть камеры на 8, на 12, на 20 человек и больше. Но мест всем все равно не хватает. Я видела камеры, где под каждой шконкой лежало по заключенной. Даже в больнице больные иногда лежат на полу.

На окнах теперь железные жалюзи. В 1964 году я еще видела солнце в камере.

Но появились и некоторые изменения «к лучшему». Вместо железных «параш» в углах поставили унитазы. Это создает удобства для надзирателей — не нужно выводить заключенных «на оправку» дважды в день, но воздух в битком набитых и плохо проветриваемых камерах чище от этого не стал. Постоянно ощущаешь, что не туалет находится в жилом помещении, а ты живешь в туалете.

Привычный круглый глазок на двери — «волчок» — заменили на застекленные окошечки размером примерно 15x40 см. С наружной стороны они прикрыты щитками, которые могут закрепляться в поднятом положении. Теперь надзиратель может незамеченным подглядывать за зэками из коридора.

Еще одно нововведение — раковина с краном. Вода, конечно, только холодная. В 1964 году в «банный день» заключенные сдавали свое белье в прачечную, где работали женщины из хозобслужбы. Теперь все стирается прямо в камерах. Этим удобством всю пользуются «коблы» и «ковырялки». За завесами из мокрых сорочек на шконках идет «настоящая семейная жизнь».

Не было зеркал, но зато посуду мыли на кухне, а не в камерах холодной водой с мылом.

Одно существенное изменение к худшему. Все надзиратели в женском корпусе — женщины. Раньше было примерно пополам. Мужчины-надзиратели к женщинам относятся неплохо, да и посылали в женское отделение обычно не самых свирепых. Надзирательницы же и тогда были ужасны: почти сплошь старухи с тюремным опытом еще сталинских времен. Теперь появилось много молодых надзирательниц. Я плохо представляю себе, как именно жизнь может довести современную молодую девушку до выбора такой странной профессии. Видимо, в основе этого выбора лежит все та же жилищная проблема. Некоторых привлекает, конечно, дополнительный отпуск и сравнительно большая зарплата. Но обучение этой профессии ни для кого бесследно не проходит: все они безобразно грубы, как в обращении с заключенными, так и вообще с любым человеком.

Новое здание в тюрьме — небольшая картонажная фабрика. Заключенные, пожелавшие работать, зарабатывают на ней копеек 30 в день. Работать идут не только ради денег, а в основном ради общения.

Помнится, в шестьдесят четвертом году женщин довольно скоро после утверждения приговора отправляли в лагерь. Сейчас они томятся порой по несколько месяцев, так как число заключенных, идущих этапом, строго ограничено, а число сидящих в тюрьме — наоборот.

На третий день голодовки меня ведут к психиатру.
— В чем смысл вашей голодовки?

— Это единственная доступная мне форма протеста против заведомо ложного и клеветнического обвинения и незаконного ареста.

— А вам известно, что в случае продолжения голодовки мы вынуждены будем поместить вас в психотделение?

— На каком основании?

— Голодающих положено изолировать, а у нас свободные одиночки есть только в психотделении.

— Ну что ж, надо же и мне испытать, что такое советский психотеррор, о котором столько говорят проклятые империалисты...

— У нас в стране нет психотеррора.

— Да ну?! — обрадовалась я и чуть не захлопала в ладоши.

— По крайней мере, в Ленинграде, — смягчается психиатр.

— А Борисов и Файнберг?

— Я хорошо знаком с историей болезни Файнберга. Так вот, я вам со всей ответственностью заявляю, что Файнберг вышел от нас таким же стопро-

центно здоровым человеком, каким он к нам попал.

В первые же часы заключения сигареты у меня кончились: я поделила их между такими же бедолагами, которым во время ареста не дали взять с собой самое необходимое. Слава Богу, у меня было две или три сигареты, когда я попала к моим «душительницам», — кто-то сунул перед уходом из «собачника». В общей камере, где я встретила знакомую Гинзбурга, с сигаретами в этот день было плохо. Но когда меня уводили на психоотделение, симпатизировавшие мне, но не очень доверявшие друг другу уголовницы тайно набили мне карманы сигаретами и папиросами — у кого что было. Психиатры у меня все отобрали: «Голодающему курить вредно». Дня три-четыре не курю. В первые дни голодовки это не особенно приятно, так как чувство голода ослабевает постепенно, а сигареты могли бы заглушить его.

Приходит мой адвокат. Его повели прямо в психоотделение и устроили нам встречу в кабинете врача. Первый мой вопрос к нему: «Вы курите?».

— Нет. Но я сейчас для вас что-нибудь раздобуду.

Он ловкий, мой адвокат. Выходит в коридор и, скорчив жалобную мину, обращается к ребятам из хозобслуги и санитарам:

— Заключениеенькие, подайте бедному адвокату несколько сигареток.

**Заклученные гордо презентуют ему целую пачку.
Я счастлива.**

Ребята догадались, для кого предназначались сигареты, и с этого момента недостатка в них у меня не было. Они открывали «кормушку» и молча протягивали несколько сигарет, другие старались поговорить со мной, если поблизости не было надзирателя. Хотя надо сказать, что надзиратели психоотделения попадались все какие-то добродушные и ко мне относились прекрасно, смотрели сквозь пальцы на все, за чем призваны были наблюдать.

Кто-то пользовался моментом, когда меня выводили из камеры к врачам или еще куда-нибудь, забежал в открытую камеру и прятал под мою подушку сразу две-три пачки.

Несколько раз я находила там же конфеты и апельсины — кто-то хотел меня тайком подкормить. Я так же тайно отдавала их кому-нибудь из санитаров. Съедобные подарки прекратились. Ребята носили мне книги, доставали мне бумагу и пишущие стержни для ручек. Когда у меня сдало сердце и врач-терапевт сказал, что неплохо поддержать его крепким чаем или кофе, у меня появились крепкий чай и кофе. Уж где они брали кофе — ума не приложу. Вершиной их прекрасного отношения были попытки передать на волю мои стихи и письма. Я не всех ребят помню по именам, но запомню их навсегда, тем более что кое-кто из них поплатился за дружбу со мной, и очень сурово: вместо УДО (условно-досрочное освобождение), ради которого они, собственно, и шли на довольно тяжелую и неприят-

ную работу в хозобслужу психушки, — лагерь. Я переживала эти провалы очень тяжело. Но ни один из них не упрекнул меня, уходя на зону. А сообщалось об этом так: «У кого-то не удалось. Пошел на зону. Давай бумаги — я попробую».

Когда я говорила с друзьями по телефону уже из ссылки, выяснилось, что ни один из четырех сделанных в тюрьме экземпляров «Книги разлук» до воли не дошел. Но вот спустя несколько месяцев я вдруг получаю письмо от Геннадия Трифонова из Обуховского лагеря под Ленинградом.

Геннадий Трифонов — талантливый ленинградский поэт, сыгравший роль провокатора в деле № 62 о надписях и выступивший лжесвидетелем в моем деле. Мы с ним встретились на моем суде, и я сказала ему, что до тех пор, пока он не расскажет всем, откуда и каким образом он получил материал для дачи показаний по делу о надписях, я отказываюсь с ним разговаривать и принимать его оправдания. Тем не менее Трифонов пишет мне из лагеря письма, на которые я не отвечаю, и посвящает мне стихи, к моей досаде, очень хорошие. Письмо, о котором была речь выше, начиналось с эпитафия из моих тюремных стихов: «Какой великолепный «подогрев» («подогрев» — продуктовая передача) — свое окошко, полное дерев».

«Юлечка, родная! Полагаю, тебе, как мало кому (а впрочем, может быть, уже много кому), знаком избранный мной для этого письма эпитафия. Видит Господь, пути искусства, так же, как и Его пути, неисповедимы. Ко мне забрели твои стихи, созданные

тобою в Яме, и я вновь осветился радостью близости к тебе, к твоему сердцу, к твоей совести. БЛАГОДАРИЮ! Я знаю о тебе много... Твой друг, подаривший радость твоего искусства, благополучен и шлет тебе свое восхищение и преданность».

О роли Трифонова я предупреждала ребят в «Крестах», дабы в лагере, если им придется встретиться, они его остерегались. Меня беспокоило то, что Трифонов может назваться моим другом и тем заслужить их доверие.

Я рада письму Трифонова не только потому, что оно напомнило о друге и сообщило мне, что мои стихи не погибли, а живут в лагере. Эта книга может заставить думать — не даром за нею так гонялись «оперы»! Но я рада еще и тому, что я вовремя узнала, что Трифонов все-таки влез в доверие к одному из моих друзей. Я постаралась припомнить, кого из ребят я не успела предупредить, и припомнила: таких было всего двое. Один из них имел экземпляр книги. Теперь я знаю, кто именно находится в Обухове и кого я должна предупредить. Трифонов может быть уверен, что я это сделаю незамедлительно.

Но были и другие случаи заочных встреч. Однажды в «кормушку» заглянул незнакомый человек и спросил: «Что для тебя нужно сделать? Ты только скажи — все будет. Художник велел». Я сразу догадалась, что «художник» — это Вадим Филимонов, потому что Рыбаков и Волков еще на Литейном. Я счастлива — значит, и у Вадима есть друзья, готовые ради него на все. Я заказываю книги, и на сле-

дующий день друг Вадима набирает по камерам огромную стопку. Я выбрала Мельникова-Печерского, которого очень приятно читать именно в таких обстоятельствах, Бальзака и пьесы Чехова.

Нет, господа товарищи, это вы совсем плохо придумали — сажать нас вместе с уголовниками. Еще Достоевский предупреждал, что в этой среде есть крутые силы, которым, чтобы забродить, нужна только закваска. Вот вы им закваску-то и подсовываете.

Ох! Перепортим мы вам ваших лучших в мире советских воров и проститутск!

Сегодня мне подарено окно.
Мой белый свет и клином свет — оно.
Хотя решетки все еще на нем,
но — белые деревья за окном.
Какое изобилие ветвей
и неуклюжих зимних голубей!
И даже горстка снега между рам...
В сад заключенные выходят по утрам.
Они свистят знакомому окну.
Я улыбнусь и руку подниму:
какой великолепный «подогрев» —
окно, до края полное дерев!

Я пишу о моих крестовских друзьях — называть их иначе я не хочу и не могу — с некоторым страхом. Я боюсь им повредить, хотя возможность этого сейчас невелика — момент упущен властями. Но не поблагодарить их публично я не могу. С другой сто-

роны, я хочу еще раз показать, что счастливые для наших тюремщиков времена, когда они могли рассчитывать на ненависть малограмотных уголовников к политическим, миновали безвозвратно. Сейчас все люди достаточно информированы и знают, кто есть кто. Одно только имя Солженицына, с которым в их представлении связан любой диссидент, располагает к нам этих людей. Нужна действительно такая старая кочерыжка, как моя «атаманша», не получавшая информации, видимо, со времен Сталина («враг народа»), чтобы попытаться воздействовать на меня старым методом. Даже женщины большей частью достаточно разбираются хотя бы во внутренней политике государства, в котором живут. А среди самых простых я пользовалась уважением и даже любовью благодаря исконному уважению русского народа к тем, кто «терпит за правду».

Я постараюсь не называть никаких имен, а там, где это необходимо для сюжета, буду заменять их вымышленными. До 1984 года. (Вашими устами да мед пить, господин Оруэлл и господин Амальрик!)

Начальник тюрьмы Кукушкин часто навещал меня в моем подземелье (психоотделение помещается в подвале).

Однажды у меня был очередной приступ слабости. Я три дня не вставала с постели.

Вот гремят засовы, отворяется железная дверь, и в камеру входят Кукушкин и сопровождающие его лица — врачи и тюремные чины.

Кукушкин долго и мрачно глядит на меня.

— Окулова! Пожалейте вы хоть нас, если себя не жалеете! За что вы меня-то мучаете?

Я поворачиваю голову на подушке и разглядываю «мученика». Да, он изрядно похудел и осунулся с начала моей голодовки: кожа воспаленная, серая, глаза красные, возле рта резкие складки. На нем шинель до пят, фуражка низко надвинута на брови, португепя и сапоги без блеска. Хоть сейчас годится для военного фильма:

Который месяц не снимал я гимнастерки,
Который месяц не расстегивал ремней!..

— А вы сами виноваты! — говорю я Кукушкину. — Зачем вы меня к себе взяли? Я же не ваша, ваши — воровки, проститутки, убийцы, наводчицы. С ними-то поспокойней.

— Ваша правда, — вздыхает Кукушкин и выходит из камеры.

Ах статья ты моя непутевая! Ну разве же можно со 190-1 — да к уголовникам? Им это знакомство интересно, им оно полезно. А какво начальству, надзирателям? Они то и дело пустое «вы» сердечным «ты», обмолвясь, заменяют, а я ведь и тут спуску не даю. Тяжело им со мной, мученикам судейского фарисейства.

— Профессор Ганнушкин определил один тип шизофреников как «врагов общества», — сказал мне как-то мой врач. — Вам не кажется, что вы и ваши диссиденты как раз подходите под этот диагноз?

— Очень интересное открытие. А когда Ганнушкин его сделал — до того или после того?

— То есть?

— До революции или после?

— Какое это имеет значение?

— Самое принципиальное. Я хочу знать, относил Ганнушкин к этой категории больных самого Ленина или только его врагов?

Тюремный врач, человек холодный, циничный и беспринципный, как я полагаю, с самого рождения, пытается изобразить правоверное негодование:

— Еще никому не приходило в голову подвергать сомнению психическую полноценность Владимира Ильича!

— Полноте!

Молчит и углубляется в чтение истории болезни. Ко мне является адвокат. Обрядили меня поверх серого больничного халата в черные зэковские брюки необъятной ширины (пришлось завязывать их узлом на талии), в серый клочковатый ватник и повели на другой конец тюремного двора, в женский

корпус — в нем размещаются каморки для встреч с адвокатами и следователями.

После беседы мой адвокат задержался у корпусного начальства, а меня почему-то беспрепятственно выпустили из корпуса. Я вышла за железную дверь и очутилась совершенно одна в тюремном дворе, впервые без сопровождающих лиц.

Тюремный двор обширен, но застроен весьма тесно и даже прихотливо. Классическое безобразие и ужас екатерининских строений тут и там соседствуют с постройками более поздних и даже совсем недавних времен. Каменные дворики для прогулок, рабочие корпуса, кочегарка, железные клетки, в которых гуляют больные, а могли бы гулять слоны, кое-где громадные черные тополя и бесконечные заборы, ограды, решетки — все это переплетается, громоздится друг на друга, заслоняет одно другое. Краски: сероватый снег, кроваво-красный кирпич, серый бетон, чернота ветвей и решеток.

Справа и слева от меня знаменитые «Кресты». Они обнимают и замыкают планы, они здесь — главное. А надо всем этим высится мрачная кирпичная труба кочегарки. Из нее выползает густой рукав черного дыма. Вокруг трубы с криком носится несколько ворон. Пытаюсь их сосчитать, вспомнив стихи Пети Чейгина:

Удержу — говорю,
даже если воронья семерка
разорвет небосвод

и на скатерть положит металл.
Все молчит наш отец...
Все качается маятник мертвый...
Что же смертного, брат,
ты расскажешь, а я передам?
А ворон даже больше семи.

Красота обреченности, смерть, гармония преисподней. «Красная пятница»? «Прогулка заключенных»? Да, да, но и еще кто-то! Кто? Да Пиранези же! Стою, прислонившись к стене, и впитываю все это глазами, стараюсь запомнить, чтобы потом зарисовать. Впрочем, это видел Вадим Филимонов, это скоро увидят Олег Волков и Юлий Рыбаков... Будут, будут еще нарисованы ленинградские «Кресты»!

Джованни Баттиста Пиранези заколол врача, не сумевшего вылечить его любимую дочь. Был приговорен к тюремному заключению. Олег Волков, Юлий Рыбаков, Вадим Филимонов никого не убивали, они боролись за элементарные права человека, за ту гражданскую честь, без которой нет ни мужчины, ни человека, ни художника. Я горжусь вами, друзья мои! Но вы обязаны сохранить свой талант. Посмотрите на все это глазами художников — здесь есть что рисовать!

А вороны все кружат и кружат вокруг трубы.

Выходит мой адвокат, останавливается, долго глядит на меня. Потом вдруг говорит взволнованно:

— Юлия Николаевна! Вы из тех женщин, которых рублище не безобразит, а делает прекрасными!

Я и сама знаю, что в этой картине я на месте, иначе я не чувствовала бы так глубоко эту мрачную гармонию.

Но адвокат — человек благополучный, кругленький, румяный...
Прощай, Пиранези!

Зэки уверяют меня, что трупы из тюрьмы родственникам не выдаются. Не знаю, правда ли, но все равно страшно.

— А как же их хоронят?

— Сжигают в кочегарке.

Трубу этой кочегарки я вижу каждый день в окно с тех пор, как меня перевели в терапевтическое отделение. Не могу сказать, чтобы это зрелище действовало на меня ободряюще: в тюрьме умереть и в тюрьме же быть похороненной! Я знаю несколько неизлечимых больных: рак, последняя стадия чахотки. Все знают, что они вот-вот умрут, но никому не приходит в голову что-то изменить в их судьбах. К весне безнадежные больные умирают один за другим.

Вы удовлетворены, товарищ Советское Правосудие?

Обыск. Нашли стихи и тюремный дневник. Волокут обратно на психоотделение. Две опердамы заводят меня в пустую камеру и приказывают раздеться догола. А дверь камеры распахнута в коридор, где стоят зэки, санитары и надзиратели.

— Прикройте дверь! — прошу я.

— Ничего, ничего! Не маленькая! — отвечает блондинка довоенного типа. Вторая, черная толстуха, хихикает.

Я ведь стесняюсь не столько наготы — слава Богу, все на месте! — сколько псориаза, который уже начал осыпать меня. Отхожу в угол, чтобы меня не было видно из коридора.

— На середину! — командует блондинка.

Ах так! Я раздеваюсь, затем сажусь на шконку нога на ногу. Холодные полосы железа не лучшее в мире сиденье, но я достаю сигареты, закуриваю и сижу с мечтательным видом, как будто все происходящее меня даже не задевает. Правда, сажусь так, чтобы проклятые красные пятна были меньше заметны.

Обнюхав и прощупав чуть ли не на зуб мою рубашку, оперша швыряет ее на шконку.

— Можешь одевать!

— Ну зачем же? Я уж подожду, пока вы со всем справитесь. Они возьтятся и возьтятся, а я сижу, как на пляже, да еще ножкой покачиваю.

Осмотрев все, они возвращают мне одежду. Я неторопливо одеваюсь.

— Скорее!

— А я вас не торопила.

Они уходят, оставив меня в камере с распахнутой дверью. Но им приходится пройти мимо всех мужчин, которые все это время простояли напротив, демонстративно отвернувшись от нашей камеры. А вот тут-то они все вдруг обернулись и в упор глядят на них.

— Суки! — довольно громко несется им вслед. Они обе ускоряют шаг.

Однажды дверь камеры отворилась, и в мою одиночку ввели девушку лет шестнадцати, всю в синяках и царапинах. Забилась в уголок и выглядывает звереньшем.

Я молчу. Мне жаль нарушенного одиночества, я к нему привыкла.

— А как вас зовут? — спрашивает девчонка через час.

— Юлия Николаевна. А вас?

— Юлька. Вот здорово, правда?

— Забавно.

Она подвигается поближе, заглядывает в глаза.

— Юлия Николаевна, а вы меня не будете бить очень больно? Я не люблю, когда у меня все личико поцарапано.

Я подскакиваю на своей шконке — Юлька шарахается в угол и закрывает голову обеими руками.
— Ты что, с ума сошла?! — ору я в ярости.

— Да, — невинно отвечает она. — После менингита. Меня два года в дурдоме держали.

Кое-как успокаиваю бедную дурочку. Потом спрашиваю:

— Что же ты натворила такого, что тебя посадили?
— Зонтик ukrала. Красивый такой, красненький и в цветочках.

— А зачем же тебе понадобился чужой зонтик?
— Просто так. Он красивый очень был. А потом соседка сказала мне, что я воровка. Я пошла в милицию и все рассказала.

Одиночеству моему пришел конец. Теперь нас зовут Юлька-большая и Юлька-маленькая.

Юлька-маленькая неописуемо болтлива и прожорлива. На болтовню я установила строжайший лимит: по три вопроса после завтрака, обеда и ужина и полчаса болтовни перед сном. Бедняжка свято соблюдает уговор и целый день мотается по камере, сочиняя вопросы к следующему разговору. В дозволенное время она изводит меня, как три любопытных дошкольника. Вопросы у Юльки такие: почему у одних людей волосы светлые, а у других

темные? Что едят крокодилы, когда нет поблизости людей? Воруют ли богатые люди? И последнее: нужно ли ей вешаться после тюрьмы?

Или такой вопрос:

— Юлия Николаевна! А о чем люди думают перед смертью?

— О разном, Юленька. Наверно, о самом дорогом.

— Вот и я так думаю. Я бы покончила с собой, но мне страшно: вот я буду лежать перед смертью и думать, что так и не попробовала шоколадного торта...

На глазах Юльки слезы, она трагически взирает на кусок черного хлеба в своей руке.

Между прочим, прожорлива моя Юлька до крайности. Она съедает по две порции любой баланды, благо ребята из хозобслужбы относятся к ней, как к ребенку, и подкармливают. Хлеба Юлька-маленькая съедает по две буханки в день. Запах хлеба раздражает меня и привлекает в камеру тараканов.

— Юлия Николаевна! А вам приятно смотреть, как я хорошо кушаю? Вы ведь сама не можете...

Юлька все пытается поделиться со мной своей едой, так я придумала сказать ей, что я умру, если съем хоть кусочек хлеба. Она поверила и больше ко мне не пристает. Но зато требует, чтобы я хвалила

ее за каждую съеденную ложку добавки. Я и хвалю — с тайным стоном досады в душе.

Как-то Юльку вызвали к врачу и продержали не меньше часа. Вернулась она растерянная и перепуганная.

— Юлия Николаевна! А чего они все про вас спрашивают?

— Что же они спрашивали?

— Не кушаете ли вы потихонечку и что вы мне говорите.

— И что же ты им сказала?

— Я сказала, что по-честному хотела с вами поделиться едой, но вам нельзя — вы можете умереть от кусочка хлеба. А еще, что вы мне рассказывали про зверей, и еще, что вы сказали, что воровство существует не для таких, как я.

— Ну и что же они тебе на это ответили?

— Сказали, чтобы я запоминала все, что вы говорите, а потом им пересказывала. А что я им рассказывать буду, если я ничего не запоминаю? Вы меня научите, что им говорить, ладно?

— Хорошо, Юленька, научу.

Юлька-маленькая ходит на прогулки.

— Юлька! Ты видела птиц на тюремном дворе?

— Ой, сколько! И воробьи, и голуби!

Наше окно выходит в яму, вырытую в земле и забранную сверху решеткой. Само окно выложено из толстенных стеклянных плит. За ними — решетка, поверх решетки — глухой железный щит.

— Юлька! Возьми на прогулку кусок хлеба и покроши над нашим окном. Вот и у нас будут птицы!

Юлька обрадовалась и на завтра взяла не только хлеб, но и немного каши, завернутой в бумагу.

Теперь и за нашим окном целый день поют птицы. Однажды я слышала синичку.

Вечером в камеру втокнули женщину лет пятидесяти, отчаянно отбивавшуюся от санитаров. Белая горячка. Ее привязали простынями к шконке, сделали несколько уколов, облили холодной водой — все бесполезно. Она продолжала бредить, разрывая крепчайшие путы, и металась по камере. Мой голос действовал на нее отрезвляюще, ко мне она подходит не решалась, но зато все время подбиралась к Юльке-маленькой. Я боялась за ту и за другую. Юлька дрожала и со страху забиралась под шконку. Двое суток я не спала ни секунды и следила за каждым движением больной. Ну и наслушалась же я всего за эти двое суток! Какой странный, какой убогий бред!

Эпизод первый. Какая-то пьянка. Муж «героини» прячет бутылку. Все ее разыскивают, все о ней знают, а «героиня» руководит поисками. Она общаривает всю камеру, ползает под шконками — все ищет злополучную бутылку. «Верка! Погляди в шифоньере! Женька! Лезь в холодильник!» — кричит она воображаемым гостям. И так часа два-три. Затем перерыв на две-три минуты, и начинается новый бред.

Эпизод второй. Гастроном. «Героиня» встречает ревизора. Он, как явствует из ее речей, заподозрил, что она стоит в нетрезвом виде за прилавком. Она пьяна, но пытается это скрыть: «А я вам говорю, товарищ ревизор, что вообще капли в рот не беру! Все пьют, директор пьет, завмаг пьет, а я не пью! Вы спросите моего мужа, спросите соседей. Они вам так и скажут — капли в рот не берет!». Вдруг: «А-а-а! Никакой ты не ревизор! Ты грабить пришел! Маша, гони его в шею! Зови милицию! Бей его!».

Эпизод третий, самый опасный. «А где это я? А вы кто? Вы зачем ко мне в дом забрались?!» — и она идет на нас с Юлькой. «Отворите дверь, такие-сякие!» — и черный, какой-то убогий мат.

Приближается суд. Врачи лицемерно обеспокоены состоянием моего здоровья. Я знаю, к чему могут привести их заботы, и потому объявляю всем и каждому, вплоть до моего защитника, что на суде откажусь от показаний, как это сделал Вадим Филимонов. Мне верят, и в суд меня выпускают.

К суду я не подготовлена совершенно. Во время знакомства с материалами дела я была больше занята лжепоказаниями Трифонова, чем собственной судьбой. Внезапный арест помешал мне найти такого адвоката, который мог и хотел бы участвовать в подобном деле. Но незадолго до ареста отец Лев как-то привел слова Писания о том, что не нужно заранее готовиться к суду — Бог подскажет нужные слова.

Слова эти запомнились и стали мне руководством к действию: я ничего не готовлю заранее. Единственное, чего я боюсь, — встречи с Трифоновым. А в остальном я полагаюсь на Господа и на себя: что я есть, тем я и предстану перед всеми в решительную минуту. Почему бы не проверить себя еще раз? Я знаю, что я сама далеко не совершенный человек, я легкомысленная, я до обидного мало знаю в свои 36 лет, я могу сорваться и потерять контроль над собой. Наконец, мне может просто стать плохо в суде. Но в глубине души я почему-то надеюсь, что человек по имени Юлька меня не подведет.

В ночь с 28-го на 29-е я не сплю — думаю о суде. Вернее, я думаю о тех, кого увижу в зале. Смешно, но суд для меня не расправа, не признание заслуг, а свидание с теми, кого я люблю. За себя я спокойна — Бог не оставит. Я уже чувствую, как мои силы сливаются воедино и крепнут.

И вот наступило утро. Мне принесли мою одежду прямо в камеру. Ребята из хозобслужки провожают меня до дверей больницы.

— Не возвращайся! — кричат они мне вслед.
Меня сопровождает фельдшер с набором средств первой помощи. Предложили сделать укол кофеина — я отказалась.

И вот я еду по городу в тюремной машине. В моем «стаканчике» отверстие для воздуха расположено напротив окна. Я вижу Петропавловку! Это — первая радость.

К зданию городского суда подъехали какими-то задворками. Около часа меня держат в маленькой, но очень холодной камере. И вдруг мне становится так плохо, что чувствую: и до зала не дойду, и двух слов не свяжу. Девятый день голодовки! За мной приходят конвойные. Пять человек, и все при оружии. Ведут. По дороге я вижу зеркало и достаю расческу.

— Вперед, вперед! — в панике кричит мальчишка-казак.

— Я всегда иду вперед. Просто иногда необходимы остановки. Неужели вам приятно сопровождать непричесанную даму?

Я спокойно расчесываю волосы, укладываю их попышнее, чтобы скрыть ужасающую худобу лица. Конвойные страдают, но что они могут со мной поделать? Не силой же меня оттащить от зеркала...

Наконец, я удовлетворена, и мы двигаемся дальше. Выходим на широкую лестницу. Конвойные оттирают меня от перил к стене.

— Вы думаете, мне туда надо? — спрашиваю я, указав рукой в пролет.

И в этот момент на меня сверху обрушивается какой-то шум, как будто взлетела громадная стая птиц. Я поднимаю голову и вижу, что лестница последнего этажа полна людей. Я различаю любимые лица, я машу им рукой! Между мною и друзьями — кордон милиционеров.

Зал оказывается издевательски маленьким. Я иду за загородку, сажусь на скамью подсудимых и, счастливая, закрываю глаза.

Фельдшер испугался и спрашивает: «Принести воды, дать валидол?». Я киваю. Чувствую, что рот пересох, губы горят, — трудно будет разговаривать, но это от радости — все пришли.

Через некоторое время двери зала открываются, и в него входят человек двадцать определенной внешности. Они рассаживаются в шахматном порядке. Я нахально их разглядываю, одного за другим, знакомым киваю.

Только после этого в зал впускают моих. Молодцы видят, что друзья садятся плотно, стараюсь, чтобы

места хватило всем. Тогда они шепчут что-то менту-распорядителю, и тот громко объявляет: «Только по четыре человека на скамейку! Первый ряд оставить для свидетелей!». Свидетелей у меня пять человек, из них один в США, а троих привезут и увезут под конвоем. Таким образом, весь первый ряд освобождается для двоих — Кайфа (Юры Андреева) и Елены Павловны Борисовой, которую сделали свидетелем, дабы не мучиться с Володей. Но и это пустой номер — диссидентская дама!

Начинается судилище. Сначала я никак не могу сосредоточиться, все оглядываюсь в зал — милые, милые, милые мои друзья, как я по вам соскучилась! Постепенно прихожу в себя. Мне очень помогает то, что Исакова так некрасива, даже безобразна. У нее очень темные, жирные волосы, короткие толстые пальцы рыночной торговли, наглый и самодовольный голос. В то же время она пытается держаться со мной высокомерно, перебивает на каждом слове, по четыре раза переспрашивает даты рождения моих сыновей. Сидит она в своем кресле, как на троне, вот только спинку держать не умеет — расползается. Чем больше женского безобразия я замечаю в ней, тем лучше я себя чувствую: «Ты можешь сделать со мной все, что тебе позволит дышло нашего закона, но ты никогда не будешь такой счастливой, как я. Даже сейчас я счастливее тебя во сто крат! Вот они, мои друзья. Ты с ненавистью глядишь в зал, а зал с любовью смотрит на меня. Когда-нибудь тебя будут судить. Кто будет на твоём суде, судья Исакова, глядеть на тебя с такой любовью и заботой?».

Слабость постепенно уходит, я обретаю силу и хо-

лодное спокойствие. К середине заседания я уже понимаю, что так называемые народные заседатели здесь присутствуют только для мебели, а прокурор — дурак. Да, да, самый обыкновенный дурак! Это даже несколько обидно — меня явно недооценили... Он не задал ни одного вопроса по делу, чтобы не сесть в лужу.

Вечером меня доставляют в тюремную больницу. Моя постель убрана.

— Мы надеялись, что ты уже не вернешься... — грустно говорит мне санитар и идет греть чайник.

Я выпиваю стакан крепкого чая. Ребята приносят мою постель и подсовывают мне второй матрас: «Тебе надо выспаться перед последним словом».

Господи! Еще и здесь! Я засыпаю в счастье. Были ли по-настоящему страшные моменты на этом суде?

Да, дважды. Первое. В самом начале, когда все расселись по местам, я стала искать глазами Борисова. Его не могло не быть, но его не было! Когда я дошла взглядом до Натальи, она уже поняла, кого я ищу, и показала мне на пальцах решетку. У меня в глазах потемнело. Она замахала руками, стала делать какие-то успокаивающие знаки, но во мне все оледенело, я ничего не понимала, кроме одного: его тоже взяли, его

будут судить, а ему малым сроком не отделаться.

В перерыве его мама остановилась неподалеку от меня и очень громко рассказала, как Володю на улице схватила милиция и отправила его в психушку. Это уже легче, но все равно почти невыносимо: девять лет, и вот теперь еще! Если его взяли из-за меня, то и не выпустят до тех пор, пока меня не увезут из Ленинграда. Где же ты, Володя, что с тобой?

Второе — Трифонов. Встречи с ним я боялась и на его суде, но тогда я еще не читала его показаний полностью. Теперь мне еще страшнее: я знаю, что Трифонов в своих показаниях привел такие факты, которые были известны только КГБ. Требовался свидетель, который изложил в своих показаниях данные, полученные экспертизами ГБ. Он говорил о ширине валиков, которыми делались надписи, о методе их исполнения — где трафарет, где кисть, причем называл все очень точно, точнее, чем это помнят исполнители, — сколько месяцев прошло, например, с апрельских лозунгов! Но Трифонов делает больше, чем от него требуют его покупатели: он связывает исполнение надписей с деятельностью московских диссидентов и даже намекает на руководство зарубежных представителей.

Вводят Трифонову. Я опускаю голову, мне отчаянно стыдно и тяжело. Его поставили напротив меня. Он начинает изворачиваться, уклоняться от ответов. Еще бы! Положение не из завидных: скажешь правду — повредишь себе, повторишь ложь — забудешь о былых друзьях, а они все в зале, все смотрят на тебя, Трифонов. Он начинает нести уже

совсем постыдную чепуху о каких-то письмах, якобы отправленных им Л. Корвалану, начинает изъясняться в любви ко мне. Я не выдерживаю и тихо теряю сознание, опустив голову на колени. Из-за барьера меня не видно.

Наталья рассказывает, что в этот момент сидевший рядом с ней сотрудник удивленно спросил:

— Она плачет?!

— Она никогда не плачет! — сердито ответила Наташка. — Это я плачу.

У нее и в самом деле все лицо было залито слезами, когда уводили Трифонова.

Боже! Упаси нас от стыда за друзей!

Еще задолго до суда и ареста я обещала Наталье, что вытащу Юла на суд в качестве свидетеля. Это было трудно, но я этого добилась. Уже на самом суде мне пришлось сделать на этот счет заявление и повторить, что я настаиваю на его вызове. Юла привели под конвоем. А Наталья мне не поверила, забыла о моей клятве и не пригласила на суд его родителей! Ах, Наталья! Я редко чего желаю всеми своими силами, но когда доходит до этого, то очень-очень редко желаемое не исполняется.

Юл побледнел, осунулся, постарел. Долго не понимал, что от него нужно суду, а что — мне. Глядел на меня с напряженным вопросом в глазах: «Что я должен говорить? О чем?». А я только улыбалась —

так рада была его видеть. Под конец только он понял это, засмеялся и покачал головой: «А ты все такая же!». И его увели уже на годы.

А Наталья мне не поверила...

30-го суд был очень недолгим — мое последнее слово и приговор. Накануне я так устала, что до того момента, как мне было предоставлено последнее слово, я не нашла ни сил, ни времени подумать, что же я буду говорить. Говорила, как Бог на душу положит, опять-таки следуя тому давнему совету отца Льва, который он привел мне из Писания. Я больше чувствовала, чем слышала то, что говорю. Обращалась я только к друзьям, демонстративно отвернувшись от суда. Я прощалась с ними, прощалась с теми, кого не было в зале, — живыми и мертвыми: с Константином Кузьминским, который в это время волновался за меня и пытался меня защитить из своего Техаса, с Юрой Таракановым-Штерном, которого я успела проводить, с Игорем Синявиным, невольно сыгравшим мрачноватую роль на моем процессе, ибо его показания, которые были абсолютно безупречны, Исакова вертела как хотела (они перевернаны даже в приговоре); с Илюшей Левиным, которого заблаговременно арестовали 23 декабря, с Володей Борисовым, насильно упрятым в психушку 25-го. Я простилась с Татьяной Григорьевной Гнедич, моим Учителем, — как оказалось, не только в поэзии. В середине последнего слова Исакова не выдержала и потребовала внимания и к себе. Я слегка обернулась к суду, и что-то мне не захотелось продолжать последнее слово, взирая на эти лица: уходя надолго, покидая друзей и родной город, хочется видеть то, что любишь, и просто то, что красиво. Физиономии моих судей оскорбляли во мне чувство прекрасного, и пустая стена передо

мною была куда милее. Больше на судей я не обращивалась.

После перерыва, когда меня вели в зал для слушания приговора, Наташка крикнула мне из толпы друзей: «Юлька, шампанское уже на столе!». «Выпейте за меня», — ответила я.

Приговор я выслушала абсолютно спокойно, даже посмеиваясь, и, по-моему, не только в душе, для пущего куражу скрестив руки на груди. Где-то я даже торжествовала: уж очень нелепо звучал этот приговор: с учетом 43-й статьи и назначением 5 лет ссылки в виде наказания — ниже низшего предела. Напомню, что указанная в статье 190-1 низшая мера наказания — штраф до 100 рублей (!)...

Я восприняла и буду воспринимать этот суд и этот приговор как признание ленинградскими властями, а точнее, КГБ своего полного бессилия. Чем они ни грозили, чем ни соблазняли — все разбивалось не столько даже о мою твердость, сколько об абсолютное мое нежелание вступать с ними в какие бы то ни было отношения.

Я с большим интересом наблюдаю за их крысиной возней, но я в ней не участвую.

Мои родители пришли на второй день суда, хотя я и просила их этого не делать, — они уже достаточно пострадали за всю мою буйную жизнь. Мама сидела спокойная, чуть высокомерная, как всегда,

красивая. Отец держался тоже молодцом, хотя чувствовалось, что ему это дается труднее. И было заметно, что он гордится моим поведением на суде. Это меня порадовало, ибо он никогда не разделял моих убеждений. Слава Богу, хоть признал мою смелость и твердость — это-то во мне от кого, спрашивается?

Был на суде и мой старший сын. Бледен, как всегда в минуты волнения, но голову держал высоко! Вечером меня увезли в «Кресты».

В психушке дежурил самый добродушный из всех надзирателей, Н. Н. Он зовет меня Юлюшкой.

— Что, Юлюшка, домой вернулась? Сколько?

— Пять ссылки.

— Ну ничего, не расстраивайся только. Главное — не на зону.

И санитар дежурил мой любимый — Володя. Удивительно веселый и приятный человек.

— Чаю хочешь?

Поболтали, покурили. Я напилась чаю и легла спать. Вот и кончился «день забот»! Вот я и вернулась «домой». Устала.

На первый взгляд врачи как врачи. Белые халаты,

спокойные, участливые голоса, пульс щупают при каждом удобном случае. Они даже немножко лечат!

Тюремная их сущность проявляется постепенно, от случая к случаю. Так, я ни разу не слышала, чтобы врач воспрепятствовал помещению тяжелобольного заключенного в карцер за какую-нибудь чепуховую провинность.

Я лежала в терапевтическом отделении, когда у меня при обыске обнаружили рукопись «Книги разлук», приготовленную к отправке на волю. Я признаю рукопись своей (еще бы — это моя лучшая книга стихов!).

Со мной в камере еще две женщины. Одна больная гипертонией, другая — воспалением придатков. В тот же день их вместе со мной переводят на психотделение — не столько в наказание, сколько в наказание. Терапевты их отпустили, психиатры их приняли.

После второго моего появления на психотделении мне был поставлен диагноз «истероидная психопатия». Такой диагноз — женщине, которая не пролила ни одной слезы, ни разу не повысила голоса и продержалась ровно и спокойно все 50 дней голодовки! Не думаю, что они спят спокойно. Нет, не думаю!

Я спрашиваю, какими психическими заболеваниями больны мои соседки.

— Надо будет — найдем!

Медицинские сестры. Эти делятся на две категории. Одни всерьез пытаются действовать по фари-сейской поговорке крестовских врачей: «У нас нет заключенных, у нас есть только больные». Они не отказывают в срочной помощи, не боятся дать нервничающему зэку лишнюю таблетку снотворно-го, их можно вызвать среди ночи к тяжелобольно-му. Некоторые даже передают письма больных на волю. Таких немного: это случайные в тюрьме лю-ди, они стыдятся своего положения и навряд ли за-держатся в этом гэбзугодном заведении.

Вторая категория и многочисленнее, и стабильнее по составу. Эти по духу уже давно стали тюремщи-ками и больше похожи на надзирателей, чем на ме-дицинских работников. Они наушничают, шпионят, всячески изводят больных, без стыда проявляя свои садистские наклонности. Особенно хороша од-на, татарка по национальности (упоминаю об этом единственно для того, чтобы побывавшие в «Крес-тах» поняли, о ком идет речь). Эта стерва просла-вилась тем, что вместо назначенных врачами ле-карств подсовывала больным какую-нибудь гадость вроде пургена. Ее несколько раз ловили на этом. Больная, хорошо знающая свои лекарства, получив от нее очередной «заменитель», вызывала врача и показывала ему таблетки. Реакция всегда была од-на и та же: «Да, это не ваше лекарство, выбросьте его. А сестру эту нам приходится терпеть потому, что никто не идет сюда работать».

В нашу камеру-палату приводят молодую, очень

красивую девушку. Высока, стройна и похожа на Клаудию Кардинале в молодости. Диагноз: рак матки. 22 года. Зовут Таней. Я немедленно хватаю карандаш и начинаю ее рисовать.

Ее краткая история. Два года назад попала в лагерь по 206-й за скандал на танцплощадке. В лагере озоровала, дразнила надзирательниц красотой и молодостью. Отомстили — установили надзор сроком на год. Надзор — это страшная вещь: поднадзорный не имеет права никуда выезжать с места жительства, обязан постоянно отмечаться в милиции и быть дома в 20 часов вечера. Таня решила выдержать надзор, никуда не ходила, вела жизнь старой девы. Но на горе свое она понравилась одному из местных сотрудников. Он нагло преследовал ее, обещал уладить дело с надзором, если она уступит его домогательствам. Она не уступила. Результат: три опоздания, от 15 минут до получаса. Дело передают в суд.

Незадолго до этого у Тани обнаружили рак матки и начали лечить радиацией.

На суде врач просил пощадить ее больную, дать возможность долечить ее. Отказали. Дали год.

В тюрьме у Тани начались страшные боли. Ее положили в больницу на обследование. И вот тут она влюбилась, вернее, ответила взаимностью влюбившемуся в нее парнишке, тоже больному. Он чуть старше ее и болен язвой желудка. Между ними начинается переписка. Таню отправляют в карцер. Но

в это время из онкологической клиники приходят ее анализы: да, рак матки. И врачи вновь берут ее в больницу — прямо из карцера.

Случайно Таня оказывается в камере как раз над камерой своего Сережи. Тут уж переписка разгорается вовсю. Они любезничают, строят планы на будущее, а мы их всячески стараемся уберечь от очей надзирателей. Таня дарит ему свой портрет моей работы. Удачный. Влюбленные безрассудны до крайности. И мало того, что они целыми днями строчат друг другу длиннющие послания, что они видят друг друга во время прогулок — они ухитряются несколько раз встретиться в больничных коридорах, когда их ведут на процедуры! Ну тут уже начинаются сумасшедшие объятия и поцелуи, часто на виду у других больных. А среди них есть спешащие на волю любой ценой.

Тане делают операцию. Причем оперирует ее не специалист-онколог, а обыкновенный гинеколог. Операция идет около часа; Таню приводят (а не привозят!) в камеру еле живую.

Через день, когда она еще и ходить не может, ее переводят на корпус, а еще через несколько дней отправляют в лагерь. Сергей передает нам отчаянные письма: «Что с Таней? Где она? Как прошла операция?». Мы отвечаем, но что мы можем ему ответить?

Таня рассказывала ему обо мне. Сергей берет у меня стихи на сохранение. На волю их передать не

удалось. Но спустя четыре месяца эти стихи цитирует в своем письме Трифонов. Значит, они живут? А вот жива ли Таня, я не знаю.

Другая женщина сидит за 98 копеек. Сама над собой смеется:

— До рубля не дотянула!

Работала санитаркой, жила трудно, муж бросил... И вот теперь еще это.

История ее такова.

После полочки пошла в магазин самообслуживания, чтобы закупить продукты впрок. Хотела взять побольше мяса — вечером ждала подруг. Поглядела — мясо паршивое. Взяла небольшой кусок для супа на завтра, за 98 копеек — много ли нужно одной? Накупила того, другого — получилась полная сетка. У кассы стала расплачиваться и забыла про этот злосчастный отрывок мяса! А контролер углядел. Она сразу извинилась, вынула деньги из кошелька, чтобы заплатить. И вдруг слышит сзади:

— Воровка! Ты ведь живешь на краденое! Я как заметила — она только за этим в наш магазин и ходит!

Оглянулась — продавец из-за прилавка. Ей бы смолчать, а она:

— Да вы сами здесь все воры! Я-то один раз нечаянно заплатить забыла, а вы-то каждый день с полными сумками отсюда уходите!

Завязался скандал. Вызвали милицию и составили протокол. Милиционеры ей заявили:

— Мы вас поставим на учет и будем год за вами следить. Попадётесь ещё раз — посадим. Завтра принесете характеристику с работы!

— Черта с два!

Ушла и забыла, и никакой характеристики не принесла. Завели дело и осудили на год. Год она, конечно, отсидит. Женщина измучена жизнью, работу всегда знала самую тяжелую. Но вот комнату свою она потеряет, через шесть месяцев ее выпишут. Куда она денется после тюрьмы? Найдёт работу тяжелее прежней с лимитной пропиской? Так ещё возьмут ли ее после заключения, пропишут ли по лимиту?

— Вот и вся жизнь за 98 копеек полетела...

А как она добра, приветлива... Представляю, как она прекрасно ухаживала за больными, и жалею больных, лишившихся ее ухода.

Когда я начинаю есть, она подает мне еду в постель: «Лежи, лежи! Тебе силы беречь надо для этапа». Целый день чистит и моет нашу камеру-палату: «Раз нам такой дом дали, так пусть хоть в нем чисто будет!».

И зачем она здесь? Но самое страшное и глупое заключается в том, что таких «преступниц» тут сколько угодно.

Это первая из множества подобных историй. Вот, например, скандалят две старухи-соседки. Обеим лет под 70. Обе давным-давно вырастили детей и внуков, живут в пригороде. У каждой своя хатка, только забор общий. У этого забора они и встречаются вечерами. Обе выпивают. И вот, выпив каждая свою «маленькую», встречаются и, как водится, вспоминают свою жизнь. Кончаются эти воспоминания тем, что вдруг одна припоминает другой не возвращенное 15 лет тому назад решето. «От такой слышу!» Начинается ссора. Заканчивается она обычно тем, что старушонки хватают друг друга за волосы. На следующий день одна пишет заявление в милицию, другая этого сделать не догадывается. В один прекрасный день недогадливую старуху сажают на полтора года по 206-й (хулиганство).

Я ее увидела в Вологодской тюрьме на пересылке. Старуха собирала хлебные корки после обеда и сушила на батарее. При мне она насобирала их уже целую наволочку.

— Работать я не могу, кто ж меня в лагере кормить будет?

Там же, в Вологде, еще одна забавная 206-я. Пожилая женщина пришла в магазин, подвыпив, и попросила бутылку дешевого вина после 19-ти часов. Продавец спокойно отпускает водку мужикам, ко-

торых в магазине целая толпа, а ей вино отказывается продать, ссылаясь на неурочное время. Разобиженная, та хватает коробку дешевых конфет и запускает ею в продавца. Хулиганство? Несомненно. Вот и вызвать бы милицию, составить акт, оштрафовать... Продавцы поступают иначе. У магазина довольно высокое крыльцо. Они хватают женщину за руки и за ноги и сбрасывают с этого крыльца. Она падает и не поднимается. Покупатели и прохожие видят это и вызывают «скорую помощь». Только тут перепуганные продавцы вызывают милицию. Слава Богу, «скорая помощь» приходит раньше. Пролом черепа, перелом руки и бедра.

Ну и милиция свое дело сделала. Был составлен акт о хулиганстве. После двух месяцев больницы женщину отдают под суд. Я своими глазами читала в приговоре суда, что «по свидетельству продавцов, обвиняемую никто не избивал, она уже в таком виде пришла в магазин». И вот получила она 2,5 года. В эту историю я бы не поверила, если бы не читала ее на бумаге. И как посетительница магазина умудрилась сломанной правой рукой конфеты бросать?

И все-таки я еще плохо разбираюсь в этих людях, чтобы верить им во всех случаях, когда они мне рассказывают о неправых судах. Видимо, мне просто нужно побыть подольше в этой среде, чтобы разобраться, почему добрая треть преступниц такими мне не кажутся.

В конце февраля у меня по всему телу пошли черные нарывы. Возможно, это последствия голодов-

ки, возможно, простая простуда: последнюю неделю меня держали в неотопливаемой камере. Батарея испортилась, а чинить почему-то не стали. Я несколько раз обращалась к врачам и сестрам — никакой реакции. А я не могу ни ходить, ни лежать, меня бросает то в жар, то в холод. Наконец, я устраиваю скандал и все-таки добиваюсь вызова врача. «Похоже на язвенный диабет», — заявляет она и исчезает навсегда. Я прошу сестер сделать хотя бы перевязку — глаза в сторону: «Потом, потом...».

Я задумываюсь, а затем расспрашиваю эзек, не намечается ли на ближайшее время этап. Да, говорят, есть этап 25-го. Все ясно! Начать лечение — значит, задержать меня в «Крестах». И тогда я иду на приступ: устраиваю дикий шум и грохот 24 февраля и требую врача. Является.

— Завтра этап. Распорядитесь, чтобы мне наложили повязки и дали антибиотики.

— Какой этап?! — забежала глазками тюремная врачиха. — Никакого этапа завтра не будет.

— По моим данным — будет. Но я не двинусь с места, если вы не сделаете мне все, что требуется.

Обещает и уходит. В течение дня я повторяю свой шум несколько раз. В 12 часов ночи мне накладывают повязки на все нарывы и дают несколько таблеток тетрациклина. В 2 часа ночи ведут на этап.

Все время этапа меня лихорадило. Настоящую медицинскую помощь мне оказали уже на месте. Я боялась заражения крови, но и смеялась над теми, кто так боялся меня, кто так мечтал избавиться от меня любой ценой. А зачем брали?

Я прочла до конца «Архипелаг ГУЛАГ»; отбросила книгу с воплем: «Лучше я сама через это пройду, но читать об этом не стану!». Книга написана либо для очень сильных людей, либо для очень толстокожих. Я не принадлежу ни к тем, ни к другим, и мне такие вещи читать небезопасно — могу в окошко выпрыгнуть, а могу и за автомат взяться. Особенно страшными мне показались «Столыпины». Кроме того, у меня в душе живет постоянный, ровный и холодный ужас этапа Мандельштама: так ведь никто и не знает, что с ним было, что привело его к гибели.

В «Крестах» меня готовили к этапу. Рассказали, как нужно обходиться с водой, предупредили, что будут давать селедку, которую нельзя есть ни в каком случае. Я шла спокойно, хотя и прихрамывала из-за моих чертовых нарывов.

Перед отправкой — последний крестовский обыск. Все эски уже построены в коридоре, томятся, а меня все раздевают-одевают. Заставили размотать бишты, крохоборы! Отбрали все написанное моей рукой, даже черновик кассационной жалобы в Верховный суд. Впрочем, это немудрено, так как она звучит не столько жалобно, сколько изобличающе.

Затем нас погрузили в тюремные машины и повезли на вокзал. Я смотрю в щель «стаканчика», прощаюсь с городом.

Набережная, Литейный мост, Литейный проспект...
Мамочки!

Жуковская! Мы сворачиваем на Жуковскую и проезжаем мимо моего дома. Я успеваю трижды перекрестить его. Видно, надолго меня увезут, если такое внимание! Задворки Московского вокзала, автоматчики, собаки — и началось!

Я могу с чистой совестью сказать, что на этапе я не столько страдала. Я измучилась, в Воркуту прибыла еле живая, но мне было легче, чем другим. Во-первых, я по природе аскет и могу обходиться довольно долго без питья и еды, могу расслабляться и спать в любом положении. Кондовые этапные пытки на меня не действовали: я почти ничего не ела, пила очень мало воды. У меня была полиэтиленовая банка, которую мне в «Крестах» раздобыли специально для этапа: если зэки, когда их поили, выпивали за один раз по нескольку кружек, то я делала из кружки два-три глотка, наполняла свою банку, а оставшейся в кружке водой нахально умывалась на глазах у обалдевших конвоиров. Если было душно, я дышала через платок, смоченный все той же водой. Если в туалет выводили всего два раза в день — я от этого не страдала. Но я истерзалась, слушая, как здоровенные мужики часами вымаливают глоток воды. Если конвоир был не последней сволочью, я через него передавала воду больным. Слушать, как плачут мужчины, — нет, я этого не люблю!

До сих пор не понимаю, для чего это все?!

Забавно складывались отношения между мною и остальными зэками-мужчинами. Я почти все время была единственной женщиной в вагоне. Сначала — дикие вопли, скопище рож и рук в решетках, пока меня ведут по коридору в последнюю камеру. Мат, всяческие гнусности, оскорбительные «комплименты». Я отвечаю полным молчанием. В мою камеру летят записки: соседи проталкивают их в отверстия решетки. К забаве подключаются и конвоиры. «Я не принимаю записок», — объявляю я, дождавшись паузы в этом концерте и притворяясь спящей. Через час все успокаиваются. Кто-нибудь из конвоиров объявляет: «Она политическая». Начинается новый ажиотаж. Теперь мне со всех сторон предлагают помощь, дают советы. Зэки, едущие на поселение, делают заявки на покровительство в будущем. Я смеюсь: какое покровительство? Вы на карачках выползли на поселение через УДО, а я еду в ссылку, успев довести до белого каления энное количество советских опричников. Защита!..

Находятся двое-трое достаточно информированных ребят, завязывается нормальная беседа, и до следующей пересылки — никакого мата! Все довольны. Новая пересылка, новый вагон — все начинается сызнова.

На одной из пересылок у меня начинается жар и бред. Мне дают антибиотики, на совесть обрабатывают мои гнойники, но все это мало помогает: вся сопротивляемость ушла на другое. Ночью я плачу под одеялом — это всего второй раз с сентября. Плачу от обиды — уж очень некрасивая смерть, смерть от заражения крови. А ведь это — убийст-

во! Крестовские врачи знали, что делали, когда отправляли меня на этап в таком состоянии.

Раньше я жила в уверенности, что непоправимых бед не бывает. Потом, когда начали умирать мои друзья, я узнала горе, которое уже не поправишь. И вину, которой нет прощения.

Вот Валентин Трунов, талантливый музыкант-самоучка. Он повесился. Несколько лет я его опекала, потом надоело, устала. Может быть, не нужно было его оставлять? Художник, любивший меня, пытался покончить с собой после того, как я отказалась с ним даже встречаться. Его, слава Богу, спасли, но грех-то все равно на мне!

А потом смерть пошла косить. В дорожной катастрофе погибает мой друг Юрий Козлов, страшная смерть художника Евгения Рухина. Осенью умерла Татьяна Григорьевна. Панихида в царских конюшнях...

А вот теперь умираю я. Так некрасиво умираю, так далеко от дома... Но ведь это же убийство!

Злость поднимает меня, высушивает слезы.
Выживу!

«Деревянное яблоко свободы» — это выражение Веры Фигнер. Так она назвала ссылку, о которой столько лет мечтала на каторге.

Воркута встретила меня сорокаградусным морозом, пасмурным небом и метелью.

— Ну вот, вы и свободны в пределах Воркуты! — ласково сказал мне мой новый шеф. — Можете идти.

— Куда?

— Куда хотите.

— В Ленинград, что ли? Или на улицу?

— Мы обязаны устроить вас в течение двух недель. А пока уж как-нибудь перекантуйтесь, поночуйте на вокзале.

— Я, знаете ли, не из тех дам, что ищут ночлега на улице или ночуют на вокзалах.

— Ну что, устроить вас на КПЗ?

— Только попробуйте!

Задумывается.

— Если вы сегодня же не устроите меня, я немедленно еду в Москву к Генеральному Прокурору — пусть он сам разбирается с этим делом.

Звонит в гостиницу, с большими уговорами выбивает место.

— Деньги у вас есть?

— Нет, конечно! Мои деньги остались в ленинградской тюрьме. Могу взамен оных предложить вам квитанцию.

— Пишите заявление в райисполком об оказании денежной помощи.

— Что? Я никого ни о чем просить не собираюсь. Вы меня сюда доставили силой, под конвоем, — вы обо мне сами и позаботитесь.

Долго-долго думает.

— А от меня лично возьмете в долг 10 рублей?

Тут уж я задумалась.

— От вас лично?.. А почему бы и нет? Через два дня отдам. Беру у него десятку, лечу на почту, телеграфирую домой, а потом еду в гостиницу. Нормальный душ, прекрасный обед, человечья постель с чистым бельем — и тоска, тоска, тоска...

Как я далеко ото всех!

Ссылка — чушь, ссылка — глупость и провокация. Мне ли удержаться на коротком поводке? Вместо борьбы — болото, вместо друзей — окрсреда. Я здесь, как мышонок в мокрой вате: и душно, и мокро, и противно. Надзор отвратительно откровенен. Мои первые письма не дошли ни до кого! Нет, лучше уж за колючку. Среди отверженных есть люди, среди посредственностей — навряд ли. Я здесь утону в одиночестве!

В тюрьме, в одиночке, в психушке мне было легче, чем здесь.

И даже леса нет! Кто это придумал — загнать женщину в Заполярье? Волки вы, господа кагебня, дикие и злые волки! Уж лучше в лагерь, но в лесу. Здесь люди не живут, здесь зарабатывают деньги или отбывают каторгу.

Моя последняя книга стихов называется «Книга разлук». Боюсь, что и все последующие можно будет назвать так же.

В Ленинграде я горевала оттого, что половина моих друзей уехала на Запад. Уехать самой? Но тогда придется тосковать по оставшейся половине. Господь рассудил просто: теперь я одинаково тоскую и по тем, и по другим. Я больна разлукой, я только об этом и думаю. Но и вся Россия больна разлукой. Больна, больна неизлечимо.

Как все-таки много значили в моей жизни друзья! Писем все еще нет, а по телефону главного не скажешь!

Мы встретились с тобой, как в осажденном городе, — во времена репрессий, судов и прочих военных действий, ведущихся государством против инакомыслящих. Интересно, а как бы мы встретились в мирное время — в лесу, на берегу моря, в какой-нибудь деревушке? Узнали бы мы друг друга, заговорили бы?

Я иногда думаю, что б ты сказал, увидев меня плачущей? В душе я плачу о том, что разучилась плакать. Мои редкие слезы — это злые, тайные слезы. А так хочется заплакать для кого-то, чтобы утешали, по головке гладили, слезинки оцеловывали... Да где уж! На таком ветру любые слезы высохнут.

Даже тоска по тебе — не печаль, а тоска и ярость. Насколько мысль о тебе постоянно полна нежностью и светом, настолько мысль о тех, кто оторвал тебя от меня, полна гневом.

Воркутинцы почти все безобразно толсты («Эскимос греется изнутри пищей», — сказал один американский этнограф), очень богато и безвкусно одеты, начисто лишены грации и не развиты духовно. Но все они добры и спокойны, очень приветливы. Слово «ссылная» их не пугает — они всякого нагледелись. В очередях и учреждениях не слышно скандалов, в автобусах никто не переругивается. Воркутинок хорошо кормят — видимо, в этом все и дело. Они озабочены тем, где достать ковер, но они не думают, чем накормить детей. Работать стараются все — уж очень их соблазняют деньги, даже тех, у кого мужа — шахтеры. Муж приносит 800 рублей в месяц. В условиях нашей страны это очень много. И все же воркутинка ищет себе работу, идет на зарплату в 70—80 рублей. Впереди «северные»! Дом заброшен, муж приходит из шахты и сам разогревает себе обед, дети отданы в детский сад. Одна воркутинка поведала мне, как она два года ходила отмечаться на биржу в ожидании работы. Вот вам и безработные!

Воркутинцев я еще не знаю и представления о них не имею.

Могу сказать только одно, что прелести местных красавиц им, видно, поднадоели. Мне постоянно оказываются неуклюжие знаки внимания. Но, благодарение Богу, после двух-трех ядовитых слов все отскакивают от меня на почтительное расстояние.

Официальные лица ведут себя куда пристойнее, чем в Ленинграде. В них меньше истеричности и административного восторга. Многие добродушны и приветливы. Даже мои шефы. Но это не мешает им перехватывать письма и проводить тайные незаконные обыски. Всюду жизнь.

Но мне понравились редкие коренные жители — коми. Их мало. Они тихи, добры, начисто лишены «хватательного рефлекса», столь развитого в приезжей публике. В них нет даже обиды, чувства оскорбленной национальности. А ведь должно бы быть: целую республику превратить в сплошной лагерь — это ли не преступление? Коми похожи на слабых детишек в семье нахрапистых объедал. Нужно будет съездить в настоящую комяцкую деревню, ибо чует мое сердце — что-то здесь не так! Уж слишком часто встречаются коми, внешне похожие на индейцев. Я тут как-то познакомилась с восемнадцатилетней девочкой-коми, ходившей с отцом на медведя.

Словом, все, что я пишу, — это только первые впечатления. Поживем — разглядим!

Одно только твердо: друзья у меня здесь будут. Будут ли единомышленники — вот в чем вопрос.

Я ненавижу слово «выживать». Слишком много подлостей совершено в мире только потому, что люди считали своим высшим долгом элементарное выживание. «Надо выжить!» — говорили они и лизали сапоги своим тюремщикам.

Я чувствую, что жить мне здесь пока нечем, — все там, в Петербурге. Воркута проходит мимо моего внимания. Чуть-чуть любопытства — и только. Я вспоминаю странников всех времен и народов, вплоть до Одиссея. Разве они жили во всякой стране и со всяким народом? Нет, они проходили сквозь них, наблюдая, запоминая, движимые своей единственной мыслью, своей идеей, иногда только тоской по дому:

И скажешь ты случайно: «Боже мой!

На Итаку, на Итаку, домой!»

И станешь повторять ты: «Боже мой!

На Итаку, на Итаку, домой!»

«А далеко на севере, в Париже...»

Когда-то эти пушкинские слова из «Дон-Жуана» меня околдовали. Это было фантастично: на севере — и вдруг в Париже. Как-то я писала работу о первом фильме Клода Лелюша. Дошла до эпизода, где героиня тоскует о герое, находящемся в Ницце, и с великим удовольствием написала: «А далеко на севере, в Париже, его ждет женщина...».

Теперь я хожу и твержу: «А далеко на юге, в Ленинграде...».

А Москва в моем представлении и вовсе где-то у самого экватора!

ЗАКЛИНАНИЕ КОМПАСА

Стрелочка, стрелочка!
Покружись, покружись
Да на Юг повернись!

Они думали: «Пусть она заболает».
Они думали: «Пусть ей будет трудно».
А у меня на столе холмик белеет,
А под ним — неотправленных писем трупики.

Стрелочка, стрелочка!
Покружись, покружись,
На бочок не ложись!

Они меня видят, а я никого не вижу.
Они меня слышат, а я никого не слышу.
И никого в целом мире обнять нельзя —
Господи! Где же мои друзья?

Стрелочка, стрелочка,
Стрелочка-невеличка,
В колесе белочка,
В западне птичка!

Покружись, покружись
Да на Жизнь повернись!

А она все к Северу, к Северу...
А душа все по миру, по миру...

Из сугроба на перекрестке двух улиц лезвием вверх торчал нож. Он сверкал на солнце. Он был похож на самолет, вырывающийся вверх из облаков. Я подняла его, подержала на ладони, подышала на лезвие. Сталь не замутилась, как будто ее поднесли к губам мертвеца. Далеко мне лететь до жизни моей...

Над крышей моего воркутинского дома пролетают самолеты на Москву, пролетают совсем низко.

Самолетик голубой,
Забери меня с собой!

Часа через четыре я могла бы быть на своей Жуковской. А когда я сидела в «Крестах», ты был от меня в двух остановках электрички. «Но стены двойные», — писал ты.

На земле давным-давно не существует никаких расстояний, ни больших, ни малых, а есть только злая воля холодных властолюбцев, делающих непреодолимыми даже самые малые расстояния. Будь их воля, они бы запретили и птичьи перелеты! Да будут они вечно одиноки и нелюбимы — во всей

полноте их власти! Пусть их всех ждет смерть Джугашвили — без слез, без людей, без прощания! «Разрываю всем телом аркан государства!»

Я в Ленинграде. Болен младший сын, идет суд над Рыбаковым и Волковым, тоска о тебе перешла границы выносимого — вот сколько причин для побега. Просидела, обнявшись с младшим. Он успокоился и обещал терпеливо ждать каникул, чтобы приехать ко мне. На суд я не пошла — мое появление уже ничего изменить не могло. Олег и Юл действовали так, что возникла мысль о сговоре с ГБ. Вот только в чем он заключался? Я не могла их видеть. А на следующий день меня взяли.

Свирепый демон государственности царит в этом мире и даже делает чудеса. Как они умеют «раскручивать» людей, решившихся на разговор с ними! Юл и Олег хотели заслонить, спасти других, и вот...

Нет, с первой секунды и до последней — «ответ один: отказ!».

Многие вступали в игру с ними, но не победил еще никто. Кое-кто выиграл толику малых радостей: получил на пару лет меньше, отделался условным сроком, выехал за границу и даже вывез архивы и коллекции картин. Но какой ценой? Кто знает об этом? И кто теперь эти люди?

— Солнце высоко, колодец далеко. Сестрица Аленушка, я напьюсь из колеи?

— Не пей, братец Иванушка, грузовичком станешь!

Друзья, от которых я, как говорят добрые люди, «высокомерно отвернулась», мне дороже братьев. Но видеть их слабыми я не могла и не хотела. Линия их поведения до сих пор мне не ясна, я не понимаю, в чем тут дело. Никому, кроме самих себя, они ни малейшего зла не причинили. Дело пострадало от их слабости — это да. Но люди, нет. А мне всего дороже люди. Они мне с Натальей помогли отбиться. Может быть, они заслоняли не только нас?

И все-таки я против даже самых выгодных сделок с ГБ! Мне будет трудно забыть эту их слабость. Но жизнь продолжается. 6 и 7 лет лагерей — это страшно. Наши лагеря только называются так невинно, почти по-пионерски. Если называть вещи своими именами, то их отправили на каторгу — так это несколько веков называлось! Но и каторга одних убивает, а других закаливает. Они обманули мои ожидания во время следствия и на суде, но главное-то впереди!

И потому я все еще люблю их, как братьев...

6 и 7 лет — уму непостижимо! Ущерб — 10 000 рублей. Что за чушь, если для ликвидации лозунгов властям понадобилось всего несколько часов, а самая большая надпись на Петропавловке была сделана в Государевом бастионе, который уже был предназначен к пескоструйной очистке. Теперь они представляют дело так, что чуть ли не из-за надписи началась реставрация стен крепости: на самом деле она началась еще в мае. Только борзописец

Викторов в своей статье «Пачкуны» назвал эти лозунги «сквернословием». Ну что ж, если слова «партия», «СССР», «КПСС» — сквернословие, то уж я-то спорить с ним не стану!

В 1973 году новгородский житель облил кислотой из огнетушителя фреску Феофана Грека. Ему, видите ли, туристы надоели! Идиотом его не признали. Ущерб был определен в 300—400 рублей. Приговор — два года.

Последовательность и законность нашего судопроизводства умилительны!

(Юлия Вознесенская. Записки из рукава. // Юность. 1991. № 1)

ПРАВОСУДИЕ: ЧТО НЕ ПРОДАНО, ТО ПРОПИТО?

В здание Военного трибунала их доставляли из СИЗО «Володарки» в наручниках и под конвоем. В металлической клетке зала судебного заседания за ними тут же закрывали дверь, снимали «браслеты» — так шестеро дюжих ребят из конвоя бдили своих «подопечных» на протяжении пяти месяцев судебного процесса. Лишь 22 месяца спустя после своего задержания в феврале 1994 года они услышали оправдательный приговор Военной коллегии Верховного Суда под председательством Михаила

Клопова и Эдуарда Хроменкова — освободить из-под стражи немедленно!

А ведь казалось бы, так все удачно начиналось: пламенная речь бывшего Генпрокурора Шолодонова с парламентской трибуны о взятии под стражу двух судей-взяточников, внушающее оптимизм сообщение для СМИ следователя по особо важным делам при Генеральном Прокуроре республики Козаченко. И все же под занавес судебного процесса прозвучало: согласно статье 60 УПК РБ в связи с незаконным привлечением к ответственности участники этой судебной драмы имеют полное право на возмещение ущерба...

Разговор с Михаилом Клоповым, судьей Первомайского района г. Бобруйска состоялся в редакции «СН-плюс» спустя две недели после описанных событий, когда на смену эмоциям пришло более или менее спокойное осмысление пережитого...

— Михаил Петрович, как же вас, судью с 11-летним стажем, угораздило так вляпаться?

— Все началось с того, что в один из дней я почувствовал за собой слежку. Вначале «играли» в тайнственность, а потом стали следить в открытую. В субботу 15 января 1994 года около 9 часов утра в моей квартире раздался звонок. На пороге стоял старший оперуполномоченный 6-го отдела МВД Савельев и группа неизвестных мне людей, пришедших, как выяснилось, с целью проведения обыска.

Этого делать они не имели права, поскольку в отношении меня вначале должны были возбудить уголовное дело. А это право, согласно закону о статусе народного судьи, имел только Генеральный Прокурор республики и только с согласия сессии Верховного Совета. Разумеется, ничего этого не было, мне лишь предъявили постановление на производство обыска, подписанное зампрокурора Могилевской области. Затем произвели обыск в служебном кабинете.

— Что было потом?

— Я продолжал работать, а затем взял отпуск и поехал в ставропольский санаторий для лечения: все знали, что ранее я переболел гепатитом. Позвонив домой, я узнал от жены, что сессия Верховного Совета дала согласие на приостановление моих служебных полномочий, возбуждение в отношении меня уголовного дела и взятие под стражу, посчитав при этом мое присутствие необязательным, что, опять же, противоречит закону.

— С подачи Генеральной Прокуратуры СМИ сообщили, что вы были в бегах, но вас поймали.

— Это чушь. Мой руководитель знал, где я и когда у меня заканчивается срок лечения. 27 февраля, когда я возвращался домой, в купе поезда опять вошла команда Савельева, у всех расстегнуты кобуры — как будто они поймали опасного рецидивиста. Привезли в Бобруйск, где ждал приехавший из Минска руководитель следственно-оперативной группы из генпрокуратуры Козаченко. Продержав ночь в изоляторе временного содержа-

ния (ИВС. — Авт.), меня под охраной Савельева повезли в Минск...

В следственном изоляторе КГБ меня ждала камера-одиночка, затем перевод в другую камеру — так называемую «пресс-хату». Хотя по моему положению сажать в одну камеру с уголовниками не имели права.

— И тем не менее пошли на это?

— Чтобы сломать. Они понимали: уголовники — у одного за плечами 15 лет отбытия срока, у другого — чуть меньше, как только узнают, кто я, начнут предъявлять претензии, пойдут разборки. Глядишь, и Клопов «расколется». К счастью, мы с ними нашли общий язык без мордобоя. Основной мотив моего содержания под стражей был таков: мол, я мог оказать воздействие на свидетелей, что препятствовало бы восстановлению истины в суде.

— Как ни пытались свидетелей «оградить от вашего влияния», а они все равно не поддержали версию предварительного следствия во время судебного процесса.

— Причем невзирая на угрозы государственного обвинителя Жингеля привлечь их к ответственности за дачу якобы ложных показаний. Ясное дело. Жингель выполнял в суде социальный заказ, его роль — «вытягивание» версии обвинения. Это естественно, поэтому он и оказывал давление на свидетелей. А как работало следствие, рассказали и сами работники прокуратуры. Тот же зампрокурора

г. Борисова Клещенко поведал суду: «Сижу в выходной день дома, звонит Козаченко и говорит: «Езжай на работу, так как придет свидетель с повинной». Не зря на суде 30 свидетелей один за другим отказывались от ранее данных показаний. Того же Овсянникова предварительное следствие «давило» тем, что 6-ым отделом против него возбуждено уголовное дело. Его на этом и взяли. Если человека в 9 утра вызывают на допрос, а в 18 выпускают, стоит ли удивляться, что на суде он говорил то, что меньше всего бы хотелось услышать Жингелю. Или другой «добровольный» свидетель — Фурсова. Она рассказала, как утром шла к дизель-поезду, но вдруг подъехал на машине Савельев и «пригласил» проехать вместе с ним.

— Михаил Петрович, на суде упоминалось о тех издевательствах и произволе, которые чинят в отношении подсудимых в местах лишения свободы. Вы что, раньше об этом не подозревали?

— Почему же, мне, как судье, подсудимые рассказывали, как во время предварительного следствия из них «выбивали» показания. Верилось где-то процентов на 50, поскольку на все нужны доказательства. Когда сам оказался в камере с несовершеннолетними, своими ушами слышал, что они говорили после допросов. Рассказывали, как на малолеток надевают противогаз — это новая «мода» нынче пошла: перекрывают клапан, и ты трепыхаешься в наручниках, пока не «расколешься».

— Можно себе представить, что терпел «взрослый» контингент.

— Скажу однозначно, что к подследственным применяют меры не только психологического, но и физического воздействия. На «Володарке» в СИЗО, где при вместимости 1800 человек содержат четыре с лишним тысячи и люди спят в три смены, падают в обморок, особенно летом, из-за непроветриваемости помещений, рассказывали более страшные вещи. Не хочу называть конкретно один из РОВД г. Минска, где издеваются над людьми. Привозят, например, в подвал, завязывают глаза, поворачивают лицом к стене, перезаряжают пистолет и предупреждают: «Последний раз спрашиваю, будешь говорить правду?». Затем звучит выстрел в воздух. После этого ты готов уже подписать все, что от тебя потребуют.

Или другой дикий случай. После суда в «отстойник» (там же, на «Володарке») был доставлен подследственный, избитый конвоирами. Когда его выводили из зала судебного заседания, к нему бросилась мать: старушка пыталась передать шоколадку и апельсин. Один из конвоя отшвырнул ее в сторону, и, когда сын попробовал возвать к человеческим чувствам, мол, у тебя ведь тоже есть мать, зачем так грубо, ему быстро заткнули рот. Зажав запястья наручниками, бедолагу начали лупить дубинками по икрам и бедрам, после чего он ни сидеть, ни стоять уже не мог, а лишь стонал. Там к подследственным относятся по-скотски, и это еще мягко сказано. Самое страшное, что человек еще не признан судом виновным, но уже проходит все круги ада.

— Возможно, к людям со слабым здоровьем, больным отношение в казенных домах более мягкое?

Вас ведь там настигла серьезная болезнь, отодвинувшая день вынесения оправдательного вердикта аж на полтора месяца.

— О какой лояльности вы говорите? Вечером 20 октября после судебного процесса меня скрутило от резкой боли в области печени, да так, что потерял сознание. Сокамерники рассказали, что кричал от боли, а врач пришел лишь через два часа. Потом его вызывали еще несколько раз. Не открывая дверей камеры, тот через «кормушку» оголял мое плечо и делал укол. Все вопросы, связанные со здоровьем заключенных, решает фельдшер. Знаете, как он лечит? Ломает таблетку на две части и приговаривает: это тебе от боли в желудке, а это от головы.

— Михаил Петрович, намерены ли Вы воспользоваться своим законным правом, оговоренным статьей 60 Уголовно-процессуального кодекса республики, на возмещение причиненного вам ущерба в связи с незаконным привлечением к ответственности? Если да, то к кому конкретно?

— Разумеется, намерен. Кроме упомянутой вами статьи из УПК, есть еще статья 61 Конституции, дающая мне право на возмещение морального ущерба. Но какими деньгами можно измерить потерянные годы, здоровье, время разлуки с женой и тремя детьми? До сих пор удивляюсь, как эти два года семья выкручивалась без кормильца. Что касается конкретных должностных лиц, то пока я иск намерен предъявить государству, а оно в порядке регрессивного иска должно взыскать с виновных

лиц все до копейки. В первую очередь это касается заместителя Генпрокурора Кондратьева, который вопреки действующему закону не реагировал на мои жалобы, руководителя оперативно-следственной бригады Козаченко и, конечно же, бывшего Генпрокурора Шолодонова. Закон это позволяет.

— В нашем разговоре, да и на суде в своем последнем слове перед приговором, вы сказали: ваше «дело» — это социальный заказ. Есть на то основания?

— Вернемся в недалекое прошлое. Когда-то считалось, что милиция, госбезопасность, прокуратура и суд — это единая система правоохранительных органов, которая делает одно дело — борется с преступностью. И суд боролся, но мерами наказания, которые вытекают из судебной власти — отправлять правосудие. Но милиция привыкла командовать судом. Сколько раз в моей практике возникали ситуации, когда работник МВД за совершение административного правонарушения просил применить к человеку в качестве меры наказания арест. Для чего? А чтобы «забросить» его в ИВС на сутки и провести с ним соответствующую «работу», что со всей очевидностью лишний раз подтвердилось на нашем судебном процессе. После печально известных событий, связанных с витебским и мозырским «делами», когда были реабилитированы (один по-смертно) невинно пострадавшие люди, ситуация несколько изменилась. Суды почувствовали себя более или менее не зависимыми от притихшей на время милиции и прокуратуры, начали выносить оправдательные приговоры, отправлять дела на доследования. И тогда появилась идея заставить суд снова работать в одной правоохранительной обойме.

Что происходит сегодня? Каждая из двух властей — законодательная и исполнительная — захотела иметь в своих руках суд и руководить им... Благо у нас всегда находятся люди, готовые под любую идею найти «громкие» дела.

— Под видом борьбы с коррупцией?

— Все эти заявления о борьбе с коррупцией, мафией настолько несостоятельны... Поем с чужих голосов, вместо того чтобы принять необходимый закон, определяющий, что такое организованная преступность, мафия, коррупция, наконец. Ведь на сегодняшний день трактовку этому слову дают из словарей. Такая обывательщина... И что же получается? Сколько «громких» дел милицейских и прокурорских в судах рассыпается в прах! Ну нет состава преступления там, где правоохранительным органам хотелось бы. Значит, «в судах все куплено». И находят «доказательства», жертвами которых я считаю себя и моего коллегу — председателя районного суда г. Борисова Эдуарда Хроменкова. Поэтому убежден: в отношении нас выполняли социальный заказ. Причем с уверенностью, что, коль подключены МВД и Генпрокуратура, «надавить» на Верховный Суд для вынесения обвинительного приговора не составит труда. Они смело нарушали законы, закрывая глаза на то, что нет доказательств, есть только установка обвинить представителей судебной власти в потворстве преступности. Но Верховный Суд в конечном итоге выстоял и сказал свое веское слово, заставив считаться не столько с собой как с властью, сколько с такими понятиями, как закон и справедливость.

(Свободные новости-плюс. 1996. № 1)

СКОЛЬКО СТОИТ ПЕРЕСПАТЬ С ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЕМ

Сценарий этого журналистского эксперимента был рискован, но прост. Некому военному человеку из бытырских казематов передаются — строго по таксе за один визит — 300 долларов США. В назначенный час он встречается с Машей, после чего под видом традиционной тюремной передачи помогает ей пронести в камеру... автомат Калашникова, а затем вынести его обратно.

...Маша назначила мне встречу возле арки, что в двух шагах от внутреннего дворика тюрьмы. «Арка знаменитая, — объяснила она, — родственники арестованных испускают ее криками души». И рассказала, как сама когда-то — после очередного отказа следователя в свидании с мужем — разревелась и с горя ядовито-красной губной помадой полчаса выводила здесь огромными буквами свой крик: «Ненавижу ментов!». «Правда, — добавила Маша, — это было еще в те времена, когда я не знала, как проходить через заборы. Сегодня я могу туда хоть атомную бомбу пронести...»

АКМ-47, взятый напрокат по очень большому благу, аккуратно уложен в сумку рядом с термосом и бутербродами. Для страховки (хотя последствия в случае провала просто не предсказуемы) в патроннике записка, где объясняются мотивы наших действий. Пустой рожок остается в кармане моей куртки.

...Маша с сумкой стоит в условленном месте — у «входа для крутых», как называют на бутырском языке этот парадный подъезд. Я пристраиваюсь к очереди (примерно человек из ста) рядом со «входом для нищих». И — предчувствие, а скорее, нервное опасение: вдруг не придет? Но он появляется вовремя — невысокий худощавый мужчина в штатском, не очень-то похожий на военного, приветливо улыбается, галантно распахивает перед дамой дверь.

Через минуту раздается громкое «кляц!» засова первой из трех «непроходимых» проходных «Бутырки».

История Маши Ковалевой (фамилия изменена) похожа на тысячи историй, рассказываемых родственниками и возлюбленными арестантов, которые толпятся в предбанниках всех российских тюрем в надежде на манну небесную. Однажды был арестован ее муж Тимур, сотрудник охранной фирмы. Статья страшная — разбой. Возможный срок еще страшней — до пятнадцати лет. Но она уверена, как в себе, ничего преступного он совершить не мог. Через нанятого Машей адвоката муж передает из застенков: «Меня подставили, а следовательно еще и хочет сделать главарем-организатором». Адвокат подтвердил: психологические капканы, стукачи, карцер, мордобой, параша — арсенал великий. Маша понимает, что мужа нужно срочно спасать. Как? В Москву молодая семья переехала недавно, знакомых никого, родственники далеко. Она все свободное время проводит возле Бутырской тюрьмы, надеясь на чудо — вдруг следователь разрешит свидание. Но тот непробиваем: «Если муж немедленно

не признается, то ближайшая встреча — лет через десять. Минимум».

Ежедневное общение с такими же, как она, «очередниками» не проходит даром. Первое, чему научили Машу, — как добиться, чтобы мужа перевели из общей в нормальную камеру. Народный рецепт оказался незатейлив и гениален, как все народное: подойти к кому-нибудь в форме (чем больше звездочек, тем лучше!) и тихо, жалобно попросить. При этом нужно обязательно выглядеть провинциальной (мол, мы люди приезжие), чтобы внушить доверие. Внушишь — договоритесь. Такса 300 тысяч. Маша тут же отловила первого встречного в погонах, очень слезно просила и предложила деньги, но тот оказался честным (!) и отказал.

Потом ее научили переправлять записки в передачах: одну она засунула вместо начинки в карамель, другую в луковицу, третью написала, как завещал Ленин, — молоком в чистой тетради. Но передача не дошла... Тогда она стала придумывать планы, один авантюрнее другого. К примеру, устроиться поваром в тюремную столовую или санитаркой в санчасть, чтобы если не видеть Тимура, то хотя бы знать, как он там. «Профессионалы» отсоветовали: любая проверка даже десятиродную родственную связь выявит. Тогда Маша решила выследить кого-нибудь из тюремных работниц, затем под видом журналистки внедриться в семью, а уж там... Третий план был самым умопомрачительным: во время допроса украсть со стола следователя чистый бланк «Об изменении меры пресечения», с печатью. Она была уверена: грамотно его заполнив, можно элементарно забрать мужа из камеры и как бы офици-

ально выпустить на свободу с чистой совестью. Оставался «пустяк» — проникнуть за решетку.

Маше повезло совершенно неожиданно.

— Вдруг от одной женщины узнаю, что та регулярно ходит к своему мужу на свидания и даже остается в тюрьме на ночь. Стоит это 300 баксов. Я не поверила, а потом присмотрелась: сначала ее, потом двух рыжих девиц у подъезда четко раз в неделю встречает мужик в джинсах, и — как в сказке про Сезам — все они исчезают в «Бутырке». На следующий день подходит ко мне парень, Маратом представился, говорит: «Два месяца наблюдаю, как ты бегаешь вокруг тюряги словно сумасшедшая. Давай телефон и копи деньги! Познакомлю с кем надо...». И позвонил. Встретились на Лесной улице, он забрал доллары и пообещал: «Завтра. Свидание будет полдня». Но сначала долго не получалось. Теперь я понимаю, в чем причина. Просто люди, которые занимаются этим бизнесом («проводники»), присматривались ко мне, проверяли, что я за птица, не приведу ли «хвост» и т. д.

Наконец, Марат повел к «нужным людям». Долго кружил околобутырскими переулками, хотя, как потом оказалось, дом совсем рядом, и всю дорогу вел жесткий инструктаж: «Запомни, вы с Тимуром мои друзья. Ты работаешь простой продавщицей газет возле метро... Дави на то, что надо помочь хорошему человеку... Не проговорись, что учишься в юридическом!». Помню, настолько все казалось невозможным, что захожу в квартиру, а сама думаю: «Сапоги снимать не буду. Если милиционеры нападут — буду отбиваться ногами!..».

Хозяева — муж и жена — чуть ли не с порога наливают мне стакан медицинского спирта: «Пей!». А я, честно говоря, за всю свою жизнь одну рюмку водки как-то выпила, и то в клумбу упала. Выпила от страха. Наливают второй, и сразу — допрос с пристрастием (хозяин, как потом узнала, бывший следователь, его из «Бутырки» выгнали за пьянство, но удостоверение и друзья остались, поэтому и вход свободный): «Около какого метро торгуешь? Какие газеты продаешь? Сколько стоят? Кто уголовное дело ведет?..». А я ни названий, ни цен толком не знаю, несу что в голову взбредет. И под этот разговор идет жутчайшая пьянка — спирт допили, потом Марата еще три раза за водкой посылали. Без тостов, молча, по-зэковски... Короче, накачали меня, а сами не пьянеют почти. «Ладно, — говорят, когда меня уже тошнить начало, — следователь у тебя козел, но мы люди хорошие — в беде не бросим! Приходи такого-то...» С тех самых пор и пошло. Всегда в одну и ту же смену он встречал, провожал. Варьировалась только денежная сумма — от 300 до 700. В зависимости от того, на сколько человек делить надо...

Система человекопровода «воля — тюрьма — обратно» в «Бутырке», чувствовалось, отработывалась годами. Визитера оформляют (кто-то же ставит подпись и печать!) как свидетеля по делу или якобы как идущего на опознание. «Проводник» в будке (туда же слепого не посадят) предъявляет (в данном случае просроченное, липовое) удостоверение, и так они с сумками (никто даже нос свой не сунет — что там?) проходят через десятки охранников и запоров. Потом им дают ключи от любой свободной комнаты и оставляют наедине с арестантом. Камерный сервис: подешевле — обыкновенный

полуюкс с привинченным стулом, столом, подороже — отдельный кабинет с телефоном, телевизором, мягким диваном. Проститутки — прямо по радиотелефону, выпивка в бутылках из-под пепси-колы, закуска — из ресторана. Только плати. И это при том, что каждый из тех, кто организывает волшебное исполнение аладдиновых желаний, затвердил, как воинский устав: один прокол — и ты уже на шконках сам. Последний скандальный случай: когда в 1994 году сюда на воровскую сходку провели шестерых «авторитетов» (накрыли столы, наняли обслугу, девочек) и это вскрылось, много «хорошего народа полегло», как говорят до сих пор в «Бутырке». Первыми — начальник тюрьмы Орешкин и главный опер Кабанков.

— Вскоре я там была «своей в доску», — продолжают Маша. — 100 баксов за перевод Тимура в камеру с двумя телевизорами. 20 тысяч — за каждый лишний килограмм в передаче... Ходила раз в неделю, в две... Встречали, как родную. А первое официальное свидание разрешили... только через год. Пять утра, очередь для «бедных», толпа человек двести. Подходит моя очередь, я говорю старшему, мол, не мешайте нам с Тимуром, и пачку «Мальборо» протягиваю, а там 50 долларов. Взял. За месяц я и эту сумму до 50 тысяч сбила. А куда он денется! Зарплата ничтожная — поток большой. Без навару никто не останется. Одному молодому оперу я платила всего 10 тысяч, чтобы сливочное масло в камеру носил. Так он тот червонец у меня из рук чуть ли не вырывал и рысью мчал, как стометровку. Когда встретила его год спустя, он уже ожирел, имел две машины и обсуждал со мной не «масляные» проблемы, а как бы открыть частную бензоколонку! Что интересно, все, кто занимается

этим промыслом, большие артисты. Они берут у тебя деньги чистоганом и при этом разыгрывают сцены благородства чистой воды: «Если человек попал в беду, мы!..». Короче, на посту! Поэтому я всегда, кроме оплаты услуг, подыгрывая, говорила им «спасибо».

В течение года Маша регулярно «отмечалась» в квартире благодетелей: два раза в неделю приходила с двумя бутылками водки. Больше не брала, чтобы не спиться. После нескольких стопок хозяева любили пожаловаться: «Вот так помогаешь, жизнью рискуя, а как выпустят на волю, ни одна душа не вспомнит. Тоже мне, друзья называются!». От них Маша узнала, что их бывшие коллеги живут во всех ближайших домах и среди них немало «бизнесменов» фирмы «„Бутырка” энд К». Одни «проводники», другие «передатчики», третьи «консультанты» по уголовке: как вести себя в камере, «нести чернуху» на допросах, где взять классного адвоката... Там же Маша узнавала свежие казematные новости. «Прошлой ночью, — рассказывала хозяйка, — какой-то авторитет разобрал часть кирпичной стены, выбрался и захватил заложницу. Та, не будь душой, — с заточкой у горла — полтора часа его через одни и те же запоры водила, пока не вывела на охрану. За пять минут его насмерть дубинками забили...»

Счастливым концом в Машинной истории тем временем надвигался. В ходе следствия она, согласно рекомендациям специалистов, поменяла трех адвокатов. Последний — самый дорогой и элитный — гарантировал: мужа освободят прямо в зале суда. Так оно и произошло. Срок, который Тимур отсидел,

был один к одному как тот, что объявил судья. Как это удалось и во сколько обошлось, Маша рассказывать не любит. Мало ли что...

Р. С. Я стоял в «общей» очереди и слушал байки про волчьи тюремные законы, зверей-охранников и следственный беспредел. Десятки невыспавшихся людей, с печатью несчастья на лице, делились тайнами нелегальной переписки и секретами проноса чая.

А в каких-то двадцати метрах — среди бела дня! — работал подпольный конвейер. Волшебная дверца то и дело хлопала, впуская и выпуская. Руководили этим процессом странные личности, в которых я разглядеть ничего не смог.

Не прошло и часа, как в очередной раз лязгнул за-сов и Маша с АКМ и бутербродами была на свободе. А еще через пять минут мы сидели в компании бывшего следователя и его жены, пили водку «Смирнофф» и поднимали тост: «За „Бутырку” и дружбу!».

(Совершенно секретно. 1995. № 11)

ВМЕСТО СЕНСАЦИИ: ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ЗЭКОВ

Подобных происшествий Тихарская тюрьма, одна из крупнейших в Индии, в своей истории еще не знала. Более восьми тысяч ее обитателей танцевали и распевали песни, словно не замечая решеток на окнах своих «квартир» и бдительной охраны у дверей. Заключение веселилось по случаю награждения генерального директора тюрьмы Киран Беди престижной международной премией Фонда Рамона Магсайся.

Эта хрупкая и очаровательная женщина заведует тюрьмами индийской столицы, в которых заключенные получили возможность работать в специально созданных там мастерских, зарабатывать своим трудом деньги и хранить их в открытых в местах лишения свободы отделениях банка. С помощью преподавателей делийских колледжей бывшие уголовники могут теперь ликвидировать пробелы в своем образовании, заниматься на курсах йоги и медитации. Вместе с престижной наградой полицейскому генералу должна быть вручена премия в 50 тысяч долларов. Разрешение на ее получение, в соответствии с индийскими законами, должно дать правительство республики. Не исключено, что, когда это вскоре произойдет, Киран Беди поделится «премиальными» со своими подопечными — купит книги для тюремной библиотеки, новые станки для мастерской или цветные телевизоры.

СТРИПТИЗ В НЕВОЛЕ

Вечеринка удалась и продолжалась больше восьми часов... в тюрьме округа Колумбия. Кто бы мог предположить, что тюремные застенки могут стать прекрасным местом для стриптиза! В 4 часа дня 26 июля двое офицеров-женщин окружной тюрьмы организовали для своих коллег шоу с участием девушек-заключенных. Веселились на славу. За этим действием наблюдали более 60 заключенных, а также другие сотрудники исправительного управления полиции округа.

ТУЗ НА СУДЕЙСКОМ СТОЛЕ

«Сыграем?» — предложил двум шулерам мировой судья в городе Кенема на востоке Сьерра-Леоне. Но, указав на конфискованную колоду карт, судья поставил жесткое условие: он отпустит мошенников, если... его обыграют. А если нет — улетит за решетку.

Профи-картежники, арестованные на центральном рынке в тот момент, когда одурачивали сограждан, сначала отказывались садиться за игру с судьей. Они, как и все местные жители, знали, что судья считается искуснейшим во всей округе преферансистом.

«Лучше судите нас по закону», — взмолились два шулера.

Однако непреклонный судья взял отобранную колоду и принялся ее тасовать. Глядя, как ловко мэтр манипулирует картами, жулики снова взмолились о пощаде. Пришлось им составить письменное обещание, что подобного больше не повторится...

ВЕСЕЛЫЙ ПОБЕГ

Особенно славились побегами революционеры-социалисты. Регулярное перемещение из Сибири за границу осуществлялось на деньги «эксов» и фабрикантов вроде Шмита, Морозова и т. д.

Самый веселый побег был проделан в Киевском центре.

Тогда восемь большевиков во главе с будущим наркомом иностранных дел Литвиновым имитировали игру в лапту. Взобравшись друг на друга (невинная фигура «горка»), они мигом сиганули через стену, не забыв прихватить оставшихся товарищей.

«ПЕРЕИГРАЛ» СЛЕДОВАТЕЛЯ

В программу подготовки эстонских полицейских пора вводить спецкурс «актерское мастерство». Стражи порядка, и это им теперь разрешается законом, все активнее внедряются в криминальные структуры, участвуют в нелегальных сделках, выступают инициаторами преступных деяний. Полиция безопасности арестовала за взяточничество следователя тартуского бюро. Чтобы не мучиться в поисках доказательств, сотрудник полиции безопасности под чужим, понятно, именем попросил следователя освободить из-под стражи одного из преступников. Сделка была оценена в 2000 крон (180 долларов). Следователь получил свой гонорар... и очутился за решеткой. Еще раньше «подсадная утка» взяла взятку от бывшего премьер-министра Эстонии Индрека Тооме.

ВОШЛИ В РОЛЬ

Актерами в бродячей труппе «Фортресс драма» были бывшие заключенные, демонстрировавшие недюжинные сценические дарования.

Гастроли по Италии продолжались довольно долго и сопровождались ограблениями банков в тех городах, где появлялась труппа. По вечерам актеры-взломщики показывали драму из истории Французской революции, а рано утром забирались в ка-

кой-нибудь банк, даже не снимая грима и париков. Их похождения фиксировались скрытыми видеокамерами. Но «волшебная сила искусства» делала их неузнаваемыми, хотя итальянская полиция хорошо знала их всех, как говорится, в лицо. Театр из уголовников прекратил свои гастроли лишь в итальянском городе Генуя. Зрители их освистали, а полиция препроводила в тюрьму за ограбление банков.

(КОД. 1995. № 11)

КАРТЕЖНЫЕ ИГРЫ УГОЛОВНИКОВ

Мы приводим выдержки из необычной публикации. Автор ее — известный российский академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, а год издания — 1930.

Картежная игра имеет в воровской среде немалое значение в достижении высших ступеней жульнической квалификации. Умелого и «тонкого» воровства далеко не достаточно для того, чтобы стать испытанным «духовым» («духовым» называется крупный вор), «жиганом» («жиган» — удалой вор, герой, каким его рисует себе шпана). Неумение постоянно рисковать всеми своими деньгами, «тряпками» или даже жизнью, так же как и неверность своей воровской этике, составляет признак «дешевового человека». «Глубоко свой» («свой» — вор) всегда носит при себе колоду карт и готов играть где угодно и при каких угодно обстоятельствах. Даже собираясь «на дело», жулик захватывает с собой

карты. Азарт руководит всеми его поступками. Карты же помогают жулику коротать время в тюрьме.

Привычка к постоянному напряжению всей нервной системы, привычка рисковать делают особенно тяжелым однообразие тюремной жизни. Карты дают жулику необходимое, чисто физиологическое ощущение риска. Многие жулики сравнивают ощущение при игре с ощущением при краже.

За приобретением карт дело не станет. Главная трудность заключается в бумаге, но если в тюрьме имеется библиотека или какие-нибудь «красные уголки» с газетами или журналами — трудности не существует.

Бумага склеивается в несколько слоев хлебным клеем (хлеб обдается кипятком, и отжатой жидкостью клеят). Склеенные листы нарезаются и на них переводятся — «стираются» — рисунки через трафаретки. Трафаретки — обыкновенные листы бумаги, на которых вырезаются острым ножом или бритвой очки в форме нужной масти.

Краской служит слегка разведенное на химическом карандаше, саже или чернилах мыло. Красная масть отличается очертаниями очков. Фигуры создаются комбинациями очков. Некоторые колоды делаются очень старательно, и такие колоды уже не выдаются администрации. Есть колоды, на которых тузы изображаются сочетаниями звезды, серпа и молота, валеты — красногвардейцами и т. п. В

таких случаях всегда имеется несколько колод, которые специально держатся для выдач.

Существует целый ряд способов обыграть противника в стос. Фрайера называют их шулерскими, а «свои» просто «шансами».

При одном из наиболее распространенных «шансов», так называемом «баламуте», карты располагаются в нужном порядке. Тасовка производится таким образом, что те карты, которые в нее всовываются, из нее же и вынимаются, а потом ставятся на прежнее место. Получается впечатление настоящей тасовки, а в конечном результате колода остается нетронутой. В некоторых случаях для той же цели делается так называемый «клин» — те карты, которые при подобной тасовке должны оставаться нетронутыми, слегка подрезаются с угла вдоль карты так, что карта становится несколько уже. При тасовке вытаскиваются только те карты, которые не подрезаны.

Почти то же, что и «баламут», представляет из себя и так называемый «пятерик», только сложнее, и предназначается для тех, кого нельзя взять на «баламут». Вместо «клина» часто делается «запуск». Колода подбирается в нужном порядке и потом делится пополам: в одну часть собирают все нечетные карты, а в другую — четные. Четные карты слегка подтачиваются с концов стеклом или бритвой. При тасовке следует захватить ровно половину (16 карт) и вкладывать их так, что каждая карта попадает через одну на свое место. В следующий раз берется опять половина и опять всовывается через одну.

При следующей перекидке карты снова попадают на свои места.

При игре в стос чрезвычайно важно знать, какая карта падает в лоб, и правильно выбрать ее при подрезке. Для этой цели существует целый ряд способов. Например, из колоды выбираются все валеты и слегка сгибаются с углов. При подрезке стараются попасть под карту, на которой лежит валет («угадан»).

Если колода новая, рубашку карты, которую подрезают, натирают воском до блеска, и при подрезке, когда колода снимается, на рубашке получается смутное отражение нижней карты, которая должна идти в лоб. В некоторых случаях на части карт — предположим, на всех «фигурах» (король, дама и т. д.) — с краю делаются легкие надрезы или так называемый «ерш» (слегка зазубренные края карты натираются воском), который легко нащупать рукой подрезывающему (при подрезке карту следует держать несколько косо и «щупать» край верхней карты). Играющий уже может приблизительно ориентироваться в том, какая карта упадет в лоб. В самодельных картах возможно «насыпное очко». В обычной семерке место, в котором в восьмерке должно быть очко, натирается сальной свечкой и из него переводится через трафаретку очко из сажки жженого белого хлеба. Получается обычная восьмерка. Если необходимо сделать семерку, очко быстро стирается об стол.

Клееное очко и галантинка в шпанской игре почти

не употребляются, так как приемы эти слишком хорошо известны.

Партнер, заметив, что его берут «даром», «на бога», может в любое время оставить игру. «Ваш номер старый». В этом случае он должен указать способ, каким его обыгрывают. Если он укажет его правильно, то выигрыш за ним, и только.

Отношение к подобного рода «шансам» у шпаны в высшей степени спокойное.

Обчистив партнера до последнего, «играющий» показывает ему «во что играл» и оставшийся в «замазке» (проигрыше) не возражает — «ответ» (долг) остается в силе.

Интересно, что присутствующие не имеют права вмешиваться в игру. Нарушившие это правило рискуют быть избитыми. По шпанской пословице: «Проиграл — плати, а выиграл — получи». Правда, не уверенные в себе игроки могут брать себе в помощь кого-нибудь из корешков, но участие их в игре должно быть строго оговорено заранее.

Отдать карточный долг — первейшая обязанность проигравшего. Если проигравший не отдает в срок долга, он объявляется «заигранным» — вне закона, наряду с легавыми, ссученными и пассивными педерастами. «Заигранным» человек признается только с общего решения шпаны и с него уже «получают кровь». Избиение происходит следующим об-

разом: «заигранный» стоит, окруженный шпаной, держит руки по швам и не имеет права даже поднять руку, чтобы защититься от ударов, в противном случае ему грозит расправа со стороны «бражки» (то же, что и братва). Потерпевший «получает» сколько хочет. После избиения «заигранный» может и не платить, но «заигранным» не остается. Известны случаи, когда проигравшие, не будучи в состоянии выплатить долг, отдавали его собственными пальцами. Один из «своих» рассказывал, как однажды старый вор проиграл «под ответ» 200 рублей «через 15 минут» (ему должен был принести отделенный). Когда деньги через 15 минут не появились, он пошел в переплетный цех, отрубил два пальца ножом для резки бумаги и вернул ими долг. Обычно старый уголовник, садясь играть, заранее объявляет: «Имею играть столько-то». Хорошим тоном считается не жалеть проигранных денег и не выражать радости при крупном выигрыше. «Плачу, как граф, и получаю, как разбойник», — заявляет бульварный рыцарь.

В исправдомах играют «из амбиции» или для смеха на «1000 мух», на «1000 тараканов», на «1000 крестов», т. е. проигравшего заставляют поймать 1000 тараканов или положить 1000 крестов. Выигравшим, если он богат, нанимается специальный счетчик из мальчишек, который следит за правильностью «выплаты». Проигравший всегда старается «выплатить» долг полностью и не прекращает креститься, даже когда входит администрация. Со стороны раздаются предположения, что проигравший сошел с ума. Вызывают фельдшера, проигравшего кладут на носилки и т. д. Хохоту и веселью нет конца. Особенным успехом пользуются так называемые «налепки». Проигравшего заставляют наклепить себе на

лицо несколько сот бумажек. Бумажки осыпаются с лица, и проигравший никак не может удержать полное их количество. Играют и на «каташки» (проигравший катает на себе выигравшего) или на «прыгунки» — проигравшего заставляют прыгать. (КОД. 1995. № 4)

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ ТЮРЬМА

На тюремном дворе я трудился не покладая рук два дня. Это была тяжелая работа, и хотя я отлынивал при каждом удобном случае, я совершенно выбился из сил. В этом виновата еда. На таких харчах никто не смог бы как следует работать. Хлеб да вода — вот все, что нам давали. Раз в неделю нам полагалось мясо, но мы не всегда его получали, а если и получали, то после того, как из него предварительно вываривали все питательные вещества: они уходили в «суп», так что уже не имело значения, попадалось ли тебе это мясо или нет.

Кроме того, эта хлебно-водяная диета имела еще один существенный недостаток. Воду нам давали в неограниченном количестве, но хлеба не хватало. Порция хлеба была примерно величиной с два кулака, и такую порцию каждому заключенному давали три раза в день. Должен сказать, что у воды было одно положительное качество — она была горячая. По утрам ее именовали «кофе», в полдень величали «супом», а вечером выдавали за «чай». Но это была все та же, старая как мир, вода. Заключенные называли ее «заколдованной» водой. Утром

она была черной, потому что ее кипятили с поджаренными корками хлеба. Днем ее подавали бесцветной с щепоткой соли и каплей жира. Вечером она приобретала багрянисто-каштановый оттенок, происхождение которого оставалось тайной; это был отвратительный чай, но вода все же была отменно горяча.

Мы были всегда голодны в исправительной тюрьме округа Эри. Только долгосрочники ели досыта. Причина заключалась в том, что если бы они получали такой же паек, как и мы, осужденные на короткие сроки, они бы умерли до окончания сроков своего заключения. Я знаю, что долгосрочники получали пищу более существенную, потому что в нашем здании они занимали весь первый этаж, и я таскал у них продукты из их запасов, когда был коридорным. Нельзя же быть сытым одним только хлебом, да еще когда его получаешь так мало!

Мой приятель выполнил свое обещание. Я проработал во дворе только два дня, а потом меня назначили доверенным, коридорным. Утром и вечером мы разносили хлеб по камерам, но в полдень раздача производилась иначе. Длинная шеренга заключенных маршем возвращалась с работы. В коридоре они уже не шли в ногу, каждый снимал руки с плеч впереди идущего товарища. Возле самого входа стояли большие лотки с хлебом. Вот опорожняется лоток, который держу я, вместо меня с полным лотком становится другой коридорный. А когда опустеет его лоток, я заменяю его с полным лотком. Таким образом, арестанты безостановочно шли мимо, каждый протягивал правую руку и брал одну порцию хлеба.

У главного старосты были другие обязанности. Он орудовал дубинкой. Он стоял у лотка и наблюдал. Изголодавшиеся бедняги никогда не могли отделаться от ошибочной мысли, что в один прекрасный день им удастся взять с лотка два куска хлеба. Однако на моей памяти такого случая не было. Дубинка главного старосты молниеносно, как лапа тигра, опускалась на провинившуюся руку. У главного старосты был отличный глазомер, он изувечил этой дубинкой столько рук, что действовал безошибочно. Он ни разу не промахнулся и в наказание отбирал у провинившегося арестанта и ту порцию, что ему полагалась, и отправлял его в камеру обедать горячей водой.

И в то время, когда эти несчастные валялись голодные в своих камерах, я видел, как сотни лишних порций хлеба переключивались в камеры коридорных и старост. Наше стремление присвоить себе этот хлеб может показаться абсурдным. Однако это был один из видов наших доходов. В стенах нашего коридора мы были экономическими магнатами, проделывая операции, во многом схожие с теми, которые осуществляют экономические магнаты государственного масштаба. Мы держали под контролем снабжение населения продовольствием и совершенно так же, как это делают наши братья-бандиты на воле, заставляли население дорого платить за это. Мы торговали лишним хлебом. Раз в неделю заключенные, работающие во дворе, получали пятицентовый кусок жевательного табака. Этот жевательный табак и был денежной единицей нашего царства. Мы давали две-три порции хлеба за кусок табака, и они шли на это не потому, что табак любили меньше, но потому, что они больше любили хлеб. О, я знаю, это все равно, что отнять у ребен-

ка конфету. Но что поделаешь? Нам надо было жить. И конечно, инициатива и предприимчивость требовали вознаграждения. Кроме того, мы всегo-навсего подражали нашим более преуспевшим со-братьям на воле, которые в неизмеримо больших масштабах и под респектабельной маской купцов, банкиров и магнатов индустрии делали то же самое, что и мы. Я даже не могу себе представить, что бы-ло бы без нас с этими несчастными заключенными. Мы пустили в оборот хлеб в исправительной тюрь-ме округа Эри, тому свидетель небо. Да, и мы поощ-ряли умеренность и бережливость... у этих бедняг, которые отказывали себе в табаке. И кроме того, мы подавали им пример. В душе каждого арестанта мы зародили стремление возвыситься до нашего поло-жения и тоже брать дань. Я полагаю, мы были по-просту спасителями человечества.

Вот вам голодный мужчина, у которого не было та-баку. Может быть, он дошел до такого разврата, что сам его сжевал? Отлично, но у него была пара под-тяжек. Я ему за них предлагал полдюжины кусков хлеба или целую дюжину, если подтяжки очень хо-роши. Сам я никогда не носил подтяжек, но это не имело значения. За углом обитал долгосрочник, осужденный на десять лет за преднамеренное убийство. Он носил подтяжки, и ему нужна была одна пара. Я мог поменять их на мясо. А мне нуж-но было мясо. Или, может быть, у него был какой-нибудь старый, потрепанный роман без обложки. Это было целое состояние. Я мог прочесть его и по-том отдать пекарям за пирожное, или поварам за мясо и овощи, или кочегару за приличный кофе, или еще кому-нибудь в обмен на газету, которые изредка к нам попадали Бог весть какими путями. Повара, булочники и кочегары были такими же

арестантами, как и я, и они размещались в нашем здании этажом выше.

Короче говоря, в исправительной тюрьме округа Эри процветала прекрасно организованная система товарообмена. В обороте были даже деньги. Эти деньги иногда контрабандой приносили с собой краткосрочники, чаще всего они попадали к нам от цирюльника, который обирал вновь прибывших, но в подавляющем большинстве случаев они шли из камер долгосрочников.

Положение главного старосты было исключительным еще и потому, что его считали богатым. Помимо прочих источников дохода, он еще обирал нас. Мы взяли на откуп всю массу несчастных, а главный староста был генеральным откупщиком над всеми нами. Мы получали свои доходы с его разрешения и должны были платить ему за это. Как я уже сказал, его считали человеком состоятельным, но мы никогда не видели его денег, он жил в своей камере в блестящем одиночестве.

Но я утверждаю с полной ответственностью, что в исправительной тюрьме можно было бы добыть деньги. Я знаю это потому, что мне пришлось жить в одной камере с третьим старостой. У него было больше шестнадцати долларов. Каждый вечер после девяти часов, когда нас запирали, он имел обыкновение пересчитывать свои капиталы. Он также имел обыкновение каждый вечер рассказывать мне, что он со мной сделает, если я донесу на него другим коридорным. Видите ли, он боялся, что его ограбят, и опасность угрожала ему с трех

сторон. Существовала охрана. Два охранника могли наброситься на него, избить как следует под предлогом «неподчинения» и посадить в «одиночку» (карцер), а в суматохе эти шестнадцать долларов улетучились бы. Опять же их мог отобрать главный староста, пригрозив, что разжалует его и снова направит на тяжелые работы в тюремный двор. Кроме того, было десять человек нас, простых коридорных.

У него были все основания бояться нас. Следовательно, у меня были все основания бояться его. Этот грубый, неграмотный верзила, бывший чесапикский устричный пират, «рулевой» отсидел в тюрьме Синг-Синг пять лет, и вообще он был олицетворением непроходимой тупости плотоядного животного. Он постоянно ловил воробьев, которые залетали в наш коридор сквозь прутья решеток. Когда ему удавалось схватить жертву, он спешил с ней в свою камеру, где пожирал ее живьем. Я сам видел это — косточки хрустели у него на зубах, а он только выплевывал перья. О нет, я никогда не доносил на него другим коридорным. Сейчас я впервые рассказал о его шестнадцати долларах.

Но тем не менее я брал с него взятки. Он был влюблен в одну заключенную, которая находилась в женском отделении. Он не умел ни читать, ни писать, и я обычно читал ему ее письма и писал от его имени ответы. И ему приходилось платить за это. Но это были хорошие письма. Я вкладывал в них свою душу, я делал все, что было в моих силах, и я покорила ее для него, хотя я отлично понимаю, что она полюбила не его, а неизвестного автора писем. Повторяю, письма были потрясающие.

Другой статьей наших доходов был трут. В этом железном мире решеток и засовов мы были посланцами небес, приносившими священный огонь. Когда по вечерам арестантов приводили с работы и запирали в камерах, они жаждали закурить. Тогда-то мы и разжигали божественную искру, перебежавшую с этажа на этаж, из камеры в камеру с нашего тлеющего фитиля. Тот, кто был поумнее или с кем мы вели дела, держал свой трут наготове. Однако не каждый получал божественную искру. Парень, который отказывался с нами сотрудничать, ложился спать без огня и без курева. Но какое нам до этого дело? Нам была ниспослана вечная власть над ним, и если он пытался дерзить нам, двое-трое наших брали его в оборот и объясняли, что к чему.

Как видите, у коридорных была своя философия. Нас было тринадцать животных на полтысячи других животных. Это был сущий ад — наша тюрьма, и мы должны были править ею. Немыслимо было, учитывая природу этих животных, держать их в повиновении и проявлять к ним доброту. Мы правили при помощи террора. Разумеется, у нас за спиной, поддерживая нас, стояла охрана. В крайних случаях мы обращались к ней за помощью, но ей бы скоро надоело, если бы мы беспокоили ее слишком часто, и возникла бы угроза, что она найдет на наше место более толковых коридорных. Но мы обращались к ней редко, в тех случаях, когда нужно было действовать решительно и спокойно: если требовалось отпереть камеру и подойти к взбунтовавшемуся узнику. В таких случаях надзиратель только отпирал дверь и тут же уходил, чтобы не видеть, как полдюжины коридорных врываются в камеру и избивали заключенного.

Что же касается подробностей этой операции, то я лучше не буду на них останавливаться. В конце концов, среди неопишуемых ужасов тюрьмы округа Эри избиение заключенных было самым незначительным явлением. У нас было свое правило: бить человека, едва он раскроет рот; бить сильно, бить чем попало. Метла, рукоятью в лицо, производила весьма отрезвляющее действие. Мало того, в назидание другим надо было еще как следует избить его, и второе правило — броситься за ним, преследовать его в толпе. Все, конечно, знали, что каждый коридорный, который увидит погоню, немедленно присоединится к карателям, потому что это тоже входило в правила. Всякий раз, когда коридорный схватывался с заключенным, все остальные коридорные должны были немедленно пустить в ход свои кулаки. Не имеет значения, в чем дело, — набрасывайся и бей наповал, бей чем попало, одним словом, уложи его на месте.

Мне запомнился один красавец-мулат лет двадцати, у которого была идиотская идея отстаивать свои права. В данном случае он действительно был прав, но это ему ни в коей мере не помогло. Его камера находилась на самом верхнем этаже. Восемь надсмотрщиков выбили из его головы зазнайство ровным счетом за полторы минуты, потому что этого времени было достаточно, чтобы протащить его до конца коридора и спустить с пятого этажа вниз по стальным ступеням. Этот путь он проделал всей поверхностью своего тела, кроме ног, и восьмерка надсмотрщиков не теряла времени зря. Мулат грохнулся о каменный пол неподалеку от того места, где я стоял, наблюдая все это. Он поднялся на ноги и простоял какую-то долю секунды. В то же мгновение он широко раскинул руки, и из груди его

вырвался страшный крик ужаса и боли. И тут же, как в сцене с превращениями, его крепко сшитая арестантская одежда свалилась с него, разорванная в клочья, он оказался голым, все его тело обагрилось кровью, и, потеряв сознание, он рухнул на пол как подкошенный. Так он получил свой урок, и одновременно каждый узник в этих стенах, который слышал его крик, тоже получил урок. И для меня это было уроком. Не очень-то приятно видеть, как за полторы минуты у человека разрывается сердце.

Следующий пример пояснит вам, как мы выколачивали прибыль из тлеющего трута. Партию новеньких размещают в ваших камерах. Вы проходите мимо решеток со своим трутом. «Эй, бо(хобо), дай огоньку!» Ну это равносильно заявлению, что у него есть табак. Вы передаете ему трут и идете своей дорогой. Немного погодя вы возвращаетесь и невзначай останавливаетесь у его решетчатой двери. «Послушай, бо, ты не одолжишь нам немного табачку?» — вот что вы говорите. Если он недостаточно искушен в этой игре, все шансы за то, что он торжественно объявит, что у него не осталось табаку. Очень хорошо. Вы посочувствуете ему и пойдете своей дорогой. Но вам известно, что нашего фитиля ему хватит только на один день. На следующий день вы проходите мимо, и он снова спрашивает: «Эй, бо, дай!» огоньку. А вы отвечаете: «У тебя нет табаку, и тебе не нужен огонь». И вы ему ничего не даете. Спустя полчаса, или час, или два, или три часа вы будете проходить мимо, и человек этот окликнет вас размягченным голосом: «Подика сюда, бо». И вы подойдете. Вы просунете руку сквозь решетку, и вашу ладонь наполнят драгоценным табаком. Тогда вы дадите ему огня.

Мы, коридорные, были посредниками и обыкновенными посыльными. Мы налаживали торговлю между узниками, размещенными в разных частях тюрьмы, и мы осуществляли товарообмен. При этом мы брали причитающееся нам комиссионное вознаграждение с тех, кто покупает, и с тех, кто продает. Порой предметы купли-продажи проходили через руки полдюжины посредников, каждый из которых брал свою долю и не одним, так другим способом получал за свои услуги.

Случалось, человек оказывался в долгу за оказанные ему услуги; бывало и так, что ему были должны. Так, я, поступая в тюрьму, стал должником человека, который контрабандой протасил мои вещи. Прошло около недели, и один из истопников вложил мне в руку письмо. Оно попало к нему от цирюльника. Цирюльник получил его от заключенного, который пронес мои вещи. Так как я был у него в долгу, я должен был передать его письмо. Но письмо это писал не он. Настоящим его отправителем был долгосрочник из того же коридора, что и он. Письмо надо было передать одной заключенной из женского отделения. Но предназначалось ли оно ей самой или она, в свою очередь, была лишь одним из звеньев в цепи посредников, я не знал. Единственное, что мне было известно, ее приметы; все остальное зависело от меня: я должен был передать письмо ей в руки.

Прошло два дня, в течение которых я держал письмо у себя, затем представился удобный случай. Женщины занимались починкой белья для заключенных. Несколько наших коридорных должны были идти в женское отделение, чтобы принести ог-

ромные узлы с бельем. Я договорился с главным старостой, что пошлют меня. Перед нами отпирали дверь за дверью, и мы шли через тюрьму к камерам женщин. Мы вошли в большую комнату, где сидели за работой женщины. Я стал искать глазами ту, которую мне описали. Я обнаружил ее и стал к ней пробираться. Две матроны с ястребиными глазами были начеку. Я держал письмо в ладони и многозначительно посмотрел на женщину, чтобы определить, знает ли она о моем намерении. Она знала, что у меня для нее что-то есть, она, вероятно, ожидала послания с момента нашего прихода и старалась угадать, кто из нас посыльный. Но одна из матрон стояла в двух шагах от нее. Коридорные уже собирали узлы с бельем, которое мы должны были унести. Время уходило. Я замешкался со своим узлом, делая вид, что он плохо увязан. Неужели эта матрона никогда не отвернется? Или я потерпел неудачу? И как раз в это время другая женщина начала заигрывать с одним из коридорных, вытянула ногу и наступила на его башмак, или ущипнула его, или что-то еще в этом роде. Матрона посмотрела в ту сторону и резко ее осадил. Не знаю, было ли это специально придумано, чтобы отвлечь внимание матроны, но я знал одно: такой случай не повторится. Рука женщины, за которой я следил, соскользнула с колен. Я наклонился, чтобы поднять свой узел. В следующий момент узел был на моем плече, взгляд матроны снова остановился на мне, потому что я был последним коридорным, оставшимся в комнате, и я поспешил за своими приятелями. Письмо, полученное от той женщины, я передал истопнику, потом оно через руки цирюльника попало к заключенному, пронесшему мои вещи, и дальше — долгосрочнику в другой конец тюрьмы.

Во время пребывания в тюрьме я старался ладить со своим приятелем. Он много для меня сделал и, в свою очередь, ожидал, что я так же много сделаю для него. Когда мы вышли на свободу, мы уехали вместе и, само собой разумеется, должны были вместе работать. Дело в том, что мой приятель был преступником, ну не первого класса, а обыкновенным мелким преступником, которые воруют и грабят, совершают кражи со взломом и не остановятся перед убийством, если не будет другого выхода. В течение многих часов мы с ним сидели и мирно толковали. На ближайшее будущее у него на примете были два или три дела, в которых я должен был принять участие, и мы вместе разрабатывали детали. Я знал многих преступников, меня частенько видели с ними, и моему приятелю не приходило в голову, что я морочил ему голову, водил его за нос в течение тридцати дней. По его мнению, я был для него находкой, он симпатизировал мне, потому что я был неглуп и вообще, по-моему, я ему нравился. У меня, разумеется, не было ни малейшего желания связываться с ним и заниматься жалкими, убогими преступлениями, но я был бы последним идиотом, если б отказался от всех благ, которые мне сулила дружба с этим человеком. Когда опускаешься в ад и ноги твои ступают по раскаленной лаве, уже не выискиваешь прямую тропинку и не обдумываешь каждый свой шаг; именно так и случилось со мной в исправительной тюрьме округа Эри. Я должен был оставаться в шайке или идти на тяжелые работы, чтобы заработать себе на хлеб и воду, а чтобы остаться в шайке, я должен был ладить со своим приятелем.

Жизнь в исправительной тюрьме не отличалась однообразием. Каждый день что-нибудь происходило:

то с кем-нибудь из заключенных случится припадок; глядишь, кто-нибудь сойдет с ума, подерется или коридорные напьются! Джек Ровер, один из рядовых коридорных, был нашей звездой первой величины. Это заядлый бродяга, профессионал, продувная бестия, и поэтому он пользовался всевозможными поблажками надсмотрщиков, облеченных властью. Джо Питсбург, который был вторым коридорным, обычно звал Джека Ровера на свои попойки, и у этой парочки была поговорка, что тюрьма округа Эри — это единственное место, где человек может напиться, не опасаясь ареста. Я не знаю, так ли это, но мне рассказывали, что бромистый калий, добытый при помощи всевозможных ухищрений из аптеки, и был тем наркотиком, которым они опьянялись. Но каковы бы ни были средства опьянения, мне доподлинно известно, что они добывали такие и время от времени напивались.

Наше отделение было настоящим притоном, его наполняла всякая мразь, отщепенцы общества, подонки, стбросы. Здесь были потомственные бездельники, дегенераты, калеки, психопаты, слабоумные, эпилептики, уроды, идиоты — словом, воплощение кошмара, до которого может прийти человечество. Поэтому у нас постоянно случались припадки истерии. Казалось, эти припадки были инфекционным заболеванием. Когда у кого-нибудь начинался припадок, другие следовали его примеру. Я видывал, как по семь человек сразу бились в припадке, они оглашали воздух неистовыми криками, а вокруг них металась и бормотали еще столько же помешанных. Никто никогда не оказывал припадочным никакой помощи, если не считать того, что их обливали из ведра холодной водой. Бесполезно было посылать за врачом или за студентом-медиком. Их не

полагалось беспокоить по такому незначительному поводу.

Там был мальчик-датчанин, восемнадцати лет от роду, у него припадки случались чаще, чем у других. Обычно он падал каждый день. По этой причине мы держали его на первом этаже в самом конце коридора, подальше от того места, где размещались мы. После того как с ним случилось несколько припадков в тюремном дворе, охрана отказалась с ним возиться, и, чтобы он не оставался один, его все время держали взаперти с одним англичанином, посаженным к нему для компании. Не то чтобы от этого простака была какая-нибудь польза. Каждый раз, когда у мальчика начинался припадок, англичанин от ужаса находился в состоянии шока.

Датчанин не знал ни слова по-английски. Он был крестьянским парнем и получил девяносто дней за то, что ввязался в какую-то драку. Перед припадками он дико выл. Он выл по-волчьи. К тому же во время припадков он стоял, что было пагубно для него, так как в конце припадка он падал навзничь на пол. Заслышав протяжный волчий вой, я обычно хватал метлу и бежал к его камере. Коридорным из заключенных не доверяли ключи от камер, так что я не мог к нему войти. Он обычно стоял в центре своей узкой камеры, содрогаясь от конвульсий, глаза его закатывались все больше и больше, пока зрачки совсем не исчезали. Это был вопль загубленной души.

Как я ни старался, я не мог заставить англичанина протянуть ему руку. Все время, что он стоял и выл,

простачок дрожал на верхних нарах, его застывший от ужаса взгляд был прикован к страшной фигуре с закатившимися глазами, которая выла и выла. Для него это тоже было тяжело, для этого бедняги-англичанина. Его собственный рассудок был не совсем в порядке, и это чудо, что он не сошел с ума.

Единственное, что я мог сделать, — прибегнуть к помощи моей метлы. Я просовывал ее сквозь решетку к груди датчанина и ждал. С приближением кризиса он начинал раскачиваться назад и вперед. Я двигал следом за ним свою метлу, потому что нельзя было предугадать, когда он рухнет лицом вниз. Но когда происходило это ужасное падение, я был здесь со своей метлой, подхватывая его и смягчая удар. Как я ни старался, он ни разу не упал без сильных ушибов, и на лице его всегда были синяки и кровоподтеки — следы падений на каменный пол. Он начинал корчиться в конвульсиях, и тут я выливал на него ведро воды. Не знаю, ведро воды — это верное средство или нет, но так было принято делать в тюрьме округа Эри. Больше для него никто ничего не делал. Он обычно лежал промокший около часа, а потом уползал на свои нары. Я знал, что лучше не бежать за помощью к охране. В конце концов, что такое человек в припадке?

В соседней камере жил странный тип — мужчина, который получил шестьдесят дней за то, что съел помои из ушата в цирке Барнама, во всяком случае, он излагал свою историю именно так. Голова у него была не совсем в порядке, но первое время он был тих и скромн. Все, что с ним случилось, произошло именно так, как он рассказывал. Он заблудился где-то возле цирка и, будучи голоден, подошел к

ушату, куда бросали объедки со стола циркачей. «И это был действительно хороший хлеб, — часто уверял он меня, — а мяса совсем не было видно». Полицейский заметил его и арестовал, и вот он попал к нам.

Однажды я проходил мимо его камеры с тонкой стальной проволокой в руках. Он попросил дать ему эту проволоку с таким серьезным видом, что я просунул проволоку сквозь его решетку. Быстро, не имея никаких инструментов, кроме своих пальцев, он разделил ее на короткие куски и скрутил из них полдюжины очень хороших английских булавок. Он заострил их концы о каменный пол. Тогда я открыл настоящую торговлю английскими булавками. Что же касается платы, то я давал ему лишние порции хлеба, а иногда куски мяса или мозговую кость из супа.

Но пребывание в тюрьме плохо сказывалось на его здоровье, и изо дня в день он становился все более ненормальным. Надсмотрщикам доставляло удовольствие дразнить его. Его помутившийся рассудок жадно впитывал их рассказы об огромном состоянии, которое будто бы он должен был получить. Они уверяли, что его арестовали и бросили в тюрьму для того, чтобы ограбить. Он, разумеется, и сам знает, что нет такого закона, который запрещает питаться отбросами из ушата. Следовательно, его не имели права лишать свободы. Это сделали заговорщики с целью лишить его наследства.

Я узнал об этом от коридорных, которые были в восторге от своей выдумки. Вскоре он устроил со

мною очень серьезное совещание, во время которого рассказал мне о своих миллионах, о заговоре, связанном с этим миллионами, и сообщил, что назначает меня своим сыщиком. Я приложил все силы, чтобы его успокоить, не очень убедительно рассказал ему об ошибке и о том, что настоящим следником является его однофамилец. Я оставил его совершенно спокойным, но я не мог изолировать его от остальных коридорных, а они продолжали дразнить его пуще прежнего. В конце концов после дичайшей сцены он меня отверг, лишил меня звания частного сыщика и объявил забастовку. Моя торговля английскими булавками прекратилась. Он отказался делать булавки и швырнул в меня сырьем, когда я проходил мимо его решетки.

Я уже не мог с ним ладить. Другие коридорные сказали ему, что я являюсь платным агентом заговорщиков. И в то же время своими выдумками они доводили его до безумия. Эти вымышленные истории взбудоражили его мозг, и в конце концов он превратился в опасного сумасшедшего, одержимого мыслью об убийстве. Охранники отказывались выслушивать его рассказы о похищенных миллионах, и он обвинил их в том, что они участвуют в заговоре. Однажды он запустил в одного из них кружкой с кипятком, и тогда расследовали его дело. Начальник тюрьмы поговорил с ним несколько минут через решетку. Затем его взяли для медицинского освидетельствования. Больше его никто не видел, и я часто думаю: умер он или все еще бредит о своих миллионах в каком-нибудь сумасшедшем доме?

Наконец настал долгожданный день моего освобождения. В этот же день выходил на свободу и третий

коридорный, а девушка, отбывавшая краткосрочное наказание, та, которую я покорил для него, ожидала его у стен тюрьмы.

Я и мой приятель вышли вместе и направились в Буффало.

Будем ли мы всегда вместе? В тот день мы вместе выпрашивали монетки на хлеб на главном проспекте, и то, что мы получили, было истрачено на суперпиво, я не знаю, как пишется это слово, но произносится оно так, как я его написал, и стоит оно три цента. Я все время ждал удобного случая, чтобы улизнуть. От одного парня на дороге мне удалось узнать, в какое время проходит товарный поезд. В соответствии с этим я все рассчитал. В этот час я со своим приятелем сидел в сауне. Перед нами стояли две пенящиеся кружки. Мне очень хотелось с ним попрощаться. Он много для меня сделал. Но я не рискнул. Я вышел через черный ход и перемахнул через забор. Это было молниеносное бегство, и несколько минут спустя я был уже в товарном вагоне и мчался на юг по Западной Нью-Йоркско-Пенсильванской железной дороге.

(КОД. 1995. № 11)

ТЮРЬМА В ВЕНЕСУЭЛЕ

В тюрьме и за ее стенами шла борьба за независимость нашей родины, свободу и справедливость для всех людей. С тех пор, как началась эта

эпопея, до того момента, когда в конце концов мы пробирались, измученные, по подземному лабиринту, — все это время мы дышали воздухом гигантской битвы.

Наш побег стал новым примером того, что, несмотря на всевозможные трудности, дело, за которое мы боремся, непобедимо.

Гильермо Гарсиа Понсе.

Каракас, декабрь 1969 года (Венесуэла).

10 октября 1963 года

Меня арестовали в доме № 17 по улице Н., район Эль-Пинар, Эль-Параисо, в 5.30 вечера. Руководили агентами Главного полицейского управления (дихеполь) капитан Карлос Хосе Вегас Дельгадо и инспектор Марио Леаль. В 6.45 меня перевели из здания дихеполя в Чагуарамос в казарму Сан-Карлоса.

11 октября 1963 года

Меня не удивила встреча с этой старинной крепостью, превращенной в военную тюрьму. Я родился в ста метрах от ее казематов в квартале Ла-Пастора, находящемся между улицами Дос-Пилитас и Эль-Солиатрио. Я играл в лошадки на старой пушке, нацеленной на Национальный Пантеон, и научился играть в бейсбол на одной из площадок этой казармы, где новобранцы отрабатывали свои первые приемы боя. По воскресеньям присутствовал на церемониях спуска флага, слушал военный оркестр, исполнявший пасодобли, вальсы и креольские напевы.

До окон моего дома долетали пронзительные сигналы со сторожевых вышек; сигналы были предназначены для проверки бдительности часовых.

Построенная испанцами в конце XVIII века крепость использовалась для многих целей: она была и казармой, и лазаретом, и арсеналом. Правительство Ромуло Бетанкура не нашло ничего лучшего, как превратить ее в тюрьму для своих политических противников.

Время порядком разрушило и привело в запустение старинную крепость, но для тюрьмы, как толковали это понятие люди во все времена, она подходит как нельзя лучше.

Внутри ее грязь, теснота, духота, нездоровый воздух, крысы. При всем этом здание отвечает главному требованию тюремщиков: может считаться надежным застенком для заключенных.

«Оттуда побег невозможен!» — хвастливо приговаривает Карлос Андрес Перес, подписывая очередной приказ о заключении в тюрьму Сан-Карлос.

17 октября 1963 года

Я заметил, что крепость внутри разделена на различные секторы с целью лучшего контроля над заключенными. Каждый сектор отделен от другого специальными сооружениями и находится под строгим наблюдением часовых, вооруженных винтовками ФАЛ и автоматами.

Подсчитал, что нас охраняют триста солдат. Они отобраны среди военной полиции, национальной гвардии, морской пехоты и других родов войск. Они прошли шестимесячный курс по изучению методов службы в военных тюрьмах, информации и контринформации, личной обороны, им прочитали также курс антикоммунизма.

Внешняя стенка крепости достигает в некоторых местах толщины 1,6 метра. Многочисленные сторожевые вышки поставлены в стратегически важных местах тюрьмы. Нельзя пройти и десяти метров по внутренним проходам, чтобы не встретить хорошо вооруженных часовых.

Перед крепостью, а также позади нее находятся танки и броневики, на проезжей части дороги сооружены специальные препятствия для лучшего контроля за транспортом. Уже не один неосмотрительный прохожий, не обративший внимания на охрану, был изрешечен пулями близ крепостных стен.

Вне тюрьмы своя служба наблюдения, так же тщательно организованная, как и внутри. Она состоит из пестрого множества осведомителей, завербованных среди ремесленников, домохозяек, продавцов газет, — людей самых различных профессий. Продавец зелени на углу, аптекарь, официант из ближайшего бара могут быть агентами полиции. Они регулярно передают информацию о любом подозрительном движении вблизи крепости; идут за прохожими, подслушивают разговоры родственников заключенных; собирают слухи и различные вы-

сказывания. Большинство из них не зависит от СИФА, а подчиняется прямо военному командованию крепости.

СИФА имеет своих собственных шпионов внутри тюрьмы, их сетей не могут избежать ни солдаты, ни офицеры.

Осуществляется постоянный контроль за самыми невинными делами и поступками всех жителей, живущих по соседству с тюрьмой: за их переездами, семейными праздниками, встречами, визитами. Соседние улицы закрыты для проезда транспорта. Жители улиц Хабонерия и Амакуро должны иметь пропуска на вход и выход из своих домов. Часовые с автоматами наблюдают за ними в бинокли с высоких крыш ближайших зданий.

18 октября 1963 года

Нас известили о том, что в дни свиданий к нам могут быть допущены только ближайшие родственники, а именно: родители, жены и дети. Посетитель должен вручить при входе свое удостоверение личности, после того как его имя зарегистрируют в контрольной книге, получить жетон, который он вернет после свидания.

При входе проводится тщательный досмотр. Любая вещь проверяется. Такому же досмотру подвергаются и родственники заключенных. За всеми движениями в камере встреч внимательно следят специальные наблюдатели. О любом подозрительном жесте докладывается военному командованию, и

это вызывает еще один досмотр. После свиданий нас обыскивают с головы до ног.

19 октября 1963 года

Сегодня мы опротестовали сообщение военного суда о начале процесса над нами в связи с обвинением в подстрекательстве к военному мятежу... Также заявили о своем несогласии назначить нам официальных защитников. Мы не разрешим никому взять на себя нашу защиту в этом процессе.

21 октября 1963 года

Утром в наши камеры ворвалась большая группа солдат под командованием двух сержантов. Они искали «оружие» и «средства для побега».

Подобное происходит часто и каждый раз без предупреждения. Внезапно отодвигаются засовы и входят люди в форме. Начинают осматривать каждый угол, не пропускают ни одной детали. Одежда, носки, ботинки, стены, пол — все подвергается тщательному осмотру.

23 октября 1963 года

Наши камеры находятся в секторе, прозванном «дымной пещерой», где раньше солдаты отбывали дисциплинарные взыскания. Это узкий мрачный каменный ящик, куда не проникает ни луч солнца, ни дуновение ветерка. Удел узника — созерцание грязных стен. В «дымной пещере» три камеры. В самой большой — Густаво и Эдуардо Мачадо, Хесус Вильявисенсио и я. В средней — Хесус Мариа

Касаль и Хосе Саласар Хименес и, наконец, в последней — Хесус Фариа.

В северной части, а также в правом крыле крепости имеются другие секторы для заключенных.

Самый ближайший от нас сектор находится над солдатскими уборными и называется Ла-Пахарера — «птичья клетка». Она разделена на три камеры. Еще дальше расположен сектор Ф-1, более обширный, рядом с ним Ф-2, также состоящий из трех камер. Как и Ф-1, так и Ф-2 имеют один небольшой дворик, где заключенные совершают прогулки. В правом крыле крепости на втором этаже находятся секторы А и Б. Сюда сажают офицеров и младших офицеров вооруженных сил, подсудных военному трибуналу.

Когда скапливается много заключенных, их размещают в другие места: изолятор и камеры, находящиеся рядом с Ла-Пахарерой.

24 октября 1963 года

Мы отказались давать показания.

Утром официально начал заседать военный трибунал. Мы отказались в нем участвовать и подписали следующее заявление:

«Мы обращаем внимание судебных чиновников, используемых президентом Бетанкурором в осуществ-

лении своих политических маневров, на уголовную ответственность, предусмотренную статьями 46 и 143 нашей национальной конституции, гласящих: Статья 46. Любой акт государственной власти, который нарушает или ущемляет права, гарантированные этой конституцией, является недействительным, а государственные чиновники и служащие, которые отдали приказ об этом акте или его выполняют, несут уголовную, гражданскую и административную ответственность, и в соответствии с данным случаем не являются смягчающими те случаи, когда приказы получены свыше... Статья 143. Государственные чиновники и служащие, которые нарушают неприкосновенность сенаторов и депутатов, несут уголовную ответственность и должны быть наказаны в соответствии с законом».

25 октября 1963 года

Хосе Саласар Хименес, который находится вместе с нами в «дымной пещере», является профессором университета и председателем коллегии психологов Венесуэлы.

Он был задержан 3 октября в своем доме в районе Санта-Моника по обвинению в том, что является одним из главных «организаторов и руководителей военного мятежа».

Его варварски пытали в отделении дихеполя, находящегося по дороге из Хункито. У него все еще остались на груди и на ногах следы от ожогов и ударов. В судебном решении, вынесенном капитаном Рафаэлем Анхелем Шальбо Дюке, говорится, что профессор Саласар Хименес обвиняется в «под-

держке восстания, консультации и руководстве группами партизан». Полиция со своей стороны заявила, что обнаружила в его доме «обильный материал о военном мятеже».

28 октября 1963 года

Внутренний режим заключения не замысловат, потому что основная его цель проста: лишить свободы, запугать, сломить волю к борьбе.

Именно для этих целей создана вся система агентов, бронированных машин, цензуры, обысков, осведомителей и охранников.

Президент Ромуло Бетанкур считает крепость Сан-Карлос «неприступной». Он полагается на доклад, представленный правительству генералом Брисеньо Линаресом, подтвержденный впоследствии заменившим его генералом Рамоном Флоренсио Гомесом. Комиссия министерства обороны, состоявшая из генерала Маркеса Аньеса, полковника Хименеса Гаиса и капитана Тирадо Мадрида — начальников СИФА, — «осмотрела сооружения и нашла их подходящими для своих целей».

Правительство располагает и другими местами заключения. Например, концентрационными лагерем на острове Такаригуа, так называемыми антипартизанскими лагерями в Маракайбо, Ла-Пике, «Модело», Сан-Кристобале, Токуйито. Однако оно предпочитает сажать своих главных врагов за прочные стены крепости Сан-Карлос, в самом центре Каракаса.

Это не просто символическое действие. Правительство сделало это не для того, чтобы показать свою «победу» над «восстанием». Не столь важны сами по себе и специальные меры безопасности, принятые в крепости. Заключенные Сан-Карлоса являются заложниками, над которыми Ромуло Бетанкур, имея их под рукой, сможет совершить быстрый «акт возмездия». И об этом условии нашего тюремного заключения постоянно нам напоминают.

30 октября 1963 года

Прежде чем попасть в Сан-Карлос, большинство арестованных проводит некоторое время в застенках СИФА, в так называемом Белом дворце, расположенном напротив президентского дворца Мирафлорес.

Если от подследственного намерены сразу же добиться показаний, то его сажают в «каву» — «нору». Это герметически закрытое помещение, откуда не слышны крики жертвы. СИФА располагает персоналом, специализирующемся на пытках, в прошлом это боксеры, которые умеют наносить удары в самые чувствительные места человеческого тела. С арестованного срывают одежду, сажают на стул, не забыв надеть на него наручники. Избиения могут длиться непрерывно несколько суток, до тех пор, пока арестованный не «запоет» или палачи не выдохнутся.

У палачей всегда имеется под рукой какой-либо медикамент, чтобы привести жертву в сознание. До или же после «кавы» арестованный может быть передан «комиссии». Его волокут до автомобиля, а за-

тем увозят на пустынную дорогу. Например, на Эль-Хункито или ту, которая идет из Гуаренас. Если какое-либо высокое начальство решает его «ликвидировать», то действует «трибунал», состоящий из трех сопровождающих. Подобный фарс могут завершить в любом месте. Исполнение «приговора» не задерживается и на пять минут. Как правило, это расстрел. Приговоренного могут прощить очередью из автомата на краю дороги или отвезти его в антипартизанскую зону, где он будет убит «во время столкновения между военным патрулем и группой бандитов», как об этом будет объявлено в официальной сводке министерства обороны.

Показания арестованных, полученные под пытками, передаются в военный трибунал и могут послужить доказательством «вины» любого задержанного гражданина.

(Гильермо Гарсиа Понсе. Туннель Сан-Карлоса. — М.: Прогресс, 1970)

ТЮРЬМЫ И ТЮРЕМНАЯ ПОЛИТИКА ЗА РУБЕЖОМ

Известно, что уже с древнейших времен господствующие классы научились использовать физический труд заключенных. В рабовладельческом государстве подозреваемые в совершении преступления содержались в подвалах, погребах, пещерах, ямах и т. п. Зачастую их помещали в подземелье,

лишенное света, с ограниченным доступом воздуха, заковывали в цепи и подвергали мучительным пыткам.

В средние века осужденных к лишению свободы стали содержать в специально сооруженных башнях. В это же время в разных европейских странах осужденных начали использовать в качестве гребцов на судах, именовавшихся галерами (галера — греч. «каторга»). Причем гребцов-заключенных цепями приковывали к своему месту, и в таком положении они находились весь период лишения свободы, а чаще — всю жизнь. Поистине невыносимые, нечеловеческие условия труда и быта на каторгах послужили источником названия наиболее тяжкого вида лишения свободы каторгой.

Буржуазное общество, пришедшее на смену феодализму, выдвинуло лишение свободы на первое место среди прочих применяемых наказаний. Использование осужденных на каторжных работах по мере развития капитализма принимало все более широкий размах, так как это приносило немалую пользу господствующим классам. Практика показала, что лишение свободы дает капиталисту возможность не только на длительное время избавиться от неугодных элементов и пресечь их действия, но и получить от этого определенную материальную выгоду. Однако далеко не все осужденные к лишению свободы используются на каторжных работах: так называемые политические преступники, представляющие наибольшую опасность для существующего строя, неизменно содержатся в тюрьмах в условиях строжайшей изоляции.

В связи с тем что в буржуазном обществе лишение свободы превратилось в преобладающий вид наказаний, потребовалось не только увеличить число исправительных учреждений, но и создать их новые организационные формы, новый юридический статус. В конце XVIII века начинают организационно складываться буржуазные тюремные системы, отражающие политико-экономические интересы новых господствующих классовых сил.

С конца XVIII — начала XIX века в Соединенных Штатах сложилась так называемая пенсильванская тюремная система, основанная на строгом одиночном заключении, абсолютном безмолвии и интенсивном религиозном воздействии на заключенных. Весь срок заключения отбывается по пенсильванской системе в полной изоляции от внешнего мира.

Распространение пенсильванской системы в США, а затем и в европейских странах показало, что эта система физически и духовно калечит заключенных, превращая их практически в инвалидов.

Но развитие тюремной системы на этом не закончилось. Позднее в пенсильванскую систему были внесены некоторые изменения: при сохранении прежних условий содержания заключенных стали привлекать к труду. Таким образом, к тяжелейшему тюремному режиму был присоединен тяжелейший каторжный труд. Новая тюремная система стала именоваться «оборнской» (по названию небольшого американского городка Оборн в штате Нью-Йорк, где она была применена впервые).

Так была создана более совершенная система содержания заключенных, наиболее совпадающая с интересами правящих классов.

В 70-х годах XIX века в США возникли так называемые реформатории, предназначенные для содержания под стражей осужденных молодых возрастных категорий. В них общие камеры, совместный труд, а срок отбывания наказания конкретно не определен, что составляет прерогативу местной тюремной администрации. Аналогичные тюрьмы в Англии получили название «борстальские учреждения».

Одинокое тюремное заключение стало признаваться не оправдавшим себя, а поэтому введенная в Великобритании новая тюремная система стала именоваться «прогрессивной». Сущность прогрессивной системы заключалась в разделении установленного судом срока лишения свободы на несколько ступеней, характеризующихся различными ограничениями для отбывающего наказание. От ступени к ступени (систему эту иногда именуют «ступенчатой») режим тюремного содержания становится мягче, но допустимо и обратное, то есть возвращение на более строгие ступени режима.

Рассмотрим основные организационные формы тюремных систем современных государств. Следует оговориться, что это рассмотрение, проводимое в небольшом объеме, не может претендовать на полноту и всесторонность, потому что единых организационных форм, присущих всем капиталистическим государствам или хотя бы большинству из них, практически не существует.

Наиболее разветвленной является тюремная система Соединенных Штатов Америки, где, тем не менее, нет единого федерального тюремного законодательства. Отдельные штаты также не располагают обстоятельными тюремными законами. Как правило, тюрьмы управляются на основании ведомственных правил, и местному начальству предоставляется широкая возможность «творчества», чем и объясняется небывалый разноречивостью в структурной организации тюремного дела отдельных штатов. В настоящее время в США существует свыше 50 различных видов тюремно-исправительных учреждений, почти каждое из которых строит повседневную работу по-своему.

Во главе тюремных учреждений США стоит генеральный прокурор (он же министр юстиции), под руководством которого функционирует федеральное Бюро тюрем, возглавляемое директором. В штатах губернатором назначается директор по исправительным делам, который возглавляет соответственно одноименный департамент. Кроме того, при законодательном органе штата функционирует Комитет по исправительным делам, координирующий деятельность всех органов тюремной администрации в данном штате.

Тюремная система в США отличается большим разнообразием типов учреждений, основными среди которых являются федеральные пенитенциарные тюрьмы. (В начале XIX века в Англии и США особого рода тюрьмы стали именоваться пенитенциариями. Термин «пенитенциарный» происходит от латинского *poenitentiarium* — покаянный, исправительный.)

Кроме пенитенциариев, в систему входят реформатории, тюремные лагеря, исправительные учреждения для несовершеннолетних (до 16 лет) и для молодежи (до 25 лет), медицинский центр для заключенных, несколько переходных учреждений для приобщения подлежащих освобождению лиц к условиям жизни на свободе. Всего в стране насчитывается более 250 пенитенциариев и реформаториев. Пенитенциарии отличаются от реформаториев более строгим режимом изоляции; в них, как правило, направляются наиболее опасные преступники. Помимо федеральных тюремных учреждений, в США имеется около 300 тюрем штатов и графств. Всего, по данным министерства юстиции, в 1970 году в стране насчитывалось 4037 тюрем.

С учетом сказанного *тюремная система США* может быть условно представлена в следующем виде:

1. Федеральные тюрьмы — это государственные тюрьмы, находящиеся в ведении федеральных органов. В них направляют лиц, приговоренных федеральными судами к большим срокам лишения свободы, а приговоренные этими же судами к краткосрочному лишению свободы отбывают наказание в местных тюрьмах.

2. Тюрьмы (или пенитенциарии), находящиеся в ведении отдельных штатов и предназначенные для содержания приговоренных к лишению свободы на сроки более одного года.

3. Реформатории, большинство которых находится

в тюремной системе штатов и лишь некоторые — в ведении федерации. Реформатории предназначаются для заключенных молодого возраста (до 30—35 лет). Последние десятилетия заметно сгладили различия между методами воздействия на заключенных в тюрьмах и реформаториях.

4. Местные тюрьмы, предназначенные для содержания подследственных и осужденных на краткие сроки.

5. Тюрьмы-фермы, находящиеся в ведении штатов и имеющие своей задачей вывести заключенных на короткие сроки из местных тюрем. Аналогичный характер имеют лагеря для дорожных работ, распространенные главным образом в южных штатах. Имеются еще и так называемые тюремные лагеря, отличающиеся от лагерей для дорожных работ только характером труда: заключенные в этих лагерях заняты дроблением камней, выкорчевыванием деревьев и прочими тяжелыми работами.

6. Различного рода тюремные учреждения для несовершеннолетних: индустриальные школы и т. п.

Кроме этого, в стране функционируют многочисленные арестные дома, сельские арестные помещения, полицейские камеры. Наконец, отдельно функционирует в США военная тюремная система, управление которой осуществляется военными ведомствами.

Тюремные учреждения в Великобритании входят в систему министерства внутренних дел. При министре функционирует в качестве высшего тюремного органа Комиссия по делам тюрем, которая и осуществляет непосредственное руководство всей системой тюремных учреждений страны, а контроль за работой тюрем на местах повседневно или систематически осуществляют специальные комиссии и советы.

В Великобритании можно определить три типа тюрем: местные, региональные и центральные. В каждом из этих типов могут иметься «открытые тюрьмы», которые характеризуются отсутствием физических препятствий побегам. Существующим законодательством установлено, что все заключенные попадают прежде всего в местные тюрьмы, каждая из которых обслуживает определенную административно-территориальную единицу. Администрация местных тюрем классифицирует приговоренных судами, и в зависимости от этой классификации заключенные могут быть переведены в другую тюрьму или остаться в местной тюрьме для отбывания срока наказания. Кроме того, имеются отнесенные к местным специальные тюрьмы, предназначенные для содержания заключенных категории «звезда», то есть ранее не судимых (на их одежде имеется особый знак в виде звезды).

Система тюремных учреждений в Великобритании постоянно развивается в количественном отношении, стремясь не отстать от быстрого увеличения численности преступников в стране. В конце 1969 года, например, английское правительство приняло решение выделить из государственного бюджета 60

миллионов фунтов стерлингов на строительство новых тюрем. Только в 1970 году было введено в действие 15 новых тюрем. Надо сказать, что, как это можно видеть из сообщений печати, переполнение мест заключения в Англии представляет собой одну из серьезнейших проблем, стоящих перед правительством. Численность отбывающих наказание постоянно увеличивается, а число осужденных к одиночному заключению достигло в конце 1970 года 14 тысяч человек. Правительство вновь предполагает резко увеличить ассигнования на строительство новых тюрем.

Организационные формы и функциональная характеристика тюремных систем Великобритании и США представляются наиболее показательными для капиталистических государств, хотя и та, и другая далеко не везде получили свое распространение.

В Японии, например, существует четыре рода тюрем: тюрьма для приговоренных к каторжным работам, тюрьма для приговоренных к тюремному заключению, дом для содержания задержанных полицейскими властями, арестный дом для обвиняемых и приговоренных к смертной казни. Кроме того, существуют работные дома, обычно примыкающие к тюрьме. Дома эти предназначены для лиц, не уплативших причитающиеся с них штрафы. Как можно видеть из опубликованной правительством Японии «Белой книги о преступности» (1969 г.), в стране имеется 187 исправительных учреждений, 9 тюрем для малолетних преступников. Число служащих всех этих учреждений составляет более 16 тысяч человек.

В каждой национальной системе сеть тюремных учреждений имеет свои конкретно-специфические особенности.

Говоря об общей тенденции увеличения числа тюремных учреждений при капитализме, следует особо отметить развитие специализированных мест заключения, в особенности военных тюремно-исправительных учреждений. Так, например, 5 июля 1968 года конгресс США принял Закон об организации мест заключения, предусмотренный Единым кодексом военной юстиции. Закон предусматривает создание военных исправительных учреждений, их организацию и объединенную систему управления. Выполнение этих задач возложено на министров, в чьем подчинении находятся те или иные категории военнослужащих.

Каждое такое исправительное учреждение должно возглавляться офицером, имеющим в своем распоряжении соответствующий персонал. При этом офицер несет ответственность за надлежащую охрану правонарушителей, а также осуществляет контроль за тем, чтобы каждый заключенный был занят таким трудом, который наиболее способствовал бы его исправлению и сохранению здоровья. Соответствующий военный министр может устанавливать порядок досрочного освобождения осужденных, правила смягчения или приостановления приговоров и порядок возвращения таких лиц в воинские подразделения для дальнейшего прохождения службы.

Тюремная система буржуазных государств в совре-

менных условиях развивается не только количественно, но и по линии технического совершенствования с широким использованием самых передовых научно-технических достижений. Так, например, существующая в США специальная корпорация по строительству тюрем «Америкэн призи корпорэйшн» уже много лет разрабатывает проекты сооружения свертюрмы, которая должна быть оснащена всеми современными техническими средствами поддержания режима и охраны заключенных. Нахождение осужденного в камере такой тюрьмы будет, по идее проектировщиков, постоянно контролироваться телевизионными установками, двери камер будут отпираться и запираются с помощью фотоэлементов, которым должен предъявляться специальный, ежедневно меняемый шифровой пропуск.

Одна из новых английских тюрем — тюрьма Гартри (по названию расположенного вблизи населенного пункта), построенная за счет специальных ассигнований английского правительства, вступила в строй действующих в 1966 году. Будучи тюрьмой закрытого типа, она состоит из четырех блоков, каждый из которых способен вместить по 100 заключенных. Блоки соединены между собой специальным корпусом, вместе с которым их расположение напоминает букву «Н». высокая железобетонная стена окружает тюремное здание, а вдоль стены, значительно углубленной в землю, проложены сплетенные спиралеобразные жгуты из колючей проволоки. Все четыре блока изолированы и имеют выходы в прилегающую к ним часть соединительного корпуса, в котором расположены кухня, столовые (отдельно для каждого блока), клубные и спортивные помещения, церковь. На ночь заключенных

запирают в маленькие одиночные камеры. При тюрьме имеется штрафной изолятор, в который помещают заключенных, нарушивших тюремный режим, на срок до двух недель. Первые три дня заключенные получают здесь только хлеб и воду, а на четвертый день — полный обед. Во время пребывания в изоляторе заключенные на работу в тюремные мастерские не выводятся, им разрешена лишь часовая прогулка. Тюрьма оснащена современной электронной, радио- и телевизионной техникой.

Разумеется, сам факт использования технических средств с целью охраны и перевоспитания заключенных не рассматривается здесь в отрицательном плане. Дело в том, что техническая рационализация сама по себе не приводит к рационализации социально-политической или нравственной. Прогресс в технике и прогресс благодаря технике — это далеко не одно и то же: техника на службе государства объективно превращается в ее оружие. Становится очевидным парадокс: новейшие достижения науки и техники используются для социального насилия, для подавления человеческой психики. Применяемые же в местах заключения автоматика, телемеханика, электронные устройства и т. п. лишь подчеркивают реакционный характер пенитенциарной системы.

В тюрьмах заключенные формально занимаются трудом, но работа во многих случаях находится далеко не для всех. Заключенные нередко бывают заняты на тяжелых работах (в каменных карьерах, на строительстве дорог), для которых характерны трудные условия, постоянное несоблюдение правил безопасности, отсутствие какого-либо профессио-

нального обучения. В некоторых странах организация труда передана государством в руки отдельных крупных частнокапиталистических предприятий, где безжалостно эксплуатируют заключенных, заботясь только о наибольшей прибыли. Когда заключенных не могут занять общественно-полезным трудом, их заставляют заниматься трудом бессмысленным. «Праздность заключенных, — пишет Г. А. Туманов, — приводит к еще большему укоренению преступных наклонностей и привычек, к потере тех трудовых навыков и квалификации, которые заключенный имел до осуждения».

В настоящее время в ряде стран развивается новый тип мест заключения — концентрационные лагеря. В них направляют заключенных во внесудебном порядке и без каких-либо законов, а часто даже инструкций, регламентирующих их внутренний режим.

Система таких концентрационных лагерей создана и в США, где министр юстиции имеет право по закону Маккарэна (1950 г.) «в случае чрезвычайного положения» (п. 2) заключить в концлагерь на неопределенное время любого американского гражданина, который, по мнению агентов ФБР, может быть потенциальным «подрывным элементом». Концлагеря постоянно готовы к приему арестованных. Ч. Аллен подробно описал шесть таких крупных федеральных тюремных лагерей. «Трудно представить себе, — пишет автор об одном из них, — нечто более страшное, чем то, что я увидел в безмолвной пустыне. Передо мной был концлагерь, молчаливый и пустой, он ждал, он был наготове, подобно бомбе, которая ждет лишь случайного прикосновения, чтобы взорваться».

Обстановка в концентрационных лагерях очень тяжелая. «Заклученных подвергают жестоким пыткам, избивают цепями, металлическими тросами; их содержат в переполненных камерах, кормят недоброкачественной пищей». Это описание, приведенное 25 января 1968 года в «Нью-Йорк таймс», напоминает концлагеря в фашистской Германии. Однако это лишь рядовая тюрьма в Камминс Фрам (американский штат Арканзас). Один из представителей персонала этой тюрьмы назвал ее «камерой ужасов», в которой каждый заключенный не знает, доживет ли он до конца дня. Как пишет «Нью-Йорк таймс», новый начальник тюрьмы считает, что большое число заключенных было убито или избито до смерти во время пыток. Об их судьбе никто не знает, они тайно захоронены на тюремной территории. В тюрьме процветают полное бесправие, продажность и взяточничество администрации. Больше всего от преступлений, совершаемых в этой тюрьме, страдают негры (а они составляют 55 процентов заключенных). Положение в Арканзасе — это крупнейший национальный скандал.

Аналогичная ситуация наблюдается и в концентрационном лагере Лонг Кеш, созданном в Северной Ирландии для содержания ирландских борцов за гражданские права. Здесь в холодных и сырых бараках за рядами колючей проволоки находятся сотни заключенных. Вести об издевательствах над заключенными, об избиениях и пытках получили широкую огласку и даже стали предметом обсуждения в парламенте Великобритании.

Современная тюрьма, которая в государстве на всех этапах его развития была наиболее реакционным

учреждением, неизбежно приняла более жестокие формы. Террористические задачи, которые ставит перед собой в нынешнюю эпоху уголовное право, стали задачами и тюремной полиции. Если в уголовном праве замечается возврат в ряде случаев к средневековым расправам (рост применения смертной казни, стерилизации и др.), то еще в большей мере это проявляется в тюремной политике.

Ранее распространялись идеи «исправления», и было издано много книг по тюрьмоведению, посвященных реформам тюрьмы. Ныне рассуждений об исправительных задачах тюрьмы становится почти не слышно. В настоящее время поток пенитенциарной литературы снова меняет свое направление, а сама литература приобретает «гуманизированный» характер. Обобщая это новое явление, Н. А. Стручков пишет: «Неспособность справиться с преступностью старыми методами обусловила поиск новых методов, которые отличаются внешним гуманизмом и либерализмом. Но несколько изменилась лишь форма воздействия на заключенных. Эта выглядящая обновленной форма маскирует смысл наказания и обозначает лишь более утонченное, более ухищренное, репрессивное по своей сути воздействие на тех, кто не желает мириться с буржуазными порядками».

Известный журнал «Шпигель» как-то опубликовал многочисленные примеры использования заключенных в тюрьмах США в качестве «человеческих морских свинок» для проведения медицинских экспериментов. Так, в двух тюрьмах в штате Калифорния врачи проверяли медикамент, вводимый в организм для создания ощущения смертельного ужаса.

Подопытному кажется, что он утонул или задохнулся. Нередко эксперименты оказываются опасными для жизни или очень мучительными для подопытного человека. В Холлесбургской тюрьме в Филадельфии, например, для испытания новых медицинских препаратов у заключенных специально вызывали ожог кожи и потом проводили лечение. В тюрьмах Атланты заключенных заражали тропической малярией для проведения исследований по программе Пентагона.

О бесчеловечности тюремной системы Соединенных Штатов говорят трагические события, происшедшие в сентябре 1971 года в тюрьме города Аттика (штат Нью-Йорк). Восстание заключенных началось как стихийный протест против невыносимых тюремных условий, против издевательств охранников. Захватив заложников из числа охранников, восставшие потребовали освобождения всех политических заключенных, томящихся в других тюрьмах страны. Восстание, вылившееся в политическое выступление, было жестоко подавлено: около двух тысяч национальных гвардейцев и полицейских при поддержке артиллерийского дивизиона и армейских вертолетов штурмовали тюрьму в Аттике. Расправа над бунтовщиками, задыхавшимися в облаках ядовитого газа, продолжалась несколько часов. Число убитых, раненых и избитых до полусмерти с точностью даже не называлось.

Тюремная политика, которая всегда была прямым продолжением и завершением уголовной политики, становится одним из орудий террора в борьбе реакции с народом и демократией. Курс на физическое уничтожение своих политических противников,

проводимый государствами при помощи террора и судебной расправы, приобретает особенно жестокие формы в тюремных стенах, которые в большей степени, чем уличная борьба и судебная расправа, укрыты от общественного контроля.

«Символической судьбой негра в Америке» называли судьбу Джорджа Джексона — известного негритянского революционера и писателя, который из 29 лет жизни 11 провел за тюремной решеткой, 7 лет — в одиночном заключении. Тюрьма стала его университетом. Именно там он написал книгу «Соледадский брат», ставшую знаменем освободительного движения американских негров. В августе 1971 года Джордж Джексон был убит стражей калифорнийской тюрьмы Сан-Квентин, якобы «при попытке к бегству».

Л. М. Дегтярев, изучавший тенденции развития современных карательных учреждений, пишет: «Обострение классовой борьбы... заставляет правящие круги этих стран усиливать карательные органы государства, причем это усиление проводится в таких формах, которые в какой-то степени скрывают социальную направленность карательных органов». Именно замаскированностью в социальном плане характеризуются все тюремные реформы последнего времени.

Наряду со старыми появились и новые формы осуществления пенитенциарной политики государств. Во Франции, например, после завершённой в 1958 году реформы уголовно-процессуального права стали функционировать судьи по исполнению наказаний,

круг полномочий которых чрезвычайно широк. На них возлагается надзор за отбыванием осужденными наказания в тюрьмах, они определяют для каждого заключенного режим отбывания назначенного наказания. В некоторых тюрьмах перевод заключенного на каждую следующую ступень производится только с его санкции. Под непосредственным руководством судьи по исполнению наказаний происходит условное освобождение, он же осуществляет надзор за всеми осужденными, находящимися на свободе: условно освобожденными, условно осужденными, лицами, переданными на probation, лицами с ограниченным правом проживания в определенных местностях. Полномочия судьи по исполнению наказания открывают широкие возможности для произвола в виде «самостоятельного судебного толкования» законности, оставляя безграничные возможности для грубых ее нарушений, для усиления репрессий против трудящихся.

Особенностью некоторых тюремных систем является наделение органов, ведающих исполнением наказания, широкими полномочиями, неограниченным «усмотрением». При существующей в ряде стран системе неопределенных приговоров это выражается в предоставлении тюремной администрации права определять продолжительность наказания того или иного заключенного в зависимости от его поведения. Ограничение содержится лишь в том, что предельным временем заключения в этом случае является максимальный срок, указанный в законе за данное преступление. Таким образом, администрация тюрем в определенной степени обладает и судебными функциями.

В Японии, например, функционируют восемь государственных реабилитационных комиссий, которые по ходатайствам начальников исправительных учреждений выносят решение об освобождении заключенных «под честное слово». Такое освобождение может быть применено в отношении лиц, отбывших не менее одной трети срока (или 10 лет в случае пожизненного заключения), при условии их полного раскаяния. Выпущенные таким образом на свободу находятся под наблюдением специальных учреждений, а также добровольных общественных инспекторов.

Современные государства усиленно ищут новые пути повышения эффективности борьбы с преступностью. В связи с тем что не оправдала себя тюремная система, направленная на устрашение правонарушителей, стали широко предприниматься попытки изменить ее и создать видимость гуманного подхода к заключенным.

В 60-х годах в США был введен институт условно-досрочного освобождения, которым устанавливалось, что заключенным в федеральных тюрьмах, если они беспрекословно соблюдают все жесткие тюремные правила, срок наказания может ежемесячно сокращаться на несколько дней: для лиц, приговоренных к трем годам лишения свободы, — на шесть дней; к пяти годам — на семь дней и т. д. по специально установленной шкале. В результате таких сокращений заключенный может быть освобожден условно-досрочно, но если учесть, что сокращение сроков производится самостоятельно тюремной администрацией, то станет ясной несбыточность этой перспективы.

Достаточно указать хотя бы всего одну черту: условно-досрочное освобождение применяется лишь при заблаговременном обеспечении освобождаемого работой. Это правило, на первый взгляд, может показаться прогрессивным, но фактически оно дает возможность тюремщикам не освобождать тех, кто нежелателен им по каким-либо соображениям. Делается это под предлогом невозможности подыскать для таких лиц работу. Таким образом, введенный в США институт условно-досрочного освобождения сам по себе объективно явился составным элементом реакционного уголовного и тюремного права.

Жестокий тюремный режим, условия, оскорбляющие человеческое достоинство, цинизм надзирателей и многое другое — все это составляет неизгладимый след в психологии заключенного. Как свидетельствует ветеран американского рабочего движения Элизабет Гэрли Флинн, «американские тюрьмы не исправляют людей, а прививают им самые грязные пороки».

Фактически тюремная политика и не рассчитана на эффективное моральное совершенствование заключенных. Об этом свидетельствует хотя бы то, что попавшие в места заключения новички быстро оказываются под влиянием опытных рецидивистов. Приведенное ниже высказывание подтверждает сделанный вывод: «Американские тюрьмы и исправительные заведения сами являются школами преступности. В основном это результат отсутствия изоляции несовершеннолетних и случайных нарушителей от закоренелых преступников. Не без основания утверждали, что преступники-новички, находясь в общении с профессионалами, перенимают

у них все тонкости ремесла, в результате они покидают тюрьмы и исправительные заведения с большей решимостью продолжать преступную карьеру, чем до отбытия наказания в местах заключения». Что же касается рецидивной преступности, то, по словам американского буржуазного исследователя, «три четверти покинувших тюрьмы возвращаются к преступлениям».

В течение нескольких месяцев 1970 года в США работала объединенная комиссия конгресса во главе с К. Паппером. Выводы комиссии, обсуждавшиеся в конгрессе, заключались в том, что весьма важным фактором, влияющим на общий рост преступности, является рецидивизм. По материалам округа Колумбия, например, 60—70 процентов преступников, отбывших наказание, снова оказываются за решеткой. Комиссия отклонила предложение об увеличении сроков тюремного заключения, что, по ее мнению, не сможет сократить рецидивизм, поскольку он порождается порочной системой воспитания в тюрьмах.

В ряде государств в настоящее время получают известное развитие элементы прогрессивной системы, применяемой к отдельным, определенным законом категориям преступников. В Англии, например, обвинительный приговор к тюремному заключению означает, что весь определенный судом срок заключенный отбудет в тюрьме, а в случае примерного поведения и старания может получить зачет в размере одной трети срока наказания. В судебном приговоре не указывается, в какого рода тюрьму будет направлен правонарушитель, каков режим, которому он подвергнется, — эти вопросы решаются тю-

ремной администрацией на основании ведомственных директив и норм права.

Приведем другой пример. В США Законом от 10 ноября 1966 года определены условия освобождения заключенных в федеральном округе Колумбия для выполнения работ. Законом устанавливается, что лица, приговоренные к тюремному заключению на срок более одного года за совершение проступков, нарушение муниципальных и других подобных правил, неуплату штрафов, неуважение к суду, а также в других случаях при наличии смягчающих обстоятельств, могут быть привлечены к работе вне территории исправительных учреждений (тюрьмы). Использование такого рода заключенных на работе может быть осуществлено по инициативе суда, вынесшего приговор, с учетом рекомендации департамента исправительных учреждений округа Колумбия или же по просьбе самого осужденного. Суд предусматривает в своем постановлении срок и другие условия освобождения из места заключения для работы. Заключенный может быть использован на работе как по своему постоянному месту работы, так и по выбору департамента исправительных учреждений, который учитывает пожелания заключенного. Средства, полученные от использования заключенного на работе, вносятся на специальный счет министерства финансов США. Из этого счета производится выплата на содержание самого заключенного до 20 процентов, а остаток выдается заключенному по отбытии срока наказания.

Сейчас во многих штатах США разрешается использовать в дневное время труд заключенных на

работах в соседних населенных пунктах (на фермах и предприятиях). Такая привилегия предоставляется только лицам с безупречным поведением, прошедшим шестимесячный испытательный срок.

В 1969—1970 годах по предложению президента Р. Никсона в США была разработана десятилетняя программа осуществления тюремной реформы. Специальная президентская комиссия проводила необходимые для этого эксперименты. Рекомендации комиссии направлены в основном на ослабление тюремного режима, повышение квалификации административно-воспитательного состава тюремных учреждений, создание при исправительных учреждениях специальных служб для постоянных контактов с местными промышленными, транспортными и другими организациями с целью привлечения их к перевоспитанию и трудоустройству заключенных.

Современное французское законодательство предусматривает два вида льгот для заключенных: перевод на режим работы вне тюрьмы и перевод на полусвободный режим. Разрешение на работу вне тюрьмы под контролем администрации могут получить лица, которым осталось отбыть не более одного года лишения свободы, а также лица, к которым применимо условное освобождение. Порядок работы заключенных вне тюрьмы детально регламентирован и исключает возможность их общения с посторонними. Работы производятся под конвоем, заключенные обязаны носить арестантскую одежду, а после окончания рабочего дня возвращаются в тюремные помещения. Заработанные заключенными деньги на руки не выдаются: часть переводится

на счет заключенного, а основная доля — в казну.

На полусвободный режим разрешается переводить: а) лиц, которым осталось отбывать не более одного года лишения свободы; б) заключенных, достигших определенной ступени прогрессивной системы; в) лиц, для которых полусвободный режим должен явиться испытанием перед условным освобождением. Находящиеся на полусвободном режиме лица получают право поступать на работу на общих основаниях и освобождаются от надзора на период рабочего времени. Они обязаны ежедневно возвращаться в тюрьму и там проводить все выходные и праздничные дни, а невозвращение в тюрьму к установленному сроку считается побегом. Заработная плата лиц, находящихся на полусвободном режиме, пересылается работодателем в адрес администрации тюрьмы, которая перечисляет 70 процентов на личный счет заключенного, имеющего право брать с этого счета лишь небольшие суммы, необходимые на обед и транспортные расходы.

В 1969 году произошли некоторые изменения и в тюремной практике ФРГ. Теперь осужденные, приговоренные к лишению свободы от двух месяцев до двух лет и уже отбывшие половину срока, могут получить отпуск на праздники, чтобы встретить их в кругу семьи. Отпуск предоставляется, в зависимости от повода, от трех до семи дней. Кроме того, заключенные получают особый отпуск за три месяца до окончания срока заключения, с тем чтобы позаботиться о жилье и работе.

Все большее распространение получает институт

пробации, на который буржуазные ученые возлагают особые надежды в плане снижения рецидивной преступности. В основе пробации лежит условное осуждение, когда суд предписывает осужденному осуществлять минимум «желаемого обществом» поведения, определяемого условиями пробации. Несоблюдение этих условий служит суду основанием для отмены режима пробации...

Пытаясь представить преступность как некое болезненное состояние личности, не зависящее от каких-либо социальных причин, тюрьмоведы стали использовать разного рода «новые психологические теории», обосновывающие «новые методы воздействия» в виде «групповой работы, группового лечения, групповой психотерапии». Преступник изображается здесь неким хроническим больным, а тюрьма чем-то вроде больницы или клиники. Как показала практика, все эти «новые психологические методы обращения с преступниками» позволяют не без удобств для заинтересованных кругов вывести исполнение наказания за рамки сферы права, рамки законности и превратить его в некий «процесс лечения». Оценивая все новейшие попытки усилить моральное воздействие на заключенных, нужно помнить, что моральные установки объективно не способны привести к положительным результатам, так как сами по себе они антигуманны и с точки зрения трудящихся никакой моральной ценности не представляют.

Современное тюрьмоведение широко обсуждает проблему так называемой реадaptации заключенного, то есть воспитания в нем способности жить в обществе. Высказывается мнение о необходимости

поддерживать и развивать в заключенном общительность, бескорыстную заботу о благе других и готовность жертвовать для них своими личными интересами. Подобного рода пожелания явно беспочвенны. Ведь сама по себе система эксплуатации и бесчеловечного грабежа слабого сильным органически противоречит всяческому бескорыстию.

Попытки придать наказаниям в виде лишения свободы исправительный характер и внести в исполнение этих наказаний некоторые элементы гуманности надо рассматривать как известную дань ученых настроениям народных масс, которые резко осуждают методы подавления и репрессий. Не случайно на I конгрессе по предупреждению преступлений и обращению с преступниками, созванном ООН в августе 1955 года в Женеве, были приняты специальные Правила обращения с заключенными. В августе 1970 года в Киото (Япония) состоялся IV конгресс, участники которого уже не пропагандировали биологическую природу причин преступности, как это было в 1965 году на III конгрессе в Стокгольме.

На последних конгрессах подчеркивалась необходимость гуманного обращения с заключенными, осуждалась их чрезмерная эксплуатация, а также применение жестоких и вредящих здоровью методов тюремного воздействия. И в последние годы в ряде стран была осуществлена некоторая либерализация тюремного дела, проведены определенные реформы в области смягчения тюремной политики. В поисках решения проблемы сокращения преступности IV конгресс, в работе которого участвовали представители 85 стран, высказался против повы-

шения мер наказания и введения более строгих законов. Беспредельное усиление карательных функций, указывается в решении конгресса, не может привести к сокращению преступности.

(Бельсон Я. М. Суд, прокуратура и тюрьмы в современном буржуазном государстве. — М., 1972)

О ТЮРЬМАХ БОЛГАРИИ В ПРОШЛОМ

Неделчо Ганчовский родился 5 ноября 1920 года в селе Смолско Софийского округа. Вырос в Софии в семье рабочего. Окончил 1-ую Софийскую мужскую гимназию, а затем высшую партийную школу. Член Рабочего союза молодежи с 1938 года, в Болгарскую коммунистическую партию вступил в 1941 году. За подпольную антифашистскую деятельность был арестован и судим, три года провел в тюрьме. Вышел на свободу 9 сентября 1944 года, в день освобождения Болгарии от фашизма.

ЭТАПНЫЕ ТЮРЬМЫ

Этапные тюрьмы были дном тогдашней Болгарии. Буржуазное общество собирало в них и человеческие отбросы, и своих политических противников. Каких только людей не приходилось встре-

чать здесь! Проституток, изгнанных из столицы и направляемых неведомо куда; психически больных, которых везли в Бялу или Карлуково; воров и мошенников, схваченных далеко от места преступления и возвращаемых для следствия и суда; бедняков, не явившихся в суд по какому-нибудь делу в качестве свидетелей и отправленных в принудительном порядке; дезертиров, нищих, уголовников, которых переводили из одной тюрьмы в другую, и нас, политических заключенных, место заключения которых тоже меняли. Все, кто должен был принудительно путешествовать по стране, попадали под полицейский конвой и в этапную тюрьму.

Помещения для арестантов были такими, что когда мы хотели дать определение чему-либо до крайнего предела грязному, темному и душному, то говорили: «Как в этапной тюрьме».

Этапные тюрьмы были для заключенных чаще всего местами тяжких страданий. Заключенные находились там в грязи, среди клопов и вшей, в тесных, душных и холодных камерах, где проводили долгие голодные часы, а порой даже дни и ночи.

Рассказывали, что самой худшей была этапная тюрьма на станции Мездра, хотя и Пловдивская не во многом ей уступала. Там я не был и не могу сравнивать, но Плевенскую познал хорошо. Помещение для стражи находилось на уровне земли. В дощатом полу была крышка, ее открывали и говорили арестанту:

— Иди!

Он начинал колебаться, но времени для размышлений не давали и, хочешь не хочешь, приходилось спускаться по почти отвесной деревянной лестнице в подземелье, служившее тюрьмой. То, что помещение находилось под землей, еще не значило, что там темно, там было довольно светло — свет проникал через два больших зарешеченных отверстия без стекол, а нары, как обычно, находились в углу. Такие жестокие страдания пришлось мне терпеть в этом дьявольском помещении, что трудно рассказать. Несколько раз передо мной открывали крышку и подгоняли меня словом:
— Иди!

Бывало там и весело. Мы, шестеро ботушевцев, однажды застали в подземелье Арико. Арико вы, конечно, не знаете, но для нас он был знаменитостью, и о нем стоит рассказать. Это был вор, но не мелкий и не какой-нибудь простофиля, которого ничего не стоит поймать; нет, Арико был настоящим мастером своего дела, так сказать, виртуозом-карманником. Мы быстро познакомились, он оказался общительным, дружелюбным, даже остроумным малым, так что нетрудно было узнать, кто он и за что осужден. Ему не исполнилось еще и двадцати лет. Этот изящный, стройный, быстроглазый юноша был сыном — как вы думаете, кого?.. — Софийского раввина, жреца иудеев. Достопочтенный отец готовил ему другое будущее, но наш Арико сделал по своему и стал карманником. Пошли аресты, тюрьмы, и теперь он снова попал в «кутузку». Речь его отличалась выразительностью — что-то от блатного жаргона софийских окраин, что-то от тюремного аргю, но попадались слова и из более культурной среды его детства. Он забавно рассказывал о своих подвигах. Один раз даже запел:

Я Коцу — первый среди блатных,
нет у меня денег,
я небогат...

Мы смеялись от всего сердца, поддразнивали его, но он был широкой натурой, обладал чувством юмора.

— Арико, неужели ты действительно можешь вот так, посреди улицы, снять с человека часы? — и недоверчиво, и поддразнивающе спросил Борка Минчев.

— Это мне раз плюнуть. Увижу стоящие часики у какого-нибудь олуха, стяну и смоюсь. Он даже и не почувствует.

— Да не болтай!

— Вот в чем секрет, — и он показывает два пальца — указательный и средний на правой руке (а пальцы длинные и тонкие!). — И здесь надо кое-что иметь, — тычет он пальцами в свой висок.

— Арико, ну серьезно, покажи, как ты это делаешь, — настаивает кто-то из нас.

С каким удовольствием Арико прочитал нам целую лекцию о том, как орудовать двумя пальцами! Кто-то повернулся спиной, а он протянул два своих знаменитых пальца и, хитро нам подмигивая и объясняя свои манипуляции, стал с их помощью вытаскивать из карманов разные предметы...

В январе 1942 года меня привезли в Плевен поздно вечером: поезд опоздал, и уже в темноте меня столкнули в подземелье. Стоял лютый холод, пресловутая «генерал-зима», как назвал ее Геббельс, была в разгаре. Но почему вместо того, чтобы замораживать только гитлеровских солдат на русских полях, она одолевала и нас? Кое с чем в пропаганде Геббельса мы соглашались — зима действительно стояла страшная, какой давно не бывало, и хотя с тех пор прошло уже тридцать лет, подобного чуда больше не повторилось. Температура, как нарочно, держалась между 30 и 40 градусами ниже нуля. Эта «генерал-зима» должна была оправдать осечку гитлеровцев на Восточном фронте и оставить блаженно верующих уповать на мираж всепобеждающего вермахта.

Метель мела по улицам, собирала сухой снег и швыряла его в зияющие без стекол окна тюрьмы. В самом углу скорчился арестант, имени которого я не знал, лица почти не различал, но которого запомнил на всю жизнь. Было невыносимо холодно, мороз стоял больше 35 градусов, чтобы согреться, мы прыгали, плясали, потом жались в углу друг к другу как бездомные собаки. Примерно после полуночи мой сосед неожиданно грохнулся на пол и заметался. Лица его в темноте не было видно, я не мог понять, что случилось, решил, что он умирает, взбежал по лестнице и начал стучать по крышке.

— Чего тебе? — грубо вскрикнул сонный полицейский. — Тут человек умирает, — объяснил я ему.

— Ничего с ним не случится, до утра потерпит, — отрезал полицейский.

Моя попытка настаивать на помощи вызвала такую реакцию, что мне стало ясно: если ему суждено умереть в эту ночь, ничто не сможет его спасти.

Я вернулся к припадочному, который продолжал корчиться и биться об пол. «Не эпилепсия ли это?» — пришло мне в голову как некое утешение. Через две-три минуты он действительно затих, сел, потом выпрямился, я заговорил с ним, стал успокаивать, а он махнул рукой, мол, ничего, с ним это не впервой. И мы продолжали прыгать и пританцовывать.

Несколько раз мне пришлось наблюдать припадки эпилепсии. Однажды я присматривал за ребенком — с нами, большой группой заключенных, переведенной из СЦТ в столичную этапную тюрьму, был мальчик лет десяти-двенадцати. Очень симпатичный мальчик. Он что-то украл и находился в Доме гуманности (кажется, так называлась тюрьма для малолетних), но после побега попал в более высокий университет — в СЦТ, в среду более опытных преступников, которые могли покалечить его душу. Временно он оказался с нами. Вдруг мальчонка упал на мостовую, заметался, его слабое тельце скорчилось от конвульсий. Мучительное зрелище. Один из полицейских остался его дожидаться, а мы продолжали свой путь на вокзал.

Почему так часто бывали эти картины? Объяснение простое: тяжелые условия, в которые попадал

больной, голод, нервное перенапряжение, страдания усиливали болезнь, и припадки учащались.

Картина жизни Кайлыкской республики и других тюрем вряд ли будет полной, если я не упомяну о Ст., который был психически больным. На первый взгляд он как будто не представлял собой ничего особенного. Могло даже создаться впечатление, что этот человек средних лет все понимает и находится во вполне нормальном состоянии, однако вскоре становилось ясно, что он психически болен. А это был очень ответственный деятель движения. В результате пережитых в полиции и после нее нравственных страданий нервы и психика его не выдержали, мало-помалу он «тронулся» и в конце концов стал совсем другим человеком.

«Человек в футляре», — говорил Чехов в социальном смысле, а я бы употребил здесь это выражение в психологическом значении, потому что действительно Ст. был человеком, закрывшимся в футляре, изолировавшим себя от товарищей, от коллектива и от всего мира. К себе он не подпускал никого, если не считать, что до поры до времени терпел заботы Георгия Аврамова. Чаще всего он лежал скорчившись на полу — чтобы быть подальше от других. Он даже не мог спать на нарах и стелил себе прямо на досках, заворачивался в порванное одеяло с головой, чтобы никто его не видел и чтобы по возможности и он не слышал, что делается вокруг. Так он пролеживал часы напролет, и ночью и днем.

Наблюдая, как он прячется, испуганный светом, я

спрашивал себя: что же у него на душе — изнемогает ли он от страданий или оступел до такой степени, что стал бесчувственным как животное? Сам он ничем не выдавал своего внутреннего мира, окружил себя со всех сторон ежовыми иглами и выпускал их всякий раз, когда кто-либо из добрых побуждений хотел помочь ему, из сожаления или просто чтобы поддержать, пытался вникнуть в его жизнь или хоть немного с ним сблизиться. Он запустил себя совершенно. Ходил оборванный, небритый, лицо его поблекло. Если на его деревянных башмаках перетирались ремешки, он не был в состоянии позаботиться о новых ремешках, а надевал первые попавшиеся чужие башмаки. Товарищ, оставшийся без обуви, кричал во двор из дверей камеры: «Кто взял мои башмаки?», а Ст. одиноко, невозмутимо продолжал шлепать в них по двору.

Его отчуждение от мира дошло до того, что он грубо и равнодушно относился даже к своему отцу и к матери, уже пожилым людям. Однажды они приехали к нему издалека на свидание. Один наш товарищ, наблюдавший эту сцену, вернулся, потрясенный виденным: мать горько оплакивала своего сына-мученика, а он грубо и холодно оттолкнул ее и, взяв сумку с едой, ушел в камеру. Эту психоневрастению, как я дилетантски определил его болезнь, разумеется, нетрудно было вылечить, если бы была возможность позаботиться об этом несчастном. Он фактически отбывал двойное наказание.

И некоторые другие случаи нервно-психических расстройств пришлось мне наблюдать в тюрьмах. У одного парня, вообще-то серьезного и разумного, началась тяжелая меланхолия. Он все более погру-

жался в нее, всячески уединялся и непрерывно напевал песню:

И никто не узнает,
где могилка моя...

В конце концов он совсем потерял рассудок. А один молодой товарищ, интеллигентный и способный, страдал ужасной мнительностью. Сначала это было не очень заметно, выражалось в чрезмерной подозрительности, он озабоченно предупреждал, что тот или иной — скрытые враги. Однако болезнь его все более обострялась, и он стал видеть опасных врагов даже в самых чистых людях. После освобождения он заваливал различные учреждения «разоблачительными» письмами. Это навлекло на него большие неприятности по той простой причине, что не везде сразу поняли в чем дело. Так он исчез из жизни, и мы даже не узнали, что же все-таки с ним произошло — попал ли он в психиатрическую больницу или болезнь осилила его и убила?

Картина жизни в этапных тюрьмах становится особенно тягостной, если учесть, что при передвижении по этапу заключенных не кормили, а каждый должен был заботиться о себе сам. Можно было дать деньги полицейскому, чтобы он купил хлеб и еще что-нибудь, и, разумеется, об этом излишне даже упоминать, часть денег он удерживал. Если же случалось — а такие случаи не были редкостью, — что арестант не имел ни гроша в кармане, тогда душа из него вон. Одна из черт старого общества состояла в том, что оно издало закон об

этапных тюрьмах, но не беспокоилось о том, чтобы заключенным было там чем кормиться.

Всего-навсего мелкое упущение!

Особенно сильно я почувствовал его зимой 1942 года. Меня переводили из СЦТ в Плевенскую тюрьму. Отъезд совпал с временем свидания. Я переступил зловещий порог наружных ворот тюрьмы... и увидел мать, идущую мне навстречу. Родители мои не знали, что меня переводят, некогда было им сообщить. Для матери это было неожиданностью. Мученица мать, пережившая, как свои, все страдания сына, сначала остолбенела от неожиданности, а потом поспешила мне навстречу, заплакала, протянула руки и стала умолять полицейского — мол, у нее есть разрешение на свидание от господина прокурора, она принесла немного еды, пусть он мне передаст. Я тоже настаивал, и страж смилостивился. Моя мать, державшая в руках сумку с питкой, тонкой, только что испеченной белой питкой, сунула ее мне в руки, и я продолжал свой путь, не имея возможности обернуться и посмотреть, как она провожает взглядом своего сына в кандалах, с узелком в руке и с полицейским за спиной. Картина не для матери! Как радуется мать, когда дитя ее преуспевает! Как она видит своих детей с малых лет уже взрослыми, большими людьми, хорошо устроенными в жизни! Но и в беде мать остается со своими детьми, даже с неудачниками, пропащими, страдающими детьми, и несет в своем сердце их мучения.

Горестные мысли так взволновали меня, что, когда открылись ворота этапной тюрьмы на Центральном вокзале, я грубо ответил на просьбу одного арес-

танга. Софийская этапная тюрьма находилась левее вокзала — одноэтажное здание с двумя помещениями для арестантов: мужским и женским отделениями. Большая часть мужского отделения была занята огромными нарами с голыми досками, не видевшими давно ни метлы, ни воды, со стенами, испачканными следами крови.

На нарах по-турецки сидел цыган средних лет. Когда я вошел, он, увидев стеку с питкой, жадно крикнул:

— Дай!

Меня возмутили его жадность и нахальство, и я поэтому резко сказал ему:

— Подожди, как тебе не стыдно, я ведь еще даже не вошел!

Но он снова сказал, я помню это точно:

— Дай! — и протянул правую руку.

Я думал, что это обычная в таких обстоятельствах жадность. И, не зная, какая трагедия заключалась в этих трех звуках «дай», не подозревал, что именно благодаря этому человеку и этой лепешке увижу человека с большой буквы, которым восхищаюсь и до сих пор.

Я опустил на пол один конец кандалов (его держали в руке), положил узелок, вытер пот, но остался

стоять — мало кто решался сесть или лечь на нары, боясь, что на него наползут насекомые.

В камере было еще несколько человек, среди которых двое молодых, прилично одетых мужчин. Их одежда казалась довольно-таки вызывающей в этой обстановке. Первые слова в любой тюрьме, конечно, откуда, куда, за что. Это двое не понимали по-болгарски, но мы узнали, что они легионеры Железной гвардии Кордеану из Румынии. После разгрома этой гитлеровской организации они бежали в Грецию, там их арестовали и сейчас по этапу возвращали в Бухарест. Мне было любопытно наблюдать за ними и находиться в одной тюрьме с этими лютыми идейными и политическими врагами.

Я рассмотрел цыгана на нарах — это был человек средних лет, из оседлых, городской цыган, в поношенной, но не совсем порванной одежде. Вдруг он упал на доски, и у него начался припадок. Кто-то из арестантов хотел постучать в дверь, позвать полицейского. Я остановил их. Такую картину я уже наблюдал не раз. Эпилепсия. Тяжелое зрелище. Он изо всех сил бил руками по доскам, сцепив зубы, пена появилась на его губах, он корчился, конвульсии сотрясали все его тело, а вытаращенные глаза не видели ничего. Через несколько минут он успокоился. Глаза его прояснились, он посмотрел на нас как ни в чем не бывало, выпрямился, сел. И сказал едва слышно:

— Я есть хочу.

Я отломил кусок питки и протянул ему. А он схватил ее обеими руками и с такой жадностью стал

есть, что мне стало ясно — он давно голодает. Когда он отдышался, я заговорил с ним, желая понять, что с ним произошло, чем ему можно помочь. Его перевели три дня назад из Дупницы и направили — я не понял за что — в Разградский округ. И все эти три дня и три ночи он не имел и крошки во рту. Вот что оказалось причиной инстинктивного возгласа: дай! — при виде питки. Из Дупницы до Софии три дня, а потом от Софии до Разградского округа — еще три или пять. Без еды. Вопиющее безобразие! А власть имущие даже не подозревали — если это вообще их интересовало, — как общество отрицает само себя при помощи этого «мелкого» упущения. Мы разговорились. Цыган показался мне человеком рассудительным. Видя, что он еще голоден, я отдал ему половину от оставшегося куска питки. Другой кусок остался в сетке.

Когда нам сообщили, что поезд на Плевен с арестантским «купе» отправляется, он вызвался помочь мне нести вещи. Кандалы я не мог ему дать, даже если бы хотел, они были крепко прикованы к щиколотке моей правой ноги, а узелок я боялся ему доверить — цыган! и притом арестант, при случае утащит и глазом не моргнет. Но он предложил понести сетку с питкой, и... как я мог ему сказать: «Не дам!» Ведь он человек! А человеку надо доверять, надо ему верить. Ведь я могу его обидеть недоверием. Из-за какой-то питки. И я махнул рукой — в конце концов, что такое кусок питки? Пустяк. И он взял сетку. Нас посадили в два разных купе вагона. Цыгана поместили с двумя легионерами, контакта не было. Мы ехали три часа до станции Плевен, где я должен был сойти. Я взял вещи и пошел по коридору перед «моим» полицейским, даже и не думая о питке. Я был уверен, что

она давно съедена. Но когда я проходил мимо купе, где находился цыган, дверь отворилась, он сказал:

— Аркадаш, возьми свою сетку, — и подал мне сетку с питкой.

Потом шепнул, что legionеры уговаривали его эту питку съесть.

— Но я не согласился. Это, сказал я, того парня, я берегу ее для него. Возьми, поешь. — И он посмотрел на меня доверчиво и просительно.

Он хотел, чтобы я оценил его поступок — ведь он сберег питку от жадных legionеров и сам к ней не притронулся. Он хотел мне доказать, что оправдал мое доверие. Никогда в жизни я не переживал большего удивления! Изголодавшийся цыган сохранил свежую питку! Нет, здесь не подходит слово «цыган» или «попрошайка», здесь может подойти только одно слово: человек! Арестант, нарушитель, голодный цыган победил себя во имя человеческого доверия!

Я отдал ему сетку с питкой, так как теперь она уже принадлежала ему. Ведь он проявил себя человеком...

(Ганчовский Н. За тюремной решеткой. — М.: Политиздат, 1974)

ТЮРЬМА ВРЕМЕН ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЧИЛИ

11 сентября 1973 года в Чили был совершен военный переворот — один из самых жестоких и кровавых в истории Латинской Америки.

Документальная книга Серхио Вильегаса «Стадион в Сантьяго», написанная по горячим следам событий, и поныне остается одним из лучших произведений о страшных днях сентября 1973 года.

Рассказывает Эстебан Карвахаль. Наступила моя очередь. Нас, пятерых арестованных, привели на допрос. Майор без передышки бил меня кулаком в уши. От его ударов я качался из стороны в сторону, изо рта хлынула кровь. Затем мне нанесли сильный удар сапогом в пах, и я резко качнулся вперед. Я, наверное, упал бы, если б не получил новый удар, на этот раз в спину. Потом меня снова начали бить в пах. Я корчился от боли, но удар под ложечку вновь не дал мне упасть.

Нас забрали по соседству с Северным райкомом партии, недалеко от 7-го полицейского комиссариата, между половиной девятого и девятью часами утра в одном из примыкающих к райкому домов. Я находился там вместе с четырьмя товарищами. Окружившие дом полицейские ворвались внутрь, бросая бомбы со слезоточивым газом, а затем выволокли нас на улицу. Заодно они прихватили телевизор, лежавшие в ящике комода деньги, не-

сколько ламп, столовый сервиз и кое-что из одежды.

В комиссариате нас встретили пинками и прикладами. Весь путь до комиссариата мы проделали под градом ударов. Излюбленной мишенью были спина и нижняя часть живота. Нас привели во двор и заставили лечь лицом вниз, руки на затылке.

В таком положении нас стали по одному допрашивать. Кто у вас главный? Кто командир? Чем занимались? И основной вопрос — где оружие? Ничего не знаем, отвечали мы, не имеем об этом ни малейшего понятия.

Радио было включено на полную мощь, и мы слышали все, что происходило в президентском дворце Ла-Монета: ультиматум, предъявленный мятежниками Сальвадору Альенде, бомбежку дворца, первые приказы хунты.

В двенадцать пришел офицер. У него был свой метод запугивания людей.

— За первого же погибшего карабинера, — сказал он, — один из вас поплатится жизнью.

В час явился капитан Асокар с новостью.

— Только что погиб карабинер, — сказал он угрожаящим тоном. — Еще одна жертва, и мы всех вас поубиваем.

В пять часов поступило новое сообщение: «Погиб еще один карабинер. Мы вас расстреляем». Послышался лязг затворов.

— Не будьте идеалистами, мальчики! — увещевал нас капитан. — Скажите, где оружие. Никто об этом не узнает.

Я заметил, что некоторые товарищи стали проявлять признаки слабости. Мы все были уверены, что нас убьют.

Через три четверти часа пришел армейский майор, и нас повели на допрос. Для проформы, конечно. Предварительно майор устроил нам спектакль: сделав вид, что оскорблен сказанными словами, он в наказание пригрозил одному из товарищей, что ему сделают подкожную инъекцию воды из-под крана. Рядом уже стоял новобранец со шприцем наготове. Вдруг майор сказал этому товарищу:
— Ты, однако, не трус!

Из допроса ничего не помню, кроме избиений. Думаю, что в этом и заключалась его цель. Продолжался допрос долго, и я никогда не испытывал такой боли и одновременно такого бессилия. Ощущение было такое, будто мое тело разломано на несколько частей. Мы все, кажется, держались стойко. Раздосадованный офицер сказал наконец:
— Я их забираю.

Офицер корпуса карабинеров подстрекнул его:

— Они наверняка что-то знают, так как их взяли у райкома.

Сначала нас привели в ближайшую воинскую часть, а оттуда на военном автобусе отправили в расположение полка «Такна». Мы с удобствами разместились на сиденьях. Однако длилось это недолго. Когда мы проезжали через центр Сантьяго, между жителями города и мятежниками вспыхнула сильная перестрелка. Карабинеры из 7-го комиссариата бросились на пол. Мы же вынуждены были сидеть, слушая, как кто-то из карабинеров орал нам:

— Если сюда залетит пуля, она наверняка вас прихлопнет, сукины дети!

Пули свистели, а мы продолжали сидеть, являя собой прекрасную живую мишень.

В казарме полка «Такна» с нас сняли башмаки, носки, отобрали часы и кольца (обратно эти вещи мы так и не получили). Некоторое время спустя во двор казармы вошла новая большая колонна арестованных. Среди военных возникла сумятица. В растерянности один офицер спросил другого, указывая на нас пальцем:

— А с этими что делать?

— Пускай их в общую толпу, — раздалось в ответ.

В глубине двора я увидел проходившего Висенте Сотту — бывшего депутата парламента от христианских демократов, одного из руководителей партии МАПУ. (МАПУ — движение единого народного действия — партия, образовавшаяся в 1969 году в результате выхода левой группировки из Христанско-демократической партии Чили. Входила в коалицию Народного единства). Он шел прихрамывая и опирался на палку. Позднее Сотта рассказал, что его схватили, когда он находился у врача, который должен был снять у него с ноги гипс — результат травмы, полученной при аварии. Однако мятежники искали, по-видимому, не Сотту, а врача.

В это время всем уже было известно, что во дворце Ла-Монеда убит президент, но об этом мы не говорили. Все задавали себе вопрос, действительно ли масштабы мятежа столь велики и серьезны, как утверждает по радио хунта, или, может быть, в армии все же есть люди, которые борются где-то в защиту законного правительства.

Поначалу нас во дворе было человек сорок, однако к полуночи весь этот двор, а также соседний оказались забиты до отказа. Прибывали люди с промышленных предприятий «Лучетти», «Командари», из министерства образования, министерства труда и из других мест. Среди них мы встретили Серхио Арансибия, вице-президента Национального института развития сельского хозяйства и животноводства, и Вальдо Суареса, заместителя министра образования.

Каменный пол казармы служил нам постелью. Холод пронизывал до костей, многие простудились. Никто не имел права пошевелиться. Самые насущные физиологические отправления приходилось совершать тут же — офицеры на сей счет дали абсолютно точные указания. Днем в виде большой уступки лишь одному пожилому человеку разрешили пойти в уборную. Ночью нас беспокоили несколько раз, заставляя то вставать, то садиться, то надолго поднимать руки вверх. Поздно ночью появился какой-то пьяный солдат. Он двигался, держа винтовку в руке, выкрикивая угрозы и суля нам всякие кары. Лицо у него было злое-презлое. Споткнувшись о кого-то, солдат заорал: «Убери ногу!» Товарищ то ли промедлил, то ли не захотел отреагировать на окрик, и мы услышали, как солдат лязгнул затвором.

В десять часов утра нам устроили проверку. Нас оказалось 288 человек, не считая женщин и «опасных преступников». Нас выстроили и повели на медицинский осмотр, который производил гражданский врач. Осмотр свелся в основном к прослушиванию легких.

С того места, где проводился осмотр, мне удалось разглядеть так называемых «опасных». В их группе наряду с другими были руководящий деятель Социалистической партии и бывший директор Управления следственной службы д-р Эдуардо Паредес, заместитель генерального секретаря правительства Арсенио Поупин, д-р Энрике Парис, председатель профсоюза фабрики «Командари», не помню его фамилии, товарищ Хано из ГАП (ГАП — личная охрана президента Альенде) и Максимо,

врач и руководитель службы безопасности Социалистической партии.

В казармах «Такны» нас продержали целый день. Оттуда, как нам сказали, нас переведут на Чилийский стадион, допросят по всей форме и невиновных отпустят. На деле оказалось, что чилийский стадион — это самый чудовищный кошмар, какой когда-либо переживал человек.

В ожидании отправки мы проводили время в разговорах, то и дело бросая взгляды туда, где находились «опасные». Это был темный коридор, который путчисты называли «пастью». Выходил он на восточную сторону казарм полка «Такна». Коридор использовался для въезда и выезда машин. В этом месте было так много пыли, что я с трудом узнал Коко Паредеса, когда тот вышел из «пасти» и направился в сторону уборной. Он был грязен, с ног до головы покрыт пылью и к тому же без усов, так что узнать его было нелегко.

Избиения в «пасти» продолжались целый день, ибо там находились люди, представлявшие для мятежников особый интерес. Над Коко они особенно издевались. Запомнились некоторые допросы, которые устраивали специально для того, чтобы унижить и сломить его.

— Как тебя зовут?

— Эдуардо Паредес.

— Нет, скотина, тебя зовут Коко!

Ему нанесли несколько ударов, и допрос продолжился:

— Как тебя зовут?

— Коко Паредес.

— Нет, мерзавец, тебя зовут Эдуардо Паредес!

Новые удары.

— Не шевелись, сволочь! Ты пошевелился, скотина!

Кто тебе сказал, чтобы ты шевелился, дерьмо?

Снова град ударов.

Нашей группой руководил майор Акунья, несколько более человечный, чем другие. Мы не видели, чтобы он издевался над кем-нибудь. В «пасти», наоборот, вершились такие дела, что волосы вставали дыбом. Удары прикладом сыпались градом. Били в пах или по рукам и по ногам, когда офицеры заставляли арестованных делать «акулу» или прыгать «на четырех лапах». Удары наносились с такой силой, что можно было раздробить пальцы. То и дело слышались страшные вопли. Избивали даже одного подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Мальчик был сыном военного, который сохранил верность народному правительству. По отношению к этому пареньку мятежники были особенно безжалостны.

Несмотря на то что мы были очень запуганы, наступил момент, когда несколько наших товарищей, не выдержав, решили заявить протест или вступить за избиваемых. С большим трудом их удалось удержать от такого самоубийственного поступка.

Больше всего, повторяю, избивали Коко Паредеса. Я говорю это потому, что позднее, уже на Национальном стадионе, мы слышали официальную версию, будто бы он погиб во время вооруженной схватки с войсками. Это ложь: его забили до смерти. Бесчеловечному обращению подвергался также д-р Энрике Парис, бывший советник президента Альенде по вопросам урегулирования антинародной забастовки специалистов. Тогда мы еще не знали, что Коко убит. Только сейчас из сообщений компартии и слов некоторых товарищей нам стало известно, что над ним жестоко издевались, отрезали половые органы, а затем сообщили его матери, будто бы он скончался от «кровоизлияния в брюшную полость». Думаю, что никого из товарищей, находившихся в «пасти», о которых я упоминал, теперь уже нет в живых.

Пытки «опасных» были единственной значительной новостью в тот день. Держа руки на затылке, мы по приказу мятежников трусцой бегали по двору. Во время такой пробежки случился небольшой инцидент: у одного не очень осторожного парня из-за пояса выпало оружие, которое ему удалось пронести. Все оцепенели. Юноша лет шестнадцати-семнадцати, находившийся в нашей группе, выдал его. Снова обыск, еще более тщательный. На этот раз отобрали все, вплоть до зажигалок. Затем обоих, и доносчика и того, кого он выдал, избивали. «Тебя за то, что ты дерьмо, а тебя за то, что ты негодяй!» — приговаривал капрал. Парню, у которого оказалось оружие, обрезали волосы, так как он, ко всему прочему, был еще и здорово лохмат. А у доносчика мозги оказались явно не в порядке: он потом создавал нам немало трудностей, да и сам кончил ужасно. Позже я расскажу об этом.

Держать арестованных в беспрестанном напряжении было поручено лейтенанту Сольминьяку. Он появлялся у нас часто, отдавал какие-то распоряжения, с особым вниманием следя за людьми, находившимися в «пасти». Под глазом у него был кровоподтек. Незадолго до мятежа лейтенант сидел в тюрьме за участие в первом крупном выступлении против народного правительства — мятеже танкового полка 29 июня.

Весь день на улице раздавались крики и выстрелы. Мы строили всевозможные догадки. От солдат-новобранцев невозможно было вытянуть ни слова, хотя нельзя сказать, чтобы они вели себя как звери (по крайней мере, до сих пор).

В одиннадцать часов вечера нас перевезли на автобусах государственной транспортной компании на Чилийский стадион. Наша группа была последней. В «Такне» остались лишь «опасные» и несколько женщин, для которых специально приспособили несколько каморок. Все питали надежду, что на стадионе наше положение как-то прояснится.

На улице Унион Американа, почти у самых ворот стадиона, мы услышали стрельбу. Нам приказали лечь на пол, возможно, из предосторожности. Правда, у нас возникло подозрение, что это обычный трюк, чтобы припугнуть нас. В воротах стадиона стояли карабинеры с поднятыми вверх автоматами. Когда мы двигались мимо них, на наши головы методично опускались приклады.

Миновав холл, мы вошли в спортивный зал и застыли в изумлении: стадион был забит до отказа — тут сидело не менее пяти тысяч человек. Так здесь бывало только во время самых значительных встреч по боксу или на других интересных соревнованиях. Казалось, вот-вот начнется какое-то состязание. Лишь наверху виднелась небольшая прогалина, где был установлен пулемет 30-го калибра, обеспечивавший в помещении полнейшую тишину. Мы вошли, держа руки на затылке, и заняли единственные свободные ступени внизу.

Сколько людей было арестовано! Здесь все наши надежды на освобождение практически лопнули. В зале находились люди почти со всех промышленных предприятий Сантьяго: с текстильной фабрики «Сумар», «Тисоль», «Седилана», «Феррокрета», «Карросериас Франклин», «Орисонте», из большинства государственных учреждений. Мы увидели заместителя министра труда и социального обеспечения Лауреано Леона, заместителя министра образования Вальдо Суареса, ректора Государственного технического университета Энрике Кирберга, которого сильно избили по дороге на стадион, начальника управления тюрем Литре Кирогу. Двое последних находились здесь недолго — их очень быстро увезли. Вскоре Кирогу нашли на улице мертвым. Согласно версии фашистских газет, «его казнили собственные товарищи». Мы вели себя весьма осторожно. Несколько товарищей из министерства труда шепнули нам при входе:

— Будьте внимательны: здесь триста человек специально подосланных провокаторов. Не разговаривайте с незнакомыми! С места не сходить!

В разговор вступает К. М. А нас привезли на Чилийский стадион из Государственного технического университета в четырех изрядно потрепанных автобусах, отобранных в городе Ла-Серена у их владельцев. Шофером нашей машины был сам ее владелец.

Улочка, где находится Чилийский стадион, была заполнена людьми. Держа руки на затылке, они приплясывали на месте. Вокруг полно военных.

Нам пришлось ждать. Шофер и наши конвоиры разговаривали с нами довольно дружелюбно. По произношению чувствовалось, что это люди из провинции. Они предупредили нас, чтобы мы вели себя осторожно с их товарищами (по-видимому, имелись в виду новобранцы из Сантьяго): «Это нехорошие ребята. Они ведут себя как варвары, они даже разграбили продовольственную лавку у стадиона».

Мы выходили из автобусов через заднюю дверь. Около машин, поджидая нас, уже выстроились в две шеренги солдаты. Проходя через живой коридор, нам не удалось избежать града пинков и ударов прикладами.

Мы присоединились к толпе арестованных и тоже стали приплясывать, перебрасываясь немногими словами с ближайшими соседями. Здесь были люди с предприятия «Итон Чили» и района Ла-Легуа. Они просветили нас кое в чем. Время от времени карабинеры приводили новых «пленных». Все арестованные были босиком и наголо обриты. На улоч-

ке находились люди всех возрастов — от тринадцатилетних мальчишек до стариков. Женщин не было видно. Неподдалеку от меня стоял знакомый мужчина лет пятидесяти пяти, прежде работавший в книжной лавке Технического университета. Солдаты не осмеливались оскорблять его, как оскорбляли других. Процентом восемьдесят арестованных составляли рабочие.

Надо было набраться терпения. Нас привезли на стадион между половиной четвертого и четырьмя часами дня. В половине седьмого мы все еще продолжали приплясывать. Нам говорили: «Здесь, ребята, вам достанется. Здесь дела серьезные». Охрана состояла почти полностью из новобранцев-пехотинцев. Были также несколько морских пехотинцев-чернобереточников, которые одним своим видом давили на психику, словно свинец. Вид у них был зловещий: лица неподвижно-деревянные и холодный, каменный взгляд. Такие убивают одним ударом.

Наконец мы смогли пройти на стадион. Обыск при входе производили полицейские из тайной полиции. Им мы отдавали на хранение ценные вещи. В обязательном порядке у всех отбирали сигареты и спички. По коридору мы прошли в амфитеатр. Офицер записывал фамилию, номер удостоверения личности и адрес.

Зал произвел на нас фантастическое впечатление: на скамейках совершенно неподвижно сидели около двух тысяч человек. Приказ был строгий: не шевелиться, поэтому сидящие люди казались статуями.

Спустя некоторое время армейский полковник Эспиноса, тот самый, что позднее стал комендантом Национального стадиона, взял в руки микрофон и повторил приказ, запрещающий шевелиться. Он пояснил, что наверху, на галерее, в четырех ее углах, установлены четыре пулемета 3-го калибра, готовые в любой момент открыть перекрестный огонь.

Полковник очень гордился этими особенными пулеметами, так как они делали более тысячи выстрелов в минуту и использовались не где-нибудь, а в войсках НАТО. Но главное их достоинство, по словам полковника, заключалось в том, что эти пулеметы входили в арсенал Третьего рейха и находились на вооружении «его славной армии». Специалисты, добавил полковник, называют этот вид оружия за его эффективность «пилой Гитлера», ибо одна очередь такого пулемета может разрезать человека на две части.

Полковник Эспиноса говорил назидательным тоном наставника, которому не чужда ирония:

— Давайте, ребята, договоримся, никто не шевелится. В противном случае нам придется пустить в ход пулеметы. Вы же самые худшие представители чилийского народа, отбросы страны, так что церемониться с вами мы не будем!

Я присел на скамейку. Как оказалось, до самой субботы. А была только среда, семь часов вечера. Я уснул сидя.

В четверг было немного полегче — я смог пойти в уборную. На стадионе собралось уже более четырех тысяч человек.

По-видимому, никто не собирался предоставлять нам особый комфорт. Трубы в туалете были забиты, и жидкость лилась через край. По спортивному залу текла смесь из разных нечистот.

В одиннадцать принесли кофе. Его хватило только для половины арестованных. В следующие дни не было никакой другой пищи, кроме миски фасоли в восемь часов вечера.

Продолжает Эстебан Карвахаль. Нас пронумеровали. Я оказался три тысячи каким-то. Спали на сиденьях, в проходах, на спортивной арене. В четверг нам дали поесть — миска фасоли. Хватило только для половины людей. Мне не досталось. Объяснили все очень просто: «Мы не можем оставить без еды солдат. Сначала им, потом вам». Моей пищей в тот день была кожура апельсина — ее, по-видимому, бросили во время последней игры. Другие нашли скорлупки земляных орехов и даже сочли их удобоваримыми. Кто-то рассказывал потом, что один несчастный извлек скорлупку даже из плевательницы, когда выяснилось, что больше ничего нигде не осталось. Многие вынужденно довольствовались одной водой.

Солдаты были не из Сантьяго, а из полков, расквартированных в Антофагасте и Вальпараисо. Их то и дело меняли. С некоторыми из них мы вступили в

контакт, так как нуждались в сигаретах. Солдаты устроили здесь свой «черный рынок», хотя мы договорились между собой не платить им больше двухсот эскудо за пачку сигарет «хилтон». Цена спекулятивная, но что мы могли поделать?

Неожиданно начались драмы. Парень, выдавший товарища в казарме «Такны», стал проявлять явные признаки сумасшествия. Среди командовавших нами офицеров был один чернобереточник, человек крайне жестокий, именовавший арестованных «личным составом». Товарищи дали ему кличку «Начальник личного состава». Когда у парня голова оказалась уже здорово не в порядке, один не очень умный арестованный сказал ему: «Ты крестник Начальника личного состава». Мальчишка поверил и стал настойчиво кричать: «Крестный, крестный!» Возник переполох. Дело принимало, казалось, опасный оборот, потому что обстановка была весьма напряженной. Несколько человек отправились к офицеру с просьбой убрать этого парня, поскольку тот потерял рассудок. Офицер не обратил на просьбу никакого внимания. Позднее один новобранец, решив продолжить шутку, сказал парню: «Ты теперь сам военный». Этого оказалось достаточно, чтобы парень начал ходить из конца в конец парадным шагом, делать строевую стойку и выкрикивать слова команды. Иногда он становился очень агрессивным и досаждал всем. Однажды он совсем потерял контроль над собой. Произошло это как-то неожиданно. Неизвестно почему, возможно в результате приступа сумасшествия, он вдруг бросился на одного солдата и стал отнимать у него винтовку. Произошла схватка. Солдат рванулся назад и сумел вырваться из рук парня. Прозвучал выстрел. Мы увидели, как парень с красным отверстием в живо-

те цепляется за перила галереи (схватка произошла именно в этом месте), смотрит широко открытыми глазами, будто спрашивая, что происходит. Наконец он упал замертво. Солдат, молодой новобранец, стоял к нам спиной, опираясь на колонну. Но вдруг ноги у него подкосились, и он стал сползать вниз, пока не сел на пол. Солдат был совершенно подавлен. Вдруг, неожиданно для всех нас, он заплакал.

В разговор вступает К. М. Парень, выдавший в «Такне» заключенного, то и дело совершал глупости. Когда кто-нибудь из офицеров звал его, он отвечал: «Алло, приятель» или что-нибудь в этом роде. Товарищи потом подходили к нему, урезонивали: «Уймись ты, не подводи нас!». Он постоянно проходил через наш сектор, расталкивая всех локтями, и совершал разные другие странные поступки. Не знаю толком, как это с ним произошло, потому что случилось это за колонной, которая мешала мне видеть. Дело в том, что он совершенно неожиданно направился к солдату и попытался отнять у него оружие. Солдату удалось вырваться, и он пустил в него пулю. У солдата была автоматическая винтовка «СИК». Было видно, как пуля, оставляя красный след, исчезла в другом конце зала. По-видимому, она прошла его насквозь. Парень, которому было лет восемнадцать, попытался удержаться за перила, потом обвел всех сидящих в амфитеатре взглядом и упал. Около сердца у него растеклось красное пятно. Через пятнадцать минут пришла медсестра. Тело бросили на носилки и унесли. Позже, направляясь в уборную, я увидел за колонной лужу крови.

Продолжает Эстебан Карвахаль. Люди никак на это не отреагировали. Описанный выше инцидент научил нас многому. Один арестованный товарищ — коммунист — почему-то напал на новобранца. Тот не мог с ним справиться. Подошел офицер-чернобереточник, вырвал из рук новобранца винтовку и разmozжил товарищу лицо прикладом.

Чернобереточник всегда ходил без головного убора. Это был настоящий самодур, разговаривал он властным и в то же время слегка ироническим тоном, был жесток и одновременно остроумен. Люди такого склада встречаются иногда среди офицеров, живущих в казарме. У него были рыжие, коротко остриженные волосы, и он был похож на нациста из кинофильмов. Он ловко орудовал линчакой (линчака — нечто вроде плетки, изготовленной из нескольких бамбуковых планок, соединенных между собой прочным шнуром), с которой никогда не расставался, и был большим специалистом по каратэ. Однажды этот человек двумя ударами свалил с ног одного парня. Думаем, что он убил его насмерть. Именно этот офицер вызывал арестованных на допросы.

Когда он ударил товарища прикладом в лицо, в зале поднялся громкий ропот. Кто-то крикнул: «Подонки!» — и стали раздаваться разные другие крепкие словечки. Офицер сделал знак, и в зал, стреляя на ходу, ворвались солдаты. Мы все бросились на пол. Нам стало ясно, что совесть не будет их мучить, если они ненароком убьют кого-нибудь из нас.

Продолжает К. М. Они способны на все! Именно так все и было — я находился поблизости. Один солдат-новобранец толкнул винтовкой рабочего лет сорока пяти. Тот отреагировал очень резко — ведь нервы у всех были напряжены до предела, — бросился отнимать у него оружие. Они схватили друг друга за руки.

Но тут на помощь новобранцу подоспели другие солдаты. Рабочий попытался скрыться в толпе арестованных, находившихся на трибуне. Но едва он сделал несколько шагов, как его схватили.

Наша охрана была взбешена. Лейтенант стал избивать рабочего рукояткой маузера, пока тот не рухнул на пол. Но его и лежащего, не переставая, били прикладами, топтали сапогами. Лицо рабочего заливала кровь. Потом его увели, и больше мы ничего о нем не слышали.

Лейтенант был заносчив и отличался повышенной нервозностью. Однажды ночью какой-то парень встал и, как требовал установленный порядок, направился к дежурившему новобранцу попроситься в уборную. Получив разрешение, он двинулся по коридору, держа руки на затылке. Почти все уже спали.

— Группе оставаться на месте! — раздался вдруг резкий окрик лейтенанта. Парень не понял, что слово «группа» относится и к нему, и продолжал путь.

— Тебе сказано оставаться на месте! — снов заорал лейтенант, вскочив на ноги, и выстрелил в спину идущего из кольца 45-го калибра. Лейтенант находился метрах в десяти-пятнадцати от своей живой мишени. Парень упал. Умер он почти мгновенно.

Помимо всего прочего, не говоря уже о подлинном терроре, царившем на стадионе, офицеры всегда подчеркнуто демонстрировали свою жестокость, чтобы держать нас в постоянном страхе. Поздно вечером в среду из группы иностранцев, к которой никто из чилийцев не имел права приближаться, взяли одного парня, внешне похожего на студента, и увели в коридор. Там его заставили лечь на пол лицом вниз и зверски избили. Полковник, опасавшийся подойти поближе, громко, чтобы все слышали, закричал: — С этим негодяем я расправлюсь лично!

Парень оказался колумбийцем. Всю ночь снизу, где проводились допросы, доносились вопли. Никто из арестованных не знал, когда наступит его черед. Думая об этом, многие не могли уснуть.

Эстебан Карвахаль. Некоторых арестованных довели до самоубийства. Один из них, например, спикировал с галереи головой вниз, совершив нечто похожее на «полет ангела». Человек упал вниз лицом. Прежде чем броситься с галереи, он крикнул: — Предали народ, сволочи!

Уже лежа на полу, он все еще выкрикивал ругательства. Высота оказалась небольшой, и человек

не разбился. Его подняли и усадили на скамейку. Тогда он начал биться головой о колонну, и солдаты приязали его к скамейке.

Допросы проходили ночью. Начинались они часов в одиннадцать и кончались на рассвете. Людей вызывали с помощью микрофона. Что происходило на допросах, мы не знали. Нам казалось: если нас вызовут, значит, непременно поведут на расстрел.

Слово берет **К. М.** Парень вырвался из рук товарищей, которые держали его, пробежал метров семь и бросился вниз. Это было ужасно! Он прыгнул, когда находился метрах в двух от колонны. Его прыжок был похож на полет. Звук падающего тела был слышен во всем помещении. Несколько позже притащили носилки и его унесли.

В разговор вступает бывший военныйслужащий **Солано**. В пятницу, в девять часов утра, пришел лейтенант **Сольминьяк** с хорошей вестью, что большинство из нас выйдет на свободу. В руках у него был список. Лейтенант собрал арестованных и произнес речь, которая должна была показать его доброту. Сказал он примерно следующее:

— Руководствуясь духом вооруженных сил, мы накажем лишь преступников, связанных с предыдущим правительством. Подавляющее большинство из вас, все те, кто вступил в ряды Народного единства из-за своего идеализма, не должны ничего бояться. Но, чтобы облегчить дело, вы должны указать опасных преступников.

Лейтенант Сольминьяк открывал путь предательству. Он начал читать список, в котором наряду с другими людьми фигурировал директор управления тюрем Литре Кирога. Мы решили не отзываться, если назовут наши фамилии: было ясно, что нам угрожает смертельная опасность. Офицеры отобрали пятнадцать человек. Больше мы их не видели.

Дела обстояли очень плохо: оттуда никто не возвращался, даже если в ход пускались влиятельные связи. Мы были обречены. Нашлось, правда, одно исключение: владелец фабрики «Седилан», текстильный магнат Ананиас явился на стадион за своими людьми, поскольку почти все его рабочие были арестованы. И ему их отдали!

Всю ночь слышались крики и стоны. В зале стоял гул. Люди в тревоге обменивались мнениями по поводу одного увиденного товарища, который так и не вернулся. Вопли отчаяния раздавались совсем близко. Иногда слышались другие звуки — оружейные залпы. Солдат сказал одному из товарищей, что это означает казнь.

Что касается случаев самоубийства, то их было два. Я сам был тому свидетелем, так как находился в том секторе, откуда человек, взобравшись на перила, прыгнул вниз с криком: «Народ погиб, пришли негодяи! Да здравствует Чили!». Однако это не тот, что бросился тогда напротив колонны. Этому было лет тридцать пять, курчавый, полный, одет в белую рубашку и серые брюки. Рубашка была расстегнута, и виднелся живот, обмотанный красной тряпкой,

словно поясом. Возможно, он был ранен. Видимо, так, и на скорую руку забинтован. Человек упал между скамеек. К нему подошел солдат и перевернул его тело с помощью винтовки, чтобы убедиться, что тот мертв. Затем солдат направился к офицеру и доложил о случившемся. «Никто не смеет двинуться с места!» — последовал приказ. Вбежали солдаты, лязгая на ходу затворами.

Упавший зашевелился и вдруг начал выкрикивать: — Вояки, так вашу растак! Идите сюда, я здесь!

Прибежали несколько новобранцев, схватили его за руки и за ноги и потащили вон. Поскольку человек продолжал кричать и ругать солдат, те стали на ходу подбрасывать его вверх, трясти, швырять об пол. Его унесли вниз, в подвальный сектор, где обычно проводились допросы. Неожиданно крики смолкли и наступила полная тишина. Произошло это в четверг ночью.

Сон помог бы нам отдохнуть и забыться, но уснуть было невозможно, так как в помещении установили три мощных вращающихся прожектора, которые освещали ослепительно ярким светом все пространство. Кое-кто пытался закрывать лицо руками, но все было напрасно.

Слово берет К. М. Наверху содержались люди, которых специально разыскивали. Это были Осиель Нуньес, главный руководитель студенчества Технического университета, тамошние преподаватели Карлос Наудон, Марио Сеспедес и другие. Им при-

ходилось особенно туго. Их привезли сюда вместе с нами в среду вечером, а пищу они получили впервые лишь в субботу. Когда поблизости не было охраны, мы бросали им снизу что могли — хлеб и другие продукты.

С пятницы каждому из нас присвоили номер согласно списку. Мы обязаны были запомнить его, как сказал полковник, потому что под этим номером нас отправят на Национальный стадион. Услыхав о Национальном стадионе, мы представили себе, какое огромное число людей арестовано.

В разговор вступает Юсуфи. Однажды утром я увидел четыре трупа. Они лежали в реке Мапочо близ моста Мануэля Родригеса, между улицами Бульнес и Мануэль Родригес. В то время я еще ходил по улицам, пытаюсь заняться какой-нибудь торговлей, чтобы остаться незамеченным. Только что прошел дождь. То были трупы четырех юношей, походивших на студентов. Одежда на них была хорошая. «Произошла драка между уголовниками», — объяснял армейский офицер, стоявший возле реки с группой солдат, которые пытались вытащить трупы из реки. Люди тайком посмеивались: «Уж очень хорошие ботинки и рубашки стали носить уголовники!». Наконец тела были извлечены из реки. Грудь одного из убитых была обнажена. На ней виднелась цепочка темно-лиловых кружочков — след автоматной очереди. Тело перевернули спиной вверх. Спины, по сути дела, не было: в человека, очевидно, стреляли разрывными пулями.

В разговор вступает Хулио Пенья. Я работал в компании ЛАН (ЛАН — национальная авиационная линия). Меня арестовали в центре города. Когда я увидел приближающийся фургон с карабинами, я загнал свой автомобиль в переулок, чтобы освободить дорогу товарищам, сидевшим за рулем других машин. Им удалось скрыться, а меня схватили и привели в 7-й комиссариат, где стали пытаться электрическим током. Все было весьма примитивно, карабинеры задавали глупейшие вопросы. Меня положили на металлический стол. Чтобы пустить электрический ток, карабинеры поворачивали рукоятку какого-то механизма. Иногда механизм отказывал, и они, чертыхаясь, искали неполадки.

Затем меня отправили на Чилийский стадион. После четырех дней, проведенных на стадионе без всякой еды (пищи на всех не хватало, и приходилось пробавляться кожурой и очистками), меня стала мучить язва желудка. Боль не давала заснуть. И хотя был приказ, запрещающий спускаться в подвальное помещение, где находился медпункт, я попросил у майора Акуньи разрешения пойти туда. Майор Акунья казался самым порядочным. Он приказал одному из новобранцев: «Проводи его в медпункт и приведи обратно». Последние слова он подчеркнул, как бы говоря: «Внизу его не оставляй!», потому что большинство тех, кто уходил в медпункт, назад обычно не возвращались.

Мы спустились вниз по лестнице. Дверей внизу не было. Мне бросился в глаза длинный коридор, до предела заполненный людьми в военной форме. Кроме военных, здесь находилось много граждан-

ских лиц, которые сидели, прислонившись спиной к стене. Перед каждым из них стоял солдат, призванный охранять и избивать арестованного. В общем там находилось человек четыреста.

Мы пересекли коридор и оказались в помещении, напоминавшем большой холл. На самом деле это было продолжение коридора. В конце его находился выход на футбольное поле, забитый досками. Думаю, что в этом месте спортсмены ожидали своего выхода или делали разминку. Однако сейчас здесь было нечто такое, на что я смотрел в полнейшей растерянности. По углам холла высились три довольно высокие колонны, сложенные из... человеческих тел! Тела располагались в определенном порядке: в самом внизу вплотную друг к другу лежали четыре тела, сверху и поперек еще четыре, затем другие четыре и так далее. Все они были голые. Я насчитал от тридцати двух до сорока тел в каждой колонне. Вначале я подумал, что, быть может, это одна из разновидностей пытки, известная под названием «человеческий дворец», но вдруг понял все: люди не шевелились, не дышали.

В холле была дверь, и мы вошли в нее. Здесь и размещался медпункт. Я в некотором роде подружился с одним бритоголовым. Он оказался из нашего квартала, и, пользуясь этим, я стал заводить с ним разговор. Я задал ему совершенно идиотский вопрос:

— Этих товарищей будут допрашивать? Почему они здесь?

— Нет, это уже бутерброды, — ответил новобранец.

— Они, наверное, погибли в вооруженной схватке или в каком-либо подобном деле, да?

— Нет, их отправили на тот свет во время допросов.

Я спросил, что с нами думают делать дальше. Солдат ответил: мол, слышал, как один офицер говорил, что их просто выбросят на улицу. Позже я не раз слышал: они практикуют это. Так случилось, например, с Литре Кирогой, которого однажды ночью нашли мертвым на людной дороге, хотя всем было известно, что он арестован. Об этом даже сообщалось в газетах.

Мне сделали укол, и я вернулся наверх.

Мать И. Акосты. В Очагавии, напротив кладбища Метрополитано, на обочине дороги были уложены в ряд четыре трупа. На груди каждого лежало удостоверение личности. В другой раз мы проходили мимо того места ближе к вечеру. Там добавилось еще пять трупов.

Леон Сааведра. Целый месяц, до того как я попросил политического убежища, я ежедневно проезжал на автомобиле по проспекту Америго Веспуччи там, где он пересекается с улицей Департаменталь, — подвозил жену на работу. И каждое утро я видел там от пяти до семи трупов, лежавших на

обочине. Однажды утром мы увидели на улице Мигель Леон Прадо мужчину и женщину, лежавших на земле. Оба были мертвы. Рядом стояла и смотрела, по-видимому, супружеская пара, женщина была беременна. Неподалеку от того места, где Департаменталь пересекается с Америкго Веспуччи, есть большой пустырь, который служит городской свалкой. Говорят, за свалкой находится место, где казнят людей. Быть может, как раз оттуда и поступали эти трупы, хотя не исключено, что их могли привезти и из других мест.

Хохе. Наряду с избиениями меня пытали электрическим током, подводя его к различным частям тела. Самое сильное действие ток оказывает на язык. На половые органы — тоже ужасно. После этой пытки мне не хотелось на себя смотреть: казалось, что у меня там ничего нет. Но самое страшное, повторяю, — это язык. Он влажный, а вода передает электричество по всему телу. Ощущаешь сильнейший удар. Впечатление такое, будто тебе вырвали сразу все зубы. Человек судорожно сжимается, чувствуя, что ему не хватает воздуха, задыхается. Потом ощущает приступ рвоты, в отчаянии сжимает грудь руками, ибо удушье с каждым мгновением усиливается.

После пытки током человека бросает в дрожь, все его тело становится очень и очень чувствительным. Его все раздражает, появляется даже желание плакать. Помню, такое состояние было у меня в день освобождения. Когда допрос заканчивается, почти все арестованные подписывают две бумаги: одну — это показания арестованного, другую — документ, в котором сказано, что на допросах арестованный не

подвергался пыткам, что на него не оказывалось никакого давления. Этот документ подписывают даже те, кого уносят со стадиона на носилках. Однако мне, не знаю почему, такую бумагу подписать не дали.

Я был очень расстроен, ибо это означало, как думал я, что мои товарищи выйдут на свободу, а я останусь здесь. Мне было горестно вовсе не потому, что их освободят, — мне почему-то казалось, что им сначала позволят уйти, а потом расстреляют в спину. Позднее товарищи сказали мне:

— Если мы выйдем раньше тебя, не беспокойся: мы позаботимся о том, чтобы с твоей женой ничего не случилось.

(Серхио Вильегас. Стадион в Сантьяго. Преступления чилийской военной хунты. — М.: Прогресс, 1976)

ТЮРЬМА В ЦАРСКОЙ РОССИИ: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Наконец, дело наше подходило к концу. В Комитет же водили редко. Нам позволяли иногда выходить на полчаса в сени. Вскоре принесли обыкновенные вопросы для подсудимых: который кому год? какого исповедания? и т. д. Вслед за тем стали водить каждого, поодиночке, для утвержде-

ния подписью своего дела. Для этого назначена была особая Комиссия, в которой председательствовал генерал-адъютант Балашев. Членами были: граф де Ламберт, еще один какой-то генерал и двое сенаторов, мне неизвестных. Тут находился также и генерал Чернышев для могущих встретиться пояснений. Расскажу при этом то, что случилось со мною. Это показывает, до какой степени пристрастно действовали наши судьи. Когда меня привели в эту Комиссию и дали пересмотреть мое дело, то я заметил, что в нем не находилось бумаги, в которой я требовал очной ставки с молодым Витгенштейном и подполковником Комаровым. На этой очной ставке я надеялся убедить Комитет, что я вовсе не разделял мнения ввести в России республиканское правление и желал только ограничения верховной власти представительными собраниями. Балашев попросил Чернышева объяснить ему это обстоятельство. Тот отвечал, что действительно я писал и просил об этом Комитет, но как я уже согласился прежде на показания Пестеля, то Комитет не счел нужным удовлетворить мою просьбу и что потому именно и бумагу мою не приобщили к делу. «В таком случае, — сказал я, — мне нельзя подписать моего дела: бумага эта заключала в себе мое оправдание, а ее тут нет». — «Вы этим только повредите себе, — возразил Балашев, — без подписи дела вас нельзя будет судить, но вы останетесь в крепости; а лучше ли это, сами рассудите? Впрочем, мне кажется, можно вас и удовлетворить. Подпишите дело и пришлите от себя объяснение: оно будет приложено к прочим вашим бумагам. Я вам ручаюсь в том». Что мне оставалось делать? Я согласился и подписал, присовокупив, что прилагается мое объяснение. Когда я уходил, приказано было какому-то аудитору идти со мною в каземат и взять от меня бумагу. Оно

действительно было приложено, потому что в отчете Верховного Уголовного Суда сказано было, что трое из осужденных представляли объяснения, но они не могли быть приняты в уважение. Вероятно, этой участи подверглось и мое.

Прошел еще месяц; наступил июль. 11-го, после обеда, заходил к Бестужеву протоиерей Мысловский, а после него привел плац-майор фельдшера и спросил его, не желает ли он обриться. Бестужев согласился и был обрит в присутствии плац-майора. Потом его повели гулять в комендантский сад. Возвратившись с прогулки, он рассказал мне все, что с ним происходило, и удивлялся, что вдруг к нему сделались так внимательны. «Я предчувствую, — прибавил он, — что это недаром. Не кончилось ли наше дело и не увезут ли меня сегодня ночью в заточение на всю жизнь? Если вас освободят, то дайте знать обо мне родным и друзьям моим. Бога ради, оправдайте меня перед теми, об которых я вынужден был говорить во время следствия. Они могут подумать, что я с намерением старался запутать их. Вы были свидетелями, как меня измучил Комитет. Теперь желаю только одного, чтобы меня не разлучили с Сергеем Муравьевым, и если нам суждено провести остаток дней в заточении, то, по крайней мере, чтобы мы были вместе». Желание его исполнилось: его не разлучили с Муравьевым-Апостолом; но ему ни разу не приходило на мысль, что обоим им предстоит смертная казнь.

Проснувшись поутру на другой день, я услышал большую суматоху в коридоре. Отворяли и затворяли казематы. Плац-адъютанты, сторожа, часовые бегали то в ту, то в другую сторону. Вошедший ко

мне сторож знаками дал мне знать, что выводят Бестужева, и вдруг я услышал его голос. «Adieu, chers camarades! Je vais entendre ma sentence, je vous laisse un bout de papier comme souvenir». [До свидания, дорогие друзья! Сейчас я услышу мой приговор, я оставляю вам клочок бумажки на память (фр.). — И. П.] Это был на четвертушке перевод его Муровой мелодии: «La musique» [Музыка (фр.). — И. П.]. Мне его отдал после него сторож наш.

Не прошло и четверти часа, как взошел ко мне плац-адъютант и велел одеваться в Комитет. Окончив наскоро туалет свой, я вышел вместе с ним, и мы отправились в комендантский дом. Меня уже вели не с завязанными глазами.

Войдя в какую-то комнату, я нашел там человек двадцать моих товарищей в разных костюмах. Кто был в мундире и полной форме, кто во фраке, кто просто в халате. Между ними были и мои друзья и знакомые: Вольф, Ивашев, двое Крюковых. Некоторых я знал по слуху или видел их в обществе, иных совсем не знал. Одним словом, тут был второй разряд осужденных. Все мы были очень веселы, здоровались, обнимались, говорили друг с другом и решительно позабыли, какая ожидает нас участь. Все радовались даже минутному свиданию после шестимесячного одиночного заключения.

Вскоре пришел плац-майор с какой-то бумагою и, соображаясь с нею, стал устанавливать нас по порядку. Окончив это, он велел нам идти в этом порядке, друг за другом, в другую комнату, а потом и

далее. Отворив двери третьей комнаты, мы вдруг очутились в большой зале, перед всеми членами Верховного Суда, сидевшими на скамьях в два яруса около большого стола, покрытого красным сукном. Их было человек сто. Посреди стояло зеркало, а против зеркала сидело духовенство, митрополиты и епископы (члены Синода), потом члены Государственного Совета и сенаторы. Перед столом, по эту сторону зеркала, стояло нечто вроде наоя, за которым экзекутор или секретарь Сената прочел громко сентенцию каждого из нас. Мы решительно ничего не слушали и смотрели друг на друга: так были обрадованы нашим свиданием. Я заметил, что духовные особы привстали, чтобы посмотреть на нас, потому что зеркало мешало им нас видеть. В той стороне, где досталось мне стоять, сидел за столом М. М. Сперанский. Он был знаком с моим батюшкой и со всем нашим семейством. Я сам раза два был у него, когда был в Петербурге. Мне показалось, что он грустно взглянул на меня, опустил голову и как будто слеза выпала из глаз его. По прочтении сентенции Николай Бестужев хотел что-то говорить, но многие из присутствовавших зашикали, и нас поспешили вывести в противоположные двери.

Я уже не попал в прежний каземат мой. По просьбе нашей плац-майор посадил меня рядом с Ивашевым в лабораторной; третий товарищ наш был лейтенант Завалишин, дальний родственник Ивашева, которого прежде этого я не знал.

Весь этот день провели мы с Ивашевым в каком-то чаду, нисколько не думая о сентенции. Мы не могли наговориться, пересказывали друг другу все

случившееся с нами с тех пор, как расстались, а расстались мы около года тому назад. Он оставил меня в Тульчине, еще до кончины жены моей. Лейтенант Завалишин передал нам тоже всю историю своего участия в обществе, и таким образом мы проговорили не только весь день, но и всю почти ночь.

Мы так еще были молоды, что приговор наш к двадцатилетней каторжной работе в сибирских рудниках не сделал на нас большого впечатления. Правду сказать, он так несообразен с нашею виновностью, представлял такое несправедливое к нам ожесточение, что как-то возвышал нас даже в собственных наших глазах. С другой стороны, он так отделял нас от прошедшего, от прежнего быта, от всего, что было дорого нам в жизни, что необходимо вызвал в каждом из нас все силы нравственные, всю душевную твердость для перенесения с достоинством этого перехода. Я теперь уверен, что, если бы правительство, вместо того чтобы осудить нас так жестоко, употребило бы меру наказания более кроткую, оно бы лучше достигло своей цели и мы бы больше почувствовали ее, даже, может быть, больше бы сожалели о той доле значения в обществе и преимуществе прежнего нашего положения, которое теряли. Лишив же нас всего и вдруг поставив на самую низкую, отверженную ступень общественной лестницы, оно давало нам право смотреть на себя как на очистительные жертвы будущего преобразования России; одним словом, из самых простых и обыкновенных людей делало политических страдальцев за свои мнения, этим самым возбуждало всеобщее к нам участие, и на себя принимало роль ожесточенного, неумолимого гонителя.

Перед зарею нам велено было приготовляться, а с первым лучом света вывели всех из казематов, собрали на крепостной площади около церкви и, окружив караулом, повели вон из крепости. Мы догадались, что исполнялась сентенция. Пришедши на какой-то луг позади Кронверкской куртины, где под ружьем стояло войско, толпился кое-где народ и где в отдалении разъезжали верхом несколько генералов, около каких-то столбов с перекладинами (то были виселицы, о назначении которых никто из нас не догадывался), отделили тех, которые служили по гвардии, и повели для исполнения приговора к полкам, в которых они числились. Все прочие, между коими находились армейские и артиллерийские офицеры, гражданские чиновники и отставные, остались на месте, и сентенцию над ними приводил в исполнение санкт-петербургский обер-полицмейстер. В моем отделе были Финляндского полка полковник Митьков, гвардии капитан Пуцин, штабс-капитаны: Назимов, Репин; поручики: Розен, Цебриков, Андреев, Лаппа и я. Нас подвели к гвардейской егерской бригаде, которою командовал генерал Головин.

По прочтении опять каждому из нас его приговора ломали над головою шпагу, снимали мундир и тут же сжигали, потом надевали лазаретный халат, а по окончании всей этой церемонии повели обратно в крепость. Костюмы наши были очень смешны. Разбирать халаты было некогда: иному на маленький рост попался самый длинный, и он едва мог переступить в нем; другому на большой — коротенький; толстому доставался узкий, так, что он едва напяливал его на себя. Мы невольно улыбались, глядя друг на друга.

Меня опять посадили в лабораторную с Ивашевым, но место Завалишина занял полковник Муравьев, осужденный, но помилованный государем и назначенный на жительство в Сибирь, без лишения чинов и дворянства. Войдя в каземат свой с убеждением, что все мои отношения и расчеты с миром окончены и что остальная жизнь моя должна пройти в отдаленном, мрачном краю (тогда Сибирь не так была известна, как теперь, и об ней говорили с ужасом), в постоянных страданиях и лишениях всякого рода, я не считал уже себя жильцом этого мира и обратил все помыслы мои на то, чтобы, сколько возможно, перенести с достоинством этот переворот судьбы, не ослабнуть нравственно и, как можно лучше, приготовить себя к будущей жизни. В отношении себя собственно я был как будто не недоволен этим переворотом, потому что он, казалось, приближал минуту моего соединения с покойной женой моей и позволял мне не так оплакивать ее потерю. Будучи слабого и плохого здоровья, я никак не думал прожить долго, а настоящее положение мое было самое желательное для смертного часа. Оно не допускало меня жалеть об этой жизни и искупало много перед правосудием Всевышнего.

Император Николай показал в нашем деле такое противу нас ожесточение, такое нечеловеколюбивое понятие о самодержавной власти, а вместе с тем и такое опасение к либеральным идеям, ко всему, что имело тень оппозиции против правительства, что можно было наперед предугадать всю последующую его политику, весь ход его царствования. Видя в целой России себя только одного, он все относил к себе и считал только то справедливым, что казалось выгодным для него собственно, что согла-

совывалось с его желаниями и что упрочивало его самовластие. Надобно заметить также, что дело наше, из которого он вышел победителем и которое показало ему все раболепие, всю ничтожность высших государственных сановников, поселило в нем преувеличенное о себе понятие и усилило его власть, его самонадеянность. Люди, безусловно преданные правительству, помышлявшие только о собственной пользе, старались друг перед другом льстить, раболепствовать ему, угождать ему во всех его самовластных удовольствиях и превозносить каждое его слово, каждый поступок. Люди робкие боялись даже подумать о происшествии; наконец, те, на которых падало какое-либо подозрение в симпатии к нам, старались преданностью своею и одобрением всех мер правительства истребить это недоразумение и восстановить себя в его мнении. Стало быть, он никогда и ни в каком действии своем не мог ожидать и иметь не только сопротивление, но даже противоречие. Уста истины закрылись, глас ее замолк, и в продолжение всего тринадцатилетнего своего царствования он имел дело не с людьми, а с безгласными, униженными орудиями своего самовластия. Вот, по моему мнению, главная причина, почему в годину испытаний, когда России понадобились люди, явились простые неискусные машины, испорченные долговременным худым употреблением. Вот почему также, не привыкнув встречать препятствий, он сам как будто растерялся и, разочарованный в своем всемогуществе, не перенес этого разочарования. Обвинять его не смею и считаю даже несправедливым. Кто бы на его месте не поддался чарам самовластия и окружающей лести! Редкий бы не поверил своему назначению свыше, не счел бы себя чем-то необыкновенным, видя в продолжение тринадцати лет одну только удачу и имея постоянно перед глазами сво-

ими завесу, сотканную из раболепной преданности, лести, эгоизма, скрывающую от него все то, что было худо! Для того чтобы поступать иначе, нежели поступал он, надобно быть гением, и гением с великодушным любящим сердцем, а такие гении редки, и он им не был.

В день исполнения нашей сентенции, после обеда, пришел ко мне мой прежний сторож из Кронверкской куртины, принес с собою кое-что из оставленных там вещей моих и сообщил мне о последних минутах пяти казненных товарищей наших. Это была неожиданная и грустно поразившая меня новость. По выслушании приговора их всех посадили в Кронверкскую куртину: Пестеля — в номер Андреева, Сергея Муравьева-Апостола — в бывший мой, Рылеева — в другую комнату, в номер, который занимал до этого Бобрищев-Пушкин 1-й, а Каховского тут же в номер Розена, Бестужева-Рюмина привели в прежний свой. Им позволили написать к родным. К четверым прислали протоиерея Мыслозского, чтобы приготовить к смерти, а к Пестелю — пастора. Все они были очень спокойны, отказались иметь последние свидания с родными (Рылеев — с женой и дочерью), чтобы не расстроить их и себя. Говорили немного между собою и ожидали последнего часа с твердостью. Их вывели рано, до свету, заковав прежде в железо. Выходя в коридор, они обнялись друг с другом и пошли, сопровождаемые священником и окруженные караулом, к тому месту, где мы видели столбы. Тут их поместили на время в каком-то пороховом здании, где были уже приготовлены пять гробов, и потом, по окончании нашей сентенции, исполнили приговор Верховного Уголовного Суда. Исполнением этого приговора распорядился генерал Чернышев.

Протоиерей Мысловский был при них до последней минуты. У двоих из них оборвались веревки, и они упали живые. Исполнители потерялись и не знали, что делать; но, по знаку Чернышева, их подняли, исправили веревки и снова не взвели, а уже взнесли на эшафот. Потом, когда уверились, что все пятеро уже не существуют, сняли трупы и отнесли туда, где находились гробы, и, положивши тела в них, оставили их тут до следующей ночи. Потом свезли тайно, в ночное время, на устроенное для животных кладбище (называемое Голодай) и там, неизвестно где, закопали.

Тут рассуждений не нужно — факт сам говорит за себя. Так окончили жить пять первых политических наших страдальцев. Они проложили в России новый путь, усеянный терниями, опасностями, но ведущий к высокой цели. Вероятно, будут и еще жертвы, но, наконец, путь этот когда-нибудь уладится и по нем безопасно уже пойдут будущие их последователи. Тогда и их имена очистятся от отрицающего мрака и, освещенные благоговением потомства, озарят то место, где положили их прах.

Говорили, что будто бы протоиерей Мысловский хотел было воспротивиться второй казни двух упавших, но что Чернышев настоял на этом; что государь, опасаясь возмущения войск при исполнении приговора, уехал в Царское Село и велел каждые четверть часа присылать в себе фельдъегерей с известием о происходящем на месте казни. Некоторые утверждали, что он сам, переодевшись, был тут не узнаваемый никем. Наконец, также носился слух, что Верховный Суд не решался на смертную казнь и только потому так осудил, что ему под ру-

кою дано было знать, что государь желает самого строгого приговора, чтобы тем разительнее было его милосердие; что светлейший князь Лопухин (бывший председатель Государственного Совета), принеся государю этот приговор, не мог скрыть своего ужаса, когда увидел, что он хочет утвердить четвертование; что государь заметил его невольный ужас, спросил, что это значит, и что тогда будто бы Лопухин сказал ему причину строгого осуждения Верховного Суда и что в России такая казнь неслыханна; что император задумался и написал «повесить». Правда ли все это или нет, знают только те, между коими все это происходило, и я помещаю эти слухи и толки для того, чтобы показать, какое тогда мнение имели многие о характере покойного государя и об исполнителях его воли.

Мы ожидали, что после сентенции нас отправят сейчас в Сибирь, и, действительно, восемь человек первого разряда были вскоре увезены туда. Всю почти первую категорию разослали в разные финляндские крепости. Прочие остались в Петропавловской. Государь, окончив наше дело, отправился на коронацию в Москву. Родные наши надеялись, что в это время будет общая амнистия или, по крайней мере, значительное облечение нашей участи.

С окончанием нашего дела и с отъездом императора из Петербурга присмотр за нами несколько смягчился. Нас каждый день водили гулять по двору под надзором дежурного унтер-офицера. Мы могли разговаривать между собою, не опасаясь подвергнуть ответственности сторожа или часового. Родным позволялось иметь с нами свидание в ко-

мендантском доме в присутствии плац-адъютанта и доставлять нам некоторые вещи, как-то: платье, белье, книги и съестные припасы. У меня в Петербурге родных не было, и потому я лишен был утешения их видеть. По отправлении полковника Муравьева меня с Ивашевым перевели из лаборатории в Невскую куртину, где опять поместили рядом. Для обоих нас это было большим облегчением. Мы целый день толковали о былом, настоящем, будущем, старались взаимно поддерживать один другого и не давали друг другу хандрить. Читали книги, доставленные Ивашеву его родными, и не один раз, когда вечером запирали нашу куртину и часовые не опасались обхода крепостных офицеров, сходились вместе в одном из наших казематов. Против нас сидел князь Одоевский, очень молодой и пылкий юноша — поэт. Он, будучи веселого, простосердечного характера, оживлял наш беседу, и нередко мы проговаривали по целым ночам. Так прошло два месяца. Государь возвратился из Москвы. В коронацию нам убавили пять лет работы. Многие были уверены, что наша ссылка в Сибирь отменена, что нас продержат года два в заточении, что в это время государь при каждом случае будет уменьшать сроки нашей работы и что, наконец, позволят нам возвратиться в недра своих семейств. Но они рассчитывали без знания характера государя. В уме его уже было решено наше вечное исключение из общества, вечное разлучение с родными, наш угрожающий пример для всех тех, которые захотели бы следовать нашим путем.

Впоследствии оно так и было. В продолжение его царствования Сибирь населялась тысячами политических изгнанников.

Не помню теперь, по какой причине перевели меня опять в Кронверкскую куртину и разлучили таким образом с Ивашевым. Там я занял уже не прежний свой номер, а опять какой-то маленький каземат, подобный моему первому жилищу. Соседями моими были Луний и Кожевников. Первый был уже немолодой человек. Он начал службу свою в кавалергардском полку, вместе с нынешним графом Орловым, был известен своим независимым характером, своею любезностью, разными забавными выходками с своим полковым командиром Депрерадовичем и с самим великим князем Константином, который его очень любил и при котором в последнее время он служил. Вторым был еще юноша, кажется, подпоручик лейб-гренадерского полка. Он не был судим, а переведен только за какой-то вздор, во время 14 декабря, тем же чином в армию и оставлен на шесть месяцев в крепости. Я скоро познакомился с обоими. Тут я опять попал к прежнему сторожу.

После сентенции на пищу осужденным правительство отпускало только полтину асс. в сутки, но у кого припасены были свои деньги или кому доставляли потом родные, те получали ежедневно от плац-майора небольшую на издержки сумму, смотря по их надобностям. У меня отобрали 1700 руб. асс.; следовательно, не имея даже родных в Петербурге, я долгое время мог удовлетворять свои потребности. Плац-майор обыкновенно каждую неделю присылал мне по пяти рублей, и этих денег мне доставало и на табак, и на белый хлеб, и на проч. Посредством сторожа моего я даже абонировался в книжном французском магазине и брал оттуда книги. В крепости я прочел все романы того времени Вальтера Скотта, Купера и тогдашних известных

писателей. Сверх того, пользовался от ближних товарищей моих теми книгами, которые они получали от родных. Таким образом, я почти всегда был занят и не имел времени скучать. Я пробовал также сочинять стихи, но они выходили никуда не годные, и, убедясь, что поэзия не мое дело, я прекратил это занятие. С Луниным и Кожевниковым мы свободно разговаривали. С первым каждый день после обеда я играл в шахматы. У него и у меня были занумерованы доски, и у каждого своя игра в шахматы. Сговорясь играть, расставляли их каждый у себя и потом передавали по очереди один другому сделанный ход. Иногда игра длилась два и три часа, но тем была занимательнее, что не могло случиться необдуманных ходов или так называемых промахов. Мы оба в этой игре были равносильные, и оттого еще более она занимала нас. Нас водили также каждый день гулять: или около куртины, или в сенях, когда бывала дурная погода.

Тут мы встречались иногда с некоторыми товарищами, занимавшими отдаленные номера, и обменивались несколькими словами.

Раз как-то зашел ко мне дежурный унтер-офицер, которого мы все любили за его к нам преданность и услужливость. Вид его показывал, что он хочет что-то сообщить мне. «Жаль мне вас, господа, от всего сердца, — сказал он наконец, осмотрев сначала, не подслушивают ли его из коридора, — хотелось бы очень кому-нибудь из вас помочь, чем могу, а могу я многое, как вы сами уверитесь. Могу даже доставить вам возможность вырваться из этих стен и уплыть на корабле в Англию». — «Каким это образом, любезный друг?» — спросил я с недовер-

чивостью. — «А вот как, — отвечал он, — разумеется, для этого надобны деньги, тысяч пять-шесть сначала довольно, потом родные пришлют туда. Ну да мне и самому пришлось бы с вами отправиться: оставаться здесь мне после этого нельзя. Слушайте, как можно все это устроить. Я бы переговорил сначала с капитаном купеческого иностранного судна, они беспрестанно теперь приходят и отходят из Петербурга. Во всем условился бы с ним. Тут затруднения не будет. Корабли обыкновенно выходят ночью, потому что тогда удобнее разбирать на Неве мост. В известный день, когда судну придется выходить, под вечер, по обходе плац-адъютанта, я бы пошел с вами гулять, вывел бы за крепость и спрятал бы вас на полчаса в дровах». — «Но как бы мы вышли с тобой из крепости, когда при каждом воротах караул?» — спросил я. — «А вот не хотите ли полюбопытствовать когда-нибудь, — отвечал он, — так хоть, для примеру. Потом, — продолжал он, — воротясь один в куртину, я сам бы осмотрел и запер казематы, а ключи отнес бы плац-майору. У вас на постели можно заранее приготовить так, чтобы часовому, если ему вздумается посмотреть в окошечко, показалось, что вы лежите и спите. По окончании всего, когда совсем стемнеет, я бы явился к вам, и через несколько минут мы оба были бы на судне. Тут капитан спрятал бы нас до прохода через Кронштадтскую брандвахту. Эту брандвахту корабли обыкновенно проходят перед светом, а с наступлением дня мы были бы совершенно безопасны. В каземате же не хватились бы вас до девяти часов утра на другой день, т. е. до тех пор, пока не станет ходить плац-адъютант. Да и тогда не знали бы, что делать и где вас искать. Разумеется, скоро бы догадались, что это моя проделка; но им и в ум бы не пришло, что мы спаслись на корабле; а если бы и пришло, наконец, то в это время мы были бы

уже далеко и вне погони. Видите, как это легко, — сказал он, — но для этого нужны деньги и решимость. У меня ее станет. Я уже предлагал это одному из ваших, и он бы очень мог, потому что богат, и родные его в Петербурге, но вы все, кажется, не потеряли надежду на милость государя, а я так совсем не надеюсь на нее для вас — не такой он человек».

Все, что он говорил, как я сам убедился потом, было дельно и удобоисполнимо. Раз даже, гуляя со мной, он, для доказательства, вывел меня из крепости без всякого затруднения. Караул, стоявший на крепостных воротах, не обратил даже на нас внимания. Но у меня не было ни средств, ни желания воспользоваться его предложением. Я и теперь считаю, что было бы малодушно, нехорошо, если бы кто-нибудь из нас захотел отделить свою судьбу от судьбы своих товарищей. Из всех нас никто не подумал даже уклониться бегством от предстоящей ему участи. Один только Тургенев отсутствием своим избежал заключения и ссылки, но он был за границую, когда умер покойный император Александр и началось наше дело; зная же наперед, как оно будет обсуждено, не явился ни к суду, ни после осуждения своего. Следовательно, он не прибегал к бегству, а только воспользовался случайным для него обстоятельством.

Наступила глубокая осень — никого из нас еще не отправляли. Я сделался болен: у меня отнялись почти ноги и возобновилось кровохарканье. Плац-майор предложил мне перейти в лазарет; но я не согласился, опасаясь, что, пока буду там лечиться, товарищей моих увезут в Сибирь, а меня оставят

потом в крепости. Это опасение было для меня хуже болезни, которую по этой причине я старался скрывать даже от лекаря: во время его посещений я уверял его, что мне лучше и что если я буду на воздухе, то скоро совсем поправлюсь.

Долгие осенние и зимние вечера и нескончаемые ночи особенно утомительны в заключении. Я это испытал на себе. Без движения хорошего сна не могло быть, тем более что грудная боль и ломота в ногах не позволяли мне долго оставаться в одном положении. Как ни любил я чтение, но целый день, и в особенности вечер, при тусклом свете тоненькой сальной свечи или вонючего ночника, читать постоянно было невозможно. С соседями своими мы переговаривали все, о чем можно было говорить; да и сверх того, по слабости и грудной боли, я не мог громко и долго говорить. Шахматы тоже не так уж развлекали меня и даже утомляли. Одним словом, я с нетерпением ожидал какой-нибудь перемены и молил Бога, чтобы скорее отправили меня в Сибирь. От родных своих я не имел никакого известия. Я знал, что никому из них нельзя было приехать в Петербург. Писем также не надеялся получить от них: им нельзя было знать, где я нахожусь после сентенции и позволено ли иметь переписку с нами. Я даже не желал, чтобы братья писали ко мне, потому что боялся за них, если бы они вздумали показать особенное ко мне участие.

Была уже зима, и прошел праздник Рождества. После Крещения 1827 года я узнал, что некоторых из нас стали куда-то увозить, и нетерпеливо ожидал своей очереди, не без боязни, однако же, чтобы не отправили в какую-нибудь крепость. Раз как-то,

около 20 января, вошел ко мне плац-майор и спросил, есть ли у меня что-нибудь теплое. «Не хотят ли меня отправлять, Егор Михайлович?» — спросил я. — «И нет, батюшка, — возразил он. — Куда отправлять, разве по домам. (Надобно знать, что он каждому из нас при всяком посещении своем повторял одно и то же: что нас простят непременно.) Я спросил об этом у вас для того, что тепловатое платье необходимо для прогулок, — прибавил он. — Видите, какой холод!» — «У меня ровно ничего нет, — отвечал я, — кроме этого сюртука и двух подушек». — «Не беспокойтесь, все это будет», — сказал он. Тогда я спросил, на какие же деньги и у него ли те, которые отобрали у меня на дворцовой гауптвахте. «Об деньгах не заботьтесь: были бы здоровы, деньги будут», — отвечал он, поспешно выходя из моего каземата.

Я был уверен, что меня скоро отправят; и в самом деле, вечером он опять явился ко мне в сопровождении сторожа, несшего небольшой чемодан и кое-какие вещи. «Вот вам и белье, и тулуп, — сказал он, указывая на сторожа. — Одевайтесь потеплее». Я открыл чемодан, нашел в нем две пары шерстяных носок, теплые сапоги, шапку, перчатки и три довольно толстые рубашки. Жиденький тулупчик, покрытый нанкою, куртка и брюки из толстого солдатского сукна дополняли этот гардероб. Надев наскоро и при помощи сторожа (потому что я был очень слаб) теплую обувь и принесенное платье, а сверх него тулуп, я отправился вместе с плац-майором, поддерживаемый сторожем, в комендантский дом. Другой сторож нес за нами чемоданчик с остальными вещами. Войдя из передней во вторую комнату комендантского дома, я нашел тут трех моих товарищей: Фонвизина, Вольфа, Фролова. С

первым я был знаком еще в Тульчине: он командовал тогда бригадой. Со вторым был очень дружен, а третьего совсем не знал. Мы дружески, но грустно поздоровались. Вскоре вошел комендант, генерал Сукин, с бумагою в руках. Он был без ноги и ходил на деревяшке. Ловко повернувшись на своей деревянной ноге, он громко сказал: «Государь император приказал исполнить над вами приговор Верховного Суда и отправить вас в Сибирь». Потом, быстро повернувшись опять, в ту же минуту ушел. Тогда плац-майор дал знак стоявшему тут поручику гарнизонной артиллерии Глухову. Тот вышел и воротился вскоре с фельдъегерем и с солдатом, несшим цепи. Нас посадили, надели кое-как железа, сдали фельдъегерю и вывели на крыльцо, где ожидали уже четыре жандарма и пять почтовых троек в открытых санях.

(Басаргин Н. В. Записки. — Красноярск: Кн. изд-во, 1985)

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ КАТОРГИ

В России конца XIX столетия с организацией стабильной тюремной системы и уголовного розыска при интенсивном росте преступности начинается формирование иного мира преступников, деятельность которых в новых условиях нуждалась в определенной консолидации с целью обеспечения собственной безопасности. Наиболее активно этот процесс проходил в среде рецидивистов. Отмечалось, что все мошенники и воры дели-

лись на группы и классы, каждый со своей специ-альностью.

Преступный мир России, как и других капиталистических стран, был разнообразен не только по социальному составу, но и по роду противоправной ориентации (воры, мошенники, грабители). К началу XX века в местах лишения свободы, преимущественно на каторге, сформировалась определенная иерархия осужденных. Ее составляли четыре касты преступников, объединенных по убеждению, криминальной квалификации, положению в уголовной среде и физическим особенностям. Эти, выражаясь современным языком, неформальные группы, по словам С. В. Максимова, распоряжались жизнями осужденных, были их судьями и законодателями, приводили в исполнение «приговоры».

Они подразделялись на «иванов», «храпов», «игроков» и «шпанку».

К «иванам» причисляли себя заключенные, которые занимались грабежами, терроризированием каторжан, стараясь утвердить свое влияние.

«Храпы» стремились делать все чужими руками. Их еще называли «глотами», так как они способствовали возникновению ссор между каторжанами, во время которых принимали сторону сильных в расчете получить какую-то выгоду.

«Игроки» — это каста, состоящая из профессио-

нальных игроков в азартные игры, нередко карточных мошенников (шулеров).

«Шпанка» представлялась низшим сословием каторжан, всеми эксплуатируемых, забитых и, как говорили о них, «от сохи на время».

Ознакомившись с бытом и нравами каст, В. Дорошевич писал, что они, кроме «шпанки», — «аристократы каторги и ее правящие классы». Однако это несколько преувеличенная оценка роли уголовных каст на каторге. Из данных самого же Дорошевича видно, что их члены не были связаны между собой уголовно-воровскими обязательствами, не имели между собой каких-либо более или менее стабильных правил поведения, «законов» и т. п. Элементы дисциплины и власти наблюдались лишь у «игроков». Будучи, очевидно, образованнее и более развитыми по сравнению с другими заключенными, располагая определенными суммами денег, имея свое окружение и даже телохранителей, «игроки» действительно навязывали свою волю всей каторге, в том числе и администрации. Они имели даже своих «рабов» — каторжан, проигравших жизнь в азартной игре (под названием «три косточки»).

На сахалинской каторге среди заключенных были и другие категории. Например, «сухарники», которые за вознаграждение выполняли чужую работу или брали на себя преступления других лиц. Кстати, эта специфическая группа существовала и в других местах лишения свободы. Обычно ее составляли лица, осужденные к длительным срокам наказания. Чтобы выжить, они продавали себя.

Наиболее малочисленная неформальная группа включала тюремных ростовщиков, или барышников (на жаргоне «асмадеи»). Большой частью этим занимались профессиональные бродяги, называемые в преступном мире (и полиции) «иванами, не помнящими родства».

ТЮРЕМНАЯ ИЕРАРХИЯ

Характеристика структуры и динамики преступности России дореформенного и пореформенного периодов отражает лишь общее ее состояние. Однако не меньший интерес представляют вопросы, связанные с непосредственной деятельностью преступников, их внутренним миром, особенностями криминальной профессии. Ответы на них позволяют проследить преемственность многих сторон профессиональной преступности. Поэтому криминологическую характеристику категорий профессиональных преступников целесообразно начать с конца XIX века. И не только из-за ограниченности источников информации, а главным образом из-за того, что в более ранний период профессионального преступного мира в том понимании, в каком мы его представляем теперь, не существовало.

В период централизации и укрепления русского государства преступность в своей массе характеризовалась множественностью различных деяний с выраженным примитивизмом их совершения. В то время не было, как известно, даже общеуголовных тюрем. А именно в местах лишения свободы возни-

кают традиции профессиональных преступников, различные касты, формируется уголовно-воровская психология.

В этой связи нельзя не сослаться на «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского — единственное в своем роде произведение, посвященное жизни общеуголовной тюрьмы (каторги) России первой половины XIX столетия. Известно, например, что полицейские чиновники в «профилактических» целях принудили писателя после прочтения ими первого варианта его произведения сгустить краски в характеристике осужденных в их взаимоотношениях, дабы каторга не показалась обывателю местом проведения досуга. Но даже несмотря на умышленное и довольно серьезное преувеличение преступлений каторжан, среди них нет ни одного типа, которого можно было бы отнести к категории опытных профессионалов. Не имеется также, несмотря на подробное описание жизни и быта каторги, упоминания о каких-либо кастах, тюремном «законе» и других явлениях, свидетельствующих о сплоченности и организованности уголовной среды. Хотя, безусловно, какие-то отдельные элементы внутригрупповой дисциплины просматриваются, что типично для коллективного поведения людей, находящихся в условиях ограниченной свободы. Причем в местах изоляции от общества эти процессы должны протекать наиболее интенсивно, создавая так называемую вторую жизнь тюрьмы.

Однако предположить, что Ф. М. Достоевский, будучи наблюдательным и профессиональным писателем, находясь четыре года на каторге, не заметил их, очевидно, нет оснований. Дело в другом. Катор-

га в целом была населена забитыми, неграмотными крестьянами и бывшими солдатами, не имевшими связи между собой в условиях свободы, которые даже не смогли высказать «претензию» плац-майору и разошлись при первом же его окрике. Такое может произойти только при отсутствии лидера из числа профессиональных уголовников. Характерно, что спустя 40 лет совершенно иная картина предстает в записках А. П. Чехова о сахалинской каторге (Чехов провел там большое социологическое исследование). Несколько позже о быте и нравах каторжан подробно написал В. Дорошевич, проживший на Сахалине больше года и специально изучавший уголовную среду.

ВОРОВСКАЯ ПРИСЯГА

Кандидатам в группировку внушалась мысль об исключительной роли «законников», их особом положении, о предназначении устанавливать справедливость и порядок в преступном мире. Пополнение группировки осуществлялось вне зависимости от условий и мест нахождения «воров в законе», а процедура приема не допускала никаких отступлений от установленных правил.

Вот любопытный случай, описанный в литературе 50-х годов. В одном из транзитно-пересыльных отделений УИТК Красноярского края, где в 10 камерах содержались «воры в законе», прием осуществлялся следующим образом. Поскольку условия изоляции исключали сходку, вопрос обсуждался с по-

мощью переписки. Рекомендующие воры направили по камерам записку («ксиву»), в которой говорилось, что принимаемый («малютка») имеет определенные качества и заслуги. В частности, у него «поведение и стремления только воровские», он «длительное время нарушал дисциплину и почти не выходил из барака усиленного режима, несколько месяцев по поручению воров организовывал в одном из подразделений сбор денег с заключенных («благо воровское»)». Хотя он и молодой, но мысли у него только существенные и воровские, — писали поручители. — Мы рады, что к нам в семью прибывают новые воры».

Первая камера ответила: «Будет вором этот пацан. Бог ему навстречу!». Вторая камера также была не против, «если душа у него чистая». В таком же стиле выразили свое одобрение и другие камеры, после чего прием состоялся.

Прием в сообщество в условиях свободы облачался в рамки торжественности. По данным В. И. Монахова, существовала даже присяга, которую принимали публично «воры в законе». Текст ее был примерно такой: «Я, как пацан, встал на путь воровской жизни, клянусь перед ворами, которые находятся на сходке, быть достойным вором, не идти ни на какие аферы чекистов».

Рецидивисты, принятые в группировку, переходили в качественно новую криминальную категорию и должны были беспрекословно выполнять требования воровского «закона», представляющего собой совокупность выработанных преступным опытом

норм поведения. Все постулаты «закона» направлялись исключительно на укрепление и сохранение данной группировки, на ее паразитическое существование не только в обществе, но и внутри антиобщественной среды. Устанавливаемые неформальные нормы поведения были не лишены психологического смысла, учета конкретной социальной и правовой обстановки. Высокая степень их общественной опасности заключалась в организующей роли воровских «законов» и заражении ими других правонарушителей. Не случайно в 50-е годы предлагалось ввести уголовную ответственность за принадлежность к «ворам в законе», которые, по словам А. Дымерского, приспособлялись и сохраняли свое влияние на осужденных с помощью уголовных традиций.

Законов, посредством которых члены группировки осуществляли преступную деятельность, достаточно много, поскольку они регулировали образ жизни членов данного сообщества — отношение к труду, к администрации ИТУ, другим осужденным, к самим себе... Некоторые из них, касающиеся преимущественно внешней стороны антиобщественного поведения, описаны В. И. Монаховым и Ю. А. Вакутиным. Целесообразно дифференцировать их на основные и второстепенные неформальные нормы. Наибольший криминологический интерес представляют первые, регулирующие жизнедеятельность сообщества в целом (второстепенные касались взаимоотношений воров друг с другом).

БЛАТНЫЕ «ЗАКОНЫ»

К основным «законам» сообщества рецидивистов можно отнести *семь основных правил*:

1. Главной обязанностью члена группировки являлась беззаветная поддержка «воровской идеи». Предательство, совершенное под пытками, в состоянии наркотического опьянения и даже расстройств психики, не могло считаться оправданием. Вору запрещалось также заниматься общественно полезной деятельностью, а на первоначальном этапе — иметь семью, поддерживать связь с родственниками. Например, встречавшаяся у рецидивистов 40—50-х годов татуировка «не забуду мать родную» имела в виду воровскую семью, ставшую для них как бы матерью.

2. Второе правило запрещало вору иметь какие-либо контакты с органами правопорядка, кроме случаев, связанных со следствием и судом. Оно было направлено против возможных случаев предательства интересов группировки. У воров существовала даже особая клятва — «легалым буду, если что-то...».

3. Третье требование «закона» предписывало членам сообщества быть честными по отношению друг к другу. Вор, например, не мог оскорбить или ударить соучастника, не имел права на него замахнуться. Что касается отношений к не членам касты, то здесь разрешалось делать все, что содействова-

ло укреплению авторитета группировки. Не случайно «законники» считали себя «князьями» в преступной среде.

4. Четвертое правило обязывало «воров в законе» следить за порядком в зоне лагеря, устанавливать там полную власть воров. В противном случае они отвечали перед воровской сходкой.

5. Пятое положение «закона» требовало от воров вовлечения в свою среду новых членов, поэтому они вели активную работу среди молодежи, особенно с несовершеннолетними. Система вовлечения, по словам воров, была достаточно эффективной. Новичков обольщали «воровской романтикой», «красивой жизнью», свободной от обязательств перед обществом, соблазняли властью денег и культом насилия. Их приучали к водке, наркотикам, сводили с воровскими проститутками. С другой стороны, их били и шантажировали, заставляли брать на себя вину за преступления, совершенные ворами. Последнее было чуть ли не основным мотивом вовлечения молодежи.

В местах лишения свободы члены группировки использовали кандидатов («пацанов») для различных поручений — сбора средств для общей кассы («общака»), а нередко — в сексуальных целях. Таков был путь в воровское сообщество почти у каждого вора, что, несомненно, способствовало формированию у него цинизма, жестокости и презрения к нравственным социальным ценностям.

6. Шестое правило запрещало преступникам интересоваться вопросами политики, читать газеты, выступать в качестве потерпевших и свидетелей на следствии и в суде.

7. Самым «принципиальным» положением являлось обязательное умение члена группировки играть в азартные игры, что имело существенное значение. Игры помогали общению, установлению власти над другими заключенными, у которых воры выигрывали не только имущество, но и жизнь, создавая тем самым окружение смертников для выполнения особых поручений. Игры, в которых ставкой была жизнь, именовались «три звездочки» или «три косточки». Эта традиция сохранилась со времен царской сахалинской каторги.

Принадлежность к воровской группировке обозначалась татуировкой, изображавшей сердце, пронзенное кинжалом (в последующем это стали масти тузов внутри креста). Татуировки были не только средством самоутверждения, но и выполняли коммуникативную роль, так как с помощью их рецидивисты распознавали друг друга. Причем другие преступники знак «вора в законе» не могли носить под страхом смерти.

Многие нормы воровского «закона» касались поведения рецидивистов в ИТУ. Как и в условиях свободы, им запрещалось трудиться. Они были обязаны помогать друг другу, в том числе и материально. Этому способствовала специальная воровская касса, которая пополнялась с помощью систематических поборов с осужденных. В условиях свободы

таких касс не было, каждый обязан был жить на добытые воровством средства.

Находясь в местах лишения свободы, «воры в законе» организовывали противодействие администрации, принуждая ее нередко идти на компромиссы. Отмечались случаи, когда администрация лагерей обращалась к помощи воров для наведения общего порядка, выполнения плана и т. п.

Таковы основные положения и роль неформального «закона» группировки. Однако в жизни их было гораздо больше. Например, устанавливался ритуал проведения сходки, на которой воры должны были присутствовать без оружия, регламентировался процесс суда над виновными. Причем «закон» не был чем-то неизменным, раз и навсегда установленным правилом, как это стараются подчеркнуть сами рецидивисты. Напротив, он модифицировался и совершенствовался в зависимости от тех или иных социальных и правовых условий в обществе. Данное обстоятельство отмечалось еще специалистами 50-х годов.

БЛАТНЫЕ САНКЦИИ: 1

Исследователи и сами «воры в законе» 50-х годов указывали на стабильность группировки рецидивистов, в связи с чем представляет научный интерес причина данного явления, тем более что к фактору постоянства часто относили «воровскую

идею». Мы не станем затрагивать роль укоренившейся антиобщественной установки преступника — это понятно. Изучение показало, что в основе сплоченности профессиональных преступников лежали их организованность и безальтернативные санкции за нарушение неформального «закона» (в середине 50-х годов выход из группировки, например, был разрешен лишь при наличии серьезных оснований — болезни, женитьбы). У воров существовали три вида наказания. Первое заключалось в публичной пощечине. Оно назначалось за мелкие провинности, чаще оскорбления. Второе — исключение из группировки («бить по ушам») или перевод в низшую категорию — «мужиков». Третье, наиболее распространенное, — это смерть. Как отмечали очевидцы и ученые (В. И. Монахов, Ю. А. Вакутин), в случае нарушения основных требований «закона» вор не мог рассчитывать ни на какое снисхождение. Изменившего воровской «идее» рецидивиста группировка преследовала до тех пор, пока не приводила в исполнение решение сходки. Сходка определяла процедуру и орудия мести.

ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ГРУППИРОВКОЙ

Криминологический интерес вызывают сведения об организационной структуре воровской группировки и руководстве ею. Отмечается, что «воры в законе» не представляли собой какой-то цельной группы, действующей на определенной территории, имевшей руководителей, как это было и есть в мафии ряда капиталистических стран. В этом аспекте

сообщество рецидивистов в целом несравнимо с известными нам формами объединений преступников, так как оно базировалось на основе неформального «закона», действовавшего на территории страны, преимущественно РСФСР. К тому же, группировка не имела мест дислокации и зон своего влияния.

В местах лишения свободы «воры в законе» объединялись в «семьи», на свободе — в общины, которые были в любом населенном пункте, где имелось хотя бы несколько членов группировки. Общины делились (условно) на небольшие группы по два-три человека, каждая из которых занималась определенным видом преступлений. Например, одна состояла из карманников, другая — из квартирных воров, третья — из транспортных и т. п. Всего в группировке зарегистрировано десять таких специальностей или категорий преступников. Однако эта дифференциация, приведенная В. И. Монаховым со слов нескольких воров, вставших на путь совершения преступлений в 20-е годы, не полностью отражает среду рецидивистов 50-х годов. Например, такие разновидности воров, как лица, крадшие сохнувшее белье («голубятники») или продукты питания с лотков на рынке («воздушники»), могли бы дискредитировать группировку, поскольку во все времена они относились к мелким правонарушителям. По нашим данным, до 80 процентов членов группировки были карманными ворами.

(Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. — М.: Юрид. лит., 1990)

«АВТОРИТЕТЫ»

Это профессиональные преступники, занимающие определенное положение в уголовной среде, пользующиеся в силу разных причин и обстоятельств признанным авторитетом. Такие лица есть среди карманных и квартирных воров, мошенников, расхитителей государственного имущества, скупщиков и сбытчиков антиквариата и других преступников.

Эта категория дифференцируется на две группы. Первую условно можно отнести приблизительно к «ворам в законе», из них рекрутируется воровское сообщество. В зависимости от особенностей преступной деятельности и местных, региональных условий «авторитеты» получили разные жаргонные обозначения, что создало неправильное мнение о большом числе самостоятельных, обособленных группировок, имеющих якобы присущую им иерархию, — «фрайера», «козырные фрайера», «блатные», «сваяки» и т. п.

Вторая группа преступников является независимой в силу своих материальных возможностей. Она имеет окружение, личную охрану, консультантов. Чаще всего в роли «авторитетов» выступают крупные шулера и вымогатели, с которыми «воры в законе» вынуждены считаться и идти на определенные компромиссы.

В целом анализируемая категория преступников

придерживается правил поведения, характерных для «воров в законе», но в отличие от них не может:

- созывать воровские сходки, организовывать общие денежные фонды в местах лишения свободы или распоряжаться средствами созданных касс;
- участвовать в воровских сходках с правом решающего голоса, принимать решения, относящиеся к компетенции «воров в законе»;
- осуществлять судейские функции, за исключением права разрешать конфликты, возникшие в своем окружении.

Отдельных лиц из числа этой категории преступников «воры в законе» назначают ответственными за определенный участок противоправной деятельности. Но может быть выдвинуто и другое лицо, которое сразу же занимает положение «авторитета» зоны; в отдельных случаях ему выдается документ («мандат»), подтверждающий полномочия. Более того, если в ИТУ того или иного региона нет «воров в законе», то «смотрителя зоны» назначают преступники, находящиеся на свободе.

«МУЖИКИ» И «ПАЦАНЫ»

Это лица, занимающие обособленное положение по отношению к другим неформальным объединениям осужденных. По своему составу и положению они неоднородны. Многие из них, особенно осужденные за хозяйственные преступления, вступают в актив ИТК, хорошо работают, лояльно относятся к администрации и правилам внутреннего распорядка, имеют намерение условно-досрочно освободиться (что недопустимо среди «авторитетов», по крайней мере во внешнем проявлении).

Вместе с тем некоторая их часть, преимущественно молодежь («пацаны»), осужденная за разбои, грабежи и кражи, стремится примкнуть к «ворам в законе». В тех ИТУ, где влияние последних ощутимо, они придерживаются определенных воровских норм поведения. Причем в ИТУ Средней Азии и Грузии «законников», по мнению самих преступников, поддерживают до 80 и даже до 100 процентов осужденных, в России — в колониях строгого и особого режимов — 50 процентов, усиленного режима — еще меньше, а в колониях общего режима вообще мало кто их знает.

Для лиц, поддерживающих «воров в законе», типичны следующие особенности поведения:

- стремление быть независимыми, одобрение и выполнение общих неформальных норм, сложившихся в среде осужденных;

- обращение с жалобами к «ворам в законе» в случае ущемления их прав со стороны членов других группировок;
- уклонение от уборки мест общего пользования; стремление иметь запрещенные предметы.

С целью получения льгот они проникают в актив осужденных и живут по принципу «себе на уме».

Необходимо отметить, что среди «мужиков», содержащихся в колониях строгого, особого режимов и в тюрьмах, в последнее время выделяется особая разновидность осужденных, именующих себя «бандитами». Действуют они и в условиях свободы. Их основная цель — противостоять, мстить «ворам в законе» и их пособникам. В отличие от основной массы «мужиков», эта категория представляет собой организованную часть осужденных, имеет своих лидеров, общую кассу. Они выявляют «законников», стремятся их скомпрометировать, в том числе посредством провокаций. В колониях, где авторитет «бандитов» высок, они совершают над «ворами» акты мужеложства («опускают»), после чего последние теряют авторитет даже среди своего окружения.

«ОБИЖЕННЫЕ», ИЛИ «ОПУЩЕННЫЕ»

Это осужденные, которые отвергнуты всеми другими. Данная категория формируется в процессе противоречий, возникающих между осужденными в СИЗО, ВТК, ИТК и тюрьмах, из числа лиц, подвергнутых насильственному гомосексуализму, осужденных за пассивный гомосексуализм, развратные действия в отношении малолетних детей, изнасилование несовершеннолетних. Характерно, что эти лица крайне отрицательно относятся к «ворам» и их пособникам, но между ними как в местах лишения свободы, так и вне их отсутствует устойчивая связь (они не объединяются в группировки, не живут так называемыми «семьями»). После освобождения из ИТУ часть их пополняет ряды бродяг.

«ДОСТОЙНАЯ» СМЕНА

Исследование показало, что аналогичные стратификационные процессы наблюдаются среди несовершеннолетних устойчивых преступников. Они также дифференцируются на категории, придерживающиеся уголовно-воровских традиций и занимающие определенное положение в криминальной среде. По данным Н. М. Якушина, в последние 15 лет выделились такие категории несовершеннолетних преступников, которые, будучи связаны неформальными нормами, получили назва-

ние «воров в законе», «шерстяных», «борзых», «пацанов», «опущенных» и т. п. Это наблюдается как в условиях свободы, так и в целом ряде специальных школ для несовершеннолетних правонарушителей, в ВТК. Участники неформальных групп несовершеннолетних во многом копируют свой антиобщественный образ жизни с профессиональных преступников, при этом, модифицируя их «законы» и традиции применительно к специфике ВТК и подростковой психологии, устанавливают новые правила межличностных отношений, которые по жестокости и «принципиальности» значительно превосходят нормы, бытующие у взрослых преступников. Заражение воровскими «идеями», как показало изучение, наиболее типично для областных и межреспубликанских больниц, где концентрируются «воры в законе» и где несовершеннолетние находятся вместе со взрослыми, имея возможность постоянного с ними контакта.

Типичным отражением уголовно-воровских традиций в поведении несовершеннолетних являются создаваемые ими группировки в Казани, Ульяновске, Йошкар-Оле, которые, помимо всего прочего, собирают средства для общих касс профессиональных преступников с целью оказания помощи осужденным, находящимся в местах лишения свободы.

НЕ ПОПАВШИЕ В КАСТУ

Кроме перечисленных выше уголовно-профессиональных категорий, существует значительное число преступников, формально в их состав не включенных, находящихся как бы за рамками. Они имеются среди воров, мошенников, грабителей, вымогателей и достаточно полно усваивают статус профессионального преступника в среде уголовных элементов. Не случайно при распределении осужденных по производственным бригадам большинство из них стремится попасть в те коллективы, где есть лица, судимые за аналогичные преступления. То же самое отмечается в поведении профессиональных преступников, находящихся в условиях свободы. У карточных мошенников, например, существуют правила, обязательные как для участников групп, так и для профессионалов-одиночек, особенно касающиеся безопасности совершения преступлений, уплаты долга, опознания лиц, принадлежащих к категории шулеров. Карманные воры выработали даже специальный термин «блат блатованный», что означает обязательное оказание помощи группе в случае обнаружения наблюдения со стороны милиции карманником, не входящим в ее состав и оказавшимся на месте случайно. Более того, профессиональные преступники, не объединенные рамками неформальных групп, часто знают друг друга, посещают одни и те же места времяпрепровождения, обращаются по тем или иным вопросам к «авторитетам» уголовной среды.

СИСТЕМА КРИМИНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Важный элемент субкультуры профессиональных преступников — постоянное осуществление связи между ними и способы передачи информации. Эта система совершенствовалась многими поколениями профессионалов. Одним из основных способов является зашифрованная информация, передаваемая через связника, что чаще всего наблюдается в местах лишения свободы (к этому прибегал еще преступный мир дореволюционной России). Сведения шифруются цифрами на бумаге, материи либо в печатных изданиях (книгах, журналах) и обязательно подписываются составителем. У каждого «вора в законе», например, есть своя подпись, которая заранее известна адресату: указываются первые буквы имени и клички автора письма. Такого рода переписка называется в уголовной среде «ксивами» или «малявами». Если письма носят характер «инструкции», то их подписывает группа лиц, от имени которых они составлены.

Следует отметить, что такие письма являются своего рода охранными грамотами. Связника никто не имеет права обидеть, притеснить — наоборот, все уголовники обязаны оказывать ему содействие.

Информированность профессиональных преступников и способы передачи тех или иных сведений характеризуются исключительной оперативностью (быстротой). Так, при переводе осужденного из одной колонии в другую, не зная заранее, когда имен-

но и куда его направят, преступники через одну-две недели узнавали о его новом месте отбытия наказания и организовывали преследование, если он предал их интересы.

Небезынтересно отметить, что профессиональные преступники применяют не только современные коды, но и положения тарабарской грамоты феодальной России.

БЛАТНЫЕ САНКЦИИ: 2

Особенностью субкультуры профессиональных преступников является ее непосредственная связь с поддержанием дисциплины и безопасности в их среде. Поэтому не случайно вводятся клятвы, устанавливаются санкции за допускаемые нарушения уголовно-воровских норм, существуют третейские суды. Абсолютное большинство из числа опрошенных оперативных работников уголовного розыска подтвердили распространенность в преступной среде различных видов наказания и встречались с ними в своей практической деятельности, в том числе: 62,2 процента из них были очевидцами избития; 26,7 процента — наложения штрафных санкций; 22,2 процента — лишения жизни; 74,4 процента — угроз.

Однако на смену физическим мерам воздействия все чаще стали приходиться меры материального характера. Особенно к ним тяготеют спекулянты,

расхитители, карточные мошенники, сбытчики культурных ценностей. Штраф может назначаться за опоздание на деловую встречу (стоимость одной минуты ранее колебалась от 25 до 100 руб.), за обман, непроверенные сведения, невыполнение обязательств и т. п. Сумма штрафа определяется в зависимости от тяжести совершенного проступка. Например, в Узбекистане при освобождении из мест лишения свободы «вор в законе» М. самовольно взял из общей кассы 40 тыс. руб., на которые купил автомашину и дом. После проведенного разбора постановлением «сообщаковой братвы» его обязали вернуть деньги и уплатить штраф в размере 60 тыс. руб.

С целью недопущения перерастания конфликтов в открытую борьбу, которая может привлечь внимание работников правоохранительных органов, а также восстановления «справедливости» профессиональные преступники имеют третейские суды. В роли судей выступают, как правило, «воры в законе» (у расхитителей — свои судьи), а при возникновении конфликта между двумя группировками из разных городов участвуют лица из третьего города. Что касается многочисленных споров, постоянно возникающих между преступниками, то они решаются на «разборах» и «правилках», на которых также имеется представительное лицо. От «суда» такие формы отличаются упрощенным порядком разрешения незначительных конфликтов. Однако именно здесь чаще всего возникают вооруженные столкновения.

ЖАРГОН ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Сопоставление словарей «блатной музыки», других работ по этой проблеме, изданных в дореволюционной России и 20-е годы, с современным жаргоном обнаружило существенные количественные и качественные лингвистические изменения и позволило сделать вывод о том, что уголовный жаргон как самостоятельная часть субкультуры существует и имеет тенденцию к дальнейшему «совершенствованию». Криминальный жаргон современных преступников включает около 10 тыс. слов и выражений, что более чем в 2,5 раза превышает количество жаргонизмов преступного мира царской России. Вместе с тем жаргон ряда категорий преступников по лексике и функциям остался почти без изменений.

Установлено, что у карманных воров насчитывается более 400 специальных терминов, отражающих специфику их преступной деятельности, у карточных мошенников — 200, у воров антиквариата — около 100, у распространителей наркотических веществ — также около 100. Существует свой профессиональный жаргон у фарцовщиков, мошенников, «ломщиков» и «наперсточников». Полностью сформировался жаргон спекулянтов, валютчиков, расхитителей и иных групп преступников.

Поскольку жаргон преступников — не что иное, «как профессиональная лексика, которая сродни профессиональной лексике музыкантов, моряков,

сапожников и т. п.», он играет не только коммуникативную, но и техническую роль в преступной деятельности. В 50 процентах случаев совершения преступлений к нему прибегают карманные воры, в 70—80 процентах — шулера, почти в 100 процентах — сбытчики похищенного антиквариата и расхитители. Особенностью современного профессионального жаргона являются его региональные диалекты, а также относительно быстрое пополнение новыми жаргонизмами в связи с устареванием многих слов и выражений, но главным образом из-за их известности органам милиции. Существенное влияние на развитие жаргона преступников оказывает «молодежный» жаргон, наполовину состоящий из словосочетаний и сокращений иностранных слов, преимущественно английских.

ТАТУИРОВКА — ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ПРЕСТУПНИКА

Татуировки в настоящее время — также распространенное в уголовной среде явление. Наличие у человека татуировок уголовно-воровского содержания, как и владение жаргоном, характеризует его внутренний мир, отношение к занятию, к тем или иным моральным ценностям. Татуировки уголовного характера свидетельствуют либо о принадлежности лица к определенной категории преступников (карманному, квартирному вору, наркоману, «вору в законе»), либо о тяготении к ней. Не случайно поэтому среди лиц, впервые осужденных, удельный вес татуированных, по данным Л. А. Мильяненко, достигает 60 процентов, что во много

раз превышает аналогичный показатель преступников 20-х годов. Количество татуированных осужденных в зависимости от числа судимостей, по данным А. Г. Бронникова, колеблется в пределах от 75 до 95 процентов, а не 2—3 процента от общей массы, как утверждают некоторые авторы. Вместе с тем нельзя не отметить, что в целом татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов. Современные наиболее опытные профессиональные преступники стремятся не татуироваться и уничтожить старые рисунки, что вполне объяснимо в условиях усиления социального контроля.

Татуировки преступников можно разделить на два вида — старые и новые. Первые характерны для рецидивистов, начавших совершать преступления в 30—50-е годы и поэтому хорошо знающих их символику. Новые рисунки связаны с изменением структуры уголовной среды, ее психологии и большей частью несут в себе сюжеты, «работающие» на эмоциональное восприятие. Однако при этом не исключается и символизирующее направление татуировок. Причем часть рисунков прошлого по-прежнему хорошо известна и современным преступникам, что лишний раз убеждает в преемственности уголовных традиций. Вывод о том, что татуировки по-прежнему сохраняют блатную символику, причем криптографического свойства, подтверждается исследователями. Например, «паук в паутине» означает наркомана, «гладиатор» — хулигана, «крест» — карманного вора и т. д. Таким образом, татуировки представляют криминологический интерес не только в аспекте познания субкультуры, но и в прикладном плане.

КЛИЧКА — ВТОРОЕ ИМЯ

Клички преступников, с одной стороны, несут на себе печать традиционности, а с другой — выполняют чисто конспиративную функцию, так как многие профессионалы знают друг друга только по прозвищам. Уголовные клички имеют подавляющее большинство рецидивистов и лиц, длительное время занимающихся преступной деятельностью, поэтому они существуют почти у всех карманных и квартирных воров, шулеров, сбытчиков наркотиков и других профессиональных преступников. Кличка — обязательный атрибут участника организованной группы. По нашим данным, ее имели 99 процентов лиц, осужденных за преступления, совершенные в форме организованного соучастия. Особенностью блатных кличек является их постоянство. Даже если преступник сменит фамилию и перейдет на нелегальное положение, для сообщников он по-прежнему останется «Япончиком» или «Бухариком».

Другая особенность клички заключается в отражении фамилии, физических или психологических черт и свойств ее носителя. Если, например, «Кудрявый» — то это в действительности, наоборот, лысый, если «Шлепного» — значит хромой, если «Комар» — то возможна фамилия Комаров.

Правда, есть и исключения. К ним прибегают авторитеты преступного мира, дабы кличкой привлечь к себе внимание. Так, один из преступников имел кличку «Патриарх разбойников», другой присвоил

себе прозвище «Япончик», что, очевидно, должно было ассоциироваться с известным в 20-е годы бандитом-анархистом Мишкой Япончиком.

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

В уголовной среде по-прежнему распространено так называемое блатное творчество — воровские песни, поговорки. Характерным здесь является замена сентиментальных сюжетов и образов на сцены насилия и жестокости. Особенно это типично для несовершеннолетних и молодых, которые посредством такого творчества самоутверждаются: затыкает песню «Идет конвой» и вроде бы сразу предстает эдаким выдавшим виды «блатняком».

(Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. — М.: Юрид. лит., 1990)

КАМЕРА № 19

Год 1987. Из постановления городской прокуратуры: «Учитывая, что для решения возникающих в ходе следствия вопросов необходима эксгумация трупа Кравцова Николая Павловича...» Экспертам предстояло выяснить причину смерти.

А причина, как казалось бы, была предельно ясна: «Смерть Кравцова наступила в результате заболевания инфильтративным туберкулезом легких». И это заключение патологоанатомов вряд ли вызвало сомнение, если бы не рентгеновский снимок, сделанный незадолго до кончины, и запись в медкарте: «Легкие без особенностей».

Итак, истинная причина смерти ставилась следователем И. Поветкиным под сомнение. Но сомнение это разрешить по прошествии двух лет было практически невозможно. Тем не менее эксперт, внимательно исследовав останки, обнаружил: «Скальпированную обширную рану головы, раневые поверхности в области крестца, левой голени и левого плеча; прижизненные переломы ребер и тела грудины».

Это все, на что была способна экспертиза. Остальное же оставалось тайной, которую унес в могилу двадцатидвухлетний Кравцов. Но надежду вселяла одна-единственная строчка из акта экспертизы: «По давности переломов можно высказаться о сроке в 3—12 месяцев до момента смерти...» Из короткой же биографии Кравцова было видно, что этот последний отрезок жизни он находился в следственном изоляторе города Ставрополя. В одной из камер...

Это была самая что ни на есть рядовая камера СИЗО, ничем не отличающаяся от тех, которые приходилось мне видеть во время других командировок. Ряды двухъярусных коек, обшарпанный длинный стол с кучкой костяшек домино, параша в

углу и традиционная решетка на двухметровой высоте от каменного пола. И тем не менее данная камера явно выделялась в ряду других, отличаясь по местному своему статусу в уголовной среде. Об этом говорили материалы уголовного дела № 23005, которое вел старший следователь горпрокуратуры И. Поветкин.

«Когда меня поместили в камеру, — показал бывший заключенный В. Каменамостский, — то сразу спросили, знаю ли я, что это за камера. Я ответил, что не знаю. И сокамерник Шеховцев сказал, что в эту камеру так просто не сажают...»

Из показаний контролеров изолятора: «Был случай, когда заключенный Стусов, содержащийся в этой камере, говорил мне, что их «хата» держит в подчинении весь изолятор... Однажды, помню, один молодой осужденный «выламывался» из такой камеры, говорил, что если его не уберут оттуда, то он вскрыет себе вены».

И все-таки мало кто знал, что крылось там, за глухими засовами двери, ведущей в камеру. Но, чтобы понять, что же происходило по ту сторону двери, обратимся к некоторым добровольным явкам с повинной, написанным в стенах этой тюремной обители...

Я долго разглядывал, внимательно изучая эти признания заключенных. В чем каялись они?

«Я, Кошик В. Н., после освобождения из мест лишения свободы 25 января совершил ряд краж из квартир в с. Шпаковском и с. Грачевка...»

«В районе хутора Садового я облил труп Митинева бензином и поджег его...»

«Выскочил из машины и выстрелил в пассажира через стекло, который сидел рядом с водителем».

Но за любым признанием, как правило, следует проведение следственного эксперимента. Подозреваемого в подобных случаях выводят в район происшествия, и последний под стрекот видеокамеры и щелканье фотоаппарата подробно, в деталях рассказывает и показывает, ЧТО, ГДЕ и КАК он сделал в момент совершения преступления. Вывели на этот раз и Кошика, чтобы тот подтвердил написанное собственноручно. И разоткровенничавшийся Кошик растерялся...

В районе хутора Садового не смог показать, где он «сжег труп». Неверно он указал и место, где из обреза «выстрелил в пассажира через стекло», которое, кстати, осталось целым, несмотря на наличие убитого. А ограбленную квартиру в селе Шпаковском показал как раз ту, которую, к счастью, не грабили никогда.

Итак, следственный эксперимент не подтвердил, а, напротив, поставил под серьезное сомнение то, что эти преступления совершил именно Кошик. Тогда

кто же? Явку с повинной в том же СИЗО написал и заключенный В. Подкопаев.

«Я, Подкопаев, в ночь с 15 на 16 июня приехал в село Шпаковское. Решил ждать рассвета, но было скучно, я взял камень, разбил стекло и залез в магазин...»

Но из заключения дактилоскопической экспертизы следовало, что «следы, изъятые на месте преступления, оставлены не Подкопаевым». Да и мать Валерия свидетельствовала, что он в те дни, оказывается, «работал на стройке, никуда не выезжал, а дома вел себя странно — ночами писал стихи очень плохие».

Не берусь судить о стихах Подкопаева, но покаянная подкопаевская «проза» явно не выдерживала никакой критики. Спрашивается, зачем было оговаривать себя?!

Не меньше удивляли и другие явки с повинной. Заключенный Семенов, например, убеждал, что совершил «изнасилование». С той же легкостью шли на самооговор заключенный Амбросашвили, Лыков, Скляр, Анцупов и многие другие. Они «крали» и «грабили», «убивали» и «насильничали». Но надуманные эпизоды рассыпались как карточные домики. И единственное что объединяло их, так это то, что многие из них были написаны за дверью все той же камеры под номером 19...

Особой зоной являлась эта тюремная территория для рядовых контролеров СИЗО. Не каждый из них решался без особой надобности переступить порог этой камеры. Я беседовал с некоторыми из них и пытался понять, что заставляло заключенных писать такие повинные. И то, что поведали они, видевшие в дверной глазок ВСЕ, не поддавалось простому описанию.

Я долго подбирал необходимые слова, чтобы без излишних эмоций поведать читателю то, что творилось за дверными засовами. Но в итоге ограничился беспристрастными цитатами из дела № 23005:

«Заключенный Онойко прыгал на Кошика со второго яруса кроватей. Он же поджигал на Сезко одежду... Шеховцев разбил голову какому-то цыгану».

«У одного молодого парня вместе с зубами вырвали золотые коронки нагретой ложкой — били чем-то по ложке, несмотря на то что парень умолял этого не делать и сильно кричал от боли».

«Заключенного Халиса с силой, резко «сажали» на ягодицы, ударяя об пол...»

«Б. избивали в течение двух месяцев каждый день... С ним же насильно совершали половые акты, заставляли мазать на хлеб кал и есть...»

«Подкопаева избивали скамейкой до такой степени, что сломали ему обе руки...»

«Я терял сознание, меня обливали холодной водой и снова били».

Происходящее в камере скорее походило на пытки. А если и пытки, какова в том случае их цель? Чего добивались заплочных дел мастера?

«Цель избиения и совершения мужеложства — заставить любой ценой написать явку с повинной», — показал потерпевший Лыков.

Но зачем одним заключенным понадобилось понуждать других к явке с повинной?

Именно на этот вопрос и предстояло ответить следователю И. Поветкину. Он-то и выяснил, что истязали арестованных несколько заключенных во главе с Долгополовым — «барин» камеры. Он же и собирал «явки с повинной».

«Добытые пытками явки Долгополов кому-то относил. Кому именно передавал он их, я не знаю». Но не одни только самооговоры выносил «барин». «Однажды заключенный Онойко вырвал у какого-то нерусского коронки и зубы вставные. Эти коронки унес куда-то Долгополов, а кому передавал он их, я не знаю».

Связь «пресс-хаты» (так на жаргоне уголовников называются подобные камеры) со внешним миром была налажена отменно. И не случайно «барин» со своими сатрапами, в отличие от остальных сокамерников, пользовались определенными привилегиями. В камере можно было найти запрещенные режимом изолятора сигареты с фильтром, спички (одно из орудий пыток), даже дорогие духи. Имелись и наркотики, наглотавшись которых изуверы принимались за свою очередную жертву.

Некоторые из жертв показали позже:

«Еще до избиения меня Долгополов намекнул, что работает на какого-то „кума“. Я написал сразу три явки, которые Долгополов передавал майору внутренних дел по кличке „цыган“».

Согласно служебным характеристикам и наградным листам, в этом здании бывшей тюрьмы времен Николая I «строго соблюдались требования социалистической законности», а сам СИЗО состоял исключительно из «честных, грамотных и принципиальных» сотрудников. Потому-то и сыпались на кители принципиальных сотрудников СИЗО награды за отличную службу в органах МВД. Одним из таких «отличников» и является Виктор Петрович Лазаренко, зам. начальника СИЗО по оперативной работе. Он же «кум», он же «цыган»...

...И вот мы беседуем с ним в здании краевого суда. — Ни в чем не виноват... Да вы взгляните на документы, характеристики...

А характеристики, действительно, были прекрасны: «систематически повышает свой идейный уровень» и т. д. и т. п.

Но при чтении подобных строк на память приходили листы из уголовного дела.

«Майор Лазаренко дал задание Долгополову об избииении заключенного Сезко В. В. с целью получения от него явок с повинной. В процессе пыток на Сезко поджигали одежду».

А он все показывал стандартные бланки отпечатанных характеристик, которые явно не вязались с выписками из того же уголовного дела.

«Грамотно решает внезапно возникшие служебные задачи...» «Лазаренко поручил мне в буквальном смысле «выбить» любым способом из Кошика явку с повинной об убийстве и сожжении трупа где-то в поле, об убийстве людей в машине. Кошика избивали месяца полтора, и он все писал явки».

«Успешно применяет знания в практической работе...»

«Работники оперчасти настолько приучили меня к наркотикам, что я без них уже жить не мог и за наркотики был готов на все».

«Периодически выступает перед осужденными с чтением лекций...»

«Майор зачитывал перечень преступлений, совершенных в Краснодарском крае: изнасилование у какого-то вагончика, кража из магазина. Когда меня, избивая, вынудили писать явки, я стал вспоминать те чужие преступления, о которых мне читал Лазаренко, предлагая взять их на себя».

— Рассудите сами, для чего мне-то явки с повинной? — не унимался «морально устойчивый» майор.

Действительно, для чего? Ведь все эти массовые «признания» рушились уже на следствии. Какова же цель выбивания явок с повинной? Ясность внес приговор:

«С целью создания видимости благополучия в проводимой под его контролем оперативной работе среди подследственных и осужденных, в погоне за высокими показателями раскрываемости преступлений подсудимый Лазаренко с помощью созданной им группы доверенных лиц из числа осужденных... организовал систематическое применение физического насилия к арестованным с целью получения от потерпевших явок с повинной».

Если так, то одному ли Лазаренко нужна была эта «видимость», платой за которую стали человеческие судьбы? Только ли он один так нуждался в высоких показателях? Ведь чем, по сути дела, являлся в этой истории зам. начальника СИЗО? Не чем иным, как продуктом системы, успешно продвигавшей по служебной лестнице майора Лазаренко.

Она-то и диктовала ему свою волю: повышать процент «раскрытия преступлений».

Ведь чего бы это ни стоило, «цыган» обязан был обеспечить «взаимодействие с органами внутренних дел по вопросам раскрытия преступлений». Он и «обеспечивал», привлекая к этому мероприятию отпетых уголовников. За что система и расплачивалась с бывшим майором конкретными премиями:

«70 рублей — за раскрытие преступления;
100 рублей — за умелое проведение оперативных мероприятий, позволивших обезвредить опасного преступника». (Интересно, которого из вышеперечисленных «преступников» удалось «обезвредить» майору?)

Но не одними премиями отмечалась деятельность майора. Заслуги его были отмечены медалями «За безупречную службу» всех трех степеней. И только в конце послужного списка затерялся короткий приказ № 150: Виктору Петровичу объявлен один-единственный выговор. Примерного майора пожурили так, будто шла речь об опоздании на работу. А ведь речь шла о человеческой жизни. Заключенный Алымов, видимо не выдержав увиденного в СИЗО, покончил жизнь самоубийством — добровольно предпочел мир иной миру насилия, царившему в изоляторе. Какой же вид пыток не выдержал он, какое «преступление» не признал? Отказался писать явки с повинной? Или написал и от безысходности покончил с собой? Кто ответит?

Неразгаданной осталась и смерть двадцатидвухлетнего Николая Кравцова, скончавшегося в тех же стенах при довольно странных обстоятельствах. Не случайно же старший следователь И. Поветкин в постановлении о производстве эксгумации трупа Кравцова (якобы умершего от «туберкулеза легких») отмечает:

«Возникает сомнение в том, что причина смерти Кравцова установлена правильно».

Ведь обнаруженные при эксгумации прижизненные увечья появились у Кравцова именно в период его содержания в «пресс-хате». Но о переломах упорно умалчивается в медицинской карте Кравцова. Как указали эксперты, «каких-либо записей о телесных повреждениях в этом документе (медкарте. — Авт.) нет». Получается, в медчасти изолятора о травмах умолчали. Почему? Чтобы не вызывать подозрений у заезжих комиссий и надзирающих прокуроров? Ведь именно для этого, в целях пущей конспирации, весь состав «прессовщиков» периодически перемещался из одной камеры в другую. Из 19-й в 58-ую, из 58-й в 59-ую и так далее.

Это была камера-призрак, камера-ад, кочующая по всему изолятору...

И все-таки, как бы ни были глухи засовы, о происходящем не могли не знать работники СИЗО. Не могли не слышать контролеры тех криков, доносящихся из ада. А услышав, писали рапорты. Хотя

участь каждого такого рапорта была схожа с участью остальных:

«Я писала несколько рапортов, и все они куда-то исчезли... Многие рапорты не рассматривались, изымались из личных дел заключенных. Нарушители оставались безнаказанными. Контролеры постепенно переставали реагировать на нарушения и писать рапорты, видя безнадежность».

Незавидным становилось и положение их авторов: «Те, кто добросовестно выполнял свои обязанности, исправно писал рапорты, преследовались в открытую».

На скамье подсудимых оказался один лишь Лазаренко. Один подсудимый и 57 свидетелей... Но неужели всего один человек мог в течение двух лет (!) безостановочно раскручивать маховики этой машины пыток? Неужели никто, кроме контролеров, не был в курсе происходящего? Или в одиночку возможно организовать такую хорошо продуманную систему, в которой было предусмотрено все до мелочей? Ведь даже когда очередную жертву заводили в камеру, то о ней там уже знали буквально все. Каждую мелочь биографии.

«Когда я пришел в камеру № 19, — показал суду потерпевший Н., — то сразу же был удивлен тем, что заключенные очень хорошо осведомлены о моем прошлом. Они знали, что я учился в летном училище, что я был отличником, хотя все они были незнакомы мне и я их видел впервые».

Кто-то же информировал их.

И тем не менее судили одного Лазаренко. Остальные же вставали перед председательствовавшим на суде Н. Г. Никитенко, дабы рассказать «правду, и ничего, кроме правды».

Интересно, что свидетель Матвеев полностью отрицал даже факт существования камеры пыток как таковой, хотя и служил оперуполномоченным и не мог этого не видеть. Именно его фамилия мелькала в показаниях контролеров чаще всего:

«Я неоднократно видела, что тот самый Долгополов встречался с оперуполномоченным изолятора Матвеевым. После его ухода я делала у Долгополова обыск и обязательно находила сигареты, наркотики. Если кто и был всему зачинщиком, так это Матвеев...»

«Основные виновники в организации «пресс-хаты» были Юшков и Матвеев».

Безусловно, один лишь суд может решить, виновен человек или нет. Но можно ли пройти мимо этих показаний, зная, что творилось в камере?

Здесь невольно задаешься вопросом: не явилось ли данное уголовное дело той малой частью айсберга, невидимая часть которого осталась, увы, неисследованной. Хотя она-то и представляет сегодня гораздо большую опасность...

Итак, сдано в архив дело бывшего майора Лазаренко, получившего в итоге лишь три года лишения свободы условно. Но не о чрезмерно мягком наказании хотелось бы повести здесь речь — это тема отдельного разговора. Вопрос сегодня в другом: как предотвратить подобное в будущем? Конечно же, не путем более интенсивного чтения лекций по повышению идейного уровня в среде работников СИЗО. Просто на самой ранней стадии следствия всегда, к сожалению, отсутствует одно юридическое лицо — адвокат.

Так кто же против того, чтобы у попавшего за решетку был защитник, который бы присутствовал уже на первом допросе? Я беседовал со всем «треугольником» (подследственный — адвокат — следователь). В итоге выяснилось: против — следователь. Почему? «А у нас тайна следствия!..» — слышал я в основном. Тайна от кого? От адвоката: мол, он «работает» на родственников, лицо заинтересованное... Непрошибаемая логика...

Что гарантирует ТАМ, за закрытой дверью следственного изолятора, защиту от унижения, насилия, провокации, в конце концов? Мертвые стены? Оніто, как убедились мы, гарантируют совсем обратное: помимо «тайны следствия», сохранение «тайн» иных, ставших на этот раз достоянием суда. А будь рядом адвокат, до ТАКОГО бы, уверен, не дошло. Тем не менее для определенной части юристов адвокат в СИЗО — третий лишний.

Пока же из редакционной почты мы то и дело узнаем о фактах вопиющего беззакония, тем более

страшного, что творится оно как бы под прикрытием самого же Закона. Если бы, к примеру, рядом с бывшим председателем колхоза «Заветы Ленина» Петровского района М. Копликовым был в камере защитник, не заговорил бы о своих «преступлениях» председатель. А в камере № 6 изолятора временно-го содержания Ленинского РОВД, куда М. Копликов незаконно был определен бывшим начальником УБХСС В. М. Роциным, не произошло бы трагедии:

«Вынужден был признать свои «преступления» лишь после того, как сломали 7 ребер и отбили почку, — пишет в редакцию М. Копликов. — Работающий на оперчасть и на Рощина стукач Мирошниченко В. В. вместе со своим подручным били до полусмерти, били так, что в результате признал, что ко всему прочему я еще и агент ЦРУ. Требования предоставить адвоката со дня ареста оставались без успеха. Начальник УБХСС Роцин В. М. знал об избиениях, но делал вид, что ничего не произошло. Уголовное дело против него так и не возбудили. Только «понижили» в должности — произвели в чин начальника кафедры высших курсов милиции, где он и по сегодняшней день делится своим опытом с будущей сменой...»

Исчезла «пресс-хата» в СИЗО, но нет уверенности в том, что в стенах другого, неизвестного нам изолятора очередной невинный узник, склонившись над листком бумаги, не выводит сейчас дрожащей рукой: «Я убил...» Уверенность эту не дает прежде всего редакционная почта, идущая из разных концов страны. А ведь за двумя этими историями — серьезная проблема: условия содержания в следственных изоляторах.

Я не призываю превратить следственные изоляторы в благоухающие курорты. Но имеем ли мы право лишать подозреваемого всего того, что имел он до ареста? А вдруг арест оказался ошибочным? Ведь в следственной камере сидит не преступник. Таковым его вправе назвать только суд. Но может и не назвать, выпустив его из-под стражи. Так почему же подозреваемый порой лишен самого элементарного человеческого минимума: переписки и свиданий с самыми близкими родными (о телевизоре в камере я уже не заикаюсь — это роскошный атрибут следственных камер «дикого» Запада)? Без этого минимума человек дичает, он перестает быть Человеком, а теряя собственное «я», сливается с уголовной массой.

В местах лишения свободы «новобранцы», впервые (подчас по недоразумению) попавшие в уголовную среду, постигают негласные законы этого мира. Но беда еще и в том, что эти законы устраивают и некоторых работников этих учреждений. А иначе как, минуя проходные, двойные решетки и колючие заборы, попадает туда запретное? Ведь за один только 1987 год в исправительно-трудовых учреждениях страны было изъято денег на сумму более 3 000 000 рублей (!). Только при поверхностных обысках было обнаружено 1,5 центнера наркотиков, 145 000 колюще-режущих предметов и 25 000 литров спиртного. Это лишь то, что обнаружено. А сколько осталось лежать в тайниках?

Итак, чем же сегодня в основной своей массе являются следственные изоляторы страны? Это, прежде всего, тяжелая ноша, затрудняющая и без того нелегкое восхождение к правовому государству. И

выход здесь один — в срочном освобождении от этой постыдной ноши.

Следственные изоляторы страны должны стать местом лишения свободы. Именно свободы! Но не оставаться местом лишения достоинства Человека, его чести...

(Огонек. 1989. № 23)

ТЕМНИЦЫ РУХНУТ?

Окаянной выдалась вторая декада июня для работников Главного управления по исправительным делам МВД СССР — одно за другим три ЧП в следственных изоляторах. Будь только что назначенный начальник Главка В. А. Гуляев человеком суеверным, он счел бы это дурным знаком: 14 июня он дал первое интервью «Известиям», и именно в этот день грянул бунт в СИЗО Днепропетровска. Да какой! Более двух тысяч узников вырвались из камер в коридоры, оттуда — в режимный и хозяйственный дворы, разгромили и сожгли все, что встретилось на пути шальной толпы, рванулись было к стене и воротам, но тут грянули выстрелы с вышек, и буйство снова хлынуло внутрь. В Днепропетровск приехали руководители МВД республики, народные депутаты, представители Руха, начали с мятежниками переговоры. Хамство и произвол администрации, теснота в переполненных камерах, глухота прокуратуры к законным жалобам и просьбам — вот только беглый перечень причин массового недовольства и неповиновения заключенных под

стражу людей. Переговоры шли под треск сокрушаемых построек, сполохи пожаров, то там, то здесь. И на шестой день решились: собранный из трех областей отряд спецназа взял руины СИЗО штурмом. Итог — пятеро погибших. Две с половиной тысячи бездомных узников пришлось распахивать по другим изоляторам, и без того забитым сверх меры.

Тюремные строения Днепропетровска еще догорали, как подоспела новая беда — бунт в Челябинске.

Его финал стал ясен вечером семнадцатого июня в режимном дворе челябинского следственного изолятора на улице Российской. Отряд милиции особого назначения — каски, бронежилеты, короткоствольные автоматы, снайперские винтовки, щиты, палки резиновые — умиряет заключенных. К этому времени уже отгремели выстрелы, отстучали по головам, спинам, рукам дубинки, откричались, отmaterились, отспорили, стоят теперь лицами к стене, руки за головы. Один убитый, двое раненых.

Благодарите судьбу все, у кого там не оказалось близких или знакомых, — упаси Бог кому-нибудь попасть в сумятицу тюремного бунта, бессмысленного и беспощадного. Дать волю отчаянию, ненависти, злобе, безумию мыслей и поступков, зряшным надеждам и позднему прозрению, накликать на себя новые мытарства, новые «сроки» в добавление к старым, новые этапы, пересылки, зоны. Нам со стороны легко сейчас корить, клясть и высмеивать их, ошалевших от собственного безрассудства, — мало им было прошлых злодейств? Ни закон им уже не

указ, ни тюрьма не страшна, ни кара? Да и чего добились, выламывая двери камер, захватывая заложников, громя медчасть, продсклад и пищеблок, срывая опостылевшие «Распорядки дня» и выписки из грозных статей Уголовного кодекса, торопя на улицу Российскую грузовики с милицией и солдатами, «Волги» с начальством, священниками, депутатами, бегущих к тюремным стенам родных?

Каждый, кто месяцами, годами сидит взаперти в битком набитой камере, кто все это время ждет то следователя, то адвоката, то прокурора, вести о судьбе родных, передачи или свидания, назначенных фельдшером таблеток или уколов, приема у начальника или трех его замов, кто уже не надеется, что его если не поймут, то хотя бы выслушают, — скажет: а ведь не зря, братва, пошли на волынку — разговора добились! Сразу у всех вдруг нашлось и время, и терпение слушать — и у начальства из УВД, и у прокуратуры, и у народных депутатов, и у священников, и у журналистов! Вот ведь как «Вечерний Челябинск» озаглавил репортаж о тюремной заварухе: «Требуем человеческого отношения!».

Не спорю — старо. Уже второй год массовые беспорядки сотрясают исправительно-трудовые и воспитательно-трудовые профилактории, тюрьмы и следственные изоляторы. Последние, как мы убедились, чаще и круче: в том же июне к уже известным нам двум бунтам прибавилось и ЧП в СИЗО Оренбурга, не столь, впрочем, масштабное, но итог и тут горек — двое убитых. Если срочно, в ближайшее время мы не на ведомственном, а на высоком законодательном уровне не дадим заточенным хотя

бы надежду на облегчение их участи, — может случиться цепная реакция, в каждом областном центре мы получим новый очаг взрыва недовольства готовых на все уголовников.

Участившиеся в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) бесчинства принято объяснять сегодня тем, что после ряда широких амнистий в них остались лишь отпетые рецидивисты, к которым прибавились не признающие ни Бога, ни черта рэкетеры. Согласен, публика за решеткой собралась, что называется, отпетая. Наиболее оголтелые ее представители готовы в любой момент «качать права» по поводу и без повода, они в состоянии установить связь с друзьями на воле или в соседних камерах, не прочь даже попытаться совершить побег, но если администрация обращается с заключенными в строгом соответствии с законом, если офицеры и сержанты еще не разучились видеть в преступнике человека — самому авторитетному «вору в законе» не под силу поднять на бунт всех сокамерников разом. Не будем, право, преувеличивать их возможности и тем самым набивать им цену в глазах других. Скажу больше: частые ссылки на могущество и засилье «отрицаловки», обвинение ее лидеров виновниками всех неурядиц, случающихся за тюремным забором, — удобный и распространенный способ руководства ИТУ переложить вину с себя на других.

Два года назад, я тогда еще подполковник внутренней службы, решился на страницах «Огонька» высказаться однозначно: во всех без исключения массовых беспорядках в ИТУ повинны их же сотрудники. Это может быть цензор, неделями задержи-

вающий письма осужденных, которые ему недосуг прочесть, — вот вам и повод для нервозности одной или нескольких камер. Это может быть инспектор спецчасти, забывшая принести осужденному уведомление об отправке жалобы прокурору. Это может быть врач, явившийся в камеру через неделю после вызова и протянувший страдающему человеку две половинки одной и той же таблетки: первая — «от головы», вторая — «от желудка». Это может быть дежурный, посадивший в камеру рецидивистов несовершеннолетних пацанов.

Вряд ли есть резон перечислять дальше. С грустью я замечал у моих коллег или откровенное нежелание исполнять свои обязанности, или столь же откровенную неприязнь к любому из заключенных, дерзнувших обратиться даже с пустячной просьбой.

Берусь утверждать и то, что среди прокуроров по надзору за соблюдением законов в ИТУ лишь единицы относятся к жалобам заключенных с должным вниманием, другие, как это было на Камчатке, умудрялись обойти сто с лишним камер тамошнего СИЗО менее чем за час, унося в рабочей тетради лишь одно замечание: «Не работает радиоточка».

Мне до сих пор трудно понять и тех высоких руководителей УВД, которые посещения СИЗО ограничивали просмотром бумаг, разносом офицеров в ленкомнате и чаепитием у начальника. В режимный корпус, в камеры или хоть в карцеры — ни ногой. Что это — равнодушие, лень, боязнь? Только один генерал на моей памяти — Шелудько Гри-

горий Павлович — при посещении камчатского изолятора оставлял свою свиту и один обходил каждую камеру, беседовал с каждым, кто к нему обращался. В этом «популизме» был трезвый расчет: генерал не желал, чтобы его заставляли мчаться в СИЗО по сигналу тревоги. И ведь был прав: обошлось без тревоги. Уверен, были бы такие генералы в Днепропетровске или в Челябинске, знай они так досконально беды сотен узников, не было бы там ни пожаров, ни захватов заложников, ни требований выслушать, понять, помочь.

Но я бы сузил проблему, если б возложил всю без остатка вину за сегодняшнюю обстановку в ИТУ только на офицерский корпус МВД, — будь мои недавние коллеги хоть семи пядей во лбу, всех проблем им при всем желании не одолеть. Годами идут разговоры о необходимости разработки и принятия нового исправительно-трудового кодекса — где он? Где хотя бы новое Положение о предварительном заключении под стражу? Каким законодательным актом определено правовое положение сотрудника ИТУ, гарантии его социальной защищенности?

И ученые, и наиболее дальновидные практики уже стали повторять, что строгое наказание даже самому отъявленному негодяю не должно обрекать его на полуголодное существование и общение с женой или с детьми с помощью телефонной трубки через плотное стекло перегородки. Если с учетом нашей всеобщей бедности мы не спешим с пополнением стола осужденного, то почему с таким упрямством запрещаем делать это его родственникам? Посылка или передача пяти килограммов продуктов в месяц — вот все, что разрешено. В начале июня,

правда, забрезжил луч надежды — в дополнение к продуктам дозволено получить и два килограмма овощей или фруктов. Разумеется, раз в месяц. И уж совсем, думается, недопустимо в перечне дисциплинарных наказаний предусматривать возможность лишения узника и этого небогатого приварка. В своеобразном лексиконе администрации есть на этот счет соответствующее выражение: «ударить по желудку». Любители таких ударов умудряются держать строптивцев на лагерной баланде месяцами — повод всегда найдется.

Хорошо зная по прошлым выступлениям, как раздраженно реагируют наши читатели даже на едва слышную нотку сочувствия к преступникам, сделаю необходимый шаг навстречу поборникам твердой руки в ИТУ — представьте себе, я сам горячий ее сторонник. При одном, разумеется, условии: пусть этой твердой рукой движет закон, а не произвол. И в подтверждение этой моей позиции спрошу: почему служба охраны и в Днепропетровске, и в Челябинске столь халтурна, беспомощна и непрофессиональна, что, вырвавшись из одной камеры, заключенные сумели не только открыть остальные, но и разбежаться по всему зданию? Совсем уж непостижимым полагаю ту легкость, с которой были выпущены из своих «одиночек» приговоренные к смертной казни. Что, и в одном, и в другом изоляторах нет стальных решеток между коридорами, постами, этажами? Двери до сих пор закрываются ключами, а не кодовыми электрическими замками? В камерах смертников нет блокировки с выходом на пульт дежурного?

Охотно допускаю, что в ответ на эти мои сугубо

профессиональные вопросы я узнаю, что в двух разгромленных СИЗО, как и повсюду, не хватает контролеров и надзор за заключенными ведется чисто символически.

Увы, действительно, зарплата контролеров СИЗО настолько мизерна, что охотников на эту чертову службу найти все труднее. Впрочем, немало вакансий и среди медиков, мастеров, даже оперативный состав предпочитает работу в розыске или ОБХСС — и оклады больше, и решетки не на всех окнах, и воздух чище. Все тверже я убеждаюсь в том, что система ИТУ больше других обделена в МВД и средствами, и вниманием. Ежегодно перечисляя в госбюджет 600 миллионов рублей прибыли от производственной деятельности, колонии и следственные изоляторы снабжаются едва ли не по остаточному принципу. Сорок процентов СИЗО находятся практически в аварийном состоянии и требуют безотлагательного ремонта. Но даже косметическая побелка им не по карману. Так неужели нам действительно следует непременно дожидаться сокрушающего бунта, чтобы избавить наших сограждан от сидения в казематах, возведенных еще век с лишним назад?

Разговор с начальником отдела следственных изоляторов и тюрем ГУИД МВД СССР В. А. Викуловым обрадовал меня несказанно: темницы рухнут! Наконец-то мы отрешимся от нашей дурацкой гордости за то, что в годы Советской власти не построили ни одной тюрьмы и изловчились запихивать в древние кутузки втрое, вчетверо больше, чем в проклятое царское время. Сегодня есть уже, по крайней мере, проекты новых зданий СИЗО, под

одно из них отыскивается участок под Москвой — здесь будут жить будущие обитатели нынешней «Бутырки». Без малого год назад здесь тоже случился бунт, но тюрьма тогда выстояла.
(Огонек. 1990. № 29)

КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ СНГ

В 1992 году вышла в свет книга «Как выжить в советской тюрьме» (инструкция для будущих заключенных), подготовленная к изданию Общественным центром гуманизации пенитенциарной системы. Руководитель авторского коллектива, Валерий Абрамкин, сам провел шесть лет в тюрьмах и лагерях для обычных уголовников.

В основу текста книги положены фрагменты из нескольких десятков интервью, которые брались в 1988—1991 годах сотрудниками Общественного центра по специальной методике, разработанной социологом Валентиной Федоровной Чесноковой.

Предлагаем читателям отрывки из раздела книги, в котором тюрьма и тюремный мир описаны изнутри, с точки зрения заключенного.

АРЕСТ

У каждого времени свой стиль, свои ритуалы. При Сталине людей арестовывали чаще всего ночью. Дома. Звонок или стук в дверь, приглушенные голоса, осторожные шаги, пустынные улицы, «черный ворон», к которому выводили как бы украдкой. Ночь, мрак, тайна. И не каждому к этой тайне можно прикоснуться. Помимо людей в форме НКВД, дворник, специально назначенные понятые.

Сейчас все проще. Если человек подозревается в серьезном преступлении, то его не «берут» (дома, на работе, при вызове в прокуратуру, в милицию и т. д.), а захватывают. Образуют специальную группу — группу захвата. Если же преступление не настолько серьезно и человек, подлежащий аресту, считается неопасным, то его может ждать арест при вызове на допрос к следователю или на беседу к прокурору. Для ареста в этом случае приезжает специальная команда (обычно два конвоира в штатском). Им следователь и сдает с рук на руки арестованного, которого после оформления бумаг выводят на улицу, где уже поджидает «уазик». На нем арестованного отвозят в КПЗ.

КАСТЫ

На любой зоне (среди заключенных именно так и говорится: на тюрьме, на зоне) существует несколько каст, т. е. групп, арестантов (слово «арестант» употребляется в современной тюрьме чаще, чем «зэк», «заключенный», и звучит оно уважительнее) разного «достоинства». Главных каст четыре. Существуют еще и промежуточные.

Первая, высшая, каста — «блатные»; вторая, самая многочисленная, — «мужики»; третья, более или менее большая (в зависимости от зоны), — «козлы»; четвертая, низшая, — «петухи», «отверженные».

«Блатные», они же «воры», «жиганы», «путевые», «авторитеты» и т. д. Это профессиональные преступники. Для них тюрьмы и лагеря являются обязательными этапами профессиональной карьеры. Само понятие «вор» для преступного мира свято. Ворами называют только тех преступников, которые были «окрещены» ворами, т. е. приняты в воровское сословие. При таком «крещении» соблюдаются подобающие процедуры: своеобразный «кандидатский стаж», рекомендации, собрание — «сходка». Тех, кто зарабатывает на жизнь кражами, называют в зависимости от их специализации: например, карманника — «крадун», «ширман», «щипач»... По разным оценкам сейчас в странах СНГ таких воров всего несколько сотен. Они объединены в несколько враждующих группировок.

Если на зоне нет настоящего вора, воровской мир посылает туда своего представителя — «смотрящего», задачей которого является наблюдение за тем, чтобы заключенные соблюдали воровской закон и воровские «наказы». Воровские наказания — это обычно новое правило, которое создается в результате какого-то спора между заключенными или как ответ на новую акцию тюремной администрации. Из наказов и продолжает составляться неписанный тюремный закон. Воля «смотрящего» для других зэков — такой же закон, как воля «вора». При «смотрящем» или «воре» есть группа его помощников. Это и есть высшая каста в лагере — «блатные». Если в каком-то лагере нет «вора» или «смотрящего», то обязательно есть люди, которые считают себя профессионалами, тюрьму — родным домом, а всех остальных ее обитателей — пришельцами.

В касте «блатных» есть главный — «пахан», «авторитет». При «пахане» — что-то вроде политбюро, несколько «блатных», каждый из которых занимается своим делом: один присматривает за «мужиками», другой — за «общаком» и т. д. Их тоже могут называть «авторитетами». У «пахана» и его приближенных есть своя гвардия — «бойцы», «гладиаторы», «атлеты».

Стать «блатным» может не каждый заключенный. Прежде всего он должен быть чист по вольной жизни. Раньше, например, в нее не принимали тех, кто работал в сфере обслуживания, т. е. официантом, таксистом, а также тех, кто отслужил в армии или хоть раз вышел на зоне на работу. Сейчас эти требования в некоторых зонах отменены.

«Блатные» — это реальная власть на зоне, которая борется с властью официальной, т. е. с администрацией зоны. Кроме того, «блатные» имеют определенные привилегии — право не работать, брать себе из «общака» все, что они сочтут нужным. У «блатных» есть и обязанности. Правильный «пахан» обязан следить за тем, чтобы зона «грелась», т. е. получала нелегальными путями продукты, чай, табак, одежду, водку, наркотики. Он обязан также решать споры, которые возникают между другими заключенными, не допускать стычек между ними, следить за тем, чтобы никто не был несправедливо наказан, обижен, обделен. Все это не означает, конечно, что для «пахана» правильный порядок на зоне важнее личных благ. Часто его забота о братве — только предлог для того, чтобы давить ее и грести все под себя. Но и зон, где «пахан» не вылезает из ШИЗО и весь срок проводит на хлебе и воде ради того, чтобы братва жила мирно и не впроголодь, тоже хватает.

«Мужики» — это следующая каста. Она состоит из случайных, в общем-то, на зоне людей (например, один машину казенную разбил, другой с работы что-то украл, третьего жена посадила за пьянки, четвертый подрался, пятый — бомж, жил без прописки, и т. д.).

«Мужики» прежде всего работают. Пашут на обычной работе — не бригадирами или мастерами, а простыми работягами. Ни на какую власть они не претендуют, никому не прислуживают, с администрацией зоны не сотрудничают. В дела «блатных» вмешиваться они не могут, права голоса на «разборках» они не имеют. Правда, среди них есть ува-

жаемые люди, к которым «блатные» прислушиваются, не говоря уже об остальных «мужиках». Словом, «мужики» — это заключенные, которые после отбытия срока собираются вернуться к нормальной жизни.

Третья каста — «козлы». Это открытые сотрудники лагерной администрации. Те, кто согласился принять какую-то должность — завхоза, заведующего клубом, библиотекаря, коменданта зоны и т. д. Те, кто надел «косяк» — красную повязку. Те, кто вступил в СПП — «секцию профилактики правонарушений», т. е. во внутреннюю полицию лагеря. «Козлов» еще называют «суками», «ссученными». Лагерная администрация называет их «активом», «лицами, твердо вставшими на путь исправления». Конечно, зэки относятся к ним плохо. К предателям везде плохо относятся, а если учесть, что на каждой зоне между администрацией и зэками война идет — то «холодная», то настоящая, — такое отношение станет понятным. С «козлами» можно здороваться, общаться с ними, прикасаться к ним, но ни в какие разговоры с ними вступать нельзя. В «общак» их тоже не пускают.

Последняя каста — «петухи», они же «обиженные», «опущенные», «пидеры» и т. д. Это пассивные гомосексуалисты, изгои, неприкасаемые, отверженные. На том же уровне в зоне находится промежуточная каста: «чушки», «черти». С той только разницей, что в качестве пассивных педерастов они не используются — это просто неприкасаемые.

Гомосексуализм в тюрьмах существовал всегда и

был, как правило, делом добровольным и для других малоинтересным. Но с какого-то времени — по некоторым сведениям, начиная с реформы «исправительно-трудовой» системы 1961 года — на зонах начал распространяться обычай: наказание в виде насильственного обращения виновного в педераста.

До этой реформы для всех заключенных был один вид лагерей для всех эсков. Реформа поделила лагерь на режимы: общий, усиленный, строгий, особый. В результате первоходчики, которых стали сажать в лагеря общего режима, были отделены от рецидивистов. Те оказались на других режимах, чтобы на первоходчиков «не оказать дурного влияния». Отделили первоходчиков тем самым и от выработанным многими поколениями опыта принудительной совместной жизни, которым рецидивисты, кроме всего прочего, владели. Этот опыт позволяет худо-бедно, но жить в мире. В прежних лагерях к тому же сидели люди всех возрастов. И борьба за превосходство там в какой-то степени смягчалась существованием большого числа людей пожилых и старых.

А теперь представьте: орды молодых мужиков (а первоходчики, как правило, — люди одного и того же возраста, лет 20—22), которых сама природа обрекла на постоянное соревнование и выяснение, кто главнее, сильнее, умнее. Естественно, между ними постоянно будет грызня, раз они не могут хотя бы на время разойтись, отдохнуть от этой «спартакиады», пообщаться с теми, с кем состязаться смысла не имеет, — со стариками, женщинами, детьми. На зонах для малолеток дела еще хуже именно пото-

му, что там нет старших. Даже тюремная администрация это понимает и подсаживает в камеры малолеток взрослого арестанта — «батьку». А эти «бати» малолеток грабят, почему и считается должность «бати» косячной.

В результате всего перечисленного больше всего людей «опускают» на зонах для малолеток, т. е. там, где не знают тюремного закона. Этот закон жестокий и страшный, но единственный, при котором люди могут выжить и остаться людьми. После малолеток больше всего «опущенных» дают тюрьмы. В лагерях «опускают» гораздо реже, чем в тюрьмах. Чем режим жестче — тем реже. Вообще, чем тяжелее в лагере режим, тем легче тем, кто в нем сидит. Говорят, что лучше умереть, чем стать «петухом». Обращаются с «петухами» другие заключенные очень жестоко. Самые дикие вещи с ними творят в общем режиме, не говоря уже о зонах для малолеток (например, кидают в параши, заставляют на деревьях жить и т. д.).

Брать у «петухов» ничего нельзя. У них отдельные места, отдельная посуда, отдельная работа (они моют сортиры, метут плац и т. д.). Правда, «петухам» можно что-то дать, бросить, чтобы случайно к ним не прикоснуться. Хотя здесь есть исключения. Когда их «употребляют», это оскверняющим контактом не считается. В ШИЗО иногда только через «петуха» что-нибудь передать можно — если между ШИЗО и жилой зоной лежит «запретка», запретная полоса. Считается, что в такой ситуации ни вещи, прошедшие через руки «петуха», ни тот, кто их получил, не «зашквариваются», т. е. не оскверняются.

На некоторых зонах есть целые бараки «петухов», которые называются «обезьянниками», «обиженками». На нормальных зонах «петухи» просто у входа в барак спят и дальше не ходят. У них обычно есть свой «пахан» — «главпетух», который является влиятельной фигурой. Он ведь может приказать какому-нибудь «петуху» поцеловать заключенного из другой касты на глазах у всех. «Петуха», конечно, за это убить могут, но тот, кого он целует, сам автоматически становится «петухом».

Если «петух» приезжает на зону, где его никто не знает, он обязан сказать о своем статусе. Если он этого не сделает, а рано или поздно это все равно узнают, то его жестоко наказывают: избивают и даже могут убить, так как считается, что такой «петух» осквернил («зашкварил») всех тех, кто его считал себе равным.

В «опущенные» попадают за грубейшие нарушения тюремного закона, например за стукачество, «крысятничество» (воровство у своих), неуплату карточного долга, беспредел. Если кого-то «опустили» без вины, то те, кто его «опускал» либо был «паханом» камеры, где это произошло, сами становятся кандидатами в «петухи».

До сих пор в каждой колонии на сотню заключенных приходится примерно 10—14 «петухов».

Следует упомянуть еще несколько групп. Кроме «чушков» и «чертей», есть на зонах также «шестерки» — прислуга. В «шестерки» попадают слишком

слабые или услужливые люди. В тюрьмах и в лагерях излишняя услужливость не в чести. Если человека попросят что-либо сделать для другого заключенного (например, подать кружку с водой или постирать чужие носки) и он согласится, то быть ему «шестеркой», даже если это сделано за плату. В тюрьме принято обслуживать себя самостоятельно.

ТЮРЕМНЫЙ ЗАКОН

Тюремным законом запрещено ругаться матом. Во-первых, потому, что для вора мать — понятие святое. Поэтому на строгом режиме, например, мата практически не услышишь. Во-вторых, выругаться матом — значит почти в любом случае оскорбить кого-то. В условиях зоны послать человека на х... означает, что его считают «петухом». Если этот человек не является «петухом», то оскорбивший его будет держать за свои слова ответ.

Нельзя также называть человека «козлом», если таковым он не является. А «козла» нельзя посылать на х... — он ведь «козел», а не «петух». Барак, в котором живут мужики, нельзя называть курятником, а разгорячившемуся человеку нельзя сказать: «Ты чего петушишься?».

На зоне ответственность за слово гораздо выше, чем на воле. Прежде чем сказать что-то (рассказать о себе, отозваться о другом человеке), заключенный должен хорошенько подумать.

Частью воровского закона являются правильные понятия, которые все заключенные должны соблюдать. Правильные понятия — это еще и совесть заключенных, с которой каждый должен сверять свои поступки, чтобы не испортить жизнь себе и другим; это сама атмосфера жизни людей, оказавшихся вместе на долгие годы в очень тяжелом положении. Они сами эту атмосферу создают и поддерживают для того, чтобы выйти на волю ценой меньшей крови. На воле многое в правильных понятиях может показаться диким, жестоким и даже бессмысленным (например, запрет носить ложку в верхнем кармане рубашки, класть в карман надкусанный кусок хлеба и т. п.), хотя каждое из таких понятий, безусловно, имеет определенную причину своего появления.

Полностью расписать по правилам можно только первые какие-то предостережения, чтобы человек, впервые попавший на зону, сразу не сделал ошибку. Со «шкварными», например, нельзя общаться, но об этом предупредят в камере. Предупреждать человека, чтобы он не был стукачом? О чем еще можно предупредить? Смотрят на человека, предположим, в течение месяца. Есть понятие: «человек косячный». Если он не впитал в себя правильных понятий, не понял, как нужно себя вести, что можно, что нельзя, — этот человек «косячный»... А это человек вообще опасный, просто опасный рядом с тобой. Он может запороть любой косяк, как считается, за который ты ответишь, потому что ты находишься рядом.

Нельзя просто пригрозить, а потом отказаться от этого. Если уж бросил, даже невзначай, какую-то

угрозу конвоиру или «козлу», то должен ее выполнить. Нужно отвечать за свои слова. В тюрьме не признается никакое изменение ситуации, не признается никакое «нечаянно». Что значит «нечаянно»? Нечаянно — это значит ты сам что-то не предусмотрел. Поэтому с человеком случается нечаянность. Нечаянно — тоже какой-то признак ненадежности. Ценностью этого мира является человек, который вообще уверен, уверен в себе. В мире, где все очень ненадежно, ценностью становится надежность. Привлекает надежность человека.

Надо, чтобы в твоей уверенности были уверены и остальные, чтобы человек, который идет рядом с тобой, понимал, что ты сейчас ничего такого не напорешь, что сюда не бросятся овчарки. Поэтому авторитетом на зоне пользуются люди, в которых ощущается надежность. То есть человек стоит надежно, не размазывается, не говорит сегодня одно, завтра другое, не ищет мелкой выгоды, желая жить удобно... На самом деле всегда здесь выгода получается за счет другого...

ЗАПРЕТЫ

Самые серьезные запреты касаются «опущенных». Но есть и другие. Например, нельзя с земли ничего поднимать. Особенно если упало на плац. Пусть хоть шапка зимой упадет — она после этого считается «зашкваренной». Упала — иди дальше, ищи другую. Не ходи часто в штаб, особенно один, — могут заподозрить тебя в стукачест-

ве. В столовой у поваров ничего нельзя покупать, потому что считается, и правильно, что, покупая из общего котла, ты воруюшь у братьвы.

Нельзя брать чужое. Вот одна из самых распространенных «примочек». Ты взял, полистал чужую книгу и положил ее на место. Подходит хозяин книги: «Давай стольник». — «Какой стольник?» — «Ты книгу брал?» — «Брал». — «А в ней стольник лежал, давай обратно».

ПРАВИЛЬНАЯ ХАТА

В камерах малолеток и первоходчиков встречается довольно агрессивная публика, знакомая с тюремным законом только понаслышке. А закон этот до конца и не всякий рецидивист знает. Первоходчики под тюремным законом понимают обычно власть физически более сильного над слабым. И начинают играть в тюрьму, думая, что выполняют ее закон, и не зная, что они закон нарушают и когда-нибудь за это жестоко поплатятся. Как они играют? Издеваются над новичками. «Прописку» чаще всего именно в таких камерах устраивают.

При этом кое-где ограничения существуют: нельзя «прописывать» «микрон» — тех, кому шестнадцать не исполнилось, и арестантов в возрасте начиная лет с тридцати, тех, кто сильно пострадал, кто в камеру сильно избитым пришел тоже. Как, разумеется, и тех, у кого не первая ходка.

«Прописка» начинается с того, что новичка заставляют загадки разные отгадывать. С нар нырять, головой о стену с разбега биться и так далее — все это «приколами» называется. Бросают, например, веник: «Сыграй на балалайке». Новичок должен бросить его обратно: «Настрой струны». Подводят к батарее: «Сыграй на гармошке». Следует ответить: «Раздвинь меха». Устраивают «свадьбу»: «Что будешь пить — вино, водку, шампанское?» Надо ответить: «Вино». Налиют кружку воды — новичок должен выпить. Спросят опять то же самое. В ответ надо сказать: «Водку». Опять нальют полную кружку — следует выпить. И так будут наливать, пока новичок не скажет «тамаде»: «То же, что и ты».

Или: «Кем хочешь стать — летчиком или танкистом?». — «Летчиком». — «Прыгай вниз головой». Новичок прыгает, его ловят. Должны, по крайней мере, поймать, потому что если он разобьется, с виновных за это спросят. Сейчас «прописку» новичкам реже устраивают, чем раньше. Особенно в «нормальной» камере.

«Нормальной» камерой считается та, в которой царит не власть кулака, а тюремный закон. Этот закон очень суров, но он справедлив. Он гласит: тюрьма — это твой дом. Пришел человек — прежде всего поздоровайся с ним. Не приставай к нему с вопросами: за что сел, как было дело? Расскажи о порядках тюрьмы и камеры, дай ему место, предупреди о том, чего нельзя делать. «Братва» — то есть обитатели камеры — должна новому человеку обо всем рассказать, все показать, а уже после этого спрашивать за нарушения тюремного закона, ес-

ли он такие нарушения допустит. Человек, только что пришедший с воли, согласно тюремному закону (который еще называют «правильным понятием», «правильной жизнью») чист. На воле он мог быть кем угодно и творить что угодно, а здесь он начинает новую жизнь.

В тюрьме между собой арестанты чаще говорят не «камера», а «хата». Так что по-тюремному нормальная камера будет звучать так: правильная хата. И порядки в правильной хате в основном те же, что и у правильных людей на воле. Пришел с «дольняка», т. е. из туалета, — руки помой. Сядишься за стол — сними «лепень» (пиджак). Когда кто-нибудь ест, нельзя пользоваться парашей. Когда все музыку слушают или передачу какую-нибудь — тоже. Свистеть нельзя — срок насвистишь. Нельзя сор из избы выносить, т. е. без особой нужды рассказывать другим камерам о том, что в вашей хате происходит.

Еще один момент — уборка камеры. В тюрьме такого порядка, как в армии — салаги пол драят, а деды балдеют, — нет. Убираться в камере должны все по очереди, абсолютно все.

Если все-таки новичок попадает в неправильную камеру, где ему ничего не объяснят, и видит там заключенного, который лежит под нарами или у парачи и с которым никто не разговаривает, — то не следует к нему подходить.

В тюрьмах люди проявляют фантастическую изоб-

ретательность. Огонь добыть трением или от лампочки, ботинком решетку перепилить, чифирь сварить в газете, записку на соседнюю улицу бросить — все это там умеют. Связь между камерами есть в любой тюрьме, но организуется она не везде одним и тем же способом. Самое простое, когда контролер от двери подальше отошел, просто крикнуть через решетку («с решки»): хата такая-то... Правда, в следственном изоляторе межкамерная связь — одно из серьезнейших нарушений режима содержания...

Можно и так: откачать веником или тряпкой воду в унитазе — канализационная труба что телефон. Через нее же при известной сноровке можно и передать что угодно: чай, сигареты, записки. Можно взять кружку, приложить ее к трубе отопления и прокричать в нее — в других камерах через ту же кружку услышат и примут к сведению либо дальше передадут. Можно «коня» запустить: делаешь удочку из газетной трубки и нитки, привязываешь к ней записку с адресом и опускаешь за решетку — ниже поймают. Можно перестукиваться. Если заключенный знает азбуку Морзе — вообще никаких проблем.

Новых эзков на зонах встречают так же, как и в тюрьме, в зависимости от зоны. Чем беспредельные зоны отличаются? На них надо за все платить. В том числе и за место в бараке. Не заплатишь — можешь зиму провести на улице. На правильных зонах этого нет. Там вновь прибывшему заключенному, как и в тюрьме, должны показать зону, рассказать о существующих порядках, предостеречь от опасностей. Могут предложить вступить в «общак»,

в «семью», в «кентовку». Если новичок не захочет вступать — это его дело. Правда, на зоне одному трудно, большинство зэков в семьях живут. Одного загрызут.

СЕМЬЯ

В следственной тюрьме хата — это не только отведенная для зэка клетка с номерком на двери, это люди, семьями ее обживающие. Если камера маленькая, на пять, на семь человек, то, как правило, они и составляют одну семью. В тюремной семье, точно так же как и в вольной, всякое может случиться — и ссоры, и нелады, но от этого общее между ними не исчезает. Не пользуются уважением у арестантов хаты, где каждый сам по себе. В большой камере, на несколько десятков человек, семей бывает несколько, в семье все поровну. Здесь появляется и «общак», что-то вроде фонда взаимопомощи. Трудно с куревом, чаем — создают «общаковый» (общий) запас чая, махорки, табака, каждый получивший посылку или отоварившийся в ларьке делает сюда свой добровольный взнос. А те, у кого ничего нет, этим общаком пользуются.

Общак — дело святое, и те, кто жадничает, уважением общества не пользуются, не помогут и ему в трудную минуту. Заходит, например, новичок в хату: «Привет, братва». Развязывает мешок не торопясь, достает пару сигарет, может быть, чай, кусок сала, кулек конфет: «Это на общак...». Сразу видно: путевый человек, арестант, бродяга. Другой за-

катывает в камеру с огромным «сидором» и начинает, что называется, «менжеваться» — к кому бы ему повыгоднее пристроиться. Все одно он свой «сидор» не уберезет: в карты проиграет или прокладку ему какую сделают — арестанты в этом отношении народ ушлый...

На зоне общак — общий фонд денег, продуктов, вещей, в который зэки добровольно, кто сколько хочет, делают свои вклады. Считается, что если на зоне есть общак, зона правильная. В общаке могут участвовать все «мужики» и «блатные». «Козлы», «петухи» и прочие — нет. Но у тех свои общаки бывают.

Общак стараются держать в деньгах — так его легче прятать. Выбирают смотрящего за ним — честного, чистого по этой жизни зэка. Тот сам набирает себе помощников. Им каждый член общака отдает долю всего, что он получает сверх пайки и казенной одежды, — часть посылки, часть отоварки в ларьке, часть денег, которые они получают за левые заработки или от родственников. Средства общака, в свою очередь, используются как на общие нужды, так и на помощь отдельным людям. Приходит, например, человек этапом, еще не обжился, отовариться не успел, на свидании не был. Вот ему на первое время самое необходимое будет из общака. То же для тех, кого внезапно на этап отправляют, в «крытую» и т. д. Из средств общака помогают одеждой и деньгами тем, кто освобождается.

В лагере семья — это группа зэков, ведущих общее хозяйство, имеющая общий доход. То есть, помимо

общелагерного, у них есть свой небольшой общак. Одна семья состоит из двух или более (до 15—20) человек. Посемейники заботятся друг о друге, в беспредельных зонах защищают своих членов. Хотя защита такая, конечно, нормальным явлением не считается. На правильных зонах арестанта защищает закон. И если он этот закон нарушил, семья заступаться за него не имеет права. Наоборот, посемейники связаны круговой порукой, т. е. коллективной ответственностью за поступки каждого члена своей семьи. Семья и штраф за своего посемейника заплатить должна, чтобы того не «опустили» или не убили, и наказать его как следует, если он будет признан на разборке преступником.

Есть еще такое слово — «кентовка». Во-первых, это синоним слова «семья». Но есть тут и второе значение слова. Если в семью обычно приходят самые разные люди — как правило, только из-за личных симпатий или из соображений выгоды совместной жизни, то кентовка состоит в основном из земляков. Площадь «земли», прежние обитатели которой могут собраться на зоне в одну кентовку, практически неограниченна. Может быть сибирская кентовка на какой-нибудь среднеазиатской зоне. А на зоне, расположенной в городе, может быть кентовка, состоящая только из жителей одной улицы этого города.

Существуют также национальные кентовки. Иногда между ними возникают напряженные отношения — соперничество, недоверие, злорадство. Но каких-то серьезных межнациональных стычек на зонах не бывает. Тюремный закон, как и его прародитель воровской закон, национальностей не признает. Для

воровского закона национальный вопрос — вопрос, недостойный внимания нормального человека.

Голодовка на зоне является самым крайним средством сопротивления. Если все кругом начинают объявлять голодовки, они тем самым лишают последней защиты того человека, который действительно находится в очень тяжелом положении...

Перед тем как объявить голодовку, заключенными используются все другие средства отстаивания своих прав. Например, пишутся заявления (одним или группой заключенных). В крайнем случае объявляется забастовка. Самое худшее, чем может кончиться забастовка, — это бунт. Бунт обычно подавляется очень жестоко — все равно, настоящий это бунт или спровоцированный. Тут обе стороны средств не выбирают, так что убить запросто могут.

Родственником зэка быть очень тяжело. Это значит годами стоять в очередях, терпеть унижения и постоянные «нельзя», учиться давать взятки и искать деньги на них. Это значит осваивать «феню» и правила конспирации, чувствовать себя личным врагом власти, переполняться ненавистью к роду человеческому, вообще находить в себе много плохого, о чем раньше и не подозревал. Все это предстоит родственникам зэка. В обмен на лишения родственников зэк будет получать посылки, письма, свидания. Без этих знаков заботы, без ощущения того, что тебя помнят, без дозволенных к получению пряников на зоне прожить очень трудно, иногда невозможно. Чем теснее связь зэка с домом, тем менее испорченным он возвращается. Но испорчен-

ным он вернется обязательно — к этому родственники тоже должны быть готовы.

(Совершенно секретно. 1992. № 4, 5, 7)

ПОНЯТИЕ ТАТУИРОВКИ. ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ, ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ

В Большой советской энциклопедии указывается, что слово «татуировка» таитянского происхождения: «та» — картинка, «ату» — дух.

Бывшие осужденные, правонарушители обычно татуировку называют «регалкой», «наколкой», «прошивкой», «картинкой» и т. п. Обычно термином «татуировка» обозначают различные изображения на теле человека, а также и само действие — нанесение этих изображений на кожу.

Татуировка связана с древнейшими обычаями испытания выносливости при посвящении юношей во взрослые мужчины. Она носила ритуальный характер, служила знаком магической защиты от злых духов, являлась знаком траура.

Особенно татуировка была развита у народов, живших в условиях первобытнообщинного строя и ран-

неклассового общества. Здесь она служила не только украшением, но и являлась указателем имени, рода, социальной принадлежности ее носителя. Человек не имел права говорить о себе, за него «говорили» татуировки.

Наибольшее распространение татуировка получила в Полинезии.

Первые упоминания о появлении татуировки среди европейских народов, в том числе и народов России, относится к концу XVII — началу XVIII века, когда с развитием мореплавания общение народов различных стран и континентов стало более тесным. С тех пор (а в России особенно после Русско-Японской войны 1905 года) татуировка быстро распространялась, особенно среди моряков и преступников.

МОТИВЫ НАНЕСЕНИЯ ТАТУИРОВОК

Бывшие осужденные, лица, ведущие антиобщественный образ жизни, носят татуировки из-за бравады друг перед другом, тщеславия, подражания, желания показать себя людьми выносливыми, более опытными, «отпетыми», прошедшими «огонь и воду и медные трубы», стремясь завоевать авторитет как в преступной среде, так и у своих сверстников и окружающих после отбытия наказания.

Наблюдения подтверждают тот факт, что и в воинских коллективах на татуированных смотрят с некоторым страхом, признают за ними старшинство при решении тех или иных вопросов.

Окруженные ложным авторитетом романтики, татуированные военнослужащие, при отсутствии за ними строжайшего контроля со стороны командиров и начальников, могут оказать пагубное влияние на слабовольных, малоустойчивых военных строителей.

Надо иметь в виду, что татуировка на теле человека в подавляющем большинстве является криминогенным фактором, носит смысловое значение.

Служащие в армии молодые люди пристрастившиеся к употреблению наркотиков, нередко носят татуировку специально на тех участках тела, где делают инъекции, для того чтобы не было видно следов уколов.

На вопрос о мотивах, побудивших нанести татуировки, как правило, следует ответ: «от скуки», «от нечего делать», «другие делали — и я сделал», «по дурости», «по глупости», «по молодости», «из-за фантазии», «хотел, чтобы меня уважали», «для украшения», «понравилось», «из-за чувства коллегияльности», «многие делают, а я что — хуже?» и т. п.

Но только в исключительных случаях носитель та-

туировки может назвать истинную причину нанесения знака-символа!

Итак, основными побудителями, т. е. мотивами нанесения татуировок, можно считать:

- неписанный «закон» принятия в свою среду лиц, отбывающих наказание;
- личное самоутверждение в определенной группе;
- тщеславие, бравада друг перед другом, хвастовство, желание показать некую «исключительность», необычность и «превосходство» над окружающими;
- подражание лицам преступного поведения, имеющим татуировки;
- своеобразный знак «памяти» пребывания в исправительном учреждении.

Нередко и сегодня в живучести этого порока причины целого ряда отрицательных явлений — от аморальных поступков до преступного поведения.

Точную характеристику лиц, прошедших через исправительно-трудовое учреждение и носящих обилие татуировок, дал профессор А. М. Яковлев:

«Особенностью их личности является искусственно создаваемая и усиленно внушаемая ими себе и окружающим идея об некой исключительности, необычности и превосходстве над окружающими. Решимость идти на риск и опасность, а затем показное, нарочито картинное «прожигание» жизни, которое... является доказательством его необычности, его «выдающихся» качеств. Отсюда — искусственный, противоестественный мир идей, представлений, принципов, где все «вывернуто наизнанку».

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ И СМЫСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТАТУИРОВОК

Татуировки на поверхности тела обычно выражаются в форме:

- даты (цифры);
- отдельных букв, слов или сочетаний букв (набор);
- текста;
- рисунка;
- условного знака — символа;
- комбинированных вариантов.

Даты (Цифры) преимущественно обозначают год рождения носителей татуировки и наносятся, как правило, на внешней поверхности основных фаланг пальцев или левой руки.

В ряде случаев дата (цифра) обозначает год, когда носитель приговорен судом к наказанию, или номер ИТК.

Дата (цифра) может иметь связь с любым событием в жизни человека (призывом в армию, смертью близкого человека и т. д.).

Отдельные буквы, слова и сочетания начальных букв (набор) читаются (расшифровываются) как сочетания начальных букв других слов, например:

— **СЛОН** — смерть легавым от ножей; смерть легавым, они не спасутся; сердце любит острый нож; с малых лет одни несчастья.

— **ЖУК** — желаю удачной кражи. Обычно наносится лицам, успешно совершившим кражи государственного и личного имущества граждан.

— **ЗЛО** — за все легавым отомщу; отец любимый завещал.

Часто встречаются следующие сочетания, требующие пристального внимания офицеров и прапорщиков к их носителям:

— **ЛЕВ** — люблю ее вечно (свободу, женщину).

— **ПАПА** — привет анархиста, позор активистам.

- *СЛЖБ* — смерть легавым, жизнь блатным.
- *СЛИЧЖВР* — смерть легавым и чекистам, жизнь вора-рецидивистам.

- *БОСС* — был осужден советским судом.
- *КОТ* — коренной обитатель толкучки (базара).

Особое внимание необходимо обратить на носителей надписи *ТУЗ* — туалетный уборщик зоны. Как правило, бывшие осужденные — носители этого знака, попадая в воинский коллектив, начинают глумиться и издеваться над своими сослуживцами, подвергая их таким же унижениям, которые испытали сами в преступной среде.

Тексты обычно бывают в виде заверений в любви, изречений, заклинаний, сетований на свою судьбу, угроз и т. п. Они, как правило, не нуждаются в дополнительном пояснении и расшифровке.

Чаще всего наносятся на груди, животе, спине, предплечье, плечах, ногах.

С первого дня пребывания в военном коллективе носители татуировок-текстов должны быть под пристальным вниманием офицеров и прапорщиков.

Примеры текстов:

- на левом плече: «Чем больше знаю людей, тем больше нравятся собаки»;
- на стопах ног: «Они устали ходить под конвоем»;

- на левой лопатке: «Мать, звони во все колокола, когда твой сын выходит на свободу»;
- на левом предплечье: «Человек человеку — волк»;
- внизу живота: «Если не видела горя — полюби меня»;
- на фоне кинжала: «Смерть моим врагам»;
- на правой и левой ногах: «Нагнись холоп — перед тобой боярин».

Рисунки перечислить очень трудно, да и практически невозможно.

Вместе с тем надо знать, что изображение *кинжала, ножа, обвитого змеей*, означает судимость за хулиганство, грабеж, разбой. В других случаях, сочетаниях — кинжал означает угрозу.

Цветок, пронзенный кинжалом, означает «смерть прокурору».

Сердце, пронзенное стрелой или кинжалом, — «смерть мастям», т. е. людям, отошедшим от воровской среды.

У воров и лиц, склонных к воровству, не принято иметь татуировку с изображением женщин. У них есть профессиональные знаки: изображение головы кошки на плече, многогранной (восьмигранной или шестигранной) звезды, на груди — креста в ореоле, карточных мастей и розы. Есть такая категория военных строителей и в наших подразделениях.

Надо учитывать, что обилие татуировок любого содержания обычно свидетельствует о том, что данное лицо отбывало наказание в виде лишения свободы либо данное лицо принадлежало и принадлежит к преступной среде.

Условный знак — символ имеет зашифрованный смысл, непонятный для непосвященных. Знаки-символы зачастую имеют не одно, а несколько толкований. Избранный сюжет, как правило, выражает желание, стремление обладать каким-либо качеством, свойством, выделить себя из общей среды.

ОРЕЛ — символ силы, здоровья, власти, стремления, неподчиненности.

ВОСЬМИГРАННЫЕ И ШЕСТИГРАННЫЕ ЗВЕЗДЫ — принадлежность к воровской масти. Наносят себе только воры или лица, склонные к воровству. Могут наноситься на плече, руках, ногах. Означает, что носитель играет в карты «под интерес», в коллективе является «блатным», авторитетным.

ПЕРСТНИ НА ПАЛЬЦАХ РУК: один перстень — одна судимость, два — две судимости и т. д.
КРЕСТ НА ГРУДИ — верность воровским «законам».

ПЯТЬ ТОЧЕК В ВИДЕ КВАДРАТА С ТОЧКОЙ В ЦЕНТРЕ — как правило, на указательном пальце правой руки или на изображении перстня, надето-

го на палец, — означают: прошел «зону», был осужден.

ПОГОНЫ НА ПЛЕЧАХ (звание «капитан», «майор», «полковник», «генерал») — отличительный знак авторитета, главенства, старшинства.

Значение татуировки обычно соответствует кличке. **КАРТЫ ИГРАЛЬНЫЕ** — носитель татуировки играет «под интерес». По неписаным воровским «законам» высшее отличие — «пиковую масть» носят лица, заслуживающие безусловное доверие в воровской среде, пользующиеся влиянием.

ЧЕРТ, ГОЛОВА ЧЕРТА, ЧЕРТИКИ — носят совершавшие кражи государственного и общественного имущества, так называемые «налетчики».

Изображение головы хищного животного с оскаленной пастью (чаще всего барса, тигра, рыси) означает в одних случаях угрозу в адрес администрации, а в других — намерение дать отпор любому, покушающемуся на его права и привилегии.

Факт нахождения на ягодицах татуировок почти всегда служит показателем того, что ее носитель является пассивным педерастом. Об этом же свидетельствуют изображения обнаженных женских фигур, женских головок на спинах, точек, «мушек» на щеках или мочках ушей. Как правило, носители таких татуировок (а сделаны они им насильственным путем) уклоняются от помывки в бане, телесных ос-

мотров, ведут себя пассивно, сторонятся коллектива, при проведении массовых мероприятий держатся обособленно, всегда отмалчиваются. В исключительно редких случаях, доведенные до отчаяния, могут обратиться к командиру или политработнику. Нередко пытаются покончить жизнь самоубийством.

ТАТУИРОВКИ И ПЕРСТНИ

Ниже приведены графические изображения татуировок и перстней:

Рис. 1—155 — татуировки.

Рис. 154—171 — перстни, констатирующие отбывание наказания в местах лишения свободы.

Рис. 172—179 — перстни, характеризующие положение ее носителя в местах лишения свободы и преступной среде.

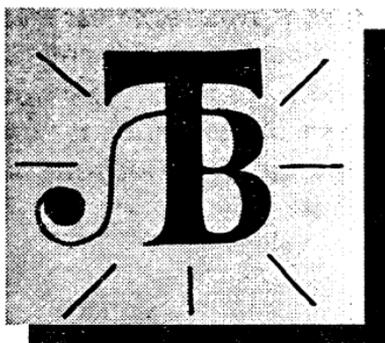
Рис. 180—183 — перстни, указывающие на отбывание наказания в несовершеннолетнем возрасте.

(Дубягин Ю. П. Следующая жертва ты! Непридуманные криминальные сюжеты и азбука безопасности. — М.: Печатное дело, 1995)

«ЛЮБИ, ТОВАРИЩ, ВОЛЮ»; «ЛЮБИ, ТОВАРИЩ, ВЕЧНО»; «ЛЮБЛЮ ТИХО ВОРОВАТЬ» — ТРЕХ-БУКВЕННАЯ ШРИФТОВАЯ КОМПОЗИЦИЯ

АББРЕВИАТУРА «ЛТВ» С СЕМЬЮ ЛУЧАМИ-ЧЕРТОЧКАМИ.

1



2

«ВЕРЮ В СВОЕГО АМУРА ЛЮБВИ» — СИМВОЛИЗИРУЕТ ВЕРУ В ТО, ЧТО ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ЕГО ДОЖДЕТСЯ

АМУР, ПУСКАЮЩИЙ СРЕЛУ, С КОЛЧАНОМ СРЕЛ



МОЖЕТ ОЗНАЧАТЬ: ОСУЖДЕН ЗА УБИЙСТВО ИЛИ «ВОР В ЗАКОНЕ». НА ЖАРГОНЕ — «ГАЙМЕННИК», «МОКРУШНИК», «МЯСНИК», «ТЯЖЕЛОВЕС», «КОЛУН», «КОЛУН ПО УГОВОРУ»

ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЕСТА И АНГЕЛОВ ПО БОКАМ

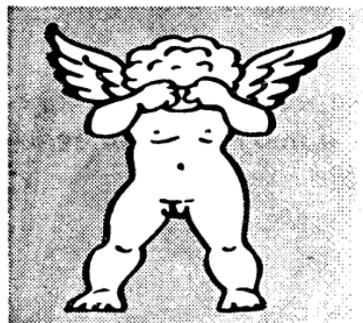
3



4

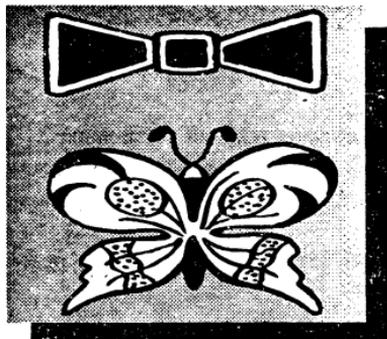
НАКАЛЫВАЮТ «ПОШЛЯКАМ-ПАРТАЧНИКАМ» И «ГЕМОРРОЙНИКАМ» — НЕОПЫТНЫМ ВОРАМ (НЕУДАЧНИКАМ) ИЗ ЧИСЛА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

«ПЛАЧУЩИЙ АНГЕЛ»



5
ИЗОБРАЖЕНИЕ ДВУХ АНГЕЛОВ, ПАРЯЩИХ В ОБЛАКАХ. МОЖЕТ БЫТЬ В СОЧЕТАНИИ С ДРУГИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

СИМВОЛИЗИРУЕТ ПРИВЯЗАННОСТЬ, ВЕРУ, НАДЕЖДУ, ЛЮБОВЬ, ИНОГДА — СВОЕОБРАЗНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ИМЕТЬ РЕБЕНКА



6
БАНТ-«БАБОЧКА»; БАБОЧКА-МОТЫЛЕК

НАМЕРЕН СОВЕРШИТЬ ПОБЕГ

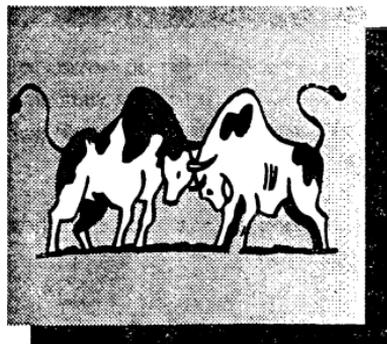
ГОЛОВА РАЗЪЯРЕННОГО БАРСА В ФАС, ЧАСТО ВЫБЕГАЕТ И ИЗОБРАЖЕНИЕ БАРСА В ПРОФИЛЬ С РАСКРЫТОЙ ПАСТЬЮ

«ОСКАЛ ВЛАСТИ» — ВЛАДЕЛЕЦ СЧИТАЕТ СЕБЯ ОПАСНЫМ ПРЕСТУПНИКОМ, НЕНАВИДЯЩИМ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ



7
ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕДИНОБОРСТВА ДВУХ БЫКОВ

ОТРИЦАТЕЛЬНО НАСТРОЕН ПРОТИВ РАБОТНИКОВ ИТУ. БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО СРЕДИ УГОЛОВНИКОВ



ИЗОБРАЖЕНИЕ РЫЦАРЯ (ГЛАДИАТОРА) В ДОСПЕ-
ХАХ СО ШИТОМ И ОБНАЖЕННЫМ МЕЧОМ

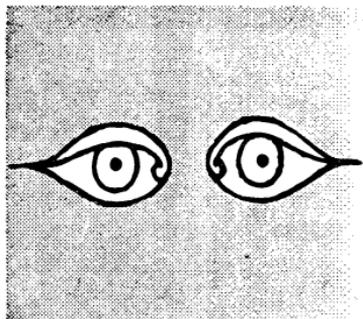
СКЛОНЕН К САДИЗМУ И ДЕРЗКОМУ ХУ-
ЛИГАНСТВУ. ЛИЦ С ТАКОЙ ТАТУИРОВ-
КОЙ В ИТУ НАЗЫВАЮТ «БОЙЦАМИ».

9



10

ВАРИАНТ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДВУХ ГЛАЗ:



ЧАША С ГОЛОВОЙ ДЕВУШКИ, КОТОРУЮ ОБВИВАЕТ
ЗМЕЯ, НА ФОНЕ ПАУТИНЫ, ШПРИЦА И
ЧЕРЕПА

ЭМБЛЕМА НАРКОМАНА

а) В ОБЛАСТИ НИЖНЕЙ ЧАСТИ ЖИВОТА —
АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК «ЛАГЕРНОЙ САМО-
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ПРЕСТУПНОГО ЭЛЕМЕН-
ТА;

б) НА ЯГОДИЦАХ — ПАССИВНЫЙ ПЕДЕ-
РАСТ

11



12

ГОЛОВА С ИЗВИВАЮЩИМИСЯ ЗМЕЯМИ ВМЕСТО ВО-
ЛОС (МЕДУЗА ГОРГОНА), НАХОДЯЩАЯСЯ
НА СКРЕПЕННОМ МЕЧЕ И ГОРЯЩЕМ ФА-
КЕЛЕ

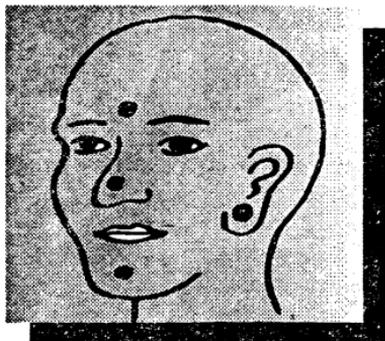
СИМВОЛИЗИРУЕТ: «ЗА ВСЕ ПРИЧИНЕННОЕ
МНЕ ОТОМЩУ».



ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛОВЫ ЧЕЛОВЕКА С КОРОНОЙ

СОДЕРЖАТЕЛЬ ПРИТОНА. ХОРОШО ИЗВЕСТЕН В ПРЕСТУПНОЙ СРЕДЕ И АВТОРИТЕТЕН. НА ЖАРГОНЕ — «БАНДА», «КОРОЛЬ», «КОНТОРЩИК», «МАЛИНЩИК», «МАРАФЕТЧИК», «ПАХАН», «ХОЗЯИН», «ЯМНИК».

13



14

ИЗОБРАЖЕНИЕ В ВИДЕ БОЛЬШИХ ТОЧЕК НА ЛИЦЕ И УШАХ

ОЗНАЧАЕТ: НА ЛБУ — ЕЕ НОСИТЕЛЬ ЗАПОДОЗРЕН В ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ ИНТЕРЕСОВ ПРЕСТУПНИКОВ; НА ПОДБОРОДКЕ — УКРЫВАЕТ ОТ СОКАМЕРНИКОВ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ ИЛИ ВОРУЕТ ИХ ПО НОЧАМ —

«КРЫСЯТНИК»; НА НОСУ — «ОСВЕДОМИТЕЛЬ»; НА УХЕ ИЛИ ЗА УХОМ (НА МОЧКЕ) — НЕ ИСПОЛНЯЕТ СВОИХ ОБЕЩАНИЙ; ПЯТНО ПОД ГЛАЗОМ — ПАССИВНЫЙ ГОМОСЕКСУАЛИСТ

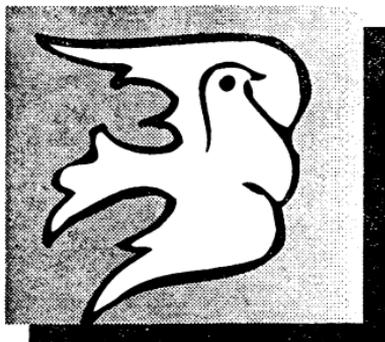
ВСЕ ТОЧКИ НАНОСЯТСЯ В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ (НАСИЛЬСТВЕННО), ЧАСТО ПО РЕШЕНИЮ ВОРОВСКОГО СУДА



15

ЛЕТЯЩИЙ ГОЛУБЬ

СИМВОЛИЗИРУЕТ: «ДЕТСТВО БЫЛО СЧАСТЛИВЫМ», «ЛЮБИ СВОБОДУ».



ГОЛУБЬ НА ФОНЕ ТЮРЕМНОЙ РЕШЕТКИ И НАД-
ПИСЬ: «ВОТ МОЯ ЮНОСТЬ». ВОЗМОЖНЫЙ
ВАРИАНТ РИСУНКА: ОКНО С ТЮРЕМНОЙ
РЕШЕТКОЙ

ОЗНАЧАЕТ ПРЕБЫВАНИЕ В ВТК, СПЕЦ-
УЧИЛИЩЕ.

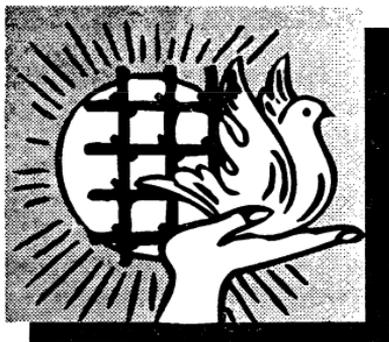
16



17

ГОЛУБЬ С ПОДНЯТЫМИ КРЫЛЬЯМИ НА ЛАДОНИ НА
ФОНЕ РЕШЕТКИ И СОЛНЦА

«ЗЛАЯ НЕВОЛЯ ОТНЯЛА СОЛНЦЕ, ЛЮБОВЬ,
НАДЕЖДУ».



ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛУБЯ, ПЫТАЮЩЕГОСЯ ВЗЛЕ-
ТЕТЬ, С РУКОЙ, ДЕРЖАЩЕЙ ЕГО ЗА
ХВОСТ

СИМВОЛИЗИРУЕТ СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБО-
ДЕ ИЗ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

18

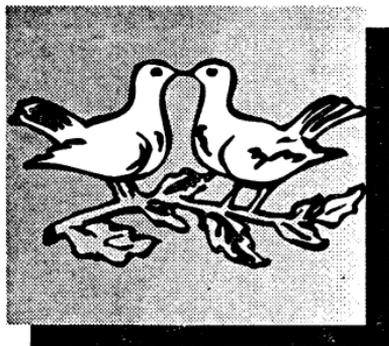


19

ЦЕЛУЮЩИЕСЯ ГОЛУБИ НА ВЕТКЕ:

ДАННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧАЩЕ ВСТРЕЧА-
ЕТСЯ У ЖЕНЩИН

СИМВОЛ ЛЮБВИ



КОМПОЗИЦИЯ: ГОЛУБЬ И РУКА В КАНДАЛАХ

СУДИМ ЗА ХУЛИГАНСТВО (ДЕВОШ) И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИСТЯЖАНИЕ ЖЕНЫ НА ПОЧВЕ РЕВНОСТИ. НА ЖАРГОНЕ — «ИЗВОЗЧИКИ», «КАРАСИ БУШКАТЫЕ»

20



21

КОМПОЗИЦИЯ ИЗ ДРАКОНА И ХРАМА

НОСИТЕЛЬ ДАННОЙ ТАТУИРОВКИ БЫЛ ОСУЖДЕН К ДЛИТЕЛЬНОМУ СРОКУ НАКАЗАНИЯ С КОНФИСКАЦИЕЙ ИМУЩЕСТВА, У КОТОРОГО В ПРОЦЕССЕ СЛЕДСТВИЯ БЫЛИ ИЗЪЯТЫ КРУПНЫЕ СУММЫ ДЕНЕГ («АКУЛА», «ВОРОТИЛА», «ДЕЛЯГА», «ДОБЫТЧИК», «ГЕШЕФТ», «МАХЕР», «ХАПУГА», «ШВАРЦМАХЕР», «ШУКА»)



ИЗОБРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ДЕНЕЖНОГО ЗНАКА

ОЗНАЧАЕТ: «ДЕНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК», «МЕДВЕЖАТНИК»

22



23

ИЗОБРАЖЕНИЕ ТРЕХ ХВОЙНЫХ ДЕРЕВЬЕВ (ЕЛЬ, СОСНА, ПИХТА)

ОТБЫВАЛ НАКАЗАНИЕ В ЛЕСНЫХ ИТУ



СТИЛИЗОВАННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖУКА С ДЛИННЫМИ УСАМИ И С ТРЕМЯ ЛАПАМИ ПО БОКАМ

БОР-КАРМАННИК

24

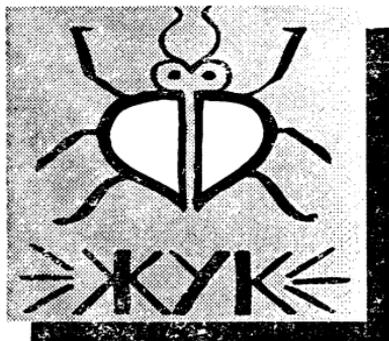


25

СТИЛИЗОВАННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖУКА, ПОД КОТОРЫМ НАДПИСЬ: «ЖУК» С ШЕСТЬЮ ЧЕРТОЧКАМИ.

«ЖЕЛАЮ УДАЧНОЙ КРАЖИ»

ТАТУИРОВКУ НАНОСЯТ СИСТЕМАТИЧЕСКИ ВОРУЮЩИЕ ОСУЖДЕННЫЕ



ЖЕНСКАЯ ТАТУИРОВКА В ВИДЕ ГОЛОВЫ ДЕВУШКИ. ЧАЩЕ ВСЕГО ЯВЛЯЕТСЯ ПОРТРЕТОМ ПОДРУГИ, КОТОРАЯ ПОМОГАЛА ПЕРЕНОСИТЬ ВСЕ ТЯГОТЫ И ЛИШЕНИЯ В ИТК

26



27

ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ С КРЕСТОМ НА ГРУДИ, —

ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НОСИТЕЛЮ ТАТУИРОВКИ 17 ЛЕТ ИСПОЛНИЛОСЬ В ВТК



ИЗОБРАЖЕНИЕ МОЛОДОЙ ДЕВУШКИ НА ФОНЕ КРЕСТА, ОБВИТЫХ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ:
«ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ ВЫПАЛ НА МОЮ ДОЛЮ», «ТЮРЬМА ВСЕ СЧАСТЬЕ ОТНЯЛА»

28



29

ГОЛОВА МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ В ФАС, ПОД НЕЙ — РОЗА НА ФОНЕ КИНЖАЛА. ОЗНАЧАЕТ КЛЯТВУ О МСТИ



ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛИЦА ДЕВУШКИ С ФРАГМЕНТОМ ТЮРЕМНОЙ РЕШЕТКИ, СТЕНЫ И ПОГРУДНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА. СИМВОЛИЗИРУЕТ ТОСКУ ПО ДОМУ, ПО ЛЮБИМОЙ ДЕВУШКЕ

30



31

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ С РЕБЕНКОМ, ИНОГДА В ВИДЕ КОПИИ КАРТИНЫ РАФАЭЛЯ «СИКСТИНСКАЯ МАДОННА». СИМВОЛИЗИРУЕТ ТОСКУ ПО ДОМУ, ВОЛЕ; ТЮРЬМА — ДОМ РОДНОЙ; ДИТЯ ТЮРЬМЫ



ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ С РЕБЕНКОМ
НА РУКАХ И НИМБОМ ВОКРУГ ЕЕ ГОЛОВЫ
С НАДПИСЯМИ: «ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕБЯ,
МИЛЫЙ» И «ВСЕГДА ПОМНИ О СВОИХ ДЕ-
ТЯХ»

32



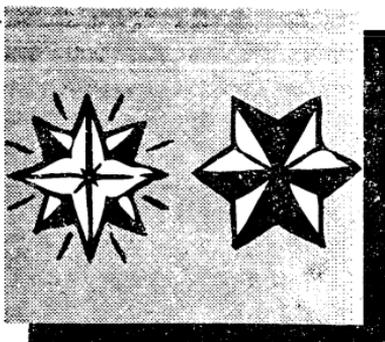
33

НАРКОМАН. ОБЫЧНО НАНОСИТСЯ В МЕСТАХ ВВЕ-
ДЕНИЯ НАРКОТИКА. ДЛЯ НАРКОМАНОВ
ТИПИЧНЫ РАЗНООБРАЗНЫЕ ФАНТАСТИ-
ЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ

«РОЗА ВЕТРОВ». ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ВЛАДЕЛЕЦ ТАТУИ-
РОВКИ — ГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК

«ЗНАК АВТОРИТЕТА»; «НЕ ВСТАНУ НА КО-
ЛЕНИ ПЕРЕД ЧЛЕНАМИ САМОДЕЯТЕЛЬ-
НЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОСУЖДЕННЫХ ИЛИ
ПЕРЕД ЗАКОНОМ»

34

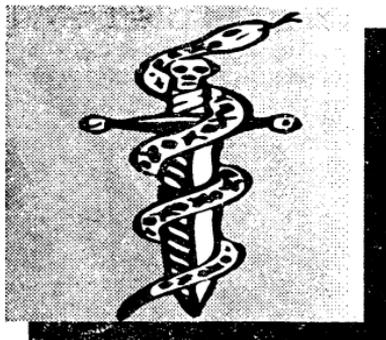


35

ЗМЕЯ С КОРОНОЙ, ОБВИВАЮЩАЯ МЕЧ, ПО БОКАМ
СТВОЛА ТОРЧАТ ДВЕ СТРЕЛЫ. НОСИТЕЛЬ
ТАТУИРОВКИ — КОРОЛЬ ВОРОВСКОЙ МА-
СТИ (КОРОНА — ЭТО СВЕРШЕННАЯ МЕСТЬ)

ЕСЛИ ГОЛОВА ЗМЕИ РАСПОЛОЖЕНА ГОРИЗОНТАЛЬНО ЛИБО ОПУЩЕНА, ТО ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ВЛАДЕЛЕЦ ТАТУИРОВКИ ПРЕКРАТИЛ ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

36

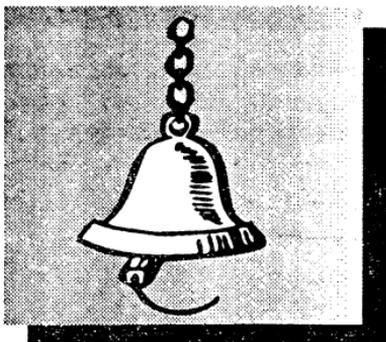


37

ЗМЕЯ С ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ, ОБВИВАЮЩАЯ МЕЧ, НА РУКОЯТКЕ КОТОРОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЧЕРЕП (ЛИЦО): НАЧАЛ ВОРОВАТЬ, ГРАБИТЬ

СУДИМ ЗА ХУЛИГАНСТВО, 18 ЛЕТ ВСТРЕТИЛ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

38

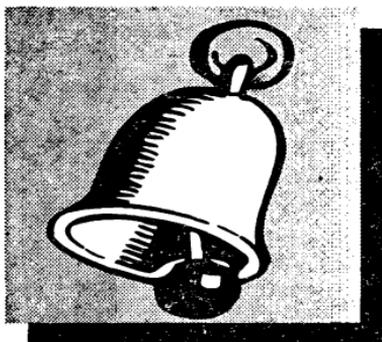


39

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО КОЛОКОЛА ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НОСИТЕЛЬ ДАННОЙ ТАТУИРОВКИ ОТНОСИТ СЕБЯ К ВОРАМ-КАРМАННИКАМ, ПОХИЩАЮЩИМ ДЕНЬГИ У ВЕРУЮЩИХ В ДНИ ЦЕРКОВНЫХ ПРАЗДНЕСТВ. НА ЖАРГОНЕ — «ХРИСТОСЛАВЦЫ». КОЛИЧЕСТВО КОЛЕЦ ЦЕПИ СООТВЕТСТВУЕТ ЧИСЛУ СУДИМОСТЕЙ

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОЛОКОЛА ОЗНАЧАЕТ: ОТБЫЛ
СРОК НАКАЗАНИЯ ПОЛНОСТЬЮ — «ОТ
ЗВОНКА ДО ЗВОНКА» ИЛИ «ЗВОНКА ЖДУ»,
«УЙДУ СО ЗВОНКОМ».

40

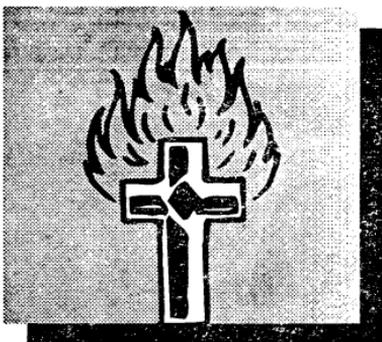


41

СИМВОЛИЗИРУЕТ ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ ВОРАХ.

ОЗНАЧАЕТ: ОСУЖДЕННЫЙ «СТОРЕЛ» НА КРАЖЕ В
МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ПЕРЕВЕ-
ДЕН В ИТУ С БОЛЕЕ СТРОГИМ РЕЖИМОМ
СОДЕРЖАНИЯ

42



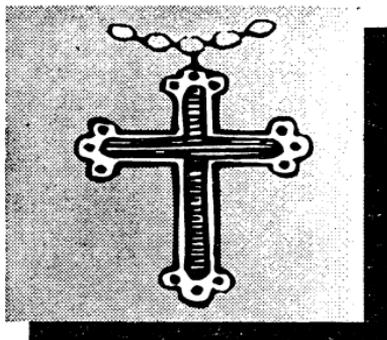
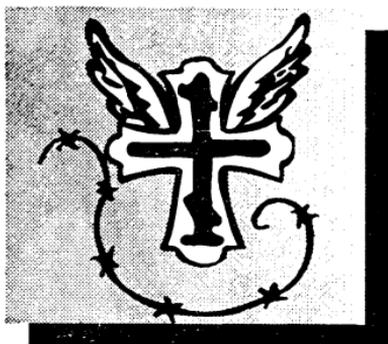
43

ОЗНАЧАЕТ: «СВОБОДУ МАЛОЛЕТКЕ»; «ОСВОДИТЕ
МЕНЯ» (ВЛАДЕЛЕЦ ТАТУИРОВКИ — НЕСО-
ВЕРШЕННОЛЕТНИЙ, СОДЕРЖАЛСЯ В ВТК)



ВАРИАНТ РИСУНКА: «ЛЕТИ ТУДА, ГДЕ НЕТ ЗАКОНА
И СУДА» (ОСУЖДЕННЫЙ НАДЕЕТСЯ НА
ЖИЗНЬ, ГДЕ НЕТ ПРАВОСУДИЯ)

44

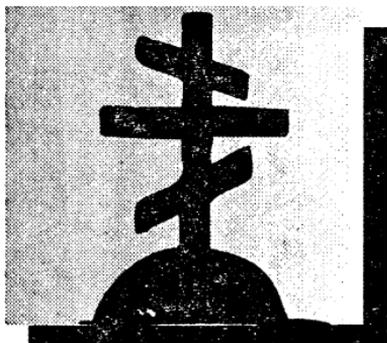


45

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФИГУРНОГО КРЕСТА НА ЦЕПОЧКЕ
ОЗНАЧАЕТ: «ВОРОВСКОЙ КРЕСТ»; У ЖЕН-
ЩИН — ПОТЕРЯ СЧАСТЬЯ, ОТОРВАН-
НОСТЬ ОТ ЖИЗНИ

ИЗОБРАЖЕНИЕ МОГИЛЬНОГО КРЕСТА ОЗНАЧАЕТ:
«БУДУ МСТИТЬ АКТИВИСТАМ ДАЖЕ ЦЕ-
НОЙ ЖИЗНИ РОДНОЙ МАТЕРИ», «СМЕРТЬ
АКТИВИСТАМ» ИЛИ «НЕТ РОДНОЙ МАТЕ-
РИ»

46

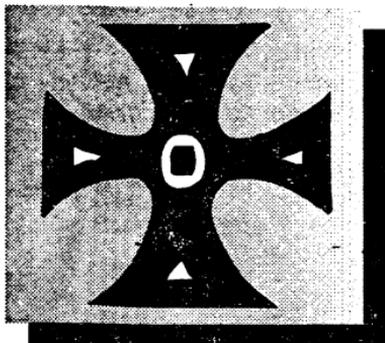


47

«НЕ СКОРБЯЩИЙ НИ О ЧЕМ, КРОМЕ СВОЕГО ТЕЛА И
ПАЙКИ ХЛЕБА»

ТЕМНЫЙ ТЕВТОНСКИЙ КРЕСТ С МЕЛКИМИ СВЕТЫМИ ДЕТАЛЯМИ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НОСИТЕЛЬ ТАТУИРОВКИ ОСУЖДЕН ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ

48



49

ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЕСТА С РАСПЯТИЕМ ИСУСА ХРИСТА, КОТОРЫЙ ДЕРЖИТ РУКИ В КАНДАЛАХ

СИМВОЛИЗИРУЕТ ВЕРУ В ВОРОВСКЮ РОМАНТИКУ, ИДЕЮ

ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЕСТА С РАСПЯТИЕМ, КОТОРЫЙ ДЕРЖАТ РУКАМИ В НАРУЧНИКАХ

ОЗНАЧАЕТ: «БЫЛ РАСПЯТ СУДОМ»

50



51

ГОЛОВА ЧЕЛОВЕКА НА ФОНЕ ФИГУРНОГО КРЕСТА, У ОСНОВАНИЯ КОТОРОГО НАХОДИТСЯ ПИКОВАЯ МАСТЬ, ОЗНАЧАЕТ: «СУДИМ ЗА УБИЙСТВО», МАСТЬ «ПИК» — СТАРШАЯ МАСТЬ В КАРТОЧНОЙ ИГРЕ (ЗНАК «АВТОРИТЕТА»)



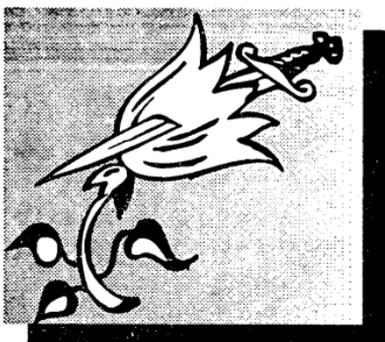
52
 КИНЖАЛ, НА РУКОЯТКЕ КОТОРОГО ИЗОБРАЖЕН
 ЧЕРЕП С КОСТЯМИ И КОРОНА, СИМВОЛИ-
 ЗИРУЕТ ЖЕСТОКОСТЬ, НАСИЛИЕ



ВАРИАНТ РИСУНКА: ЦВЕТОК, ПОХОЖИЙ НА ТЮЛЬ-
 ПАН, ПРОНЗЕН КИНЖАЛОМ.

53

КИНЖАЛ, ВОЗНЕННЫЙ В ЧЕРЕП, ОЗНАЧАЕТ:
 «СМЕРТЬ ПРОКУРОРУ». (НОСИТЕЛЬ ТАТУИ-
 РОВКИ ПОКЛЯЛСЯ ОТОМСТИТЬ РАБОТНИ-
 КАМ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ)



54

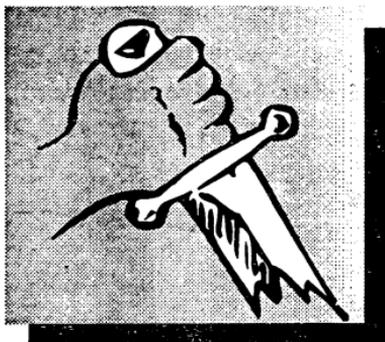
РОЗА НА ФОНЕ КИНЖАЛА, ИМЕЮЩЕГО ФИГУРНУЮ
 РУКОЯТКУ

«ЗА ЛЮБОВЬ — ЛЮБОВЬЮ, ЗА ИЗМЕНУ —
 КРОВЬЮ»



55
РУКА, СЖИМАЮЩАЯ РУКЬЯТКУ ОБЛОМАННОГО
КИНЖАЛА

НОСИТЕЛЬ ТАТУИРОВКИ ПОКЛЯЛСЯ ОТО-
МСТИТЬ ЗА ПОГИБШЕГО ДРУГА



56

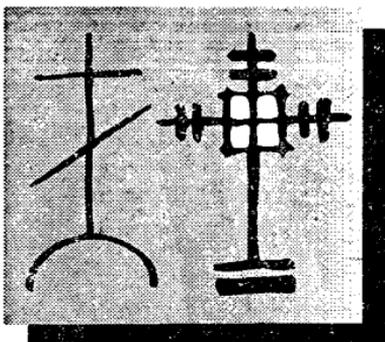
ЗАКОВАННАЯ В НАРУЧНИКИ РУКА СЖИМАЕТ РУ-
КОЯТКУ НОЖА (КИНЖАЛА) ОЗНАЧАЕТ:
ХУЛИГАН («БАКЛАН»).

ТОНКИЙ ЛИНЕЙНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ КРЕСТ НА
МОГИЛЕ

«ОСУЖДЕН В НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ
ВОЗРАСТЕ»

ВАРИАНТ РИСУНКА: «МАЛОЛЕТКА»

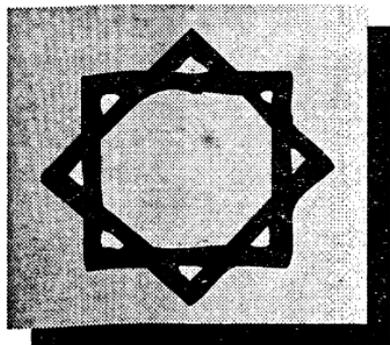
57



58

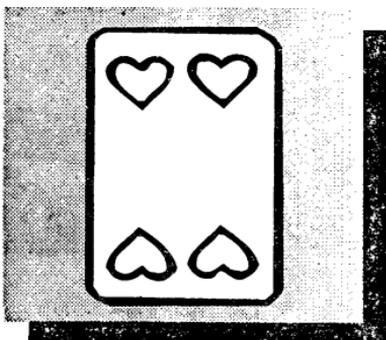
ДВА КВАДРАТА, НАЛОЖЕННЫЕ ДРУГ НА ДРУГА, СО-
СТАВЛЯЮЩИЕ ВОСЬМИУГОЛЬНИК

«НЕ ХОЧУ РАБОТАТЬ НА ХОЗЯИНА»
«НИКТО НЕ ПОСТАВИТ НА КОЛЕНИ»
«НЕ ИЗМЕНЮ ИДЕЯМ»



ИЗОБРАЖЕНИЕ ИГРАЛЬНОЙ КАРТЫ СО ЗНАКОМ ПИКИ ПО УГЛАМ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НОСИТЕЛЬ ТАТУИРОВКИ МОШЕННИК — «ПРОБИРЕЙ», СБЫВАЮЩИЙ ФАЛЬШИВЫЕ ЦЕННОСТИ ПУТЕМ ПОДЕЛКИ КЛЕЙМА НА ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ

59

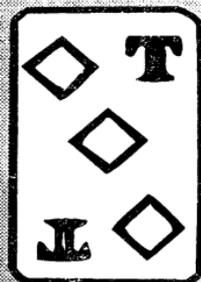


60

ИЗОБРАЖЕНИЕ ИГРАЛЬНОЙ КАРТЫ СО ЗНАКОМ ЧЕРВИ ПО УГЛАМ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НОСИТЕЛЬ ТАТУИРОВКИ ПРИНАДЛЕЖИТ К «СКВАЛЫГАМ» — МОШЕННИКАМ, ПРЕДЛАГАЮЩИМ ЖЕРТВЕ ПРИОБРЕСТИ ДЕФИЦИТНЫЙ ТОВАР ПО ЗНАКОМСТВУ

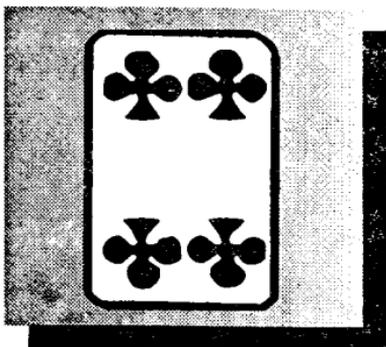
ИЗОБРАЖЕНИЕ ИГРАЛЬНОЙ КАРТЫ «ТУЗ БУБНОВЫЙ» ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ЕЕ НОСИТЕЛЬ — «ШАМАН» (СТАРШИЙ В ГРУППЕ МОШЕННИКОВ — «СТИРОГОНОВ»), КОТОРОМУ СООБЩНИКИ ПОМОГАЮТ ОБМАНУТЬ ЖЕРТВУ ПРИ ИГРЕ В КАРТЫ НА ДЕНЬГИ

61



62

ИЗОБРАЖЕНИЕ ИГРАЛЬНОЙ КАРТЫ СО ЗНАКОМ ТРЕФА ПО УГЛАМ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ЕЕ НОСИТЕЛЬ — «ПАКЕТЧИК» (МОШЕННИК), ПРИМЕНЯЮЩИЙ ПАНТАЖ ПРИ ОБМАНЕ ЖЕРТВЫ. ЕСЛИ ТРЕФА РАСПОЛОЖЕНА ПО ДИАГОНАЛИ — ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К «КОМИССАРАМ», «РАЗГОНЩИКАМ» (МОШЕННИКАМ, ВЫДАЮЩИМ СЕБЯ ЗА РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ). НЕЗАКОННО ПРОИЗВОДЯТ ОБЫСКИ И ИЗЫМАЮТ ЦЕННОСТИ



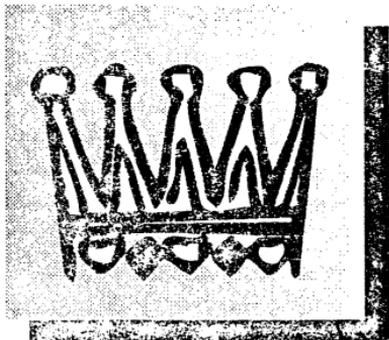
ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛСВЫ КОТЕНКА ОЗНАЧАЕТ ХИТРОСТЬ, ЛУКАВСТВО, КОВАРСТВО

63



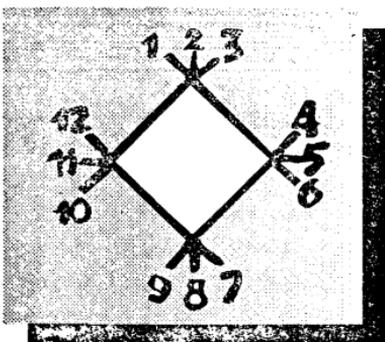
64

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРОНЫ С КРАСНЫМИ МАСТЯМИ ОЗНАЧАЕТ: «КОРОЛЬ ВСЕХ МАСТЕЙ» — ПАССИВНЫЙ ГОМОСЕКСУАЛИСТ. НАНОСИТСЯ НАСИЛЬСТВЕННО И ДОБРОВОЛЬНО



КВАДРАТ С ЗАСЕЧКАМИ И ЦИФРАМИ ПО УГЛАМ ПОКАЗЫВАЕТ ПОЛОЖЕНИЕ ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦА

65



«КВАДРАТ РАНГОВ» — РАСШИФРОВКА:
2, 6, 10 — КОЛОНИСТ; 3, 7, 11 — СУКА; 4, 8, 12 — АКТИВИСТ

66

ПОКОРИТЕЛЬ ДАМСКИХ СЕРДЕЦ (ГУДИМ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ)



«ПРИЗЛИЖЕННЫЙ КОРОЛЯ» — СОДЕРЖАТЕЛЬ ПРИ-
 ТОНА, БЕЗРОПОТНО ВЫПОЛНЯЮЩИЙ
 ВСЕ ЕГО УКАЗАНИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ.
 «МАРАФЕТЧИК» — ПРИОБРЕТАЕТ И СЫ-
 ВАЕТ НАРКОТИКИ. «БАНДЕР» — ПОДБИ-
 РАЕТ ДЛЯ ПРИТОНА ЖЕНЩИН ЛЕГКОГО
 ПОВЕДЕНИЯ. СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ
 ПОЛЬЗУЕТСЯ ПОЧТИ ТАКИМ ЖЕ АВТОРИ-
 ТЕТОМ, КАК И «КОРОЛЬ»

67



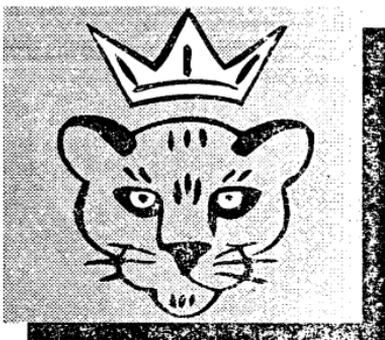
68

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРОНЫ НА ГОЛОВЕ ПОДРОСТКА
 ОЗНАЧАЕТ: АВТОРИТЕТНЫЙ, ИЗВЕСТНЫЙ
 В ВТК



ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛОВЫ ЛЬВЕНКА С КОРОНОЙ НА
 ЖАРГОНЕ ОЗНАЧАЕТ «КОРОЕДКА» — КО-
 РОНА САХАЛИНСКОЙ ВТК

69



70

ОСТОРОЖНЫЙ ВОР (КОТ — «КОРЕННОЙ ОБИТАТЕЛЬ
 ТЮРЬМЫ»)



ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛОВЫ КОТА В ШЛЯПЕ С КОГТЯМИ (НА ПЛЕЧЕ И ГРУДИ) ОЗНАЧАЕТ: ВОРОВСКАЯ «МАСТЬ» ЧЕЛОВЕКА, НЕ РАССТАЮЩЕГОСЯ С ПРЕСТУПНЫМ МИРОМ. СКЛОНЕН К РАЗБОЯМ, ГРАБЕЖАМ, КРАЖАМ
ЕСЛИ РИСУНОК ПОД МЫШКОЙ — «ТЮРЬМА — ДОМ РОДНОЙ»; НА НОГАХ — «ОСУЖДЕН ЗА РАЗБОЙ («ВЕЧНО ОСУЖДЕННЫЙ»)

71



72

ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЫСЫ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ВЛАДЕЛЕЦ ТАТУИРОВКИ ВОРОВАЛ У СВОИХ. НАНОСИТСЯ НАСИЛЬСТВЕННО



СИМВОЛ СИЛЫ И ВЛАСТИ ИЛИ «УВАЖАЙ ВЛАСТЬ, СИЛУ ЗАКОНА»

73



74

СИМВОЛИЗИРУЕТ: МЕСТЬ ПРОКУРОРУ, РАБОТНИКАМ МИЛИЦИИ. КОЛИЧЕСТВО КОЛЮЧЕК НА ПРОВОЛОКЕ ОЗНАЧАЕТ СРОК НАКАЗАНИЯ



СТИЛИЗОВАННАЯ КОМПОЗИЦИЯ ИЗ ПРОПИСНОЙ ЛАТИНСКОЙ БУКВЫ «Д» И ГОЛОВЫ ТИГРА, ЛАПОЙ ДЕРЖАЩЕГО ЧЕРЕП, В ОБРАМЛЕНИИ КАРТОЧНОЙ МАСТИ И В КОРОНЕ, СИМВОЛИЗИРУЕТ ЖЕСТОКОСТЬ, АНТИ-ОБЩЕСТВЕННУЮ НАПРАВЛЕННОСТЬ

75



76

ОЗНАЧАЕТ ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ, ОТОРВАННОСТЬ ОТ ЖИЗНИ, НЕВЕРИЕ В ВОЗМОЖНОСТЬ ВЕРНУТЬСЯ В ЖЕЛАЕМУЮ СРЕДУ

ОЗНАЧАЕТ: НЕОДНОКРАТНО СУДИМ ЗА КРАЖИ, ГРАВЕЖИ, РАЗБОИ. «ВОР В ЗАКОНЕ». УГРОЗА ОТОМСТИТЬ «ЗА ИЗМЕНУ» ЖЕНЩИНЕ ИЛИ ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО

77



ВАРИАНТ БЛИЗКОГО РИСУНКА — НАРКОМАН, КАК ПРАВИЛО, НАКАЛЫВАЕТСЯ В МЕСТАХ ВВЕДЕНИЯ НАРКОТИКОВ



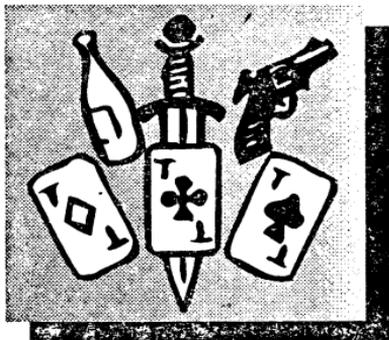
СИМВОЛИЗИРУЕТ ЛЕГКУЮ ЖИЗНЬ, ПОЧИТАТЕЛЬ
ЛЕГКОЙ ЖИЗНИ НА ВОЛЕ ЧУВСТВУЕТ СЕ-
БЯ СВОБОДНО, БЫЛ ВНЕ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ
РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ. МОЖЕТ ТАКЖЕ
ОЗНАЧАТЬ: «ВОТ ЧТО НАС ГУБИТ»; «ЕГО
ПОГУБИЛА ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ»; «ГОРДОСТЬ
ЗА БЫЛЫЕ УСПЕХИ».

78



79

ВЛАДЕЛЕЦ СКЛОНЕН К РАЗГУЛЬНОЙ ЖИЗНИ, ВОД-
КЕ, ЖЕНЩИНАМ, КАРТАМ И ДЕНЬГАМ



«В ОБЪЯТИЯХ ЗЛОЙ СУДЬБЫ».

80



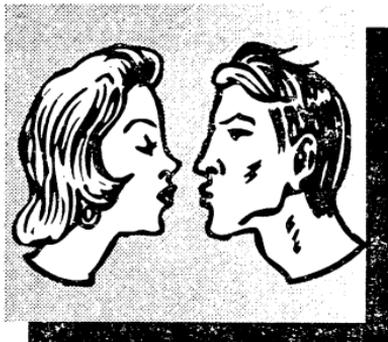
81

«ЖИЗНЬ, КАК СВЕЧА, ПОТИХОНЬКУ ТАЕТ».



СИМВОЛИЗИРУЕТ ЛЮБОВЬ

82



83

НАРКОМАН (ИЛИ СКЛОНЕН К УПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИКОВ)



ОЗНАЧАЕТ: СКЛОНЕН К ПОБЕГУ

ЕСЛИ У ОРЛА В КОГТЯХ ОВЦА, ЖЕНЩИНА — СОВЕРШИЛ ИЗНАСИЛОВАНИЕ

84



85

«ЖИЗНЬ ПРОХОДИТ МИМО»



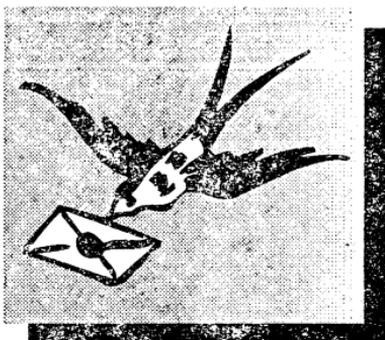
ВАРИАНТЫ ТЕКСТА И КАРИКАТУР НА РАБОТНИКОВ
ИТУ

86



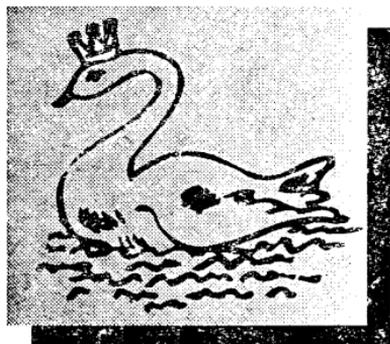
«ОЖИДАНИЕ ВЕСТОЧКИ ОТ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА»

87



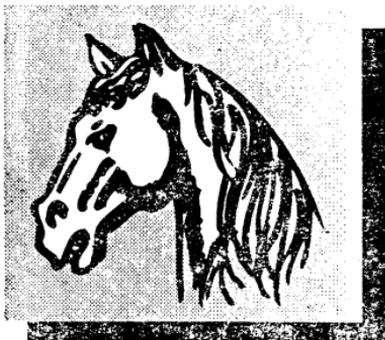
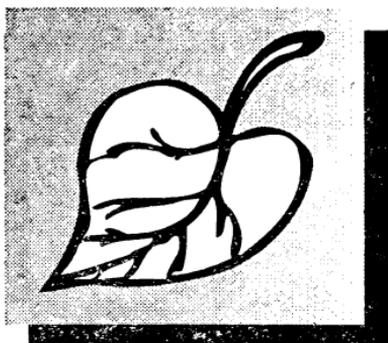
88

СИМВОЛИЗИРУЕТ НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ;
В ДЕТСТВЕ ЖИЗНЬ БЫЛА КАК В СКАЗКЕ И
НОСИТЕЛЬНИЦА ТАТУИРОВКИ БЫЛА ЛЮ-
БИМА РОДНЫМИ



ОПАВШИЙ ЛИСТ — ВЛАДЕЛЕЦ В МОЛОДОМ ВОЗРА-
СТЕ ЛИШИЛСЯ РОДИТЕЛЕЙ, НЕ ИМЕЛ
ПРИСТАНИЩА («ОТОРВАН ОТ ЖИЗНИ»)

89



90

СИМВОЛИЗИРУЕТ ВОРА (ЧАЩЕ ИЗ ЦЫГАН), ПОХИ-
ЩАЮЩЕГО ЛОШАДЕЙ. НА ЖАРГОНЕ: «ЖО-
КЕЙ», «ОБОРОТИК», «ПОТЬШНИК», «СКА-
МЕЕЧНИК».

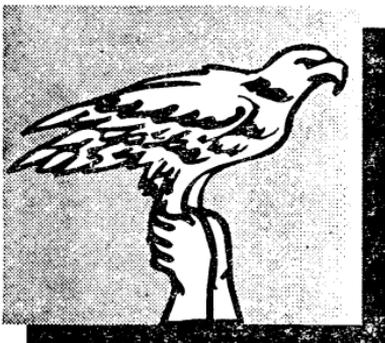
У ВЛАДЕЛЬЦА ТАТУИРОВКИ ЕСТЬ БЛИЗКИЙ ДРУГ, С
КОТОРЫМ ОН ДЕЛИТСЯ ВСЕМ

91



92

ЭТО НАСТАВНИКИ ВОРОВ-ПОДРОСТКОВ. НА ЖАР-
ГОНЕ: «ГЕНЕРАЛЫ», ЧАЩЕ САМИ НЕ СО-
ВЕРШАЮТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, А СУЩЕСТ-
ВУЮТ ЗА СЧЕТ ДОБЫЧИ СВОИХ УЧЕНИ-
КОВ — «ЖУЛЬМАНОВ».



93

СИМВОЛИЗИРУЕТ СТРЕМЛЕНИЕ К ЧЕМУ-ТО ВОЗ-
 ВЫШЕННУМУ, ЖЕЛАНИЕ ДОБИТЬСЯ ЧЕ-
 ГО-ЛИБО БОЛЬШЕГО В ЖИЗНИ, ПОВЕЛЕ-
 ВАТЬ ДРУГИМИ. ТАКУЮ ТАТУИРОВКУ
 НАНОСЯТ СЕБЕ ЛЮДИ СИЛЬНЫЕ, ОБЛА-
 ДАЮЩИЕ ВОЛЕВЫМ, УПРЯМЫМ ХАРАК-
 ТЕРОМ. ТАКЖЕ СИМВОЛ ЗДОРОВЬЯ, СИ-
 ЛЫ, ВЛАСТИ, СТРЕМЛЕНИЕ К «НЕЗАВИСИ-
 МОСТИ» И «СВОБОДЕ» (В ПРЕСТУПНОМ
 СМЫСЛЕ)



94

ОЛЕНЬ БОИТСЯ ЗАГОНА, А ВОР БОИТСЯ ЗАКОНА



95

ИЗОБРАЖЕННЫЙ ТЕМНЫЙ (ЧЕРНЫЙ) ПАРУСИК
 СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО НОСИ-
 ТЕЛЬ ТАТУИРОВКИ ПРИНАДЛЕЖИТ К
 ГРАБИТЕЛЯМ-ГАСТРОЛЕРАМ (В ТОМ ЧИС-
 ЛЕ И ВООРУЖЕННЫМ)
 НА ВОРОВСКОМ ЖАРГОНЕ ТАКИХ НАЗЫ-
 ВАЮТ «БАДЫР», «ГОННИК», «ЗАКОУЛЬ-
 ЩИК», «СТОПОРИЛА», «СТОПОРЩИК»,
 «ФОТОГРАФ»



96

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПАРУСИКА С БЕЛЫМИ ПАРУСАМИ
 ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ЕЕ ВЛАДЕЛЕЦ НЕ ЗАНИ-
 МАЕТСЯ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫМ ТРУ-
 ДОМ, СКЛОНЕН К БРОДЯЖНИЧЕСТВУ. НА
 ЖАРГОНЕ ИХ НАЗЫВАЮТ: «БИЧ», «БИЧКО-
 МЕР», «ДВОРЯНИН», «ЖЕРБАК», «ИСКА-
 ТЕЛЬ», «ШАРАМЫГА», «ЛОХМАТИК», «ЛУ-
 НАК», «ОБОРОТЕНЬ», «ПУСТЫННИК», «ЧЕР-
 ДАЧНИК», «ШЕЛУПАЙ»



ИЗОБРАЖЕНИЕ ПАРУСНИКА С БЕЛЫМ КОРПУСОМ И ЧЕРНЫМИ ПАРУСАМИ И ФЛАГОМ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК «ГУЛЬНОГО» ЛИЦА БЕЖАВШЕГО ИЗ-ПОД СТРАЖИ, НАХОДЯЩЕГОСЯ НА НЕЛЕГАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ЗАНИМАЮЩЕГОСЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ. НА ЖАРГОНЕ НАЗЫВАЕТСЯ «ЖАР-ПТИЦА», «КОЧЕВОЙ», «ПОЕЗДУШНИК», «ТРАНСПОРТНИК».

97



98

ЛИЦА, СИСТЕМАТИЧЕСКИ СОВЕРШАЮЩИЕ РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ И ГРАБЕЖИ

ЗАШТРИХОВАННАЯ ЧАСТЬ РИСУНКА УКАЗЫВАЕТ НА ГОТОВНОСТЬ УБИТЬ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЧЕЛЫ
ОБОЗНАЧАЕТ АКТИВНОГО ГОМОСЕКСУАЛИСТА

99



100

АББРЕВИАТУРА «ИРА» ОЗНАЧАЕТ: «ИДУ РЕЗАТЬ АКТИВ», СКЛОНЕН К САДИЗМУ, ОТРИЦАТЕЛЬНО НАСТРОЕН К ЛИЦАМ, ВСТАВШИМ НА ПУТЬ ИСПРАВЛЕНИЯ

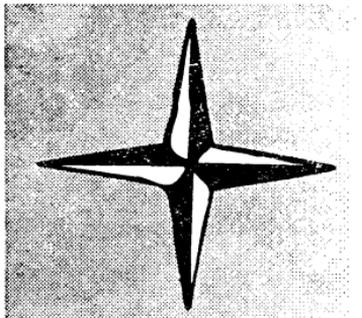
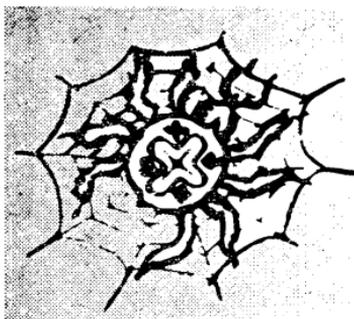


ИЗОБРАЖЕНИЕ ПАУКА В ПАУТИНЕ ОБЫЧНО У НЕ-

ИСПРАВИМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ НАНОСИТСЯ МЕЖДУ БОЛЬШИМ И УКАЗАТЕЛЬНЫМ ПАЛЬЦАМИ И ОЗНАЧАЕТ «ДАВИЛ РЕЖИМ», Т. Е. НЕОДНОКРАТНО НАКАЗЫВАЛСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА

НА ЛЕВОЙ СТОРОНЕ ШЕИ ВАРИАНТ РИСУНКА У МУЖЧИНЫ-НАРКОМАНА: ПАУК В ПАУТИНЕ, ПАУК БЕЗ ПАУТИНЫ — «ЩИПАЧ»

101



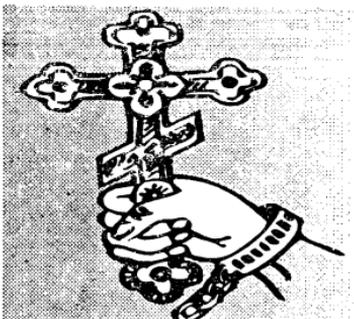
102

ИЗОБРАЖЕНИЕ РОЗЫ ВЕТРОВ ОЗНАЧАЕТ: «НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ ОКАЗАЛСЯ ВДАЛИ ОТ РОДНОГО ДОМА»

ГЛАВАРЬ ХОРОШО ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУП-

НОЙ ГРУППЫ («БОНДАРЬ», «ГОЛОВКА», «ИВАН», «КОСМАТИЛ», «ПАПА», «ПАТРОН», «ХОЗЯИН», «ШЕФ»). ПРЕСТУПНАЯ ГРУППА ЗАНИМАЕТСЯ ОГРАБЛЕНИЕМ МОГИЛ, ОСКВЕРНЕНИЕМ ПАМЯТНИКОВ, ОБВОРОВЫВАНИЕМ КВАРТИР УМЕРШИХ, СОВЕРШЕНИЕМ КРАЖ НА ПОХОРОНАХ И НА КЛАДБИЩАХ («МОГИЛЬНИКИ», «ПОХОРОННИКИ»)

103



104

«СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК БЛИЗКО»



18 ЛЕТ ИСПОЛНИЛОСЬ В ВТК

105



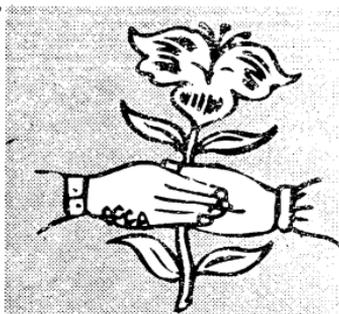
106

16 ЛЕТ ИСПОЛНИЛОСЬ В ВТК



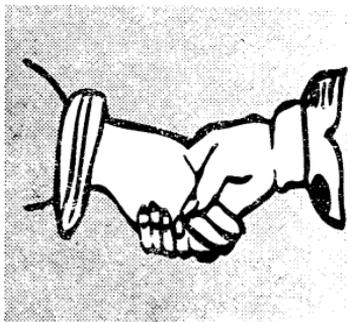
РУКОПОЖАТИЕ С ЦВЕТКОМ — ТАТУИРОВКА ПАС-
СИВНЫХ ГОМОСЕКСУАЛИСТОВ

107



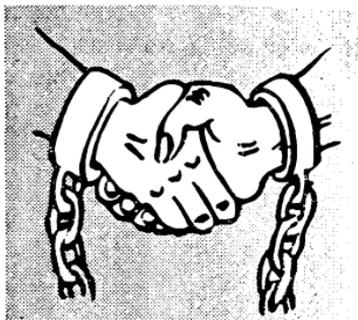
108

ВАРИАНТ РИСУНКА: ДРУЖБА ЛЕСБИЯНОК



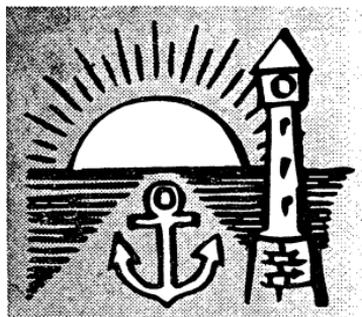
109

РУКОПОЖАТИЕ В КАНДАЛАХ СИМВОЛИЗИРУЕТ
ДРУЖБУ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ



110

СИМВОЛИЗИРУЕТ «ВЕРНОСТЬ МОРЮ». ВСТРЕЧАЕТСЯ
У ОСУЖДЕННЫХ, РАНЕЕ СЛУЖИВШИХ
В ВОЕННОМ ИЛИ ТОРГОВОМ ФЛОТЕ



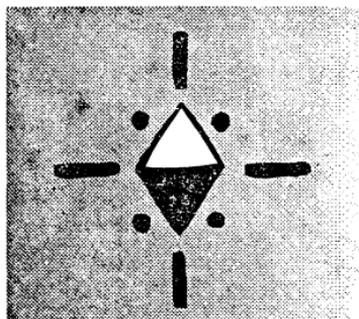
ИЗОБРАЖЕНИЕ РЫЦАРЯ В ДОСПЕХАХ И С ОПУ-
ЩЕННЫМ МЕЧОМ, ДЕРЖАЩИМ ЕГО ДВУ-
МЯ РУКАМИ, СИМВОЛИЗИРУЕТ СИЛУ,
ДЕРЗОСТЬ, НАСИЛИЕ, ЖЕСТОКОСТЬ

111



112

РОМБ, НАПОЛОВИНУ ЗАШТРИХОВАННЫЙ ПО ГОРИ-
ЗОНТАЛИ, С ТОЧКАМИ У КАЖДОЙ ИЗ НА-
РУЖНЫХ СТОРОН ФИГУРЫ И ЧЕРТОЧКА-
МИ, ИДУЩИМИ ИЗ ЕГО ВЕРШИН. ОЗНАЧА-
ЕТ, ЧТО ЕЕ НОСИТЕЛЬ — «ВОР В ЗАКОНЕ»
(«БАСИВАЛА»). СПОСОБЕН СОВЕРШИТЬ
ЛЮБОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ОРГАНИЗОВАТЬ
И ВОЗГЛАВИТЬ ПРЕСТУПНУЮ ГРУППИ-
РОВКУ



КОМПОЗИЦИЯ: СЕРДЦЕ, НАПОЛОВИНУ ЗАШТРИХОВАННОЕ ПО ВЕРТИКАЛИ, С ТРЕМЯ ТОЧКАМИ ПО БОКАМ И ЛУЧАМИ У ОСНОВАНИЯ
ОЗНАЧАЕТ ТО ЖЕ, ЧТО РИС. 112

113

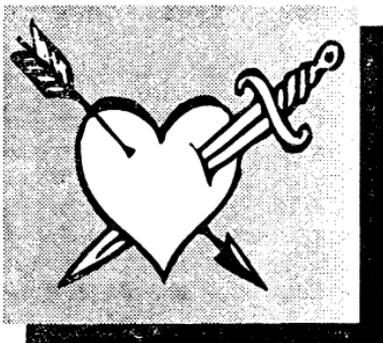
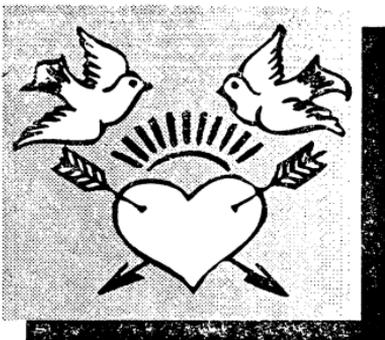


114

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О БОЛЬШОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ К СЕМЬЕ И РАСШИФРОВЫВАЕТСЯ ТАК: «ЛЮБЛЮ ЖЕНУ, ДЕТЕЙ, ПИТАЮ К НИМ ДОБРЫЕ ЧУВСТВА, ТОМЛЮСЬ РАЗЛУКОЙ». КОЛИЧЕСТВО ЧЕРТОЧЕК СООТВЕТСТВУЕТ ЧИСЛУ ЛЕТ, ПРОВЕДЕННЫХ ВДАЛИ ОТ СЕМЬИ. НА ЖАРГОНЕ: «ЗАБАБОШЕННЫЙ», «ЖУЧАДНИК», «ИЗБАЧНИК».

СЕРДЦЕ, ПРОИЗВЕННОЕ ДВУМЯ СТРЕЛАМИ, НА ФОНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА С ЛУЧАМИ И ДВУМЯ ГОЛУБЬЯМИ ОЗНАЧАЕТ: «ДВАЖДЫ БЫЛ НЕУДАЧНО ЖЕНАТ». ЛУЧИ УКАЗЫВАЮТ НА ЧИСЛО ЛЕТ, В ТЕЧЕНИЕ КОТОРЫХ УДЕРЖИВАЮТСЯ АЛИМЕНТЫ НА ДЕТЕЙ

115

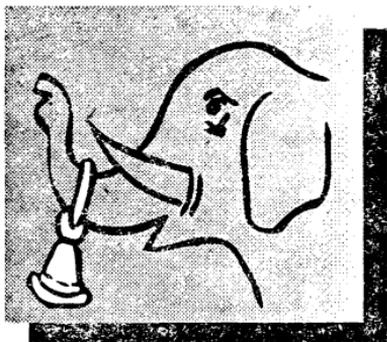
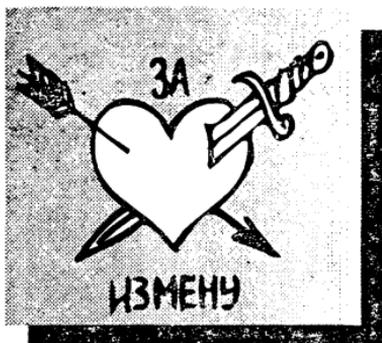


116

КОНТУРНЫЙ РИСУНОК СЕРДЦА, ПРОИЗВЕННОГО СТРЕЛОЙ И КИНЖАЛОМ

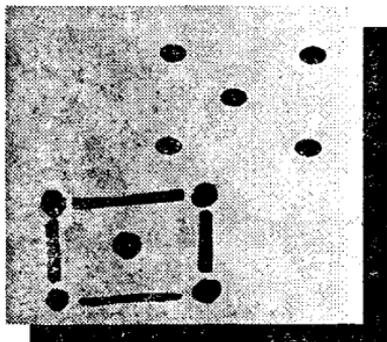
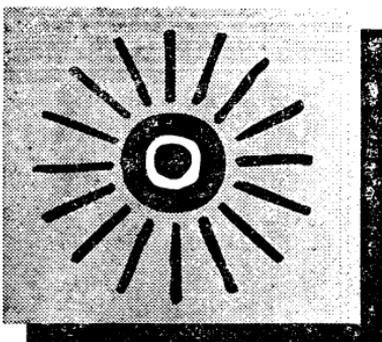
«ГОТОВ ЗА ДРУГА ПОЙТИ НА УБИЙСТВО»; «МЕСТЬ МАСТЯМ, ОТОШЕДШИМ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ТРАДИЦИЙ».

117
 ЗА ОТХОД ОТ ГРУППИРОВКИ ГОТОВ УБИТЬ ДАЖЕ
 ДРУГА. У НЕСУДИМЫХ ЭТО — «РАЗБИТАЯ
 ЛЮБОВЬ». «В РАЗБИТОМ СЕРДЦЕ НЕТ
 ЛЮБВИ». «ТОСКА ПО ЛЮБИМОЙ, КОТО-
 РАЯ НЕ ДОЖДАЛАСЬ». ТАТУИРОВКА НА-
 НОСИТСЯ В ПЕРИОД СЛУЖБЫ В АРМИИ, В
 ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ,
 ИНОГДА — В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ПТУ



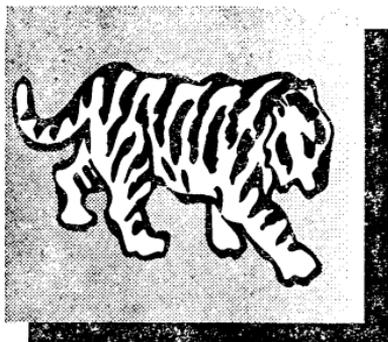
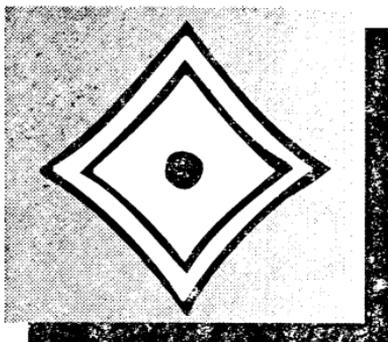
118
 ВЛАДЕЛЕЦ ЖДЕТ ОКОНЧАНИЯ СРОКА, ЧТОБЫ ОТО-
 МСТИТЬ РАБОТНИКАМ МИЛИЦИИ. СИМ-
 ВОЛ СИЛЫ И АВТОРИТЕТА

119
 «Я В КРУГУ ДРУЗЕЙ». НАНОСИТСЯ НАСИЛЬСТВЕН-
 НО ПАССИВНОМУ ПЕДЕРАСТУ



120
 СОЧЕТАНИЕ ИЗ ПЯТИ ТОЧЕК, РАСПОЛОЖЕННЫХ
 «КОНВЕРТОМ», И СОЧЕТАНИЕ ИЗ ПЯТИ ТО-
 ЧЕК И ЧЕТЫРЕХ ЧЕРТОЧЕК НАНОСЯТСЯ
 ОСУЖДЕННЫМ В ВТК, ВОСПИТАННИКАМ
 СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ТРУДО-
 ВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ. МОЖЕТ ОЗНАЧАТЬ
 СРОК НАКАЗАНИЯ, КОТОРЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ
 ТАТУИРОВКИ ОТБЫВАЛ В ВТК (НАПРИ-
 МЕР, ЧЕРТОЧКА — ПОЛГОДА, ТОЧКА —
 ОДИН ГОД И Т. Д.)

121
ВЛАДЕЛЕЦ ТАТУИРОВКИ НЕ ЖЕЛАЕТ ПЛАТИТЬ ЗА
ПРОИГРЫШ В КАРТЫ. НАНОСИТСЯ В
ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

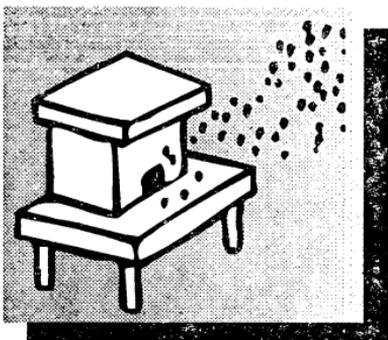


122
ИДУЩИЙ ТИГР

«ДЕЛИМ ДОБЫЧУ ПОПОЛАМ»

ПЧЕЛИНЫЙ УЛЕЙ ОЗНАЧАЕТ ПАССИВНОГО ПЕДЕ-
РАСТА

123



124

СИМВОЛИЗИРУЕТ СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ, ОСВО-
БОЖДЕНИЮ ИЗ ИТУ, ТОВАРИЩЕСТВО В
МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ЧАСТО НАНОСИТ-
СЯ С ИМЕНЕМ ИЛИ ИНИЦИАЛАМИ



125

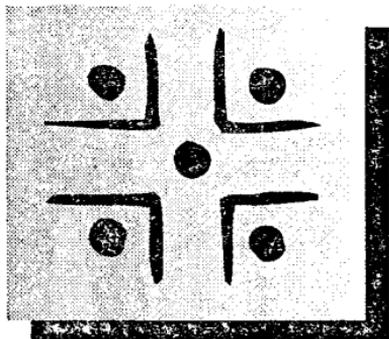
КОНТУРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗАЖЖЕННОГО ФАКЕ-
ЛА

«ПРИБЛИЖАЕТСЯ СРОК ОСВОБОЖДЕ-
НИЯ»



126

ЧЕТЫРЕ ВЫШКИ И ЗЭК («ОТБЫВАЛ НАКАЗАНИЕ В
МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ»)



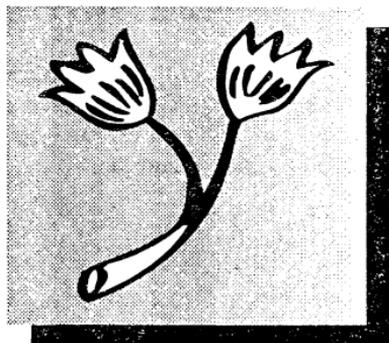
ВЛАДЕЛЕЦ ТАТУИРОВКИ СВОЕ СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ
ВСТРЕТИЛ В ВТК

127



128

ДВОЙНОЙ ТЮЛЬПАН ОЗНАЧАЕТ КЛЯТВУ КРОВНОЙ
МСТИ, ПОВОРНИКА КРОВНОЙ МСТИ



129
 ВЕРНОСТЬ ЛЮБИМОЙ; ПАМЯТЬ О ЛЮБОВНОЙ ПРИ-
 ВЯЗАННОСТИ; СИМВОЛ ЛЮБВИ. РОЗА НА
 ТЕЛЕ ЖЕНЩИНЫ УКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЕЕ
 НОСИТЕЛЬНИЦА — ПАССИВНАЯ ЛЕСБИ-
 ЯНКА



130

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ.
 ВОРОВСКАЯ МАСТЬ.

ИЗОБРАЖЕННЫЕ ХРАМЫ, СОБОРЫ, КОЛОКОЛЬНИ,
 ЧАСОВНИ, МОНАСТЫРИ, МОГИЛЫ, ЛИКИ
 СВЯТЫХ, АНГЕЛЫ, АМУРЫ И Т. П. ОЗНА-
 ЧАЮТ СУДИМОСТЬ

131



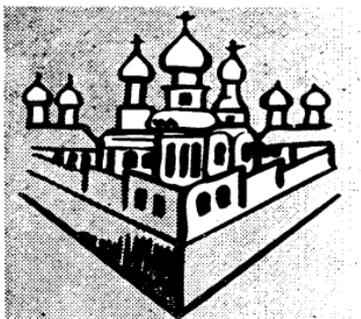
132

ОТБЫВАЛ НАКАЗАНИЕ В ИТУ (ЧИСЛО КУПОЛОВ
 ИНОГДА ОЗНАЧАЕТ КОЛИЧЕСТВО СУДИ-
 МОСТЕЙ ИЛИ СРОК ОТБЫВАНИЯ НАКАЗА-
 НИЯ)



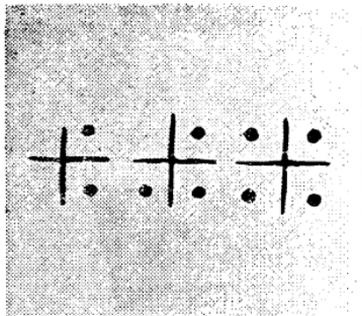
133

РАНЬШЕ ТАКУЮ ТАТУИРОВКУ ДЕЛАЛИ «МЕДВЕЖАТНИКИ», ТЕПЕРЬ ЕЕ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ. ЧИСЛО КРЕСТОВ ОЗНАЧАЕТ ЧИСЛО СУДИМОСТЕЙ ИЛИ СРОК ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ



134

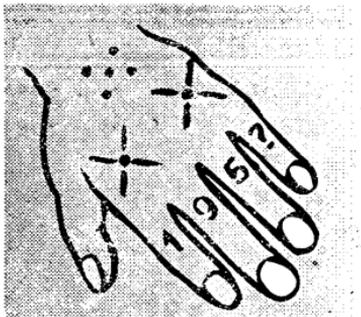
ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕТЫРЕХКОНЕЧНОГО КРЕСТА И ТОЧЕК МЕЖДУ ЕГО ЛУЧАМИ УКАЗЫВАЕТ НА ГОДЫ СРОКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: 2 ТОЧКИ — 2 ГОДА; 3 ТОЧКИ — 3 ГОДА; 4 ТОЧКИ — 4 ГОДА



УКАЗЫВАЕТ НА СУДИМОСТЬ В НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ И ОЗНАЧАЕТ «Я — В ЦЕНТРЕ, ПО БОКАМ — ВЫШКИ». МОГУТ ТАКЖЕ ОЗНАЧАТЬ «ХОДКИ» (СУДИМОСТИ)

ТАТУИРОВКА НАНОСИТСЯ В ВТК

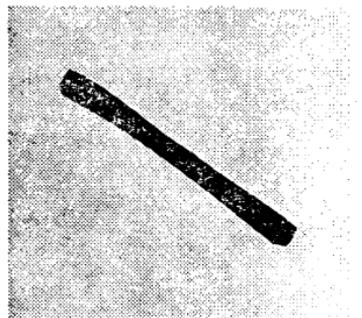
135



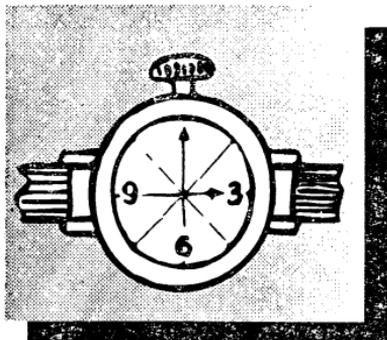
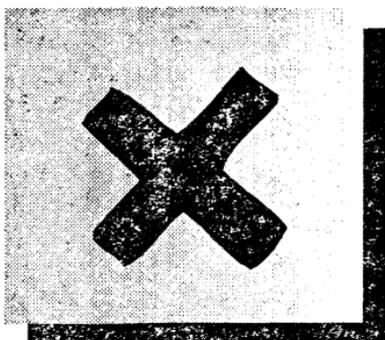
136

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАКЛОННОЙ ЧЕРТОЧКИ. МОГУТ БЫТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ВАРИАНТЫ

ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПОЛГОДА ПРОБЫЛ В ВТК, СПЕЦШКОЛЕ, СПЕЦУЧИЛИЩЕ

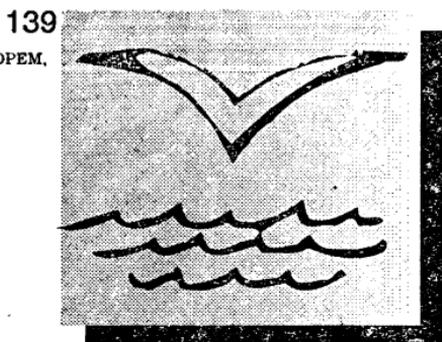


137
ОЗНАЧАЕТ «ХОДКИ В ЗОНУ» (КОЛИЧЕСТВО КРЕС-
ТОВ УКАЗЫВАЕТ НА КОЛИЧЕСТВО СУДИ-
МОСТЕЙ)



138
СТРЕЛКАМИ ОБОЗНАЧАЕТСЯ ВАЖНАЯ ДАТА, КОТО-
РАЯ ИНОГДА УСЛОВНО ШИФРУЕТСЯ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧАЙКИ, ПАРЯЩЕЙ НАД МОРЕМ,
СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О СКОРОМ ОСВОБОЖ-
ДЕНИИ ИЗ ИТУ



140
ШТРИХОВОЕ ИЛИ ПУНКТИРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
ЧЕРЕПА ОЗНАЧАЕТ: СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ЗА-
МЕНЕНА ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

141

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ЗАКЛЮЧЕНИЮ РАЗГУЛЬНОЙ ЖИЗНИ



142

НОСИТЕЛЬ ТАТУИРОВКИ ХОРОШО ЗНАЕТ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, НЕУКОСНИТЕЛЬНО СОБЛЮДАЕТ ВОРОВСКИЕ ТРАДИЦИИ, ОБЛАДАЕТ БОЛЬШИМ ОПЫТОМ И «КВАЛИФИКАЦИЕЙ»



143

ВЛАДЕЛЕЦ ТАТУИРОВКИ ОТРИЦАТЕЛЬНО НАСТРОЕН К РАБОТНИКАМ МИЛИЦИИ, СУДА, ПРОКУРАТУРЫ, ИТУ



144

ИЗОБРАЖЕНИЕ МОГИЛЬНОГО ХОЛМА С КРЕСТОМ, НА КОТОРОМ СИДИТ ЧЕРТ С ГИТАРОЙ, И ПРОХОДЯЩЕГО МИМО ЮНОШИ, РУКИ КОТОРОГО ЗАКОВАНЫ В НАРУЧНИКИ СЗАДИ. ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НОСИТЕЛЬ ТАТУИРОВКИ СЛУЧАЙНЫЙ ПОСОБНИК, СПОСОБСТВОВАВШИЙ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОМИМО СВОЕГО ЖЕЛАНИЯ



АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СУДЬБЫ. ЧЕРТ, НЕСУЩИЙ НА ПЛЕЧЕ МЕШОК С ЗАПЛАТОЙ В ВИДЕ РЕШЕТКИ. «БЫЛО СЧАСТЬЕ, ДА ЧЕРТ УНЕС». ВЛАДЕЛЕЦ ИМЕЕТ СОЛИДНЫЙ БАГАЖ СУДИМОСТЕЙ. ЧИСЛО ЧЕРТОЧЕК В РЕШЕТКЕ (ЗАПЛАТКЕ) ИНОГДА УКАЗЫВАЕТ НА КОЛИЧЕСТВО СУДИМОСТЕЙ

145



146

ВЛАДЕЛЕЦ ПРИДЕРЖИВАЕТСЯ СТРОГИХ ПРАВИЛ В ИГРЕ В КАРТЫ

ЧЕРТ С КУБКОВ И ЧЕРЕПОМ В РУКАХ, У НОГ КОТОРОГО ЛЕЖАТ КОСТИ, И ТЕКСТОМ «ЗА ЗДОРОВЬЕ ЖМУРИКА!» ОЗНАЧАЕТ: «РАДУЮСЬ СМЕРТИ МОИХ ВРАГОВ.»

147



148

«ИРОНИЯ СУДЬБЫ.»

149

ЧЕРТ, ЛЕТАЮЩИЙ НА РАКЕТЕ, НА ФОНЕ ЛУНЫ И ЗВЕЗД И НАДПИСЬ: «НА ЛУНУ ЗА ПЛАНОМ»

ТАТУИРОВКА НАРКОМАНА



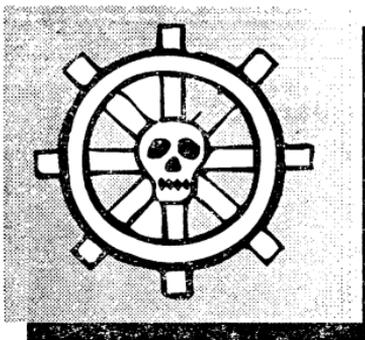
150

ЧУДОВИЩЕ, НАПОМИНАЮЩЕЕ ЗМЕЮ С ГОЛОВОЙ ЛЬВИЦЫ. ОЗНАЧАЕТ: «ЛОВКОСТЬ, СИЛА, УДАЧА»



151

ЧЕРЕП И ШТУРВАЛ СИМВОЛИЗИРУЮТ МЕЧТУ О МОРЕ, КОТОРАЯ НЕ ОСУЩЕСТВИЛАСЬ ПО ВИНЕ РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА

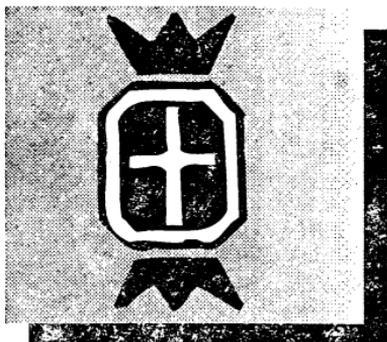


152

«КЕНТЫ НА ВОЛЕ». ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НА ВОЛЕ ОСТАЛИСЬ ДРУЗЬЯ



153
 ЯКОРЬ И СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ, ОБВИТЫЕ КАНАТОМ, ОЗНАЧАЮТ: «ЗАВЯЗАЛ ВОРОВАТЬ»



154
 «ПРОХОД ЧЕРЕЗ КРЕСТЫ»

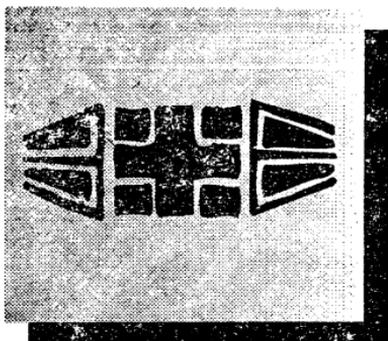
(ПОБЫВАЛ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ
 г. С.-ПЕТЕРБУРГА)
 ПЕРСТЕНЬ В ВИДЕ СВЕТОГО КРЕСТА НА
 ТЕМНОМ ФОНЕ ПО ВЕРТИКАЛИ (ВЕРХ,
 НИЗ) — КОРОНЫ

ПРОШЕЛ ЧЕРЕЗ ТЮРЬМУ

(БЕЛЫЙ КРЕСТ — СМЕРТЬ АКТИВУ)

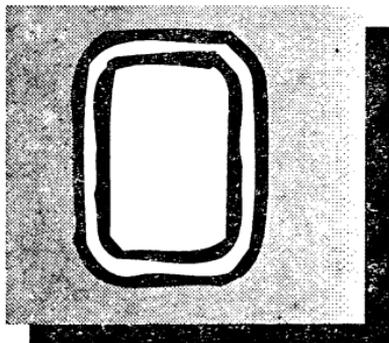
ПЕРСТЕНЬ ТЕМНОГО ЦВЕТА С ТЕМНЫМ
 КРЕСТОМ ВНУТРИ И ТЕМНЫМИ ЧЕТЫ-
 РЕХУГОЛЬНИКАМИ С БЕЛЫМ ПРОСВЕ-
 ТОМ

155



156
 «ОТСИДЕЛ СРОК ЗВОНКОМ» (ПОЛНОСТЬЮ ОТБЫЛ
 СРОК НАКАЗАНИЯ)

ПЕРСТЕНЬ В ВИДЕ СВЕТОГО ПРЯМО-
 УГОЛЬНИКА (РИСУНОК КОНТУРНЫЙ)



БЫЛ В ИТУ (ОБЩИЙ РЕЖИМ)

ИЗОБРАЖЕНИЕ: ТЕМНЫЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК С ДИАГОНАЛЬНОЙ СВЕТЛОЙ ПОЛОСОЙ (СПРАВА НАЛЕВО). СПРАВА ОДНА ТЕМНАЯ ТРАПЕЦИЯ, ОДНА СВЕТЛАЯ ИЛИ ОБЕ СВЕТЛЫЕ. ВВЕРХУ — КОРОНА С ТЕМНОЙ СЕРДЦЕВИНОЙ

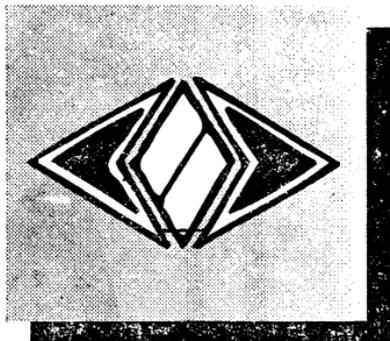
157



158

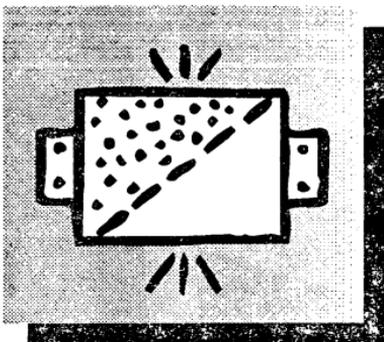
ПУТЬ НА КРЫТКУ (ДОРОГА ЧЕРЕЗ ТЮРЬМУ)

СВЕТЛЫЙ РОМБ С ТЕМНОЙ ДИАГОНАЛЬНОЙ ПОЛОСОЙ, СЖАТЫЙ С БОКОВ ТЕМНЫМИ ФИГУРАМИ В ФОРМЕ «ЛАСТОЧКИ»



ОТБЫВАЛ НАКАЗАНИЕ В ИТУ

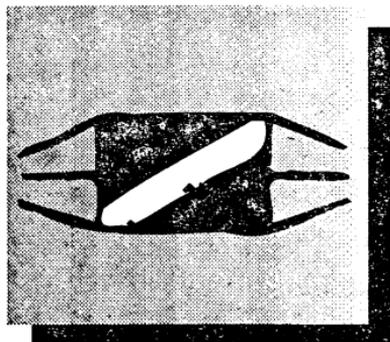
159



160

НАКАЗАНИЕ ОТБЫВАЛ В ИТУ

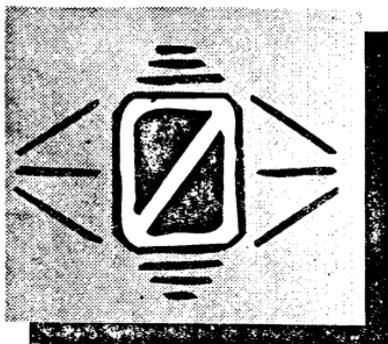
БЕЛАЯ ПОЛОСА НА «ПЕРСТНЕ» ИНОГДА НАНОСИТСЯ ПОЗЖЕ В ВИДЕ ШРАМА



ОТБЫВАЛ НАКАЗАНИЕ В ИТУ

ПЕРСТЕНЬ СВЕТЛО-ТЕМНОГО НАЧЕРТАНИЯ. СВЕТАЯ ДИАГОНАЛЬ НА ТЕМНОМ ПОЛЕ: ПРАВО — ВЕРХ, ЛЕВО — НИЗ; СИММЕТРИЧНО РАСПОЛОЖЕННЫЕ ЧЕРТОЧКИ

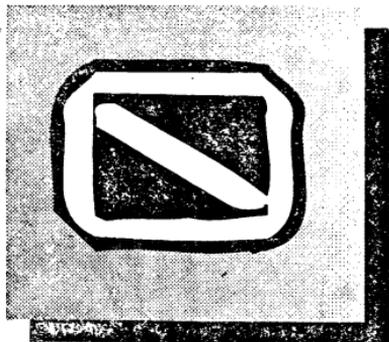
161



162

ОТБЫВАЛ НАКАЗАНИЕ В ИТУ

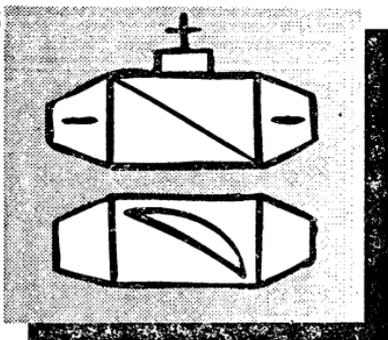
СВЕТЛЫЙ ПЕРСТЕНЬ С ДИАГОНАЛЬНОЙ ПОЛОСОЙ



ВЛАДЕЛЕЦ ОДИН РАЗ БЫЛ В ИТУ (МУСУЛЬМАНЕ НАНОСЯТ СЕРП)

ПЕРСТЕНЬ: ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК И ДВЕ ТРАПЕЦИИ ПО БОКАМ, ВВЕРХУ КРЕСТИК. В ЦЕНТРЕ ДИАГОНАЛЬНАЯ ПОЛОСА (У МУСУЛЬМАН СЕРП ПО ДИАГОНАЛИ). РИСУНОК СВЕТЛЫЙ

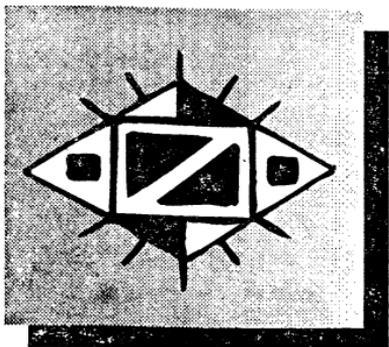
163



164

СРОК ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ОТБЫВАЛ В ИТУ

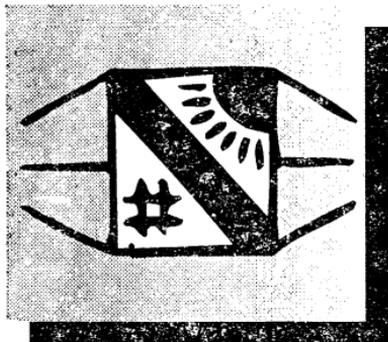
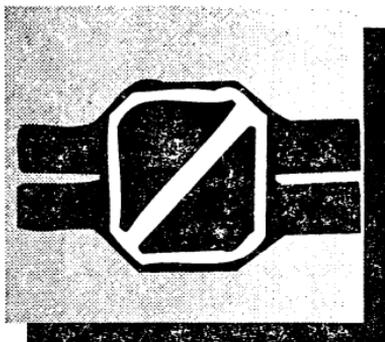
ТЕМНЫЙ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК СО СВЕТОЙ ПОЛОСОЙ ПО ДИАГОНАЛИ ЗАКЛЮЧЕН В РОМБ



БЫЛ В ИТУ

ТЕМНЫЙ ПЕРСТЕНЬ С ТЕМНЫМ ПРЯМОУГОЛЬНИКОМ, КОТОРЫЙ ПЕРЕСЕКАЕТ СВЕТАЯ ДИАГОНАЛЬНАЯ ПОЛОСА

165



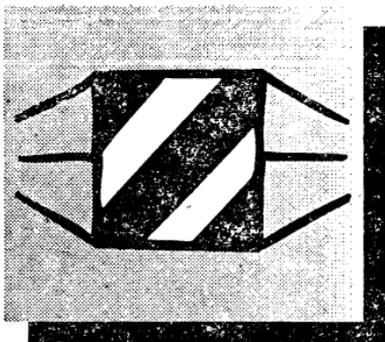
166

ХОД ЧЕРЕЗ ЗОНУ (ДОРОГА НА ВОЛЮ. СКОРО ОСВОБОЖДАЕТСЯ)

СВЕТАЯ ПЕРСТЕНЬ: ЖИРНАЯ ТЕМНАЯ ДИАГОНАЛЬ СЛЕВА НАПРАВО; НИЗ — РЕШЕТЧАТОЕ ПЕРЕКРЕСТЬЕ; ВЕРХ — ФРАГМЕНТ СОЛНЦА.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ «МАЛОЛЕТКУ» (2 СУДИМОСТИ, ТЛ-ТУИРУЮТ В ВТК). ПО ТЕМНОМУ ПОЛЮ ДВЕ СВЕТАЯ ПОЛОСА: СПРАВА НАЛЕВО

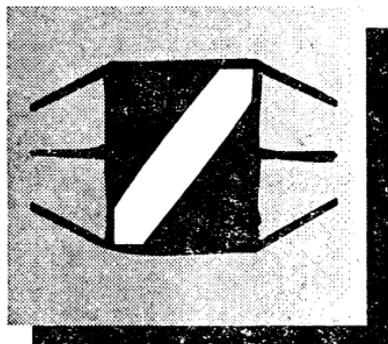
167



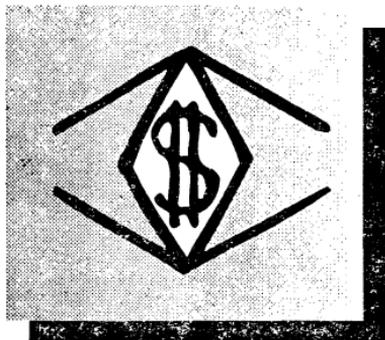
168

ДОРОГА ЧЕРЕЗ «МАЛОЛЕТКУ».

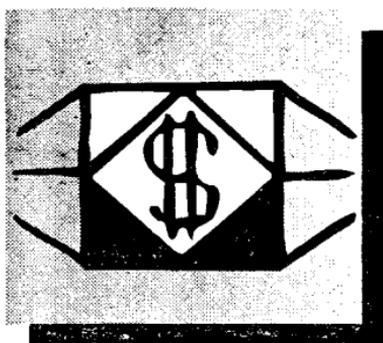
ОСУЖДЕН ВПЕРВЫЕ. СОДЕРЖИТСЯ В ВТУ. ПО ТЕМНОМУ ФОНУ СВЕТАЯ ДИАГОНАЛЬНАЯ ПОЛОСА СПРАВА НАЛЕВО



ПЕРСТЕНЬ В ВИДЕ КВАДРАТА. В ЦЕНТРЕ: СВЕТЛЫЙ РОМБ С ЛИНЕЙНЫМ НАЧЕРТАНИЕМ ЛАТИНСКОЙ БУКВЫ, ПЕРЕСЕКАЕМОЙ ДВУМЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ ВЕРТИКАЛЯМИ



169



170

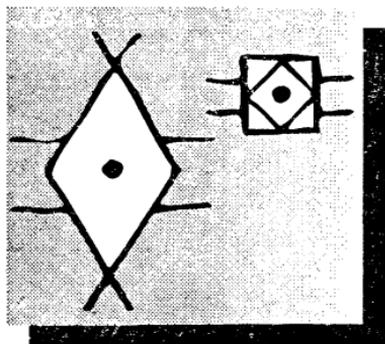
ДИССИДЕНТ

СВЕТЛЫЙ ПЕРСТЕНЬ.

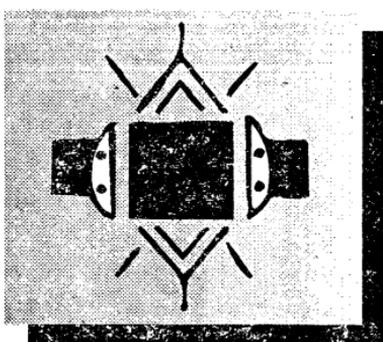
МОТИВ: РОМБ, В ЦЕНТРЕ ЛАТИНСКАЯ БУКВА С ДВУМЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ ЛИНИЯМИ

ВЛАДЕЛЕЦ ОТОШЕЛ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ГРУППИРОВОК. ОБ ЭТОМ ГОВОРИТ ЗАЧЕРНЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ РИСУНКА, ГДЕ БЫЛА УКАЗАНА ГРУППИРОВКА

ПЕРСТЕНЬ: ТЕМНЫЙ КВАДРАТ. ВВЕРХУ, ВНИЗУ СИММЕТРИЧНЫЕ ЛОМАННЫЕ С ОТХОДЯЩИМИ ОТ НИХ ЛУЧАМИ



171



172

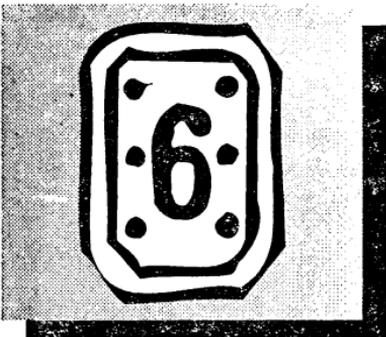
СИМВОЛ ПРЕЗРЕНИЯ (НАНОСИТСЯ НАСИЛЬНО)

СВЕТЛЫЙ ПЕРСТЕНЬ: РОМБ С ТОЧКОЙ В ЦЕНТРЕ ИЛИ РОМБ В КВАДРАТЕ С ТОЧКОЙ В ЦЕНТРЕ

•ЧУШОК• — **НЕРЯШЛИВЫЙ, ПРЕЗИРАЕМЫЙ ОСУЖДЕННЫЙ**

ПРЯМОУГОЛЬНИК, РАЗДЕЛЕННЫЙ ПО ДИАГОНАЛИ НА ТЕМНЫЙ И СВЕТЛЫЙ ТРЕУГОЛЬНИКИ

173



174

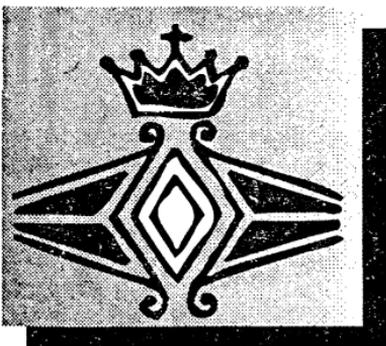
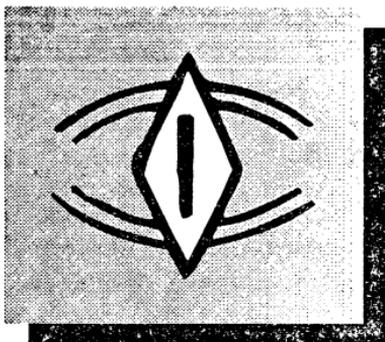
•ШЕСТЕРКА• (НАХОДЯЩИЙСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ИЛИ НА ПОБЕГУШКАХ)

ПЕРСТЕНЬ СВЕТЛЫЙ. ПРЯМОУГОЛЬНИК С ШЕСТЬЮ ТОЧКАМИ И ЦИФРОЙ 6

•МУЖИК• — **НЕ ВХОДИТ В КОНФЛИКТ С ВЛАСТЯМИ (•НЕЙТРАЛЬНЫЙ•)**

РОМБ С ВЕРТИКАЛЬНОЙ ПОЛОСОЙ В ЦЕНТРЕ

175



176

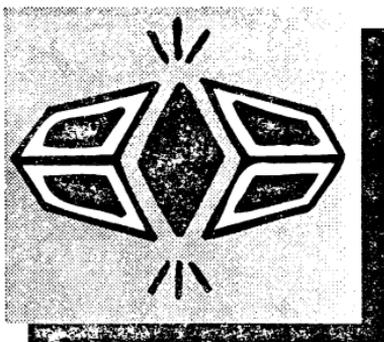
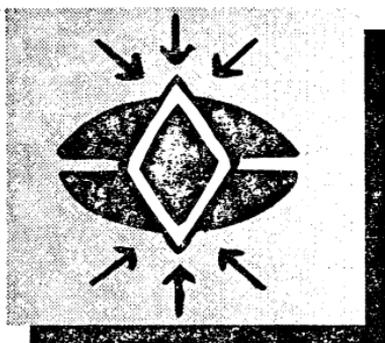
СМЕРТЬ МЕНТАМ И БУТРАМ (НА ВЗРОСЛЯКЕ)

ПЕРСТЕНЬ: СВЕТЛЫЙ РОМБ В ЦЕНТРЕ, ТЕМНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ ПО КРАЯМ, ВВЕРХУ КОРОНА С ТЕМНОЙ СЕРДЦЕВИНОЙ

СМЕРТЬ МЕНТАМ И БУТРАМ (НА МАЛОЛЕТКЕ)

ПЕРСТЕНЬ НА ФОНЕ РАЗДЕЛЕННЫХ СВЕТОЙ ПОЛОСОЙ ТЕМНЫХ ПОЛОВИНОК ОВАЛА. ТЕМНЫЙ РОМБ НА СВЕТОМ ФОНЕ, ПО ТРИ ТЕМНЫЕ СТРЕЛЫ СВЕРХУ И СНИЗУ, НАПРАВЛЕННЫЕ К ВЕРШИНАМ РОМБА

177



178

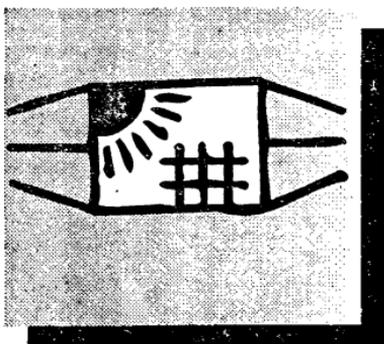
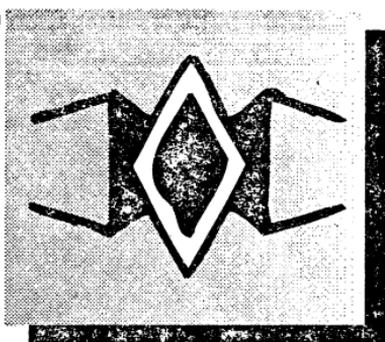
ТЕМНАЯ ЖИЗНЬ (ОСУЖДЕННЫЙ ЧАСТО ПОДВЕРГАЕТСЯ ВОДВОРЕНИЮ В СИЗО, ШИЗО, ПТК)

ПЕРСТЕНЬ ТЕМНОГО НАЧЕРТАНИЯ. К ВЕРШИНАМ ТЕМНОГО РОМБА СХОДЯТСЯ ПО ТРИ ШТРИХА. ПО БОКАМ НЕПРАВИЛЬНЫЕ ТРАПЕЦИИ

НЕ ПОДАМ РУКИ МЕНТАМ

ПЕРСТЕНЬ СИММЕТРИЧНЫЙ. ТЕМНЫЙ РОМБ НА СВЕТОМ ФОНЕ

179



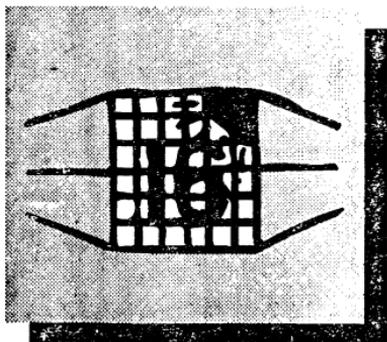
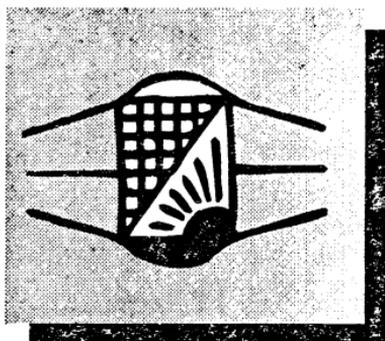
180

«ХОЧУ НА СВОБОДУ» (НАХОДИЛСЯ В ВТК)

ПЕРСТЕНЬ СВЕТОМ. СЛЕВА ВВЕРХУ — ЧЕТВЕРТЬ СОЛНЦА, СПРАВА ВНИЗУ — СХЕМАТИЧНО ОБОЗНАЧЕНА РЕШЕТКА

181
ДОРОГА НА ВЗРОСЛЯК (СОЛНЦЕ СВЕРХУ — СВОБОДУ МАЛОЛЕТКЕ)

ДИАГОНАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ СВЕТОГО ФОНА:
НА: ВЕРХ — СЕТКА, НИЗ — СОЛНЦЕ



ЗАГУБЛЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

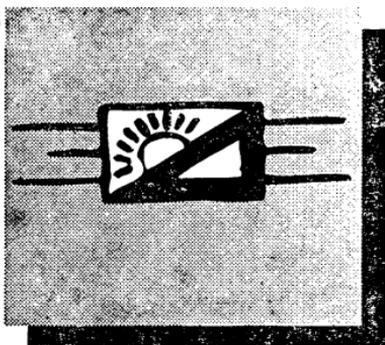
ПЕРСТЕНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СОЛНЦА И
ТРЕУГОЛЬНИКА

182

МНЕ БЫЛО 16 (ВЛАДЕЛЕЦ СОВЕРШИЛ ПРЕСТУПЛЕНИЕ
БУДУЧИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ)

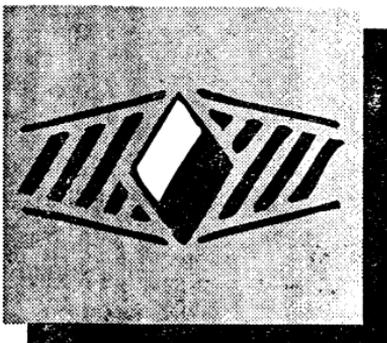
СВЕТЛЫЙ ПЕРСТЕНЬ НА ФОНЕ СЕТКИ. В
ПРАВОМ ВЕРХНЕМ УГЛУ — СОЛНЦЕ, В
ЦЕНТРЕ — ЦИФРА 16

183



ВАРИАНТ РИСУНКА:

РОМБОВИДНЫЙ ПЕРСТЕНЬ СО ШТРИХОВОЙ
ВНУТРИ И СВЕТЛО-ТЕМНЫМ РОМБОМ
В ЦЕНТРЕ



Жак Росси родился во Франции. По образованию — художник-архитектор. Полиглот (знает многие западноевропейские языки, польский, русский, китайский, хинди и др.), работал в Коминтерне. Посланный по линии Коминтерна в Испанию, был разведчиком в тылу франкистов. В 1937 году приехал в СССР, где вскоре был арестован. Начался его путь по тюрьмам и лагерям ГУЛАГа. В 1959—1961 годах он находился в Средней Азии. Затем — Польша, США и снова Франция. В 1985 году Жак Росси закончил работу над книгой о ГУЛАГе, которая была издана на русском языке в Лондоне в 1987 году. Она получила высокую оценку в нашей печати (Московские новости. 1989. № 37; Знание — сила. 1990. № 2; Книжное обозрение. 1991. №11). Но это не воспоминания узника ГУЛАГа, а справочное издание, которое иногда называют «Словарь ГУЛАГа», «Энциклопедия ГУЛАГа». Действительно, справочник имеет энциклопедический характер. Полное же его название такое: «Справочник по ГУЛАГу, Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом». Предлагаем некоторые статьи из этой книги.

ББК, Беломорско-Балтийский канал, Беломорканал. Инициатор строительства — Сталин. Работы длились с 1931 по 1933 год. Работало около 280 тыс. заключенных мужчин и женщин — рабочих, техников, инженеров. Многих привезли с Соловков. Считают, что на Беломорканале погибло около 100 тыс. заключенных. Проект составлен заключенными — учеными и специалистами. Работами руководили заключенные специалисты. Штаб

строительства — Медвежьегорск на озере Онега. Беломорканал — одна из многих «строек социализма», воздвигнутых подневольной рабсилой, но единственная широко разрекламированная. Советская пропаганда восторгалась «первым в мире опытом перековки трудом самых матерых уголовников-рецидивистов и политических врагов». Отобранных заключенных наградили «Орденом ББК». Организатором и работ, и «перековки человеческих душ» является ОГПУ, которое приглашает виднейших деятелей культуры (во главе с М. Горьким) посмотреть строительство и перековку. Все были восхищены. Создается множество художественных произведений, воспевающих мудрость и гуманность ОГПУ. Пьеса Погодина «Аристократы» в течение долгих лет не сходит с репертуара. Канал длиной в 230 км торжественно сдается в эксплуатацию в установленный Сталиным 20-месячный срок. Это оказалось возможным потому, что ОГПУ велело рыть значительно мельче, чем предусмотрено в проекте, вследствие чего канал оказался почти бесполезным; кроме того, ОГПУ объявило задним числом, что работы начались не в 1931 году, как это было в действительности, а в 1932, т. е. «зарядило туфту» (отсюда пошла поговорка: «Если б не туфта и не аммонал, не был бы построен Беломорканал»). За построение канала почти все начальство ОГПУ получило ордена, а каждому шестому заключенному был сокращен срок по специально объявленной амнистии. Лагерь не был ликвидирован, а переведен на лесоповал в том же районе, вплоть до эвакуации перед наступающими гитлеровскими войсками в 1941 году.

ВЕЛИКАЯ ЧИСТКА — период государственного террора, обрушенного Сталиным на Советский Союз с 1935 по 1938 год (известного на Западе как «ста-

линские чистки»). По указке Сталина были составлены 383 списка виднейших партийных и государственных деятелей, подлежащих «разоблачению» и расстрелу. Вследствие этого Сталин предстал как единственный преемник и гениальный продолжатель Ленина. Поводом для В. Ч. послужило убийство Кирова. В СССР и среди коммунистов мира В. Ч. известна также как «тридцать седьмой год». А. Антонов-Овсеенко считает, что В. Ч. поглотила 20 млн. человек (Шпигель. 1984. 2 июня. С. 120)

ВЛАДИМИР — областной город примерно в 250 км к северо-востоку от Москвы. Старая царская тюрьма, значительно увеличенная в 1937 и 1948 годах. С 60-х годов — тюрьма на строгом режиме. До середины 50-х годов во Владимире сидели немецкие и японские военнопленные генералы, а также другие иностранцы. В то время режим был очень мягкий, и после освобождения они увезли на родину не особенно тягостные воспоминания. До 1955 года сидел Янош Кадар, которого в 1956 отправили в Будапешт в качестве генсекретаря венгерской компартии. В 50-х годах сидел шведский дипломат Рауль Валленберг, арестованный советскими оккупационными властями в Будапеште в январе 1945. С конца 50-х годов — одна из самых страшных советских тюрем для «особо опасных рецидивистов» и политических, (например, В. Буковский).

ВТОРОЙ ВЫСТРЕЛ. По инструкции конвойной службы, первый выстрел — предупредительный, а второй — в нарушителя. Но случается, что конвоир решает застрелить заключенного (застреливший заключенного «при попытке к бегству» получает благодарность и внеочередной отпуск). Тогда с пер-

вого выстрела убивает человека, а второй отдает в воздух, так как в рапорте обязательно должно быть записано: «после предупредительного выстрела...». Как правило, никакого расследования не ведется.

ГОЛОВКИ. За поимку беглых лагерников НКВД—МВД выплачивало охотникам северной Сибири премии в деньгах и дефицитных товарах (сахар, мука, мануфактура, охотничьи принадлежности). Так как поймать беглеца, а потом вести его по тундре трудно и опасно, его пристреливают, отрезают голову и прячут от зверя. Когда соберется достаточно, мешок с «головками» погружают на санки или в лодку и отвозят «заказчику». Мешок выглядит как если бы в нем были арбузы. Если случайно встреченный человек спросит: «Что везешь?», охотник ответит: «Головки».

Примечание. А. Краковецкий в «Книге о Колыме» (Krakowiecki & Ksiazka o Kolymie. — Лондон. 1947. — С. 100) приводит слова одного охотника: «...Бутылка спирта, пачка чая и 50 рублей... надо начальнику принести отрубленную головку. Раньше достаточно было принести правое ухо. Теперь этого уже мало».

ДАЛЬСТРОЙ — крупное предприятие по освоению и эксплуатации руками заключенных крайнего северо-востока Сибири, прежде всего по добыче золота. Дальстрой основан ОГПУ в 1932—1939 годах на берегу Охотского моря, в верховье р. Колымы. С 1934 года, когда функции ОГПУ были переданы НКВД, Дальстрой был подчинен наркомму (министру) внутренних дел. В 1956 году был изъят из веде-

ния МВД в рамках «реорганизации» ГУЛАГа и передан Министерству горнорудной промышленности СССР. Главная хозяйственная задача Дальстроя — добыча золота, самые крупные запасы которого в СССР находятся на Колыме. Местные леса, уголь эксплуатируются лишь для собственных нужд Дальстроя. Все работы производятся заключенными, в том числе строительство поселков и городов для вольнонаемных, бараков для заключенных, шоссейные дороги. К началу 40-х годов. Дальстрой простирался от Охотского моря на юге до Восточно-Сибирского на севере, охватывая западную часть Камчатки и восточную Якутии. Дальстрой не подчиняется местной административной власти. Теплоходы собственного флота Дальстроя совершают по 12—15 рейсов за навигацию, привозя в трюмах по 6—9 тыс. заключенных. С конца 30-х и до начала 50-х годов ежегодно привозили по 400—500 тыс. заключенных, но из-за высокой смертности пенитенциарное население Дальстроя никогда не превышало 2—3 млн. Первый начальник Дальстроя — Рейнгольд Иосифович Берзин, его зам. — Гаранин. Берзин арестован и расстрелян как «враг народа» в 1937, а Гаранин — в 1939 году. Следующий начальник Дальстроя — Павлов, затем — Вишневецкий (был приговорен в 1940 году к 15 годам тюремного заключения). Очередной начальник, генерал Никишев, принимает в конце 2-й мировой войны официальную американскую делегацию во главе с вице-президентом США Генри Э. Уоллесом. Не заметив на Колыме ни одного заключенного, делегация отбыла на родину, восхищенная глубокой культурой генерала и его молодой супруги, Грибасовой, начальницы женских лагерей. В 1948 году. Никишев выходит на пенсию и его сменяет Митронов.

«ДЖУРМА» — теплоход флота Дальстроя для перевозки заключенных на Колыму. В конце лета 1933 года с 12 тыс. заключенных на борту «Джурма» застряла во льдах. Спасение заключенных было признано неэкономичным, и они погибли. Когда в феврале 1934 г. ледокол «Челюскин» попал в аварию в этом же районе, советские власти решительно отклонили все иностранные предложения о помощи, так как «Джурма» с трупами на борту все еще находилась поблизости.

«ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА» — кампания ОГПУ по выявлению и изъятию золота у населения (1928—1929 годы). Попытки применялись к настоящим «укрывателям золота» и к подозреваемым. Отдавших золото освобождали при условии, что они собственноручно напишут заявление о «добровольном пожертвовании» золота в пользу Фонда индустриализации советской республики. (Следует уточнить, что кампания по изъятию золота продолжалась и позднее.) В архиве академика И. П. Павлова сохранилось его письмо, вероятно написанное кому-то из государственных или партийных деятелей страны и неотправленное, с такими словами: «Не знаю, как сейчас, а год-два назад работала так называемая «золотая комната». То есть люди, которые подозревались в том, что у них есть сбережения в виде золота, драгоценностей и валюты, хотя и незначительные, если они не отдавали их прямо, лишались свободы, заключались в одну комнату и подвергались, конечно, пыткам, должны были стоять, днями и неделями голодали и даже были ограничены в свободе пользования уборной. При этом, конечно, многие из истязаемых заболели. Такой случай я тоже знал. А отнимут каких-то пустячков — золотой крестик, который верующие на

груди носят, серебряный подарок покойного мужа».

Письмо И. П. Павлова относится к 1934 году и опубликовано позднее (Советская культура. 1989. 14 января. — С. 10; Звезда. 1989. № 10. — С. 113).

КАМЕРНЫЙ БАНДИТИЗМ — терроризирование и убийство заключенных другими заключенными. Иногда, чтобы вынудить подсудимого к даче «нужных» показаний, в его камеру сажают уголовников-рецидивистов, которым даются соответствующие указания. Этот метод применялся во время 2-й мировой войны к польским гражданам, отказывавшимся принять навязываемое им советское гражданство. Большинство согласилось принять советское гражданство (1941—1942 годы). К автору, чтобы заставить его дать ложные показания, следователь велел посадить трех уголовников-людоедов.

КАНАЛОАРМЕЕЦ — заключенный, работающий на стройке Беломорканала. Заключенный каналоармеец (з/к) — зэк, зэка. (Этот термин затем был распространен на всех заключенных).

КОЛЫМА — река в северо-восточной Сибири. 2600 км от истоков севернее Охотска до устья у Восточно-Сибирского моря. Колымские лагеря (1932—1956 годы) приобрели самую мрачную славу. Колымский климат очень суровый: морозы бывают ниже 60°С. Норма выработки на заключенного-горняка — 1,5 т в сутки (на каторге царских времен, в Нерчинске, — 50 кг в сутки). Колыма отли-

чалась самой высокой смертностью и жестокостью лагерных нравов, которые описаны рядом бывших заключенных. Среди них: Шаламов, Евгения Гинзбург, Элинон Липпер, Владимир Петров, Анатолий Краковецкий и др. Колыма породила богатый фольклор (песни), как никакие другие лагеря.

КОМИССАР — офицерское звание работника госбезопасности. В 1935 году были введены следующие звания (замененные в 1945 году военными званиями):

генеральный комиссар госбезопасности — маршал;
комиссар госбезопасности 1-го ранга — генерал армии;

комиссар госбезопасности 2-го ранга — генерал-полковник;

комиссар госбезопасности 3-го ранга — (нет соответствующего армейского звания);

старший майор госбезопасности — генерал-лейтенант;

майор госбезопасности — генерал-майор;

капитан госбезопасности — подполковник;

старший лейтенант госбезопасности — майор;

лейтенант госбезопасности — капитан;

старший сержант госбезопасности — старший лейтенант;

сержант госбезопасности — лейтенант.

КОРОВА — человек, предназначенный на съедение; то же: **багаж**, **баран**. Сам ничего не подозревая, в этой роли может выступить любой начинающий уголовник, которому старшие товарищи предложат участие в побеге. Оказанное новичку доверие

льстит ему, и он обычно соглашается. Если во время побега не удастся пополнить кончившиеся припасы, то зарежут «корову», выпьют артериальную кровь и съедят еще теплые почки (во время побега опасно зажигать костер). Если же все обойдется благополучно, то новичок лишь позже может понять, чем рисковал. Тех, кому приходилось есть человечину, называют людоедами. Они не хвастают своими приключениями, так как многие из уголовников не одобряют этого.

Примечание. Людоедство не является советским новшеством. В 1895 году М. Лобас в № 37 журнала «Врач» сообщал, что некто В. Васильев, бежав с каторги, питался мясом своего товарища. В советское время подобные явления стали такими распространенными, что появился соответствующий «технический» термин.

ЛЕФОРТОВО — Лефортовская следственная тюрьма ОГПУ—НКВД—МГБ—МВД—КГБ СССР в Бауманском районе Москвы. Бывший дворец Ф. Лефорта, построенный в конце XVII века. Позже — военная и каторжная тюрьма. Три корпуса тюрьмы расположены буквой «К»; вход в камеры — с галереи или с мостиков; все три этажа — сквозные. В 20-х годах, после самоубийства нескольких подследственных, междуэтажные проемы были затянуты металлической сеткой. В месте, где сходятся корпуса, образующие «К», надзиратель сигнализирует, свободен ли путь. В главном здании 260 одиночек, в середине 30-х годов в каждой из них поставили по две 2-ярусные койки, занимающие почти 0,75 площади камеры. Еще в царское время стали расширять тюрьму. Работы закончены при совет-

ской власти, и корпуса, образующие «К», теперь укрыты в квадрате более высоких зданий, в которых расположены кабинеты следователей и дополнительные камеры. Во время сталинских чисток «славилась» совершенно особыми пытками. Некоторые подследственные, когда им говорили об их отправке в Л., соглашались подписать что угодно. Так же известны лефортовские карцеры. В конце 20-х годов по соседству с тюрьмой был открыт ЦАГИ, и с тех пор вой аэродинамической трубы ЦАГИ оглушает подследственных. В годы сталинских чисток коридоры и камеры были выкрашены в черный цвет. Лефортово — расстрельная тюрьма. Перед высылкой из Советского Союза в 1974 году Солженицын провел там несколько дней.

ЛОВЦЫ ЛЮДЕЙ — охотники на беглецов. В царское время охотой на беглых каторжников промышляли главным образом сибирские охотники-автохтоны, для которых как беглец (русский, украинец, кавказец), так и власть, платящая за его поимку, были одинаково чужды. Об отношении же русского населения Сибири к беглым сказано в старой каторжной песне: «Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой».

Зная, что некоторые беглецы опасаются встречи с жителями (которых могут затем допрашивать власти), сибирские крестьяне выставляли на завалинку хлеб и молоко на случай, если ночью будет приходить беглец. В связи с организацией в начале 20-х годов первых крупных советских лагерей в северной России ГПУ стало вербовать ловцов людей прежде всего среди населения Карелии, через которую ведет путь в Финляндию. (Первые лагеря бы-

ли организованы на северо-западе России.) За каждую сданную голову чекисты платили деньги (около полумесячного заработка рабочего) и товары: 2 пуда муки, 4 фунта сахару и т. д. (Розанов М. Завоеватели белых пятен. — Лимбург: Посев, 1951. — С. 38). Позже лагеря появились в северной Сибири, где местным охотникам платили другими товарами. В степях Казахстана можно получить кирпичный чай и другие ценимые там товары. Из-за постоянного недостатка самых необходимых товаров охота на беглецов была доходным промыслом по всей территории СССР.

(Детектив. 1995. № 11)

СПИСОК НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР

БУР	— барак усиленного режима
ВТК	— воспитательно-трудовая колония (для несовершеннолетних)
ДПНК	— дежурный помощник начальника караула
ИВС	— изолятор временного содержания
ИТК	— исправительно-трудовая колония
ИТУ	— исправительно-трудовое учреждение
КПЗ	— камера предварительного заключения

КПП	— контрольно-пропускной пункт
КСП	— контрольно-следовая полоса
ПКТ	— помещение камерного типа
СВП	— секция внутреннего порядка
СИЗО	— следственный изолятор
ШИЗО	— штрафной изолятор

СЛОВАРЬ

А

Абвер	— оперативный отдел ИТУ
Автозак	— спецавтомобиль для перевозки содержащихся под стражей
Автомат	— авторучка
Авторитет	— человек, имеющий власть в данной среде. Опытный вор, способный быть во главе преступной группировки
Ажур	— порядок
Академик	— 1: то же, что <i>Авторитет</i> , 2: уголовник
Академия	— 1: тюрьма, 2: место, где проводят время шулера и воры
Аквариум	— камера временного содержания

Акробат	— пассивный гомосексуалист
Актив	— заключенные, сотрудничающие с администрацией ИТУ
Активист	— принадлежащий активу, входящий в актив
Алкач	— алкаш
Алкаш	— пьяница
Аллигатор	— опасный, опытный преступник
Алтушки	— бабки
Алюра	— начинающая проститутка
Амбал	— силач
Амбец	— конец, гибель, смерть
Амбразура	— рот
Американка	— игра монетами на деньги
Амнуха	— амнистия
Ампула	— поллитровка
Анархист	— опытный преступник, не признающий воровские традиции, действует в одиночку
Анаша	— наркотик из конопли
Анашист	— курящий анашу
Анекдотчик	— осужденный за антисоветскую пропаганду
Арап	— мошенник, жулик
Арбуз	— голова
Аристократ	— карманный вор высокой квалификации
Аркашка	— петля-удавка
Архаровец	— головорез
Атас	— 1: наблюдательный пост, караул, 2: предостерегающий крик, означающий опасность

Атасник	— наблюдатель, подающий сигнал или знак в случае опасности
Афер	— мошенник, аферист
Ацетонка	— 1: очищенный при помощи ацетона наркотик, 2: токсикоманка

Б

Бабай	— азиат
Бабан	— 1: простак, 2: деревенский мужик
Бабка	— кольцо, перстень
Бабки	— деньги
Бабочка	— 1: рубашка, 2: татуировка
Багажник	— карман
Бадай	— бери! (призыв к действию)
Бадяга /	
Бадягу разводить	— вести пустые разговоры, болтать
Бадяжить	— варить, готовить пищу
Базар	— разговор
Базарила (о)	— болтун
Базарить	— 1: разговаривать, 2: спорить, 3: скандалить
Базаровать	— воровать в людном месте
Базлать	— кричать, звать на помощь
Байбут	— кинжал
Байдан	— вокзал, аэропорт, пристань — место прибытия и отправления
Байкал	— слабозаваренный чай

Баки /	
Баки забивать	— морочить голову
Баклан	— начинающий преступник
Бакланка	— 1: 206 статья Уголовного кодекса РСФСР (о хулиганстве), 2: хулиганство
Бакланье	— заключенные, не пользующиеся авторитетом
Балабаны	— деньги
Балаган	— ресторан
Балалайка	— 1: переносной магнитофон, 2: револьвер
Балан	— очищенный от сучьев ствол дерева
Баланда	— 1: тюремная похлебка, 2: вранье
Баланду травить	— 1: говорить чепуху, 2: врать
Баландер	— 1: раздатчик пищи, 2: подсобный рабочий на кухне, в столовой
Балда	— 1: голова, 2: мужской половой член, 3: обман, вранье, 4: общее название наркотиков
Балда /	
Балду гонять	— 1: бездельничать, 2: онанировать
Балдеть	— 1: пьянеть, 2: пьянствовать
Балдеж	— смех
Балдежник	— весельчак, юморист
Балдежный	— пьяный
Балдоха	— солнце
Балерина	— 1: отмычка, 2: инструмент для вскрытия сейфов

Балконщик	— квартирный вор, проникающий в помещение через балкон
Балон / Балон катить	— критиковать более авторитетного
Балоны / Балоны катить	— идти
Балясина	— продукты, содержащие большое количество жиров (масло, сало, колбаса)
Бан	— вокзал, аэропорт, пристань — место сбора преступников
Бандер	— содержатель притона
Бандяк	— бандероль
Банжиха	— вокзальная проститутка
Банк / Банк держать	— вести карточную игру, сдавать карты
Банка	— емкость с алкоголем, обычно поллитровка
Банка / Банки ставить	— истязать, нанося удары или закручивая пальцами кожу на теле
Банковать	— раздавать карты для игры
Банщик	— вокзальный вор
Баня / Понеслась косая в баню	— пиши пропало
Баранки	— наручники
Барать	— сношать
Бараться	— совокупляться
Барин	— 1: начальник колонии, 2: заправила у осужденных

Барказ	— стена ограждения колонии
Баруха	— 1: сожигательница, 2: женщина, легко доступная в половом отношении
Барыга	— перекупщик краденого
Басивала	— неисправный вор
Батар	— то же, что <i>Пахан</i>
Батарей	— ребра
Батник	— тенниска, футболка
Батон	— полная женщина
Батончики	— развратные девочки-подростки
Батут	— ночлежка
Батя	— повар
Бацать	— 1: плясать, 2: играть
Бацилла	— 1: сало, 2: высококалорийный продукт, 3: передача заключенному
Бациллистый	— худой, хилый
Бацильный	— 1: больной туберкулезом, 2: ценный, стоящий
Башкир	— милиционер
Баян	— 1: медицинский шприц, 2: батарея отопления
Бибехи	— 1: внутренние органы, внутренности, 2: краденые вещи
Бебики	— глаза
Бебики потушить	— выколоть глаза
Бегать	— воровать
Беда	— финский нож
Бедность	— арест
Бедолага	— пистолет
Бей!	— расстегнуть верхнюю одежду у жертвы

Бей верах!	— призыв воровать из верхних карманов
Бекас	— клоп
Белая кость	— высшая воровская каста
Белье	— серебро, серебряные вещи
Бензолка	— лекарство, содержащее наркотические вещества
Берданка	— посылка, передача в ИТУ
Бесовка	— подружка вора
Беспредел	— 1: самоназвание группировки воров, возникшее в период так называемой «сучьей войны», 2: заключенный, не признающий общепринятых норм, 3: беззаконие
Беспредельничать	— творить беззаконие, заниматься самоуправством
Бессрочка	— 1: детская колония, 2: заключенный, не подлежащий условно-досрочному освобождению
Бестолковка	— голова
Бешеные	— наркотики
Бзделоватый	— трусливый
Библия	— игральные карты
Бикса	— то же, что <i>Шмара</i> , <i>Баруха</i>
Биржа	— производственная зона колонии
Бирка	— 1: удостоверение личности, 2: пистолет
Бить /	
Бить бубны	— избивать
Бить кишку	— есть, принимать пищу

Бить понт	— изображать из себя значительное лицо
Бить по ширме	— совершать карманные кражи
Бить хвостом	— выдавать соучастников
Бич	— бродяга
Бичевать	— бродяжить
Бичина	— то же, что <i>Бич</i>
Блатарь	— вор
Бланкетка	— проститутка
Блатная	— воровка
Блатная кошка	— проститутка-сообщница
Блатная музыка	— воровской жаргон
Блатной	— 1: вор, 2: воровской, 3: выгодный
Блатной шарик	— солнце
Блатовать	— уговаривать
Блатяк	— то же, что <i>Блатной</i>
Блин	— 1: берет, головной убор, 2: фальшивая монета
Блины печь	— подделывать деньги
Блошница	— рубашка
Блюдце	— место сбора наркоманов
Блядки	— 1: танцевальный вечер, танцы, 2: свидание
Бобер	— 1: состоятельный человек, 2: мошенник, 3: спекулянт
Бобик	— 1: рядовой милиционер, 2: милицейская машина
Бобы	— патроны
Богашух	— кража в поезде
Богодуй	— нищий, попрошайка
Бока	— карманные и наручные часы
Бокс	— то же, что <i>Аквариум</i>

Болеть	— находиться под стражей, следствием
Больной	— арестованный
Болтанка	— очищенный клей БФ, употребляемый токсикоманами
Большая икона	— правила внутреннего распорядка в ИТУ
Бомба	— бутылка со спиртным емкостью 0,7 литра
Бомбить	— попрошайничать
Бондарь	— содержатель притона
Бора	— документ
Борзануть	— проявить наглость
Борзеть	— наглеть
Борзость	— наглость
Борзота	— 1: то же, что <i>Борзость</i> , 2: наглец, нахал
Борзый	— 1: нарушитель режима, 2: нахальный, наглый
Бормотолог	— то же, что <i>Алкаш</i>
Бормотушник	— пьяница, допивающий остатки вина, пива
Борода	— неудача
Борода /	
Бороду пришить	— обмануть
Борт	— край миски, тарелки
Борта	— женские бедра
Бортануть	— 1: оттолкнуть, 2: отказать
Бортануться	— 1: удариться, 2: тайно сделать аборт
Босота	— то же, что <i>Бакланье</i>
Босяк	— 1: несовершеннолетний беспризорный, 2: вор
Богать	— говорить

Ботать по-свойски,	
Ботать на(по) фене	— говорить на блатном (воровском) жаргоне
Ботва	— волосы
Бочка /	
Бочку катить	— 1: наговаривать, клеветать, 2: спорить с более авторитетным
Браслеты	— наручники
Братия	— компания. Употребляется как составная часть сложных слов
Братъ	— 1: получать в свое обладание, 2: арестовывать, 3: заниматься оральным сексом, 4: воровать, 5: обыгрывать в карты
Братъ /	
Братъ (давать)	
вафли	— совершать минет
Братъ в голову	— переживать
Братъ за галстук	— ставить в безвыходное положение
Братъ за ночь	— взимать плату за сексуальные услуги
Братъ за пищик	— братъ за горло
Братъ (не) за фик собачий	— 1: задерживать без оснований, 2: получать что-либо даром
Братъ за шкирку	— хватать за шиворот
Братъ на арапа	— грубить
Братъ на бздюху	— запугивать
Братъ на бога	— уговаривать

- Брать на бугая** — обворовывать, используя для отвлечения внимания жертвы подброшенный кошелек
- Брать на вздерку** — вытаскивать незаметно часть денежных купюр из пачки денег
- Брать на гоп-стоп** — грабить
- Брать на горло** — орать
- Брать на грудь** — выпивать, пить спиртное
- Брать на калган** — наносить удар головой в лицо
- Брать на конверт** — обманывать с помощью подлога
- Брать на крючок** — шантажировать
- Брать на лапу** — брать взятки
- Брать на передок** — добиваться цели, обольщая кого-либо
- Брать на понт** — добиваться чего-либо обманом
- Брать на понял** — принимать за дурака
- Брать на пустую** — задерживать без оснований, незаконно
- Брать на пушку** — обманывать, разыгрывать кого-либо
- Брать на себя** — признавать себя главным виновником преступления с целью скрыть соучастников
- Брать на сквозняк** — скрываться через проходную дверь или проходной двор
- Брать на собаку** — усыпить наркотиками и обокрасть
- Брать на совесть** — усовещивать, совестить
- Брать натурой** — заставлять расплачиваться телом, сексом

- Брать на халяву** — получать что-либо без особых усилий
- Брать на характер** — обкрадывать жертву, разговаривая с ней
- Брать на шарапа** — добиваться цели за счет нахальства, грубости
- Брать на шармачка** — брать на халяву
- Брать на пайку** — принимать пищу (употребляется в период голодовок)
- Брать письмом** — при карманной краже разрезать сумку или одежду жертвы
- Брать на пластырь** — использовать при воровстве пластырь для погашения звона стекла
- Брать на хомут** — схватить одной рукой сзади
- Брашка** — компания
- Брикет** — упаковка таблеток
- Бритый шилом** — рябой
- Брод** — улица
- Бродвей** — плац
- Бросать** — обставлять, обыгрывать
- Бросать / Бросать коня** — передавать записку из камеры в камеру через окно на ниточке или шнурке
- Бросать палку** — совершать половой акт
- Бугай** — кошелек, бумажник, подброшенный для привлечения внимания
- Бугайщик** — вор, крадущий с использованием *Бугая*

Бугор	— 1: бригадир в колонии, 2: начальник
Будка	— лицо
Бук	— половой акт
Булки	— ягодыицы
Булом	— кинжал
Бунтовать	— тасовать
Бура	— 1: разновидность карточной игры, 2: суп
Буреть	— наглеть
Бурить	— играть в Буру
Буркалы	— глаза
Буром /	
Буром петъ	— 1: идти напролом, 2: наступать на кого-то группой, толпой
Бурый медведь	— смесь водки с коньяком
Бутон	— хлебный батон
Бутор	— барахло
Бутылка /	
В бутылку загнать	— поставить в безвыходное положение
В бутылку лезть	— искать ссоры, намеренно злить кого-то
Буфарь	— женская грудь
Буфера	— женские груди
Буферистая	— полногрудая женщина, девушка
Буфет	— шкаф
Буфетников	— вор, совершающий кражи в столовых, буфетах
Бухала	— пьяница
Бухало	— спиртные напитки, спиртное
Бухаловка	— пьянка, попойка
Бухарь	— пьяница

Бухать	— выпивать
Бухой	— пьяный
Бухтеть	— ворчать
Бушлат	— гроб
Бушлат / Бушлатом закрыться	— умереть
Бык	— заключенный, хорошо работающий на производстве
Быть / Быть в бедности	— страдать из-за отсутствия наркотиков
Быть на лаване	— скрываться от милиции
Быть у дяди на поруках	— отбывать наказание, связанное с лишением свободы
Бытовик	— осужденный за хозяйственные преступления
Бычий отдел	— общее название заключенных, хорошо работающих на производстве
Бычковать	— сохранить окуроч, потушив его
Бычок	— окуроч

В

Вагонзак	— вагон для перевозки заключенных
В ажуре	— нормально, хорошо
Вакуум	— камера-одиночка

Валезник	— пьяный, лежащий на земле
Валет	— бестолковый, дебил
Валить	— уходить
Валиться	— садиться
Вальты /	
Вальты гуляют	— не все дома
Вара	— контрабанда
Ваторга	— пистолет, револьвер
Вахлать	— вступать в орогенитальный контакт
Вбиваться	— одеваться
Вводить /	
Вводить в закон	— делать авторитетным во- ром
В доску спустить	— убить
Вдрабадан	— в стельку
Ведьма	— матрас
Вексель	— документ, удостоверяю- щий личность
Векселя ломать	— проверять документы
Велосипед	— истязание, заключающее- ся в поджоге горючих предметов, вставленных между пальцами ног (обычно во время сна)
Веник	— 1: придурок, 2: венериче- ский больной
Венчание	— суд
Верба	— самовар
Верный	— обрез
Вертануть	— украсть
Вертеть /	
Вертеть углы	— воровать чемоданы

Вертолет	— 1: нары, деревянный щит, прикрепленный к стене, 2: одновременный половой акт с тремя мужчинами
Вертухай	— охранник, конвоир
Вертухаться	— 1: вертеться, 2: возражать, сопротивляться
Верха	— наружные карманы
Верхатура	— верхняя одежда
Верховой	— ворующий с чердаков
Верхушка	— переплата за дефицитный товар
Верхушник	— начинающий карманный вор
Вертяк	— майка, сорочка
Весло	— ложка
Вечный фрайер	— слабоумный, дурак
Вешер	— поездной вор
В законе	— вор в законе
В зюю	— в стельку
Взять /	
Взять в стас	— избить
Взять кобур	— взломать стену квартиры или хранилища
Взять	
лохматый сейф	— изнасиловать
Взять на аннушку	— напугать
Взять на кармане	— задержать в момент совершения карманной кражи
Взять на красный галстук	— убить ударом ножа в шею
Взять на кулаки	— избить
Взять на прихват	— ограбить, предварительно связав кого-нибудь

Взять на хапок	— выхватить что-то из рук жертвы грабежа и скрыться
Взять смехом на характер	— побеседовать с жертвой, которую только что обокрал
Взять на хомут	— схватить жертву сзади рукой за горло при грабеже, лишив ее возможности сопротивляться
Взять письмом	— выкрасть что-либо с применением режущих предметов
Видать / Видать в гробу	— послать к черту
Вигоневый	— ведущий двойную игру
Вилы	— 1: конец, гибель, 2: неудача, 3: неизбежность ареста
Вилы / Вилы ставить	— загонять в угол, припираться к стене
Винт / Винта нарезать	— убежать
Винтом пойти	— 1: закрутиться на месте, 2: убежать, вихляя телом
Висеть	— быть под подозрением
Висяк	— 1: женская сумочка, 2: навесной замок
Висячка	— нераскрытое преступление
Витамин-дэ	— деньги
Витамин-це	— название некоторых продуктов или напитков
Вкатить	— проиграть

Вковаться	— приобрести красивую одежду, приодеться
Вколачивать баки	— обманывать
Вложить	— донести, предать
Вмазать	— выпить спиртного
Вмазаться	— ввести себе наркотик
Вмасть	— хорошо, удачно
В натуре	— 1: правильно, верно, 2: употребляется как вводное слово. Вообще.
Водила	— шофер
Водичка	— темная ночь
Водопад	— движущийся поток людей: удобный момент для карманных краж
Водяра	— водка
Возбухать	— то же, что <i>Выступать</i>
Воздух	— деньги
Воздушник	— вор, совершающий кражи с кузовов машин на рынках
Возникать	— 1: выражать несогласие с чем-либо, 2: вмещиваться
Володя	— жертва преступления
Волчара	— брань
Волчок	— контролер ИТУ
Волчонок	— молодой осужденный, для которого нет авторитетов
Волчья пасть	— глухое окно в тюрьме, следственном изоляторе
Волына	— пистолет
Волынка	— бунт
Вольняга	— 1: вольнонаемный работник ИТУ, 2: расконвоированный заключенный
Вольтанутый	— душевнобольной
Вольтануться	— чокнуться, тронуться

Воля	— антоним слову <i>Зона</i>
Воля /	
Век воли	
не видать	— клятва
Вор в законе	— вор, пользующийся особым авторитетом и особыми правами в воровской среде
Воркута	— старожил ИТК
Воробей	— висячий замок
Воровайка	— женщина-воровка
Ворон	— спецмашина для перевозки арестованных или заключенных
Восьмерить	— хитрить, изворачиваться
Восьмерка	— таз
В подлость	— оскорбительно, унизительно
Впулиться	— войти, проникнуть в здание, помещение
Врач	— адвокат
Врезать	— 1: выпить спиртного, 2: налечь на что-либо
Врезать /	
Врезать дуба	— 1: замерзнуть, 2: умереть
Врубить	— ударить
Всеведущий	— прокурор
Вставить очки	— 1: обмануть, 2: сильно избить
Всхрапнуть	— уйти от расправы сокамерников
Всю дорогу	— всегда, постоянно
Втихаря	— втайне
Втихую	— незаметно
Вторяк	— вторично заваренный чай
Втыкать	— вдыхать, нюхать ацетон

Вумат	— очень сильно, в высокой степени
Вусмерть	— совсем
Вчистую	— за недостатком улик
Вывеска	— лицо
Выводка	— доставка подследственного на место преступления
Выдернуть хвост	— 1: лишить воровских прав, 2: обыграть до нитки
Выдра	— 1: отмычка, 2: вагонный ключ
Выкупать	— догадаться, разгадать намерения
Вымолотить	— обворовать
Выпасти	— выследить
Выпендрож	— бахвальство
Выпендриваться	— бахвалиться
Выпуливаться	— убираться
Выпулиться	— убраться
Вырубать	— приводить в бессознательное состояние побоями
Вырубаться	— 1: засыпать, 2: терять сознание
Выступать	— вести себя вызывающе
Вытерка	— проездной билет
Вышак	— 1: высшая мера наказания, 2: осужденный к высшей мере наказания
Вышак /	
Вышак ломится	— вероятно высшая мера наказания
Вьюн	— ухо
Вязать	— задерживать, арестовывать

Г

Гавка	— собака
Гаврик	— 1: помощник, подчиненный, 2: употребляется как пренебрежительное обращение
Гаврила	— дворник
Гагара	— богатая женщина
Газ	— спиртное
Газовать	— пьянствовать
Гай	— свобода
Гайменник	— убийца
Галка	— револьвер
Галош	— презерватив
Гандон	— 1: презерватив, 2: брань
Гапон	— милиционер
Гармошка	— батарея центрального отопления
Гарь	— водка
Гастролер	— преступник, совершающий преступления в разных местах
Гастролировать	— заниматься какой-либо деятельностью, например воровством, на чужой территории
Геморрой	— неудача
Генерал	— наставник воров-подростков
Гитара	— лом
Глаз / Глаз выпал	— удивился, поразился
Глаз положить	— понравиться, приглянуться
Глазок	— стеклорез

Глина	— хлеб
Глот	— 1: обжора, 2: крикун, горлопан, 3: скупец
Глохнуть	— молчать
Глухарь	— 1: отбывающий наказание на тюремном режиме, 2: человек, который грабит пьяных
Глухо	— 1: плохо, худо, 2: полностью, совершенно
Глухой номер	— бесполезно, бессмысленно
Глюк	— галлюцинация
Гнать	— 1: идти, 2: расстраиваться
Гнать /	
Гнать гамму	— 1: придумывать, выдумывать, 2: лгать
Гнать гусей	— 1: притворяться, изображать несведущего, 2: употребляется как поговорка в значении: всему конец, пиши пропало
Гнать дуру	— изображать глупого
Гнать картину	— 1: морочить голову, 2: производить впечатление
Гнать марку	— набивать себе цену
Гнать порожняк	— говорить неправду
Гнать по-черному	— обманывать бессовестно, издевательски
Гнедой	— хитрый
Гнутки	— сапоги
Головка	— руководство, руководители
Голуби	— 1: белье на веревке, 2: письма, миновавшие обязательную в ИТУ цензуру

Голубок	— вольнонаемный сотрудник ИТУ, исполняющий функцию связного
Голубятник	— вор, крадущий белье
Голый / Голый вассер	— бесполезно
Гомон	— конец, смерть
Гомонец	— кошелек
Гомыра	— самогон, самогонка
Гомырка	— нитролак
Гонец	— 1: связной, 2: ловец, искатель
Гончий	— помощник, приближенный главаря
Гонять	— ходить
Гоп	— место, где можно переночевать за небольшую плату
Гоп-компания	— группа, компания
Гопник	— грабитель
Гоп со смыком	— легендарный грабитель, персонаж блатных песен
Гоп-стоп	— 1: стоп, стой, 2: используется как повтор в блатных песнях
Горбатить	— работать
Гореть	— подвергаться опасности, погибать
Гореть / Гореть гаром	— пропадать
Горка	— ставка при игре в карты, банк
Город	— магазин
Городуха	— магазинная кража
Городушник	— магазинный вор
Горох	— патроны
Горючее	— спиртное

Горячие	— удары смоченным предметом или по смоченному участку тела
Грабануть	— ограбить
Габка	— рука
Гравюра	— фальшивая купюра
Градусник	— лопатка, треугольная кость в верхней части спины
Грач	— 1: простофиля, лопух, 2: употребляется как обращение
Гребень	— пассивный педераст
Грев	— 1: посылка, 2: материальная поддержка
Гренуля	— чистюля, аккуратный человек
Грести	— уходить
Грести полундру	— воровать
Грибы /	
Грибы раскатать	— размечтаться, понадеяться
Грин	— доллар
Громила	— грабитель
Грохот	— убивать
Гроши /	
Класть гроши на проволоку	— посылать деньги почтовым переводом или телеграфом
Грудянка	— грудь
Грузчик	— осужденный, взявший на себя вину за преступление
Группа	— преступление, совершенное группой лиц
Грызло	— 1: рот, 2: горло

Грызуны	— дети
Грязный	— больной венерической болезнью
Грязь	— тушь
Гудеть	— 1: пьянствовать, 2: ворчать, 3: отбывать наказание, 4: подвергаться высылке
Гудеж	— пьянка
Гуж	— дурак
Гужануться	— развлечься
Гужбан	— водитель такси
Гужеваться	— развлекаться, пировать
Гужевка	— гулянка, пирушка
Гужон	— деликатесные продукты
Гуляш по почкам	— избиение, побои
Гумза	— больной венерической болезнью
Гунчик	— десятикопеечная монета
Гурки	— ключи
Гусак	— 1: стальной прут или полотно по верху стены заграждения, 2: богатый клиент проститутки, потенциальная жертва
Гусар	— шулер
Гусиная лапа	— приспособление для взлома сейфов, инструмент взломщика
Гусь	— доносчик
Гуга	— лекарства, растворенные в воде
Гуталинщик	— токсикоман, употребляющий с целью опьянения компоненты гуталина

Д

Давалка	— 1: женщина легкого поведения, 2: женский половой орган
Давать	— отдаваться
Давать / Давать петуха	— 1: протягивать руку, 2: мириться
Давать по делу	— выдавать соучастников
Давать уроки	— бездельничать
Давить	— спать
Давить / Давить косяка	— подсматривать, незаметно наблюдать
Давить ливер	— склонять женщину к половому акту
Давить маяк	— подсказывать жестом (во время карточной игры)
Давить сака	— бездельничать
Дальняк	— 1: антоним слову <i>Домашняк</i> , 2: ИТК, расположенная в удалении от населенного пункта
Дама	— гомосексуалист
Дамка	— женщина легкого поведения, гулящая
Дармовик	— преступник, не принимающий непосредственного участия в преступлении
Дармовой	— задний брючный карман
Дать / Дать в зубы, чтоб дым пошел	— угостить сигаретой, папирсой
Дать винта	— убежать от конвоя

Дать гонку	— не дать возможности украсть
Дать (на) всю катушку	— дать полной мерой, без учета смягчающих вину обстоятельств
Дать оборотку	— нанести ответный удар, избить напавшего
Дать отвертку	— украсть, воспользовавшись невнимательностью продающего
Дать (в) пачку	— ударить по лицу
Дать по балде	— ударить по голове
Дать по батареям	— ударить по ребрам
Дать по рогам	— сбить спесь с кого-либо
Дать под дых	— ударить в солнечное сплетение
Дать резину	— поздороваться за руку
Дать срок	— осудить
Дать стране угля	— удивить
Дать толчок	— принять дозу наркотиков
Дать торца	— ударить кулаком в лицо
Дать ума	— избить
Дать шороху	— 1: накуролесить, 2: отчитать
Дать /	
Дашь на дашь	— баш на баш
Дачка	— передача осужденного
Дачник	— преступник, обворовывающий дачные домики
Даша	— пассивный гомосексуалист
Два с боку	— 1: тюремный надзиратель, 2: милиционер
Двенадцать на два	— на побегушках
Двигануть /	
Двигануть фуфло	— смухлевать

Двигануть /	
Двигануть фуфлом	— уклоняться, изворачиваться
Двигаться	— вдыхать пары токсичных веществ
Двинуть /	
Двинуть лапшу на уши	— 1: дать ложные показания, 2: обмануть
Двойка	— общепринятое название ИТК по номерам: «однерка», «двойка»
Двойник	— камера на двоих
Двор	— тюрьма
Дворник	— работник прокуратуры
Двустволка	— 1: девушка, 2: женщина, совершающая половой акт одновременно с двумя мужчинами
Дежурняк	— дежурный помощник начальника караула
Декабрист	— осужденный за мелкое хулиганство
Делать	— брать на себя
Делать / Делать для близиру	— делать вид, притворяться
Делать клоуна	— безобразить лицо, изменять его черты
Делать ломку	— допрашивать обвиняемого, добиваясь признания в совершении преступления
Делать лыжи	— совершать побег
Делать мусор	— избивать до потери сознания
Делать розочку	— наносить удар полуотбитой бутылкой

Делать рощу	— разбрасывать нападавших
Делать темную	— избивать, предварительно накинув на голову кусок материи, одежду и т. д.
Дело	— «работа», совершаемая воров, грабителем и т. д.
Деловой	— активный участник <i>Дела</i>
Дембель	— освобождение из ИТУ
Демократизатор	— дубинка
Дербанить	— делить
Держало	— ложка
Держать /	
Держать базар	— вести разговор
Держать бан	— воровать на вокзале
Держать	
за кого-либо	— считать кем-либо
Держать зону	— иметь власть в колонии
Держать кены	— сводить счета
Держать ким	— спать
Держать краба	— пожимать руку
Держать мазу	— защищать, поддерживать
Держать марку	— совершать кражи в городском транспорте
Держать масть	— иметь власть над группировкой заключенных
Держать	
под примусом	— угрожать физической расправой
Держать пять	— привет!
Держать садку	— воровать при посадке в общественный транспорт, на остановках
Держать стойку	— сохранять спокойствие, держаться с достоинством

Держаться /	
Держаться за свайку	— онанировать
Дерзкий на руку	— хулиган
Детский	— небольшой, незначительный
Дешевка	— 1: гулящая, 2: брань
Дергать	— убежать, скрываться
Дернуть	— совершить половой акт
Дернуть /	
Дернуть гуся	— сонанировать
Джонка	— головной убор заключенного
Дикарь	— мусульманин
Динама /	
Динаму крутить	— обманывать
Динамист	— обманщик
Для мебели	— на всякий случай
Догнать	— понять
Дозняк	— доза наркотиков
Доктор	— защитник, адвокат
Долбануть	— мучить
Долбать	— мучить
Долбаться	— возиться
Долбить	— сношать
Долбиться	— совокупляться
Дольняк	— туалет
Домашняк	— заключенный, отбывающий наказание в пределах области, края и т. д., в которых он ранее проживал
Домный	— местный
Домуха	— квартирная кража
Домушник	— квартирный вор
Допереть	— понять
Доплывать	— обессиливать

Дорога	— канал связи
Доска	— икона
Доскарь	— спекулянт иконами
Досрочка	— условно-досрочное освобождение
Доставать	— выводить из себя
Достать	— отомстить
До фени	— наплевать, безразлично
Дохлак	— слабосильный, болезненный человек
Дохнуть	— спать
Доходяга	— 1: человек в крайней степени физического истощения, 2: тяжелобольной, умирающий
Драконить	— злить
Драть	— сношать
Дрефло	— трус
Дрын	— толстая палка
Дрюкануться	— спрыгнуть
Дрючить	— сношать
Дрючиться	— совокупляться
Дрючка	— девушка
Дрянь	— то же, что <i>Анаша</i>
Дуб	— 1: рубль, 2: дурак
Дубак	— надзиратель
Дубарно	— холодно
Дубарь	— покойник, мертвец
Дубачить	— сторожить, охранять
Дубок	— стол
Дуборез	— судебно-медицинский эксперт
Дундук	— дурак
Дунуть	— предать, донести
Дуплет	— полый каркас, имитация чемодана

Дуплить	— 1: избивать, 2: совершать акт мужеложства
Дупло	— анальное отверстие
Дура	— 1: пистолет, 2: оружие
Дурдизель	— заключенный-ударник
Дурка	— женская сумочка
Дурмашина	— медицинский шприц
Дурогон	— обманщик, лжец
Дурь	— то же, что <i>Анаша</i>
Духарик	— храбрец, смельчак
Духариться	— 1: храбриться, 2: веселиться
Душа /	
Душу обосрать	— испортить настроение
Душа /	
Душу травить	— напоминать
Дыбать	— 1: идти, ходить, 2: искать
Дым	— денатурированный спирт, денатурат
Дырка	— 1: женщина, 2: расстрел
Дых	— солнечное сплетение, ложечка
Дыхало	— то же, что <i>Дых</i>
Дыхнуть	— курнуть
Дышать	— 1: жить, 2: разговаривать
Дышать /	
Дышать вам в рот	— брань
Дядина дача	— тюрьма
Дятел	— 1: дурак, 2: активный гомосексуалист

Е

- Егор** — соучастник, не вызывающий доверия
- Елда** — мужской половой член больших размеров
- Ельня** — общее название воров
- Ермалага** — кража, совершаемая после спаивания жертвы
- Ершить** — выдавать себя за вора в законе, пользуясь отсутствием таковых в данной компании
- Есть налево!** — исполнено!
- Ежовая маруха** — сварливая женщина
- Ехать на небо тайгой** — врать без удержу
- Ехать на харево** — идти к женщине для совершения полового акта
- Ежик** — 1: колющий предмет, предназначенный для нанесения телесных повреждений, 2: вешалка
- Елочка зеленая** — бывший военнослужащий, отбывающий наказание

Ж

- Жабры** — ребра
- Жало** — 1: язык, 2: нос, 3: иголки для нанесения татуировок, 4: стилет

Жамачи	— пряники
Жамочка	— булочка
Жаргон	— вокзал
Жарить	— совершать половой акт
Жать	— тискать
Жаться	— обниматься, ласкаться
Жбан	— голова
Жевалки	— челюсти
Жек	— небольшой нож
Железный занавес	— наружные въездные ворота ИТУ
Железный фрайер	— трактор
Женилка	— мужской половой орган небольших размеров
Жених	— жертва шулера
Женщина	— матрас
Жженка	— самодельная тушь для татуировки, приготовленная из резины
Живопырка	— столовая
Животное	— вымогатель
Жиган	— 1: рецидивист-главарь, 2: бесправный заключенный, 3: дерзкий вор, 4: живущий за счет шпаны, 5: знающий воровские законы
Жиганить	— 1: шиковать, транжирить, 2: модно одеваться
Жиганчик	— молодой преступник
Жид	— жадина
Жидить	— 1: жилить, 2: беречь, приберегать
Жирный	— осужденный торговый работник
Жиронда	— красивая проститутка

Жить /	
Жить положняком	— пользоваться авторитетом у заключенных
Жлобиться	— 1: жадничать, 2: завидовать
Жлобник	— завистник
Жмур	— покойник
Жмур /	
Жмуром делать	— убивать
Жорик	— молодой заключенный
Жох	— проходимец, пройдоха
Жуй	— овсяная каша
Жулик	— вор в законе
Жульбан	— вор-подросток
Жульман	— начинающий вор
Журавль	— вольнонаемный сотрудник ИТК, приносящий на территорию колонии запрещенные предметы по поручениям заключенных
Жучка	— 1: женщина-воровка, 2: преданная сожительница вора
Жучок	— 1: игра, 2: молодой хулиган

3

Заарапить	— обмануть
Забарабать	— арестовать
Забить	— 1: продать, 2: зарезервировать
Забить баки	— отвлечь внимание
Забить гвозди	— обмануть

Забить косуху	— выкурить самокрутку с анашой
Забить шмотки	— продать вещи
Заблатовать	— 1: уговорить, 2: подкупить
Забодать	— продать краденое
Заваливать	— 1: выдавать, предавать, 2: убивать
Завалиться	— попасться с поличным
Завести волынку	— уговорить осужденных не работать
Завить	— продать
Завязать	— прекратить воровать
Завязчик	— лицо, отошедшее от преступной среды
Завянуть	— замолчать
Загнуть в бутылку	— изобличить во лжи
Загонворж	— пьяница
Заготовитель	— взяточник
Загонять	— продавать краденое
Загрантовать	— ограбить
Загребать	— арестовывать
Загулять	— ни в чем не признаваться на допросе
Заделать козу	— обмануть, подкузьмить
Заделать скачок	— обворовать квартиру без наводки
Заделье	— воровская свадьба
Задок	— прежняя судимость
Зажигалка	— 1: пистолет, 2: несовершеннолетняя проститутка
Заиграть	— 1: проиграть, 2: присвоить
Заимка	— карцер
Зайчики	— 1: спички, 2: ключи, 3: огонь

Закидон	— 1: проверка, 2: причуда, каприз
За клопами охотиться	— обкрадывать пьяных
Заковать	— 1: арестовать, 2: надеть наручники
Законник	— вор, соблюдающий воровские законы, обычаи и традиции, признанный другими ворами
Законный каин	— скупщик краденого, которому доверяют воры
Закончить академию	— отбыть срок наказания в местах лишения свободы
Закрытка	— тюрьма
Закумарить	— употребить наркотическое вещество
Закусить пиджака	— залезть в карман жертве
Залепить	— 1: совершить преступление, 2: сказать, 3: сделать
Залетка, залетный	— приезжий вор
Заловить приход	— опьянеть от спиртного, наркотиков
Заломить ксиву	— проверить документы
Заломить рога	— помчаться
Замазанный	— скомпрометированный
Замазка	— 1: взятка, 2: какое-либо действие, производимое для отвода глаз
Заманиха	— женщина, заманивающая мужчин в укромное место, где их грабят ее сообщники

Замести	— 1: забрать приглянувшуюся вещь, 2: убрать с дороги, 3: задержать, арестовать
Замочить	— 1: зарезать, 2: убить
Замочить жело	— выпить спиртное
Замочить ноги	— обнаружить себя при совершении преступления
Замочить рога	— 1: отстаивать свою позицию, стоять на своем при допросе, 2: выдать, предать
Заначка	— тайник
Заноза	— любовница
За ниткой	— за государственной границей
Заныкать	— 1: украсть, 2: спрятать
Занюханый	— 1: грязный, затасканный, 2: наркоман-хроник
Занятая барышня	— пищащая машинка
Западло	— унижительно
Запал	— провал
Запалиться	— оказаться задержанным с поличным
Запариться	— забыть
Запарка	— ошибка
Запасти	— высмотреть работника милиции, ведущего слежку
Запеть паровозом	— идти по делу главарем
Запивохин	— алкоголик
Записать	— зарезать
Записаться в мужики	— перестать вести преступную жизнь и начать работать
Заплот	— ограда

Запороть медведя	— вскрыть сейф
Заправлять	— говорить неправду, вилить в разговоре, запутывать
Запрячь	— застать на месте преступления
Запылить	— быстро уйти
За речкой	— далеко от дома
Зарик	— кубик для игры в нарды
Зарисовать	— запомнить внешность
Зарядить	— умело соврать
Зарядить динаму	— продать краденое, а соучастнику сказать, что отобрала милиция
Зарядить медведя	— совершить кражу из сейфа или денежного ящика
Заряжать пушку	— рассказывать анекдоты
Заряженная	— беременная
Запускать арапа	— лгать
Запускать дурашку	— совершать половой акт
Засаживать фуфло	— обманывать, мухлевать
Засветиться	— обнаружить себя, выдать себя
Засмолить	— застрелить
Засопливеть	— заболеть венерической болезнью
Засохнуть	— прекратить совершать преступления
Застегнуть	— расстегнуть пуговицы пальто жертвы при карманной краже
Застеклить	— выставить окно в оконной раме и через него проникать в помещение

Застремить	— 1: вовремя увидеть постороннего при охране соучастников, совершающих кражу, 2: обнаружить что-то важное при наблюдении
Застукать	— поймать, уличить
Засыпаться	— попасться
Затариваться	— обеспечиваться
Заторчать	— захмелеть
Заточенные стирь	— меченые карты
Заточка	— остро заточенный металлический предмет
Затруха	— болван
Затруханый	— онанист
Затыренное	— надежно спрятанное краденое
Зафаловать	— уговорить
Зафинтилить	— ударить по лицу
Захарчованный чумак	— человек, который выдает себя за знатока воровских обычаев и традиций
Захезанный	— загаженный, грязный
Захлопнуться	— остаться на месте кражи, не имея возможности выйти из помещения
Захоботать	— задержать
Заход гнилой	— хитрый подход
Заходить с севера	— задавать на допросе вопросы, изобличающие в совершении преступления
Зачирикать	— начать давать показания
Зачушить	— оскорбить, унижить
Зашибить	— убить

- Зашухарить** — 1: предать, 2: проболтаться на допросе, 3: задержать на месте преступления
- Заяц** — уводящий преследователей по ложному следу
- Зверек** — человек нерусской национальности
- Звонарь** — 1: болтун, 2: собака, 3: сторож, 4: телефон
- Звонить** — 1: говорить неправду, 2: отбывать наказание
- Звонковая статья** — статья, на которую не распространяется возможность условно-досрочного освобождения
- Звонок** — 1: болтун, 2: ключ от замка, 3: ученик вора, 4: конец срока лишения свободы
- Звякать** — 1: доносить на кого-либо, 2: оговорить
- Зекать** — 1: следить за кем-либо, 2: смотреть, 3: озираться
- Зеленка** — высшая мера наказания
- Зеленая конференция** — 1: пьянка в лесу или парке, 2: поездка в лес для проведения воровской сходки
- Зеленые** — воровская группировка (масть), не признающая никаких норм поведения, грубо нарушающая режим ИТУ
- Зеленый** — 1: вор-новичок, 2: солдат, 3: неопытный воришка

Зеркало	— экран телевизора
Зимагор	— 1: бродяга, 2: представитель общественности
Зинзибер	— самогон, спирт
Змееныш	— ловкий, худощавый вор-подросток, проникающий в помещение через форточку
Змей	— 1: болезненно самолюбивый человек, 2: вредный человек, 3: вор
Змейка	— 1: браслет, удавка, 2: пригородный поезд, электричка, трамвай, 3: тонкая стальная пилка, которой перепиливается решетка камеры
Змея	— 1: татуировка, 2: поезд
Золотарь	— 1: скупщик краденых вещей, 2: ювелир
Золотая рота	— 1: бродяги, 2: нищие
Зонтарь	— проникающий в помещение через сделанный в потолке пролом или подставляющий зонтик, чтобы с потолка на пол не падала штукатурка
Зонтик	— крышка от параша
Зонтиком накрыться	— пропасть
Зуботычка	— 1: прокурор, 2: инспектор уголовного розыска
Зуктер	— 1: доносчик, осведомитель, 2: инспектор уголовного розыска, 3: сыщик
Зусман	— холодно

Зухлить	— замечать
Зырки	— глаза
Зырить	— смотреть
Зэк	— заключенный
Зюга	— двушка
Зяблик	— трус

И

Иван	— 1: бродяга, скрывающий свое имя, 2: вор, находящийся на нелегальном положении, 3: главарь преступной группы, скрывающий свою фамилию, имя и отчество, 4: осужденный, подчинивший себе сокамерников, 5: азартный игрок из осужденных
Игла	— 1: медицинский шприц, 2: мужской половой член
Иголка	— стилет
Иголки	— стекла
Игра на гитаре	— взламывание сейфа с помощью специального воровского инструмента — <i>Гитары</i>
Игра на глаз	— игра краплеными картами
Игра на рояле	— снятие отпечатков пальцев

- Игра на три косточки** — игра в карты, в процессе которой разыгрывается жизнь другого человека, неудобного данной воровской группировке. Проигравший должен его убить
- Играть на зубариках** — голодать
- Играть на скрипке** — 1: перерезать вены, 2: распиливать решетку камеры
- Играть на флейте** — совершать орогенитальный контакт
- Играть на баяне, пианино, рояле** — дактилоскопироваться
- Играть по пятому номеру** — симулировать психическое заболевание
- Игрушка** — пистолет
- Игрушки** — деньги, выигранные шулером
- Идти в несознанку** — отказываться от причастности к преступлению
- Идти в побег** — бежать
- Идти в темную** — совершать кражу без предварительной подготовки
- Идти в темную на шубу с клином** — брать на себя преступление, совершенное другими лицами, не зная обстоятельств его совершения
- Идти кататься** — идти играть в карты
- Идти менять судьбу** — бежать из мест заключения

Идти на громкую	— идти на кражу, имея при себе огнестрельное оружие
Идти на кота	— ограбить жертву с помощью соучастницы
Идти на мокрое дело	— решиться на убийство
Идти на складку	— решиться на убийство
Идти на сухаря	— уходить от ответственности
Идти на утюг	— заводить знакомство с иностранцем, чтобы обворовать его
Иква	— документ
Иклы	— зубы
Икона	— 1: правила внутреннего распорядка в ИТУ, висящие в рамке на стене: 2: форточка, 3: фотоснимок
Иметь в виду	— 1: рассчитывать за причиненное оскорбление, 2: игнорировать
Иметь форс	— обладать крупной суммой денег
Индюк	— 1: внутрикамерный осведомитель, 2: пожилой мужчина, имеющий при себе крупную сумму денег и ищущий успеха у женщин легкого поведения
Исповедь	— допрос
Исполнитель	— опытный карточный игрок, шулер

К

Кабан	— автобус
Кабур	— подкоп под стену или пролом стены
Кабурка	— камера в вытрезвителе
Кабурщик	— вор-взломщик
Кагалом	— группой, все вместе
Кадр	— приятель
Кадрить	— добиваться близких отношений
Кадыком стучать	— шуметь
Казак	— контролер в ИТУ
Казать масть	— дать понять, к какой воровской группировке принадлежишь
Казна	— тюремная одежда
Каин	— скупщик краденого
Кайф	— удовольствие
Кайф ловить	— испытывать удовольствие
Кайф сорвать	— испортить настроение
Калач	— большой висячий замок
Калган	— голова
Калечить	— обкрадывать
Калякать	
на рыбьем языке	— говорить на жаргоне
Камни	— бриллианты
Камок	— комиссионный магазин
Канат	— цепочка из благородного металла
Канать	— идти
Канать в мойку	— идти в столовую
Канать на хвосте	— следить за кем-нибудь
Канать по делу	— привлекаться к уголовной ответственности

- Канать по-новой** — повторно привлекаться к уголовной ответственности
- Кандей** — штрафной изолятор
- Кант** — отдых, безделье
- Кантовать бревно** — оказывать помощь карманному вору, поворачивая жертву таким образом, чтобы было легче ее обворовать
- Капнуть на жало** — дать взятку работнику милиции или ИТУ
- Капорщик** — ворующий шапки или шляпы
- Капуста** — деньги
- Кар** — мужской половой член
- Карандаш** — 1: лом, 2: нож, 3: подхалим
- Карасей ловить** — очищать отхожее место
- Карась** — богатый клиент
- Караулки** — глаза
- Картинка** — подлинный паспорт
- Картинки** — 1: игральные карты / валет, дама, король /, 2: статьи Уголовного кодекса, по которым осужден преступник
- Карточка** — лицо
- Кассир, кассит** — взломщик несгораемых шкафов и денежных ящиков
- Катала** — игрок
- Катать** — 1: играть в азартные игры, 2: обворовывать
- Кататься** — совершать карманные кражи в городском транспорте

Катафалк	— татуировка на пальце
Качаться в киче	— находиться под следствием
Келья	— комната, где курят опиум
Кемарка	— ночлежка
Кенаф	— гашиш
Кентоваться	— дружить
Кентора	— друзья, приятели
Кера	— выпивка
Керзуха	— перловая каша
Керогаз	— пистолет
Керосин	— вино, слабые спиртные напитки
Керосинка	— санчасть в ИТУ
Кидануть	— 1: не вернуть взятое в долг, 2: обокрасть
Кидать лоща	— льстить
Кидняк	— обман, мошенничество
Кикер	— кокаин
Кимарить	— спать
Ким держать	— спать
Кижма	— пиджак
Кипер	— поджог
Киперщик	— поджигатель за вознаграждение
Кирюха	— собутыльник-приятель
Киса	— 1: кисет с табаком, 2: портмоне, 3: кошелек, 4: обращение к девушке, женщине
Кипиш	— драка
Кирпич	— 1: контролер по надзору за осужденными, 2: форточка двери камеры, 3: бриллиант
Кирша	— сало

Китобой	— осужденный за бандитизм
Киф темный	— расправа с сокамерниками
Кишка	— обжора
Киш-миш	— тюрьма
Кишлак	— наркотики
Клевер	— гашиш низкого качества
Клеить дело	— обвинять в совершении преступления
Кликуха	— прозвище, кличка
Клифт	— пиджак
Клоп	— 1: комнатный электровыключатель, 2: кнопка для звонка
Клопа давить	— выключить свет
Клюква	— церковь, часовня
Клюквенник	— церковный вор
Кляузник	— карандаш
Князь	— вор-рецидивист
Кобелиха	— активная лесбиянка
Кобздец	— конец, смерть
Кобыла	— шприц для инъекции наркотиков
Кованый	— крапленый, меченый
Ковать	— 1: метить игральные карты, 2: обучать воровским приемам
Ковырялка	— лесбиянка
Ковырять серьгу	— взламывать замок
Кодло	— шайка
Кожа	— бумажник
Козырь	— топор

Кокнар, кукнар	— 1: общее название наркотиков, 2: кокаин, 3: размельченные головки опийного мака, подготовленные для приготовления настоя
Кол	— рубль
Колеса	— таблетки, содержащие наркотические вещества
Колеса катить	— идти
Колесо вертеть	— лгать с целью получить показания
Колокольчик	— собака
Колы	— деньги
Командировка	— лагерь
Комиссар	— мошенник, выдающий себя за работника милиции
Компот	— валюта
Конверт	— 1: гроб, 2: тюрьма, 3: узел с вещами
Кондуктор	— босяк
Конец мочить	— совершать половой акт
Кони	— сапоги, рабочие ботинки
Конь	— почта, переписка между заключенными в ИТУ
Кент	— преданный друг, надежный соучастник
Контра	— 1: женщина, 2: участковый инспектор
Конюшня	— преступная группа
Копилка	— женский половой орган
Корзина	— пожилая женщина
Кормушка	— рот человека
Коро, корье	— пиво
Король	— главарь
Короб	— живот

Коробка	— 1: паролод, 2: пассажирский поезд
Короед	— несовершеннолетний преступник, отбывающий наказание в ВТК
Костер	— город
Костюм	— гроб
Косуха, костыня	— тысяча рублей
Кот	— любовник
Котлетки	— деньги в банковской упаковке
Коцаный	— меченый
Коцы	— валенки с обрезанными голенищами
Кочегар, кочет	— активный гомосексуалист
Красноперый	— охранник
Красуха, красучка	— товарный вагон
Краснушник	— ворующий из товарных вагонов
Крестить	— судить
Крестьяне	— вши
Кровосос	— добытчик наркотиков
Кровь	— личное имущество
Крокодил	— поезд
Крот	— делает подкоп за вознаграждение, но сам побег не совершает
Кругленький	— миллион рублей
Круглый	— год
Крутить бейцалы	— морочить голову
Крутить вола	— обманывать
Крутить колесо	— сбывать гашиш низкого качества
Крутить поганку	— делать зло окружающим
Крутить сидора	— воровать ручную кладь
Крутяк	— большая, чрезмерная доза наркотика

Крылья	— руки
Крыска	— заключенный, ворующий в ИТУ
Крытая	— тюрьма
Ксива, ксивы	— записка, письма, документ, удостоверяющий личность, паспорт
Кудрявый	— лысый
Кукла	— подлог
Кумар	— состояние наркотического опьянения
Кумовка	— осведомитель
Кукушка	— 1: осужденный, помогающий администрации ИТУ, 2: постовой милиционер, сторож, часовой
Кумекать по-свойски	— соображать, понимать воровской жаргон
Купить розочку	— заболеть венерической болезнью
Курок	— тайник
Курорт	— 1: колония, 2: тюрьма
Курица с цыплятами	— пистолет с патронами
Курятник	— спальное место во втором ярусе
Кус	— доля краденого
Кусманить	— попрошайничать
Куцак	— обрез
Кучер	— вор
Кучерявиться	— улыбаться
Кучерявка	— удача
Кучумать	— находиться в состоянии апатии после окончания наркотического опьянения

Л

Лабать	— играть на музыкальном инструменте
Лавка	— магазин
Лавочка	— незаконная сделка
Ладура	— свадьба
Лажа	— ерунда, чепуха
Лажевый	— плохой, ненадежный человек
Лайба	— 1: автомашина, перевозящая «левый» груз, 2: шприц для инъекции наркотиков
Лакша	— полная неудача
Лакшут	— домино
Ландать	— идти к кому-либо
Ландирки	— конфеты
Линка	— женщина легкого поведения
Лапа, лапошник	— взяточник
Лапка	— часть воровского инструмента, используемая для вспарывания сейфа
Лапотник	— бумажник
Лапти сплести	— привлечь к уголовной ответственности
Ласкать	— воровать
Ласо	— мыло
Ласточка	— проститутка
Лахман	— прощение карточного долга
Лахудра	— проститутка низкого пошиба
Лашар	— кожаный ремень
Лашла	— враг

Лащить	— лстить, подхалимничать
Лафа	— удача, везение
Лебезятник	— ворующий у пьяных
Лед	— сахар
Лежка	— преступление
Лепила, лепило	— медицинский работник
Лепить	— говорить неправду
Ловер	— 1: наблюдение, 2: простак
Лизуха	— корова
Лимонить	— не возвращать проигранное
Линза	— витрина
Линковые сары, липовые сарги	— фальшивые деньги
Линять	— уходить
Липа	— подделка, фальшивка
Липуха	— печать
Лиса, лисичка	— складной нож
Литер	— 1: инспектор уголовного розыска или оперативной части, офицер в форме, 2: лейтенант
Ловить мандраж	— трусить
Ловить мышей	— 1: быть в форме, 2: раздевать пьяных
Ломать	— вытаскивать, проверять
Ломать вытерку	— проверять проездные документы
Ломать ксивы	— проверять документы, удостоверяющие личность
Ломать проблемы	— спорить
Ломать вязы	— переломать позвоночник
Лопануть	— украсть бумажник
Лопатник	— кошелек
Лоретка	— проститутка
Лох	— глупый человек

Лоханка	— табакерка с кокаином
с кикером	— изнасилование
Лохматая кража	— сапоги
Лошади	— подхалимничать
Лощить	— электрическая лампочка
Луна	— грабитель-одиночка
Лунатик	— зеркало
Люстра	— женщина легкого поведения
Лялька	— китаец или кореец
Лямлю	— 1: доносчик, 2: сотрудник милиции
Ляпыш	— 1: воровка, выдавшая соучастников, 2: брань
Лярва	

М

Магазуха	— магазин
Маз	— главарь шайки
Маза	— круговая порука
Мазел	— узелок
Мазурик	— карманный вор
Майдан	— вагон, поезд, вокзал, перрон
Майданник	— ворующий в поездах
Макар	— неизвестный преступник
Маклер	— поддельвающий справки, чеки, редко — деньги
Мальчик	— ключ
Мальчики	— 1: отмычки, 2: пальцы рук
Маляр	— защитник
Мама	— женщина, возглавляющая преступную группу

Мамона	— осужденный, не примкнувший ни к одной из группировок
Мандруха	— пища
Манжеты	— наручники
Марафет	— кокаин, морфий
Марафетчик	— 1: наркоман, 2: содержатель притона наркоманов
Маруха	— 1: женщина, имеющая непосредственную связь с ворами, 2: проститутка
Маргаритка	— пассивный гомосексуалист
Марьянка	— общее название наркотиков
Марку держать	— совершать карманные кражи в городском транспорте
Маршал	— бригадир в колонии
Маршрут	— мешок с продуктами у беглеца
Маслина	— пуля
Маслята	— патроны
Масол	— военный
Мастак	— шулер
Мастернуть	— нанести ножевое ранение
Масты	— носильные вещи
Мастырка	— 1: заточка, 2: членовредительство
Масть	— 1: категория осужденных, 2: клеймо, 3: удача, везение
Матрена	— завод, фабрика
Матузиться	— крутиться около кого-либо
Махлак	— спекулянт
Махно	— бывший вор

Махновец	— грабящий всех подряд, в том числе и воров
Медвежатник	— взломщик сейфов
Мелодия	— отделение милиции
Мести искру	— горячиться
Микруха	— подросток, связанный с ворами
Минжевать	— бояться, трусить
Митрополит	— 1: главарь, 2: председатель суда
Митюха	— разиня
Мичуринская прививка	— членовредительство
Мозоль	— колхозник
Мокрушник	— убийца
Молитва	— инструктаж
Молния	— зажигалка
Молочко от бешеной коровки	— самогон
Монах	— винная посуда: одна бутылка
Монцерато	— мануфактура, ткань
Мора	— цыган
Мордогляд	— зеркало
Мортовать	— думать
Моссер	— осведомитель
Мотать душу	— допрашивать
Мотать срок	— 1: отбывать наказание, 2: определять меру наказания
Мультики	— галлюциногенные лекарственные препараты / ЛСД, цикладон и др. /
Мундштук	— револьвер
Мусафеид	— водка высшего качества
Мутовка	— избиение
Муха	— пуля

Мушка	— 1: приговоренный к высшей мере, 2: татуировка
Мытая	— лезвие безопасной бритвы
Мышеловка	— ИВС
Мюллер	— начальник оперчасти в ИТУ

Н

Набздюм	— вдвоем, на двоих
Наблатыкаться	— освоиться, уверенно себя чувствовать
Набойщик	— соучастник мошенничества
Набор костей	— ладонь
Набушмаченный фрайер	— человек, хорошо знающий воровские обычаи и традиции, но не принадлежащий к ворам
Навар	— барыш, прибыль
На газах	— под хмельком
Наглухо, наглухаря	— насмерть
Награнтовать	— награть в людном месте
Накидыш	— нож с выбрасывающимся лезвием
Накипь	— тюремная аристократия
Наконечники	— перчатки
На кукане	— под наблюдением
Налить как богатому	— сильно избить
Налить парафину	— оклеветать, оговорить

На лицо перевернуть	— обнаружить настоящую фамилию
На луне	— расстрелян
Намыливать	— дактилоскопировать
Нарисовать	— запомнить
Наседка	— внутрикамерный осведомитель
На складку	— идти на убийство
На собачку брать	— усыплять кокаином или морфием
На фарт ходить	— заниматься проституцией
На фуру	— непрочнo
Нахал	— троллейбус
Нашкодить	— бить при краже
На шушу	— кража у лиц, разговаривающих на улице
Невод	— решетка на окне
Невестка	— подушка
Незабудка	— медвытрезвитель
Незеть не корова	— ничего не говорить
Неклява	— не говорить
Некс	— нет
Несчастный	— проживающий по чужому адресу
Несчастье	— огнестрельное оружие
Нефеля канючить	— выпрашивать остатки крепко заваренного чая
Нитку рвать	— переходить границу
Нишфа	— окно
Нож	— мужской половой член
Нож поточить	— совершить половой акт
Нутряк	— 1: внутренний карман, 2: внутренний замок
Нухгир	— получающий долю от крупных карманных краж

Нычка	— тайник
Нямлить	— понимать
Няня	— хлеб

О

Обезьяна	— 1: зеркало, 2: наркотик
Обесцененный	— ограбленный
Обиженка	— пассивный гомосексуалист
Обозваться	— поклясться (например, «Легавым буду»)
Обкатать	— приручить к воровскому миру
Облако	— внутренний карман
Облом	— неудача
Обоюдка	— лесбиянство
Обрыв	— побег
Обушинский	— топор
Обшаманить	— обыскать
Объявление	— висячий замок на двери
Овес	— деньги
Овца	— свидетельница
Огорчиться	— напиться самогона или суррогата вина
Одеяло	— паспорт
Один на льдине	— воровская масть: вороводиночка в колонии
Однокорытник	— сокамерник
Одноходка	— квартира с одним выходом
Ожбаниться	— напиться
Оказист	— мелкий вор

Окрестить	— соскоблить граверную надпись на украденной вещи
Окусываться	— оглядываться
Опетушить	— совершить акт мужеложства
Оправи́лы	— документы, удостоверяющие личность
Орехи	— патроны
Отваить коннит вежанет	— за нами следят
Отвернуть, отвертеть	— украсть
Отвертка	— обман
Отец	— 1: ростовщик из осужденных, 2: главарь преступной группы, сбывающей наркотики
Отец с сыновьями	— револьвер с патронами
Открыть шлюзы	— заговорить на допросе
Открытка	— незапертая квартира или магазин
Отсиженные	— краденые вещи, долго пролежавшие в тайнике
Отсиженная зараза	— надежно спрятанные наркотики
Отстать	— быть посланным на поселение
Отталкиваться	— принимать пищу
Отчаянный	— случайный преступник, совершающий преступление из-за нужды
Отымалка	— кепка с маленьким козырьком
Отфаловать	— изнасиловать
Отходняк	— похоронная музыка

Охотник	— профессиональный нищий
Очкарь	— вор, проникающий через выдавленное оконное стекло
Очкист	— проникающий в квартиру через форточку
Ошармачить	— обокрасть, обмануть
Отшить статью	— снять судимость
Очко играет	— трусить, бояться
Ошмонать	— обыскать
Ошмульнуться	— побриться

П

Пайка	— порция хлеба
Паковщик	— шулер высокой квалификации
Паломник	— ворующий с прилавка или полка с помощью сообщника, отвлекающего продавца
Пан	— наркотик высшего качества
Панчук	— главарь преступной группы, связанной с изготовлением и продажей наркотиков
Папа	— начальник отряда
Парафин	— клевета, оговор
Паренка	— крепко заваренный чай с сахаром
Парижанин	— приезжий из сельской местности

Паровоз	— лицо, заявляющее, что преступление совершил он один, без сообщников
Парчушка	— выдающий соучастников
Пассажир	— жертва в шулерской игре
Патриарх	— председательствующий в суде, судья
Пегасик	— окурок
Пельмени	— ушные раковины
Перегородка	— игральная карта
Перелом	— момент, когда при краже бумажник выпадает из кармана жертвы
Переть	— проявлять агрессивность
Перетырка	— передача краденого
Пержик	— нож
Перо	— нож
Персидский ковер	— пол в камере или бараке
Перстень	— замок
Песочник	— мошенник, продающий бронзовые опилки за золотой песок
Петушатник	— камера, в которой занимаются мужеложством
Петь	— 1: говорить, кричать, 2: доносить, 3: сознаваться
Пианино	— станок для дактилоскопирования
Пика	— 1: самодельный нож с узким лезвием, 2: мужской половой член
Пила	— татуировка на пальце
Пильнуть	— сбыть
Пики	— ноги
Пирожок	— пайка хлеба
Писать, писануть	— разрезать карман жертвы
Пиши ширму	— режь карман

Пиявка	— отмычка
Плевательница	— пистолет, винтовка
Плетень	— луна
Плешивый	— врун
Плешить	— сбить с толку
Плывать	— 1: сознаться, 2: совершить побег
Плюнуть	— застрелить
Побуждать	— избить ногами
Подбивать клинья	— проявлять знаки внимания по отношению к лицу другого пола
Подводная лодка	— селедка
Поджиг	— самодельный пистолет, самопал
Подкаганить	— испортить
Подкидка	— обман с кошельком на улице
Подковка	— милиция
Подколоть	— ударить ножом
Подкуртить	— поймать при побеге
Полатать	— заработать
Подмастерье	— подделывающий подписи
Подмутить	— спровоцировать скандал и избить
Подпалиться	— попасться на месте преступления
Подпырщик	— подстрекатель
Подружка	— собака, используемая для поиска наркотиков
Подсидчик	— подменивающий чемоданы у доверчивых пассажиров
Подснежники	— дети
Подсолнух	— золотые часы
Подставка	— соучастник

Подхвост	— помощь при краже или сбытии краденого
Поздравить	— неожиданно ударить
Поздравить дождевиком	— ударить булыжником
Поздравить с добрым утром	— совершить кражу, воспользовавшись тем, что хозяева забыли запереть на ночь входную дверь
Пожар	— задержание на месте преступления с поличным
Поймать львенка	— обокрасть или обмануть богатого человека
Поймать туза	— быть осужденным
Показать тело	— осмотреть врага
Показуха	— ордена и медали
Ползун	— совершающий кражи в поездах
Полнокровный	— имеющий при себе много денег
Полностью без размена	— отбыть весь срок наказания
Полный горюх	— угрозыск все узнал по делу
Полтинники	— глаза
Полуковровка	— знающий воровской жаргон
Помазать	— поспорить
Помазок	— старшина взвода охраны
Помыть	— обокрасть
Помыть фары	— порезать глаза лезвием бритвы
Понедельник	— 1: слабоумный, 2: кувалда
Пономарь	— хвастун

Понт бить	— 1: возмущаться, изображать честного человека с целью отвести подозрения, 2: набивать себе цену
Понт крепкий	— жертва, не бывшая в переделке у шулеров
Понючить на цифры за дурь	— сторговаться за партию гашиша
Поп	— политработник
Попасть в рай	— отбывание наказания за содержание притона наркоманов
Попасть за ширму	— отбывать наказание за употребление наркотиков
По пассажиру стрелять	— просить милостыню
Попка	— часовой
Порт	— кошелек, портмоне, портфель
Порчило	— молодой, неопытный вор
По рыхлому	— быстренько
Поскрипуха	— корзина
Посолить	— порезать
Подсунуть дудку	— украсть огнестрельное оружие
Посыпать	— передать
Посыпуха	— сахарный песок
Поторопиться	— напиться допьяна
По фене ботать	— говорить на воровском жаргоне
Почта	— сведения об опасности
Почтовый ящик	— 1: место заключения, 2: общая уборная
Пошевелить	— избить для острастки
Прагоря	— сапоги

Президент	— главарь
Прелки	— носки
Пресс	— пачка денег
Претендатель	— потерпевший
Приварок	— доход, прибыль
Привести для продажи	— в момент кражи подста- вить работникам милиции кого-то вместо себя и скрыться
Пригласить врача	— исколотить
Прижмотить	— убить
Прилуниться	— зайти в ресторан
Примочка на пуп	— самосуд
Принять девять грамм	— получить высшую меру наказания — расстрел
Припас	— кастет
Припаять	— добавить
Припухнуть	— быть задержанным или арестованным
Пристебай	— подхалим
Пристяжь	— обработанная вором-ре- цидивистом молодежь, которая подражает ему и следует за ним, покидая своих родных
Притемнить	— ударить кулаком по голо- ве, приведя в бессозна- тельное состояние
Притопить	— загораживать карманника во время совершения кражи
Прифогать	— прикурить
Прихериться	— притвориться пьяным или спящим
Прихлопнуть	— обмануть

Пробирей	— мошенник, подделывающий пробы и клейма
Пробить барабан	— совершить ночную кражу
Проверить талию	— сыграть в карты
Проволока	— пальцы
Проволока тонкая	— ловкий карманный вор
Продергивать на шарманке	— пить спиртное за чужой счет
Прозвон	— взлом
Пролить слезу	— попасться на месте преступления
Промокашка	— несовершеннолетняя проститутка
Пропулить	— сбыть краденое
Прошка	— нюхательный табак
Профура	— проститутка
Прялка	— велосипед
Псевдо	— кличка
Пурга	— бессмысленный разговор
Пустить сквозняк	— обмануть
Пустить парашу	— распространить ложные слухи
Пустить петушка	— поджечь
Пустить шмеля	— залезть в карман за кошельком
Пушка	— пистолет
Пхень	— 1: брат, 2: сестра
Пыжик	— наркоман
Пыхвара	— базар
Пыхнуть	— принимать пищу
Пятерня	— краденые вещи
Пятый угол	— безопасное место при скандале или драке
Пять-шесть	— испуг
Пятихатка	— пятьсот рублей

Р

Рабосить	— работать
Работать	— совершать преступление
Работать на малину	— подсыпать жертве в спиртное снотворное, а затем ее обворовать
Разбить	— вытащить из кармана или сумки жертвы деньги
Разборка	— выяснение отношений, самосуд
Разгонщик	— рэкетир
Разменять	— 1: убить, 2: расстрелять
Размыть	— разрезать
Разначенный	— открытый
Разнуздать звякало	— распустить язык
Разоблачить	— раздеть
Рак	— 1: инструмент для вспарывания сейфов, 2: бык
Рамка простая	— отмычка
Рапира	— нож
Раскалывать	— добиваться признания вины
Раскрутить	— увеличить срок наказания
Раскрутка	— повторное следствие
Раскулачить сидора	— украсть большую сумку (рюкзак) с вещами
Расписка	— лезвие от безопасной бритвы или небольшой нож: орудие карманного вора

Расписной	— человек, у которого много татуировок
Рассыпуха	— кокаин
Расчухаться	— понять
Рванный	— рубль
Рвач	— вырывающий из рук деньги и вещи
Рвотка	— инструмент для вспарывания сейфов или денежных ящичков
Редиска	— ненадежный человек
Резидент	— снабжающий наркотиками
Ремарки	— фальшивые деньги
Рисунок	— неискренний
Робот	— закрывающаяся дверь
Рог	— тупой человек
Рубить	— знать
Рубить бока	— срезать часы
Рубить капусту	— убежать
Рукошуй	— нищенская сумка
Рыбинка	— симпатичная молодая женщина
Рыгаловка	— столовая
Рыжа	— золото
Рыкло	— обманщик
Рысь	— старый вор-рецидивист, хитрец
Рябуха	— такси
Рябчик	— 1: флотская тельняшка, 2: рубль, 3: наряд на работу вне очереди

С

Садка	— остановка
Сазан	— объект карманника
Сак	— бездельник
Саксон	— финский нож
Салазки	— глаза
Самородок	— 1: домработница, 2: вор из числа обслуживающего персонала гостиницы
Самруб, самосвал	— 1: шприц для инъекции наркотиков, 2: крепкий самогон
Сандаль	— сейф
Сблочить	— снять с жертвы при грабеже носильные вещи, часы, украшения
Сбоку два	— внимание, за тобой следят
Сбоку три	— осторожно, рядом надзиратель
Свекруха	— секретный сотрудник
Светлячок	— бесстрашный
Светух	— картежник
Свечка	— автомат, винтовка, карабин
Свечки	— прожектора, освещающие контрольно-следовые полосы в местах заключения
Своеручный	— фальшивый паспорт
Свой в доску	— надежный человек
Сгрунтовать	— наметить план действий
Сдать	— 1: предать, 2: выдать соучастника

Сдать барахло на блат	— дешево продать краденое
Сдать в стирку	— проиграть в карты
Северок	— туалет
Селянить	— следить
Семашко	— вошь
Семафор	— группа воров одной «специальности»
Семерки плести	— 1: врать, 2: оговаривать
Сесть на крест	— лечь в больницу
Сесть на фонарь	— ждать
Сибируха	— старуха
Сидка	— срок лишения свободы
Силипнуть	— убить
Силос	— овощи
Синеглазка	— автомашина ПМГ
Синяк	— тунеядец, любитель легкой жизни
Синяя шапочка	— порвавший с преступным миром
Скакать	— воровать в городском транспорте
Скамейка	— лошадь
Скачок	— кража наудачу, без предварительной подготовки
Скачок-самородок	— крупный взломщик
Скважина	— проститутка
Скворешник	— рот
Скипа	— какая-либо печка
Скипидарный	— вспыльчивый
Сковородка	— летняя танцплощадка, где встречаются воры и проститутки
Скок	— кража со взломом
Скорпионы	— дети
Скотить	— доказать

Скрипка	— пила для перепиливания решеток
Скрепки	— наручники
Слам	— 1: доля добычи, 2: дружба
Слам антихриста	— взятка милиции
Слам на выручку	— взятка участковому
Слам фараона	— взятка крупному сотруднику милиции
Слепой ландон	— соучастник мошенничества, не подозревающий, что он служит мошенничеству (невольный соучастник)
Слизать	— получить удар по лицу
Слон	— специальная отмычка для замка, в который с внутренней стороны вставлен ключ
Смазать мушку метелке	— ударить по лицу милиционера
Смешной табак	— гашиш
Смычки	— руки
Сова	— ночной милиционер
Солонка	— отделение для приговоренных к высшей мере наказания
Сороковать	— оставлять доесть или докурить
Соха, сохатый	— мелкий воришка
Спалить хату	— разоблачить в совершении преступления
Спихивать	— наносить ножевые ранения
Справилы	— надежные документы
С прихвата	— брать за глотку при грабеже

С прозвоном	— со взломом
Спугнуть воробья	— взломать висячий замок
Спугнуть голубей	— украсть белье
Срисовать	— запомнить кого-либо
Ссученный	— доносчик на своих
Ставни	— 1: веки, 2: ресницы, 3: очки
Старший дворник	— прокурор
Стачка	— сделка
Стебать	— драться
Стирка	— письмо
Сиремить	— стоять на страже сообщников при совершении преступления
Струны	— патроны
Стуколка	— 1: проститутка, 2: часы, 3: гвоздь
Ступка	— лошадь
Судак	— член суда
Сумка	— место лишения свободы
Сундук	— человек, не знающий, что имеет дело с ворами
Суслик	— мешочек
Сухари	— ничего, не беда
Сушилка	— тюрьма
Сходка	— собрание
Сыпать	— доносить
Сыроежка	— ворующий только продукты
Сыч	— 1: следователь, 2: квартирный вор
Съем	— конец работы
Съемщик	— наводчик
Сюжет	— жертва

Т

Тальянку ломать	— скитаться ночью по улице, не имея ночлега
Танк	— наглец
Танкист	— бродяга, ночующий в канализационных люках
Тарочки	— папиросы
Тащить	— понимать
Тащить нищего по мосту	— петь заунывные песни, ныть
Телаж	— телогрейка
Телевизор	— 1: шкаф в камере, 2: тумбочка для продуктов
Телка	— девка
Тепляк	— пьяный
Темнуха	— вранье
Терлово	— потаскуха
Техник	— совершающий карманные кражи из предварительно разрезанных карманов или сумок
Тибетчик	— любитель женщин
Тики-так	— одобряю, все хорошо
Тимофей	— лицо, приводящее в исполнение смертный приговор
Тики-мити	— деньги
Тихоход	— вор-одиночка
Тихушник	— кладбищенский вор
Тише дышать	— не говорить лишнего
Толкнуть	— сбыть, продать
Толычай	— военный служащий
Топка	— желудок
Торгуй шкеры	— воруй из кармана брюк

Трамвайчик	— скамейка
Трекнуться	— догадаться
Трифон	— мешок
Тройножка	— часть инструмента, используемого для вспарывания сейфов
Троллейбус	— человек в очках
Трубочист	— гомосексуалист
Трюм	— карцер
Тряпка	— бумага
Трясучка	— цепочка для часов
Тумак	— бестолковый человек
Туфля	— взятка
Туфта	— обман
Тухтун с вертуном	— автомобиль с водителем
Тюльпан	— недоразвитый осужденный
Тяжеловес	— особо опасный преступник, убийца
Тянуть	— спорить
Тянуть срок	— отбывать наказание

У

Уборка	— похороны
Угол	— чемодан, корзина
Уголовка	— угрозыск
Ударить	— украсть
Удостоверение личности	— пистолет
Укусить	— поймать на слове
Усик	— хулиган
Утренник	— дачный вор
Утюжить	— спекулировать

Уходить во льды — совершать побег
Ушибать — избивать

Ф

Фабрика — место, где самодельно изготавливаются наркотические вещества

Фазан — 1: китаец, 2: молодой, неопытный вор

Фактория — место сбыта наркотиков

Фаныч — бак

Фарамозон — мошенник, продающий шлифованное стекло за бриллианты

Фарт — удача, счастье

Фартыпер — предмет, которым вор-карманник прикрывает руку при краже

Фаршмак — негодяй

Феня — тюремный и воровской жаргон

Фигаро — парикмахер в ИТУ

Физика — лицо

Фиксолить — доносить на кого-либо

Филин — надзиратель в ИТУ

Фильда — трехзубчатая отмычка

Фланер — бездельник

Флюгер — нос

Фолин, фомич, фомик, фомка — воровской инструмент, используемый для взлома преграды при кражах

Фортанцер — скупщик краденого

Форточка	— рот
Форточник	— вор, проникающий в помещение через форточку
Фугас	— жалоба
Фургон	— фуражка, шапка
Футляр	— мешок
Фу-фу	— поджигатель
Фуфло	— ложь, обман

Х

Хабарик	— старьевщик
Хавир	— лицо, незаметно опускающее в случае опасности в карман постороннего украденный кошелек
Хавры	— булка
Хаза	— квартира как место встречи
Хани	— наркотики
Хапа	— удача
Хариус	— женщина как объект полового сношения
Харка	— любовница
Хата	— воровской притон
Хвост	— 1: провинившийся перед соучастниками, 2: слезка
Хвостом шаркнуть	— умереть
Химкина хата	— морг
Химля	— взятка
Хлебные лавочки	— места сбора проституток
Хлим делать	— отправляться на кражу
Хмырь	— повар
Ховыра	— тайник

Ходик	— простой милиционер
Ходок	— перевозчик наркотиков
Ходячий	
по музыке	— вор
Хозяйка	— швабра
Хоровод	— преступная группа, шайка
Хохольник	— карман
Хохоталка	— рот
Хрюкало	— врун
Хумарить	— принимать наркотики
Хумозный	— венерический больной
Хуна	— женщина легкого поведения

Ц

Цигорь	— вор
Цинковать	— 1: незаметно передавать краденое, 2: своевременно подавать сигнал об опасности
Ципер	— верхняя одежда
Цыганская игла	— длинное шило
Цирик	— охранник
Цыйк	— условный пароль
Цыпануть	— дать взятку
Цырлы	— пальцы ног

Ч

Чабан	— начальник отряда в колонии
Чалдонка	— колода самодельных карт
Чалка	— лишение свободы
Чалку одеть	— сесть в тюрьму
Чалый	— неоднократно отбывавший наказание в местах лишения свободы
Чардовать	— красть
Часы	— срок отбывания наказания
Чеканка	— проститутка
Червяк	— карандаш
Череп	— умный
Черемушник	— игра в наперстки
Черно-белое	— чужое имя, паспорт на чужое имя
Черняшки	— желудочные капли, содержащие опий
Чертить	— наносить ножевые ранения
Чертоплешина	— удар
Чеснок	— бывший вор
Чесать лохматого	— врать без зазрения совести
Чибик	— сорок граммов опия
Чиновник	— окурок
Читальник	— пиджак
Чубук	— парень
Чудак	— револьвер
Чукавый	— смекалистый
Чувиха	— девушка
Чума	— 1: проститутка, 2: кокаин, 3: опустившаяся воровка

Ш

Ша	— 1: стоящий на посту милиционер, 2: молчи
Шабловать	— курить самокрутку, начиненную гашишем
Шаболда	— 1: женщина легкого поведения, 2: мелкая воришка
Шавать	— есть
Шан	— гашиш
Шарик	— агент розыска
Шаркун	— подхалим
Шатать	— принимать пищу
Швабра	— проститутка
Шейный пластырь	— удар по шее
Ширма	— предмет, которым прикрываются при карманной краже
Шипеть	— ругаться
Ширево, ширка	— наркотики, вводимые в вену
Шмара	— женщина легкого поведения
Шмаровор	— сутенер
Шнифер	— ночной вор
Шнифт	— окно, стекло
Шоколадник	— осужденный за растрату
Шопнуть	— украсть из заднего кармана
Шорох	— скандал
Шпилер	— отвертка
Штиповый	— бойкий, смелый
Штопать	— грабить
Шуба!	— опасность, угроза
Шумарство	— воровство

- Шхера** — наружный карман
Шхеры — нары в бараке

Щ

- Щелкать клювом** — упускать возможность
Щипач — карманный вор
Щипчики — туфли
Щупать ноги — готовиться к побегу

Э

- Экзамен** — судебное заседание
Экипаж — преступная группа
Эмигрант — беглец из мест лишения свободы
Этапка — пересыльная тюрьма
Этапник — пересыльный заключенный

Ю

- Юлок** — контролер ИТУ
Юрик — вор
Юрсы — тюрьма
Юрцы — 1: нары в бараке, 2: молодые преступники

Я

- Язык** — оперативный работник, следователь
- Яма** — место скупки и хранения краденых вещей
- Яманная бирка** — фальшивый паспорт
- Ясли** — челюсти
- Ячмень** — кошелек

ЛИТЕРАТУРА

Быков В. Русская фея. — Смоленск, 1994.

Вакутин Ю. А. Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки. — Омск, 1979.

Воривода И. П. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом. — Алма-Ата, 1979.

Дубягин Ю. Следующая жертва — ты!.. — М., 1995.

Никоноров М. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной форме преступным элементом. — М., 1978.

Научно-популярное издание

СИМВОЛИКА ТЮРЕМ

*Нравы уголовного мира
всех стран и народов*

Составитель Николай Валентинович Трус

Ответственный за выпуск Л. М. Шейко

Редактор В. Н. Цветков

Корректор Н. В. Доркина

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.11.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая
с ФПФ. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,3. Тираж
26 000 экз. Заказ 992.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск,
ул. Ульяновская, 39-11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034,
Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82.
220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Крас-
ная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

СИМВОЛИКА ТЮРЕМ



**Нравы
уголовного
мира
всех стран
и народов**



Жизнь за решеткой

Нравы уголовного мира
стран зарубежной Европы, США, Азии и России

Этапные тюрьмы

Профессиональные преступники и их положение в уголовном
мире России
Воровская присяга
Блатные законы

Тюремная иерархия

Список наиболее употребимых аббревиатур
Словарь

**И сотни других, навевающих ужас историй
и фактов о тюремном быте, иерархии и символике...**

ISBN 985-437-098-4



90000



9 789854 370989

